

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Деревянко А.П.** Раннепалеолитическая микролитическая индустрия в Евразии: миграция или конвергенция? 2
- Лещинский С.В.** Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское 33
- Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х.** Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское 41
- Лещинский С.В., Машенко Е.Н., Пономарева Е.А., Орлова Л.А., Бурканова Е.М., Коновалова В.А., Тетерина И.И., Гевля К.М.** Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002–2004 годы) 54

ЭПОХА НЕОЛИТА

- Зах В.А.** Периодизация неолита лесного Тоболо-Ишимья 70

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю.** Плитка с антропоморфным изображением с поселения Тыткескень-2 (хронологический и технологический аспекты “торгажакской” традиции на территории Саяно-Алтайского нагорья) 84
- Шевченко Ю.Ю.** Нижние ярусы подземного Ильинского монастыря в Чернигове, игумены обители и “иерусалимский след” в пещерном строительстве 89

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

- Ковалева О.В.** Петроглифы кургана Барсучий Лог 110

ЭТНОГРАФИЯ

- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Глушкова Т.Н., Киреева Е.В., Сутула А.В.** Текстиль Мангазеи (начало XVII века) 117

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

Северо-Западный Алтай: четыре времени года

- Зима.** История туратинских казахов 132

АНТРОПОЛОГИЯ

- Моисеев В.Г.** Краниоскопическая характеристика населения Западной и Южной Сибири скифского времени 145

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- Раиса Павловна Митусова** 153

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 160

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ МИКРОЛИТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ В ЕВРАЗИИ: МИГРАЦИЯ ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ?

Введение

В последние три десятилетия в различных районах Африки и Евразии открыты раннепалеолитические местонахождения, характеризующиеся преобладанием изделий небольших размеров. Эти микроиндустриальные комплексы датируются в широком хронологическом диапазоне – от 2,3 млн до 300 тыс. лет. Их появление пока остается загадкой. Микроиндустрия могла появиться на столь обширной территории в ходе миграционных процессов и (или) независимо в результате изменения адаптационных стратегий древнего человека к меняющимся экологическим условиям, сырью и другим факторам, детерминирующим его культуру, основное содержание и облик индустриальных комплексов. На основании накопленных к настоящему времени фактов мы рассмотрим гипотезу распространения микроиндустрии в процессе миграции архантропов из Африки в доашельское время. По нашему мнению, заселение Евразии происходило благодаря двум миграционным волнам древних популяций человека: одна связана с носителями традиций олдувайской индустрии, другая – микроиндустрии.

Зарождение микролитической индустрии

Появление микролитической техники относится к самому начальному этапу орудийной деятельности древних *Ното*. Наиболее всеобъемлющая классификация ранней индустрии была предложена М. Лики [Leakey, 1971]. На основе детального анализа индустрии из слоев I и II Олдувая ею создана

развернутая типологическая классификация всех категорий каменного инвентаря, которая и сегодня считается классической. В ходе исследования в бассейне р. Аваш (Северо-Восточная Африка) местонахождений древнее 2 млн лет была выявлена более ранняя, чем Олдувай I, индустрия, которая по типам каменных орудий и характеру первичной обработки существенно отличается от индустрии Олдувай I. Изучение индустрии местонахождений Омо (Северо-Восточная Африка) выявило доминирование очень мелких фрагментов, а также не имеющих аналогов в Олдувае типов и позволило выделить особую шунгурскую фацию [Chavaillon, 1970]. Были высказаны предположения о принадлежности всех каменных технологий древнее 2 млн лет гоминидам, еще не освоившим основные принципы расщепления, и невозможности выделения признаков в доолдувайской индустрии постоянных и последовательных технологических методов [Roche, 1989, 1996]. По мнению М. Кибуньи [Kibunjia, 1994], в местонахождениях древнее 2 млн лет (Западная Туркана, Омо) нашли отражение плохое знание гоминидами свойств и качества исходного сырья, а также плохое владение ими техники раскалывания камня. Исследователь полагает, что параллельно с шунгурской фацией существовала другая традиция в Западной Туркане, которую он назвал индустрией Начукуй. По выбору исходного сырья, способам и технике обработки камня уже на начальной стадии орудийной деятельности, по мнению некоторых исследователей, она отличалась от классической олдувайской индустрии.

Коллекции из местонахождений в бассейне р. Омо тщательно анализировались Игнесио де ла

Торре [Torge, 2004]. Позднеплиоценовые – раннеплейстоценовые местонахождения одной из ранних индустрий архантропов расположены в Эфиопии на западном берегу Омо. Здесь в результате тектонических процессов и последующей эрозии сформировались мощные осадочные толщи; они делятся на четыре формации: мурси, нкалабонг, усно, шунгура. Формация шунгура, образовавшаяся 3,6–1,3 млн л.н. и частично перекрывающая формацию усно, протянулась с севера на юг на 60 км и с запада на восток – на 7 км. Формация с максимальной толщиной ок. 1 тыс. м была разделена на 13 разделов [Howell, Haesaerts, Heinzelin, 1987], обозначенных буквами снизу вверх от А до L. В формации шунгура в разделах В и С обнаружено ок. 220 останков гоминид: в разделе С – *Australopithecus aethiopicus*, в разделе G – *Australopithecus boisei* и *Homo sapiens*. [Suwa, White, Howell, 1996]. Раскопки в бассейне Омо проводились французской экспедицией под руководством Д. Шавайон [Chavaillon, Boisaubert, 1977]. Как было установлено в ходе исследований, каменные материалы местонахождений 71 и 84 из раздела Е не являются продуктом труда гоминид – это результат естественных процессов. “...Отсутствие нуклеусов, отщепов и других четких свидетельств расщепления не позволяет относить Омо-84 к археологическим памятникам, и, таким образом, нельзя говорить о признаках жизнедеятельности человека в разделе Е”, – отмечал Игнесио де ла Торре [Torge, 2004, p. 442].

Раздел F мощностью ок. 35 м включает четыре-пять осадочных горизонтов, покрывающих туф F, датруемый $2,34 \pm 0,04$ млн л.н. Четыре местонахождения с каменными орудиями найдены в нижней части осадочных пород F1 и одно – в верхней, F3. Игнесио де ла Торре детально рассматривает местонахождения Омо-57, горизонт F1, и местонахождение Омо-123, горизонт F3. На местонахождении Омо-57 им определены семь нуклеусов размером в среднем 37,4 мм, 45 целых отщепов, в т.ч. со следами ретуши, размером в среднем 24,7 мм, 81 фрагмент отщепов размером в среднем 20,9 мм, 45 угловатых фрагментов размером в среднем 23,7 мм и 25 угловатых фрагментов размером немногим более 10 мм. Заготовки, использовавшиеся в качестве нуклеусов, представляли собой угловатые фрагменты кварца, у которых естественные поверхности использовались как ударные платформы. На заготовках небольших размеров (30–40 мм) имеются следы трех-четырёх снятий. Изготовители выбирали подходящие естественные поверхности и снимали с них ограниченное количество отщепов, пока угол не препятствовал расщеплению [Ibid, p. 445].

На местонахождении Омо-123 обнаружено больше, чем на Омо-57, артефактов – 1 314 экз. Игнесио

де ла Торре выделяет предметы, найденные *in situ* и на поверхности. На целых отщепах и фрагментах (397 экз.) ударная платформа обычно нефасетированная (90,9 %). Отщепа демонстрируют использование одной ударной площадки (95 %), наличие двух площадок (3 %) и свидетельствуют о некотором вращении нуклеуса (2 %). На данном местонахождении, как и на Омо-57, с нуклеусов, используя естественную поверхность, последовательно в одном направлении снимали три-четыре отщепа. Игнесио де ла Торре выделил два нуклеуса, расщепление которых производилось с применением биполярного метода. Размер отщепов и угловых фрагментов в основном достигал 10–30 мм.

На основании изучения нуклеусов из двух местонахождений Игнесио де ла Торре реконструирует три технологические стратегии. Для 16 нуклеусов размером 30–40 мм, преимущественно из кварца, применялся метод прямого удара отбойником; использовалась любая естественная поверхность для снятия трех-четырёх отщепов. Ударная площадка по мере истощения ядрища заново не формировалась. Два нуклеуса демонстрируют биполярную стратегию расщепления: небольшое ядрище укреплялось (устанавливалось) на наковальне, и при помощи отбойника производились снятия. На проксимальном и дистальном концах имеются следы дробления. Два нуклеуса отражают бифасальную стратегию расщепления. Эти нуклеусы по сравнению с другими более крупные и, возможно, демонстрируют первый опыт подготовки ударной площадки. При расщеплении учитывалась раковистая структура заготовки. Кварц на место стоянки был принесен издалека.

Мы подробно излагаем выводы Игнесио де ла Торре, поскольку многие из них нам представляются убедительными. Кроме того, обсуждение статьи этого исследователя на страницах журнала “Каррент антрополоджи” свидетельствует о том, что специалисты в целом поддерживают его основные идеи.

Самый главный вывод из приведенного обзора – одна из самых ранних индустрий Африки имеет ярко выраженный микролитический характер. Все известные сегодня местонахождения, возраст которых 2,5–2,2 млн лет, находятся в северной части Великого Африканского рифта и концентрируются в трех районах – среднем течении Аваша (Боури, Када Гона и Хадар), а также бассейнах озер Туркана (Омо и Лакалалей) и Виктория (Каньера). Во всех этих местонахождениях в большей или меньшей степени проявляется микролитический характер индустрии, отличной от технокомплексов классического олдувая.

К другому выводу приходит С. Семав на основе изучения древнейшей индустрии в бассейне р. Када Гона [Semaw, 2000]. Он считает, что 2,6–1,5 млн л.н.

в Восточной Африке не было локальных вариантов культуры в олдувайской индустрии. Остановимся на этой проблеме более подробно.

Комплексные исследования в 1992–1994 гг. в бассейне Када Гоны позволили выявить 16 местонахождений, где *in situ* и на поверхности было найдено более 3 тыс. артефактов. По данным радиоизотопного датирования ($^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$) и магнитостратиграфии эти находки датируются 2,6 и 2,5 млн л.н. Из всех известных сегодня эти артефакты следует считать самыми древними. Наиболее информативными являются местонахождения Восточная Гона-10 (EG 10) и Восточная Гона-12 (EG 12).

Местонахождение EG 10 расположено в 5–7 км выше слияния рек Када Гона и Аваш. Здесь на поверхности собрано 1 549 и во время раскопок на площади в 13 м² обнаружено 667 артефактов. На местонахождении зафиксировано два культуросодержащих горизонта, разделенных стерильной прослойкой мощностью 40 см, что свидетельствует о повторном заселении человеком этой территории. Толщина каждого культуросодержащего горизонта до 10 см. Насыщенность горизонтов находками, которые подверглись минимальному смещению, была значительная.

Местонахождение EG 12 открыто на р. Айбайгао Дора, впадающей в Када Гону в 300 м от EG 10. На поверхности найдено 309, а в раскопе площадью 8 м² – 444 артефакта, залегающих *in situ*. Геоморфологическая ситуация и осадконакопления на этом местонахождении были такие же, как на EG 10.

На местонахождении EG 10 найден 31 и на местонахождении EG 12 – 12 нуклеусов. Первичное расщепление связано в основном с унифасиальными и бифасиальными методами. Среди нуклеусов можно выделить хорошо оформленные дисковидные ядрища. Мастера хорошо знали кристаллическую структуру камня (в основном трахит) и имели опыт в расщеплении (учитывали раковистые особенности материала). Некоторые бифасиальные нуклеусы сделаны из удлиненных галек и могут называться прото-бифасами [Ibid, p. 1205]. Артефакты демонстрируют сложившиеся навыки расщепления горных пород [Ibid, p. 1206]. Отдельные нуклеусы были в значительной степени истощены предыдущими снятиями. В качестве нуклеусов могли использоваться и найденные на этих местонахождениях чопперы, боковые и концевые, а также унифасиальные.

Среди небольших артефактов выделены целые и обломанные отщепы, сработанные нуклеусы, угловатые фрагменты. Большинство отщепов имеют хорошо диагностируемую ударную площадку и ударный бугорок. Отщепы были сколоты в основном с галечной поверхности ядрища; они не имеют фасетированных площадок; дорсальная поверхность лишена желвач-

ной корки и несет негативы предыдущих снятий, что свидетельствует о многократном последовательном скалывании отщепов с нуклеусов. Размеры целых отщепов на местонахождении EG 10 – от 10 до 85 мм, а на местонахождении EG 12 – от 10 до 128 мм.

С точки зрения технологии первичного расщепления индустрия Када Гоны более совершенна, чем индустрия Омо, хотя первая древнее более чем на 200 тыс. лет. С. Семав рассматривает всю технологию и типологию Када Гоны в рамках олдувайской индустриальной традиции. Вместе с тем выделение местонахождения Омо в фацию шунгуры, местонахождений Локалалей-1 и -2 С – в фацию начукуй [Kibunjia, 1994] представляется достаточно обоснованным. Объяснять отличия в индустриях только разным качеством исходного сырья вряд ли правомерно. На возможность выделения локальных вариантов на самом раннем этапе орудийной деятельности человека в Африке обращали внимание В.Н. Гладили и В.И. Ситливый [1990].

Важнейшим является вопрос – кто был создателем древнейшей индустрии.

В Восточной Африке в Омо и Западной Туркане обнаружены датируемые ок. 2,5 млн л.н. останки массивного *Australopithecus aethiopicus* [Howell, Haesaerts, Heinzelin, 1987], а в бассейне Среднего Аваша в формации боури – грацильного *Australopithecus garhi* [Asfaw et al., 1992]. Их общим предком, по мнению некоторых антропологов, был *Australopithecus afarensis*. В Хадаре найдена верхняя челюсть человека (долгое время известная под шифром AL 666-1), принадлежавшая, по всеобщему признанию, *Homo*. Ее дата – 2,33 млн л.н. В Омо в разделе G найдены останки *Australopithecus boisei* и *Homo sapiens*. Видовая принадлежность AL 666-1 долгое время была не определена; в литературе эта находка связывается с *Homo sapiens*, т.е. человеком неизвестного вида [Зубов, 2004]. В настоящее время обе находки отнесены к виду *Homo habilis* [Kimbel, Johanson, Rak, 1997]. Очень вероятно, что каменные орудия, найденные в Омо, Хадаре и Локалалей, были изготовлены представителем *Homo habilis*. По мнению С. Семав, каменные орудия в Када Гоне могли принадлежать *Australopithecus garhi* [Semaw, 2000]. Б. Вуд полагает, что выявленные в районе Афара артефакты мог изготавливать и использовать *Australopithecus boisei* [Wood, Collard, 1997].

Вопрос о носителях традиций изготовления наиболее ранних орудий далек от своего решения. По мнению ряда антропологов и археологов, каменные орудия могли изготавливаться представителями некоторых видов австралопитеков и раннего *Homo*. Как показали опыты, шимпанзе могли получать отщепы при раскалывании орехов на наковальне, но

они никогда не использовали отщепы в качестве орудий. Поздние австралопитековые (*aethiopicus*, *garhi*, *boisei*) вполне могли получать отщепы разными способами и использовать их при выполнении различных видов работ. Учитывая это, неправомерно рассматривать все ранние виды индустрии как суть развития одной линии индустрии (олдувайской) на протяжении 2,5–1,5 млн лет. Появление локальных вариантов ранних индустрий ввиду изолированности групп ранних *Homo* и поздних австралопитековых было не только возможно, но и неизбежно. Поэтому выделение доашельских фаций или индустрий вполне оправданно.

Возвращаясь к проблеме наличия микроиндустрии в местонахождениях древностью 2,3 млн лет, следует подчеркнуть очень важное наблюдение Игнасио де ла Торре: по средним максимальным показателям близки отщепы из кварца (21,3 мм – Омо-123; 24,3 мм – Омо-57), а также из менее использовавшегося сырья – кремнистого известняка и базальта [Torre, 2004].

Данные о существовании 2,3 млн л.н. микроиндустрии в Восточной Африке позволяют предположить, что первые мигранты из Африки (*Homo ergaster* – *erectus*) являлись носителями не только олдувайской традиции, как нам представлялось [Деревянко, 2001, 2003, 2004, 2005], но и традиций микроиндустрии. В пользу этого свидетельствуют древние местонахождения с микроиндустрией, выявленные в Евразии.

Раннепалеолитические местонахождения с микролитической индустрией известны в Европе и Азии. Но до недавнего времени они рассматривались изолированно; специалистами давались самые разные объяснения этого феномена. Очень удаленные друг от друга в пространстве и во времени (от 1 млн до 300 тыс. лет), они не воспринимались как какое-то всемирное культурно-историческое явление; их специфика объяснялась в основном особыми адаптационными стратегиями, наличием определенного качества сырья и т.д. Пожалуй, впервые рассмотреть эту проблему с точки зрения глобальных миграционных процессов попытались новосибирские археологи совместно с зарубежными специалистами [Derevianko et al., 1998; Деревянко, Петрин, Таймагамбетов, 2000; Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы..., 2000]. Было высказано предположение о зарождении этой индустрии на востоке Евразии (территория Китая) и распространении ее в западном направлении. Открытые недавно в Израиле, Дагестане, а также давно известные в Европе ранние палеолитические местонахождения с микроиндустрией позволяют связывать проникновение микроиндустрии из Африки в Евразию с одной из двух древнейших миграций человека в доашельское время.

Ближний Восток

Рассмотреть эту проблему именно в этом плане позволяют материалы раскопок местонахождения Бизат Рухама в Израиле, проведенных в 1996 г. А. Роненом и Я.М. Бурдукевичем [Ronen et al., 1998]. Местонахождение Бизат Рухама расположено на восточной окраине южной прибрежной равнины близ Иудейских гор [Ibid]. Это наиболее широкий прибрежный участок равнины в Израиле. Четвертичные отложения достигают здесь высоты 200 м над ур. м. По данному участку проходит восточная граница почв Хамра, красноватых песчаных суглинков четвертичного периода. К востоку от территории кибуца Рухама рельеф характеризуется глубоко прорезающими четвертичные отложения оврагами эрозионного происхождения и впадинами. На расстоянии ок. 12 м от поверхности в одном из глубоких оврагов была обнаружена стоянка. Археологические находки выявлены в слое С1 и нескольких верхних сантиметрах слоя D почвы Хамра [Лаухин и др., 1999]. Плотность археологических находок возрастала по мере углубления раскопа; наибольшая концентрация отмечена ближе к слою красной почвы. Подавляющее большинство артефактов лежало горизонтально. Планиграфия находок дает основания предполагать, что комплекс залегает *in situ*. Все находки связаны с тонким культуросодержащим горизонтом обитания. На участке площадью 10 м² при раскопках найдено 1 200 артефактов (рис. 1).

Для первичного раскалывания в Бизат Рухаме отбирались только небольшие гальки с мелкозернистой структурой, хотя в этом районе они встречаются не часто [Zaidner, Ronen, Burdukiewicz, 2003]. Галька предварительно раскалывалась на две части или более, которые использовались как ядрища. Нуклеусы из Бизат Рухамы очень маленькие, длиной в среднем ок. 23 мм. На нуклеусах имеются многочисленные ударные площадки; при каждом скалывании ядрище поворачивалось. Ударными площадками служили, как правило, поверхности расщепления предыдущих фрагментов, а не части, покрытые коркой. Для получения заготовок желаемой толщины удары наносились далеко от края нуклеуса. Средняя длина отщепов ок. 20 мм, ширина – 18 мм, толщина – 9 мм. В большинстве случаев расщепление производилось до полного истощения нуклеусов. На начальной стадии расщепления использовалась однополюсная техника, а на заключительной – двухполюсная, что объясняется очень маленьким размером артефактов [Ibid, p. 214]. Отщепы часто становились нуклеусами и расщеплялись на мелкие фрагменты. Это приводило к появлению небольших обломков, которые в индустрии шунгурской фации обозначаются как угловатые фрагменты. В Бизат Рухаме такие фрагмен-

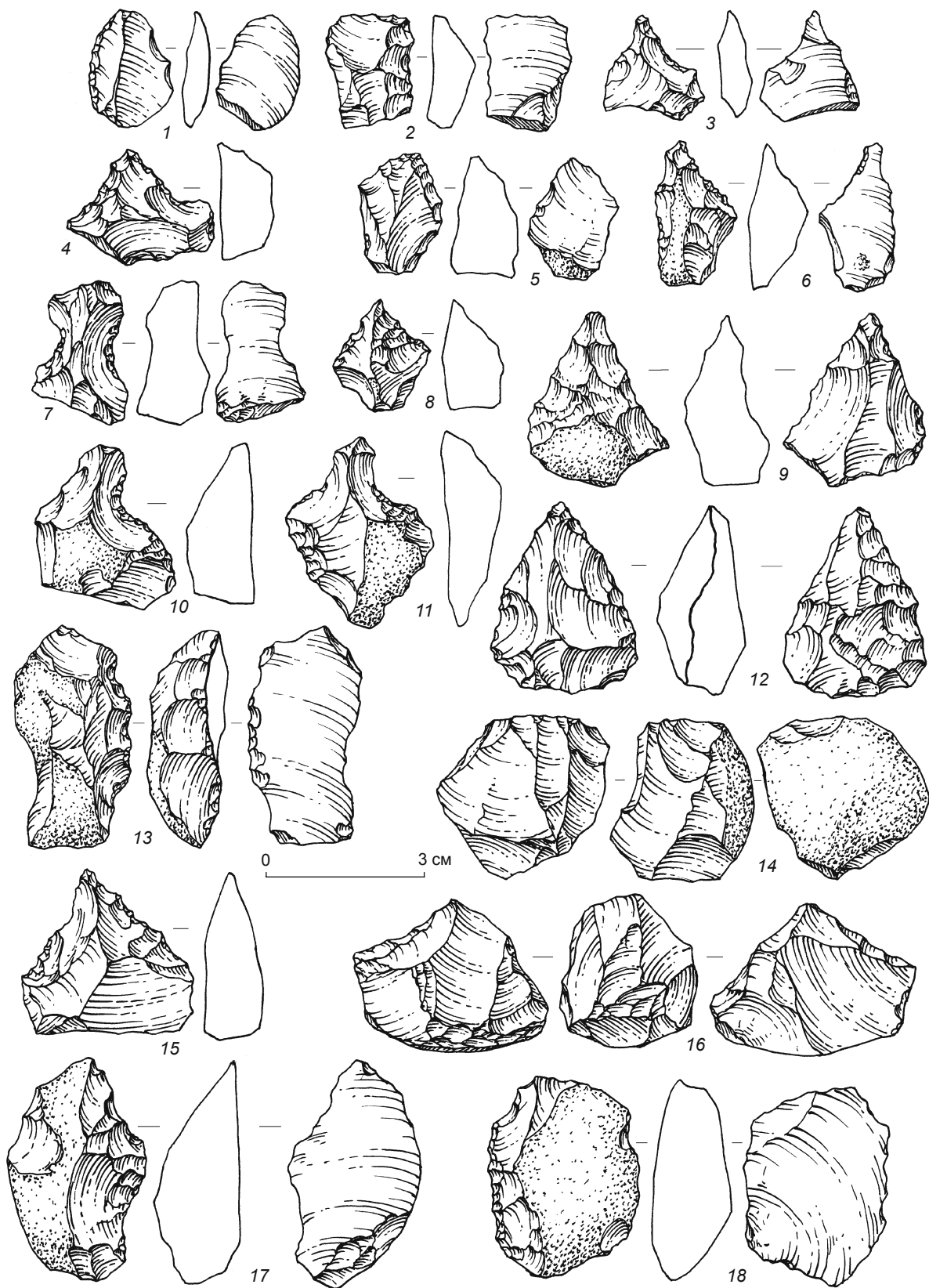

Рис. 1. Каменный инвентарь с местонахождения Бизат Рухама (по: [Zaidner, Ronen, Burdukiewicz, 2003].
 1, 2, 5, 13, 17, 18 – скребла; 3, 4, 6, 8, 11, 15 – острия; 7, 10 – зубчато-выемчатые орудия; 9, 12 – острия с признаками бифасиальной обработки; 14, 16 – нуклеусы.

ты, составляющие 20 % от общего количества находок, производились, видимо, специально. Угловатые фрагменты скалывались с отщепов-нуклеусов и с истощенных нуклеусов при одно- или двухполюсном расщеплении.

Среди инвентаря в Бизат Рухаме выделено три основные типологические группы изделий [Ibid]. К первой относятся орудия заостренной формы (40 % орудий), которые различаются по особенностям следов вторичной обработки. Среди орудий два острия с признаками бифасиальной, остальные – односторонней обработки. Острие оформлялось в основном чешуйчатой (в виде выемок) и зубчатой ретушью. Орудия этой категории имеют толстое острие; у отдельных образцов оно было сломано при использовании. Вторую типологическую группу составляют скребла и ретушированные изделия. Крутой или полукрутой ретушью, насколько это возможно при микролитическом характере индустрии, обрабатывались массивные отщепы. Третью группу образуют выемчатые и зубчатые орудия. Они также изготавливались на толстых отщепах. Примерно половина выемчатых изделий относится к клетонскому типу [Ibid, p. 217].

Бизат Рухама – классическое палеолитическое местонахождение с микролитической индустрией: длина артефактов составляла в среднем ок. 25 мм. В поисках ответа на вопрос, что определяло микролитический характер индустрии: сырье или адаптационные стратегии, авторы раскопок тщательно изучили возможности сырьевой базы в этом районе. Для изготовления почти всех орудий использовались небольшие гальки кремнистых пород. В радиусе 5 км от местонахождения Бизат Рухама было выявлено несколько обнажений конгломератов. Выборка показала, что самой распространенной породой является окремненный известняк, который широко использовался в качестве сырья на местонахождениях Убейдия, Гешер Бенот Я'аков. Затем следует брекчированный кремнь, гальки которого в длину достигают в среднем 80 мм, иногда 150 мм. Значительно реже встречаются гальки коричневого, бежевого и белого цвета, небольших размеров – до 70 мм, длиной в среднем всего 40 мм. Для первичной и вторичной обработки в качестве сырья в Бизат Рухаме использовался в основном коричневый и бежевый кремнь с мелкокристаллической структурой. Авторы раскопок делают совершенно определенный вывод: «Если бы жители Рухамы использовали брекчированный кремнь, то могли бы получать артефакты “нормальных” размеров, как это с успехом делали люди позднего ашеля в этом же районе. Однако они игнорировали брекчированный кремнь, довольствуясь маленькими гальками. Это отражает скорее культурное предпочтение, а не зависимость от внешних условий»

[Ibid, p. 210]. Данный вывод очень важен, потому что выбор архантропами, обитавшими в районе Бизат Рухамы, микролитической индустрии определялся не отсутствием подходящих галек крупных размеров, а их адаптационными стратегиями.

Геохронология стоянки Бизат Рухама основывается на данных RTL- и палеомагнитного методов. RTL-дата для уровня C: 480 ± 120 тыс. л.н., для культуросодержащего горизонта C1: 740 ± 180 тыс. л.н., для уровня D: 840 ± 200 тыс. л.н. [Ronen et al., 1998]. По результатам первого палеомагнитного анализа был определен возраст культуросодержащих горизонтов: 0,99–0,85 млн лет – между эпизодом Харамильо и границей Брюнес-Матуяма [Laukhin et al., 2001]. Повторные палеомагнитные исследования установили обратную полярность для уровней C1 и D, а предположительный возраст культуросодержащих горизонтов – ок. 1 млн лет [Zaidner et al., 2003]. Новые даты палеолитического местонахождения Бизат Рухама позволяют выдвинуть гипотезу о том, что архантропы, использовавшие микролитическую индустрию, принадлежали к ранним мигрантам из Африки. Чтобы получить дополнительные доказательства, необходимо продолжить поиски наиболее ранних стоянок архантропов на Ближнем Востоке.

На территории Леванта пока не найдено местонахождений с доашельской индустрией. В наиболее ранней многослойной стоянке Убейдия, датируемой 1,4–0,9 млн л.н., начиная с нижних горизонтов галечные орудия типа чопперов и чоппингов сочетаются с рубилами. Мы уверены, что в будущем на этой территории удастся найти более древние доашельские местонахождения, поскольку во время заселения Евразии человеком Левант являлся одной из главных транзитных территорий.

На территории Леванта микроиндустрия зафиксирована на стоянке Еврон [Ronen, 1991]. Она расположена на равнине в 2,3 км от побережья, на высоте 20 м над ур. м. На стоянке выделено два культуросодержащих горизонта (4-й и 5-й литологические слои), имеющих обратную полярность. По фаунистическим остаткам возраст стоянки Еврон оценивается чуть более 1,5 млн лет [Tchernov et al., 1994]. В каменной индустрии А. Ронен [Ronen, 2003] выделяет артефакты обычных и небольших размеров, а также с чертами типологической и технологической специфики. Орудия имеют средние размеры – менее 3 см. Нуклеусы плоские, пирамидальные, сферические, небольшие – не более 3 см. Среди орудий выделяются зубчатые, выемчатые формы, скребла, ретушированные отщепы. Типологически они очень близки к орудиям из Бизат Рухамы. В других раннепалеолитических местонахождениях Леванта небольшие по размерам каменные орудия также пред-

ставлены, но они не являются диагностирующими для всей индустрии стоянок.

На территории Леванта в индустрии местонахождений раннего палеолита нет артефактов, абсолютно аналогичных найденным на стоянке Бизат Рухама, хотя и в Убейдии, и на других стоянках раннего палеолита (особенно на стоянке Еврон) имеются угловатые фрагменты, зубчато-выемчатые орудия небольших размеров, что свидетельствует о возможности сосуществования на территории Израиля двух традиций в обработке камня: раннеашельской и микролитической. Очень вероятно, что расселение архантропов с микроиндустрией из Африки началось ранее 1,5 млн лет. Об этом свидетельствуют стоянки с микроиндустрией в Китае.

Китай

Микроиндустрия раннего палеолита в Евразии выявлена в нескольких крупных регионах. Очень важные свидетельства распространения микроиндустрии в результате одной из древнейших глобальных миграций архантропов позволяют получить раннепалеолитические местонахождения в Восточной Азии.

В Китае имеется несколько местонахождений, в которых очень ярко проявилась микролитическая индустрия. Наибольший интерес среди них вызывают местонахождения Сяочанляня (исследования начались в 1978 г.) и Дунгута (открыто в 1981 г.). Обоим местонахождениям посвящена многочисленная литература [Вэй Ци, 1989; Вэй Ци, Мэн Хао, Чэн Шэнцюань, 1983; Ранов, 1999; Хуан Вэйвэнь, 1985; Ю Юйчжу, 1989; Ю Юйчжу, Тан Инцзюнь, Ли И, 1980; Keates, 1994; Pope, Keates, 1994; Wei Qi, 1999].

Культурные остатки стоянки Сяочанляня находятся в озерных осадочных отложениях. Вместе с каменными орудиями найдены кости полевки (*Allophaiomys* cf. *Pliocaenicus*), куньи (*Martes* sp.), гиены (*Hyena licenti*), древнего слона (*Palaeoloxodon* sp.), трехпалой лошади (*Hipparion* sp.), саньмэньской лошади (*Equus sanmeniensis*), шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*), оленя (*Cervus* sp.), газели (*Gazella* sp.), быка (*Bovidae*) [Ю Юйчжу, Тан Инцзюнь, Ли И, 1980, с. 83].

Комплексное изучение местонахождения Сяочанляня в значительной степени затруднено тем, что здесь работали разные исследователи, нет полной публикации находок и отсутствуют полные аналитические данные по стоянке. Трудно даже подсчитать общее количество артефактов, найденных на этом местонахождении *in situ*.

Каменные изделия (1 816 экз.) отличаются большими размерами [Wei Qi, 1999]. Выделяются 96 (5,3 %) нуклеусов, 342 (18,8 %) пластины, 35

(1,9 %) орудий и 1 343 (74 %) осколка и обломка. Артефакты изготовлены из кварца, пористого кремнистого сланца, кремня, халцедона и изверженных пород (рис. 2). Сколы получены в результате прямого удара или (реже) применения биполярной техники. Абсолютным преимуществом пользовалась унифасиальная обработка. С. Китс [Keates, 1994] среди 800 артефактов, найденных совместной китайско-американской экспедицией, выделяет: орудия с продольным рабочим краем – 15 экз., с рабочим краем на конце – 11 экз., на крае и конце – 1 экз., на крае, оформленные зубчатой ретушью – 5 экз., на конце, с признаками зубчатой ретуши – 3 экз., с острием – 6 экз., выемчатые изделия – 6 экз.

В статье Ю Юйчжу [1989] анализируются материалы Сяочанляня, полученные во время небольших по объему полевых работ при инспекционных осмотрах стоянки. На памятнике обнаружено ок. 150 артефактов. Половина из них имеет следы обработки и отличается разнообразием типов орудий. Двуплощадочный нуклеус размерами: 38×25×19 мм из кварца сохраняет негативы многочисленных снятий. В коллекции представлено более 120 отщепов и пластинчатых отщепов, изготовленных в основном из кремня. Их длина не превышает в среднем 35 мм. Имеются отщепы, чья толщина на проксимальном конце превышает 10 мм. Более 15 пластинчатых отщепов несет следы эпизодической ретуши на одном из краев или конце.

Представлены скребки двух типов – с прямым одинарным и округлым лезвием. Обнаружено пять скребков с прямым одинарным лезвием. Рабочее лезвие оформлено крупной неровной ретушью на вентральной или дорсальной поверхности. Рабочая часть этого типа скребков толстая и достигает 14 мм. Их длина в среднем менее 35 мм. Выявлено два скребка с округлым лезвием. Они очень миниатюрные: длиной 15 и 26 мм. На скребках имеются следы мелкой нерегулярной ретуши. Найдено пять остроконечников. Для изготовления орудия этого типа подбирался скол подтреугольной формы. Острие подрабатывалось мелкой нерегулярной ретушью, как правило, с вентральной части. Длина остроконечников в среднем менее 35 мм. Определены две проколки размерами: 35×34×16 мм и 24×23×9 мм.

По мнению некоторых исследователей (см., напр.: [Ю Юйчжу, 1989]), в Сяочанляне при раскопках найдено шесть орудий из кости. Но изображения этих орудий не опубликованы, и отдельные специалисты высказывают сомнения в их наличии [Ранов, 1999].

Возраст стоянки китайскими археологами определяется по-разному: от 1,87–1,67 до 1 млн лет. Большинство исследователей считает, что усредненная дата памятника – 1,36 млн л.н. [Zhu et al., 2001; Wu Xian, 2004].

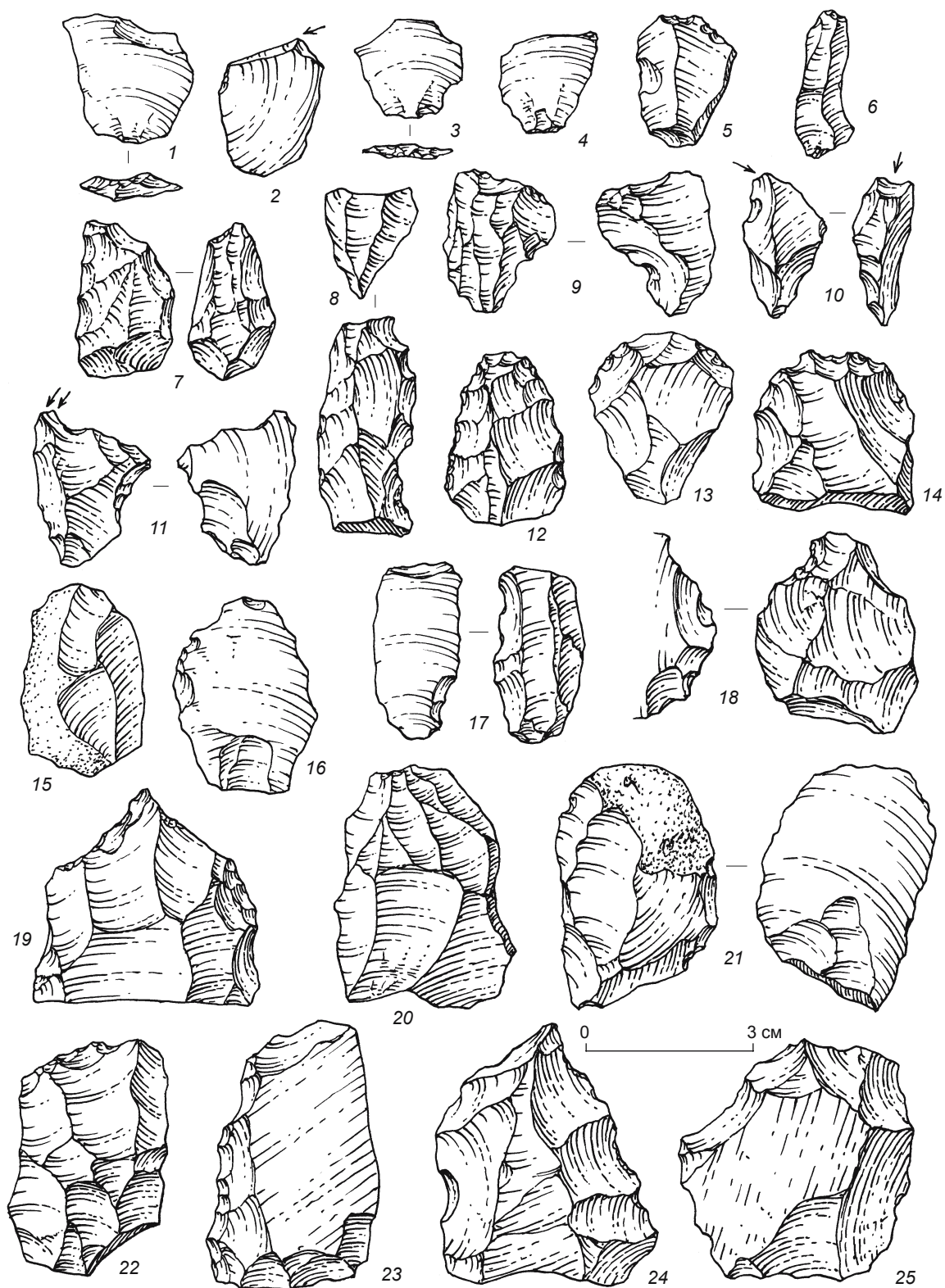

Рис. 2. Каменный инвентарь со стоянки Сяочанлянь (по: [Ю Юйчжу, 1983; Yoy Yuzhu, Tang Yingjun, Li Yi, 1980]).

1, 3, 4 – отщепы; 2, 10, 11 – резцы; 5, 15, 16, 17 – ретушированные пластины; 6, 22 – пластины, снятые с двухплощадочных нуклеусов; 7 – остроконечное орудие; 8 – протокореноидный скребок; 9, 18 – зубчато-выемчатое орудие; 12 – боковой скребок; 13, 14 – концевые скребки; 19 – проколка; 20 – двухплощадочный нуклеус; 21 – скребло; 23, 24 – скребла с прямым лезвием; 25 – чоппинг.

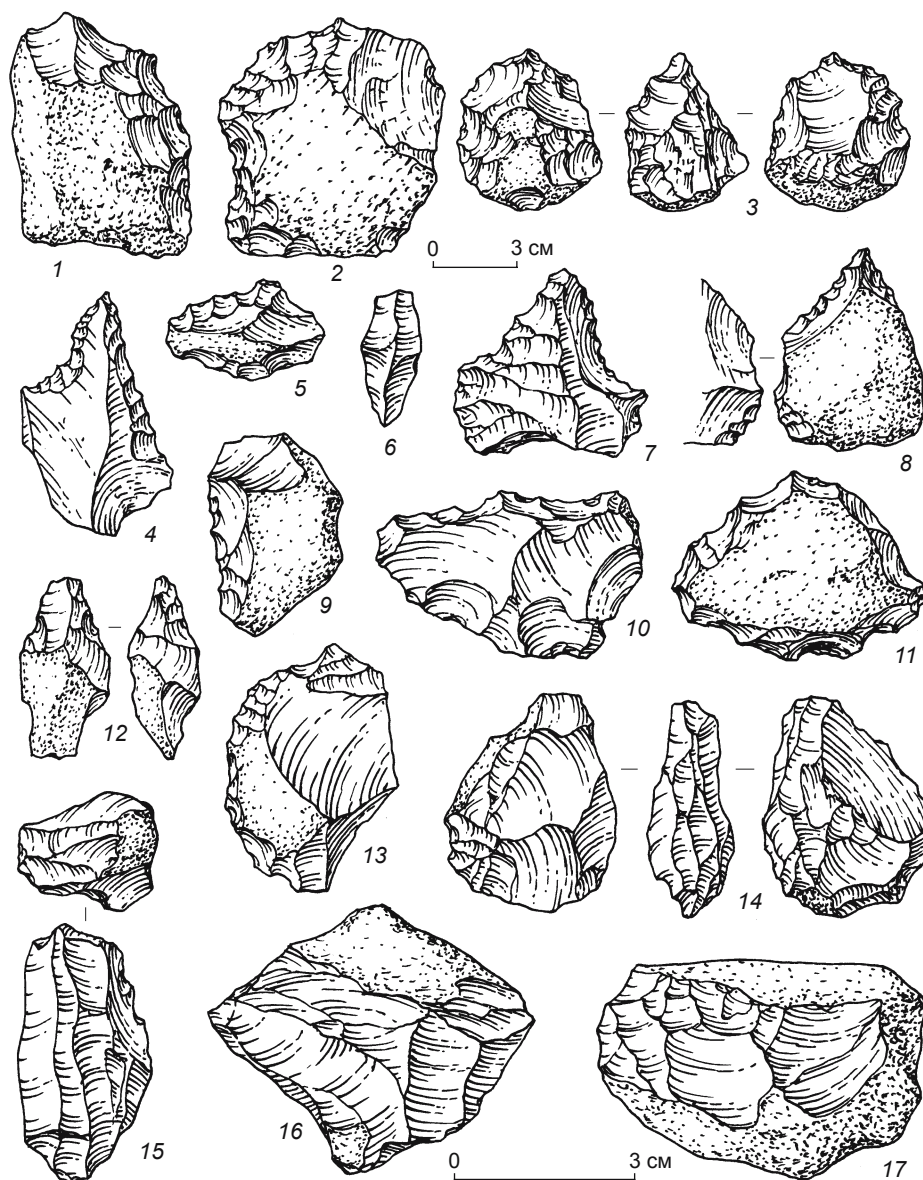

Рис. 3. Каменный инвентарь со стоянки Дунгута (по: [Wei Qi, 1985; Keates, 2000]).
1 – чоппер; 2 – чоппер на отщепе; 3 – нуклеус-чоппер; 4, 7, 8, 12 – остроконечники; 5 – многостороннее скребло; 6 – пластина; 9–11, 13 – скребла; 14–17 – нуклеусы.

Стоянка Дунгута расположена в непосредственной близости от стоянки Сяочанлянь [Jia Lanpo, Wei Qi, 1987; Schick K. et al., 1991; Pope, Keates, 1994]. Она занимает большую площадь; толщина культурного горизонта достигает 3,2 м. Раскопками вскрыта площадь ок. 400 м². Культурный горизонт раннеплейстоценового времени периода Нихэвань в трех слоях – А, В, Е. По представительности собранных остеологических и археологических коллекций это одна из наиболее важных стоянок в долине Нихэвань (рис. 3). Остеологическая коллекция включает 1 525 находок. Кости сильно фрагментированы. Довольно много отдельных зубов, их обломков (299 экз., или

19,6 %). На основании анализа окаменелых остатков зубов были определены следующие виды животных: цокор (*Myospalax fontanieri*), волк (*Canis sp.*), медведь (*Ursus sp.*), древний слон (*Palaeoloxodon sp.*), саньмэньская лошадь (*Equus sanmeniensis*), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*), бизон (*Bison sp.*), газель (*Gazella sp.*) и др.

Комплекс каменных изделий составляет более 10 тыс. экз. Были проанализированы 1 432 артефакта: 66 (4,6 %) нуклеусов, 41 (2,9 %) использованная пластина, 143 (10 %) грубо обработанных орудия, 888 (62 %) сколов без признаков обработки, 278 (19,8 %) обломков и кусков породы, 6 каменных ударников.

Большинство сколов оформлено в виде скребел, орудий с выемкой и орудий с остроконечным лезвием. По размерам заготовок и орудий индустрия определяется как микролитическая. Например, из 888 артефактов, собранных в траншее Т 1 горизонта А, 68,7 % отщепов и их фрагментов имели размеры 10–30 мм, 30,6 % – 10–20 мм [Schick et al., 1991].

Исходное сырье представлено гальками кремня, халцедона, изверженных пород. Среди сколов микроорудия составляют 25,5 %, орудия малых форм – 70,8, средних размеров – 3,7 %. Это свидетельствует о доминировании микроиндустриальных технологий.

Поскольку культурный горизонт Дунгута находится на 10 м выше, чем культурный горизонт стоянки Сяочанлян, и близко от уровня верхней части комплекса Нихэвань, но ниже уровня от эпизода обратной полярности Харамильо, возраст стоянки определяется ок. 1 млн лет.

На основании стратиграфии и во многом сходного облика каменной индустрии можно говорить об известном единстве этих двух стоянок в технико-типологическом плане. С. Китс [Keates, 1994], проанализировав индустрию Сяочанляна и Дунгута, отмечает, что абсолютное большинство орудий на обоих памятниках составляют отщепы: 31,9 и 47,9 % соответственно. Их орудийный набор близок по типам и процентному соотношению. Сходны техника первичного расщепления и форма нуклеусов. Обе стоянки близки по возрасту (хотя ученые оценивают его по-разному) – немногим более 1 млн лет – и относятся к одному культурно-историческому этапу. Такие стоянки, как Лунгупо, Сихоуду, Юаньмоу и некоторые другие, датируемые 1,8–1 млн л.н., являются спорными с точки зрения хронологии. На наиболее изученных местонахождениях Сяочанлян и Дунгута представлена бесспорная микролитическая индустрия. В связи с этим вполне резонно предположить, что на территории Китая микролитическая индустрия была представлена уже на раннем этапе заселения архантропами. Однако это не исключает возможности открытия новых раннепалеолитических местонахождений с олдувайской индустрией или получения более убедительных доказательств древности (1,8–1,5 млн лет) и бесспорности наличия артефактов на некоторых ранее открытых местонахождениях.

По мнению многих исследователей, на территории Китая уже в раннем палеолите индустрия развивалась в двух направлениях: с большим удельным весом артефактов малых размеров – к северу от хребта Цзиньлин, со значительной долей артефактов крупных размеров (макроорудий) – к югу от хребта. Орудия труда в данном регионе изготавливались в основном на отщепах [Paleoanthropology..., 1985]. Эта традиция наглядно представлена на одном из хорошо изученных местонахождений Чжоукоудянь I.

Большая часть орудий из этого местонахождения оформлена на отщепах (71,5 %), а остальные – на небольших сколах, фрагментах отщепов, использованных нуклеусах и гальках [Keates, 2000]. Около 70 % составляют маленькие инструменты (длиной менее 40 мм), в т.ч. микроинструменты (менее 20 мм). В Северном Китае эта традиция сохраняется в индустрии и других, более поздних, местонахождений [Ibid; Keates, 2003]. Очень вероятно, что истоки индустрии на мелких отщепах восходят к раннепалеолитической микроиндустрии, а индустрии с крупными орудиями (макроорудий) – к олдувайской.

Таджикистан

Второй район Евразии, где микроиндустрия проявилась на раннем этапе, – Таджикистан [Ранов, 1988, 1992, 2000; Ранов, Амосова, 1990, 1994; Ранов и др., 1987; Ранов, 1995; Ранов, Dodonov, 2003]. Одним из самых ранних на этой территории является местонахождение Кульдара, находящееся в нижней части ущелья Кульдара в долине р. Оби-Мазар. Нижний культуросодержащий слой перекрыт 120-метровой толщей лесса, в которой выделено 28 палеопочв. Находки обнаружены в палеопочвах 11 и 12, разделенных бурым тяжелым суглинком, с сильно развитым иллювиальным карбонатным горизонтом толщиной ок. 22 см. Древность палеопочв с находками составляет ок. 900 тыс. лет.

На местонахождении найдено 96 образцов. Среди них В.А. Рановым выделено 40 бесспорных артефактов (рис. 4). Определены: нуклеусы – 2 экз., пластины – 2 экз., отщепы – 3 экз., отщепы с негативами – 10 экз., отщепы и клиновидные сколы – 2 экз., фрагменты и сколы с негативами и ретушью – 3 экз., дольки, или дольки цитрона, – 2 экз., ретушированные гальки – 3 экз., проколки – 2 экз., боковые скребки и скребки – 4 экз., фрагмент бифасиального орудия – 1 экз., обломки – 6 экз.

Один нуклеус, по описанию В.А. Ранова, мультиплатформенный, дисковидный и ровный клиновидный; его верхняя поверхность широкая, а нижняя – сужается на клин. Острие, образованное перемежающимися негативами, использовалось в качестве орудия – грубого бокового скребка со слегка зубренным краем. Размеры: 34×39×24 мм. Другой нуклеус одноплощадочный, с уплощенной рабочей поверхностью, на большей части которой отсутствовали негативы скалывания. Размеры: 34×29×19 мм.

Пластины или пластинчатые отщепы небольшие по размерам. Одна пластина имеет негативы двух параллельных снятий. Площадка скола сохраняет корку и расположена под тупым углом к вентральной поверхности (менее 120°). Размеры: 38×16×11 мм.

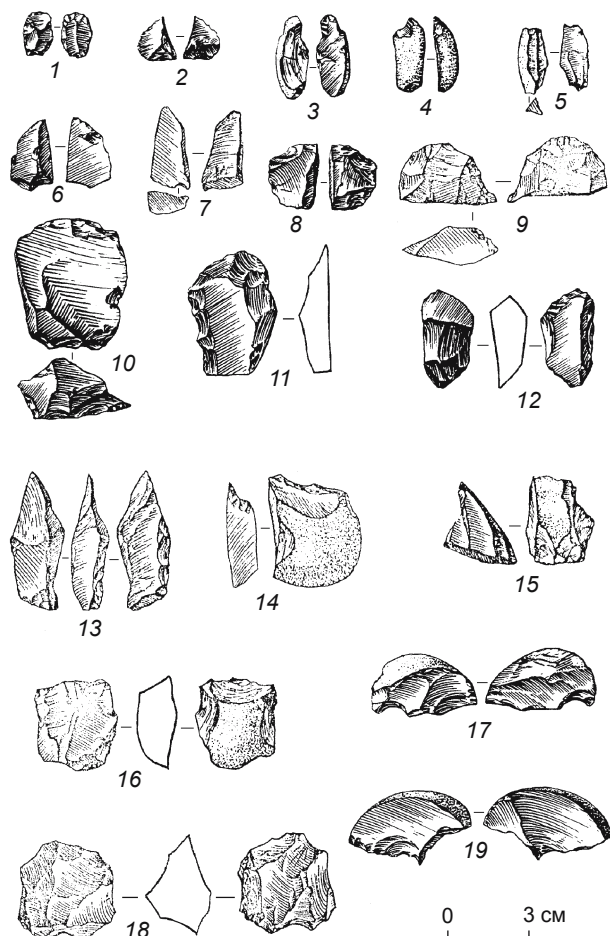

Рис. 4. Каменный инвентарь со стоянки Кульдары
(по: [Ranov, Dodonov, 2003]).

1, 2, 8, 13 – ретушированные отщепы; 3, 12 – ретушированные осколки; 4 – орудие с шипом; 5 – пластинчатый скол; 6, 7 – осколки; 9 – обломок бифасиального изделия; 10, 11, 15 – скребки; 14 – галька со сколами; 16, 18 – нуклеусы; 17, 19 – дольки типа цитрон.

Отщепы несут следы обработки. Клиновидные сколы, фрагменты и обломки с негативами и признаками ретуши небольшие по размерам, со следами хорошо и плохо читаемой подправки. В.А. Ранов среди артефактов Кульдары выделяет дольки, или *quarter d'orange*, считая их характерными продуктами галечной индустрии. На одном из фрагментов гальки мелкими сколами оформлен небольшой выступ-носик. На сколах с галек выполнены два орудия с острым концом, которые могли использоваться как проколки.

Боковые скребки и скребки представляют собой наиболее выразительную часть орудийного набора. Все они небольших размеров. Рабочая часть оформлена ретушью, преимущественно зубчатой. Фрагмент бифасиального орудия изготовлен из куска темно-серого фельзит-порфирита, ромбовидного в сечении. Размеры: 28×37×15 мм. Обработка характерна более для бифаса, чем для нуклеуса.

В.А. Ранов [Ranov, Dodonov, 2003], обобщая характеристику каменного инвентаря Кульдары, подчеркивает малые размеры артефактов. Одна четвертая часть состоит из артефактов длиной менее 20 мм, а половина – до 40 мм. Расщепление камня произведено в основном галечным методом, который характеризуется преобладанием кортикальных отщепов. Вместе с тем, несмотря на некоторый “архаизм” первичной обработки, многие орудия оформлены очень качественно.

С нашей точки зрения, именно на основе микроиндустрии Кульдары формировалась индустрия раннего и среднего палеолита Таджикистана. Хотя на палеолитических местонахождениях более поздних этапов микроорудия практически отсутствуют, однако галечная основа первичного расщепления и вторичной обработки каменных орудий на территории Таджикистана сохранялась длительное время.

Дагестан

Новые доказательства в пользу гипотезы распространения микроиндустрии в результате миграционных процессов позволяет получить недавно открытый раннепалеолитический микроиндустриальный комплекс на Прикаспийской низменности. В ходе разведочных работ в 2003–2004 гг. экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН, Института археологии РАН и Института этнологии и антропологии РАН в бассейне рек Дарвагчай и Рубас открыто девять палеолитических местонахождений [Деревянко, Амирханов, Зенин, Анойкин, Рыбин, 2004; Амирханов, Деревянко, 2005; Деревянко, Амирханов, Зенин, Анойкин, Чепалыга, 2005].

На территории Дагестана наиболее ранние местонахождения обнаружены на северном склоне Геджухского водохранилища на левом берегу Дарвагчая. Здесь зафиксировано пять пунктов локализации разновременных палеолитических находок. На одном из них из конгломератов извлечено несколько артефактов – нуклевидные обломки, скребла, орудия с носиком, отщепы. Галечные конгломераты залегают на высоте от 125 до 140 м над ур.м. Образование конгломератов связано с трансгрессией Каспия.

В 2005 г. на местонахождении Дарвагчай-1 начались стационарные исследования (рис. 5). Раскопки дали совершенно неожиданные результаты*. В отложениях бакинской террасы (рис. 6–8) (высота 110 м над ур. м. или 137 м над уровнем Каспия) было выяв-

* Артефакты получены в результате трех недель работ отряда (д-р ист. наук В.Н. Зенин (нач. отряда), канд. ист. наук А.А. Анойкин, при участии члена-кор. РАН Х.А. Амирханова и автора).

*Рис. 5. Стоянка Дарвагчай-1.
1 – раскоп 1; 2 – раскоп 2; 3 – береговое обнажение.*

Рис. 6. Плейстоценовые отложения в береговом обнажении на месте стоянки Дарвагчай-1.

Рис. 8. Плейстоценовые отложения в раскопе 2 стоянки Дарвагчай-1.

Рис. 7. Верхняя часть плейстоценовых отложений в раскопе 1 стоянки Дарвагчай-1.

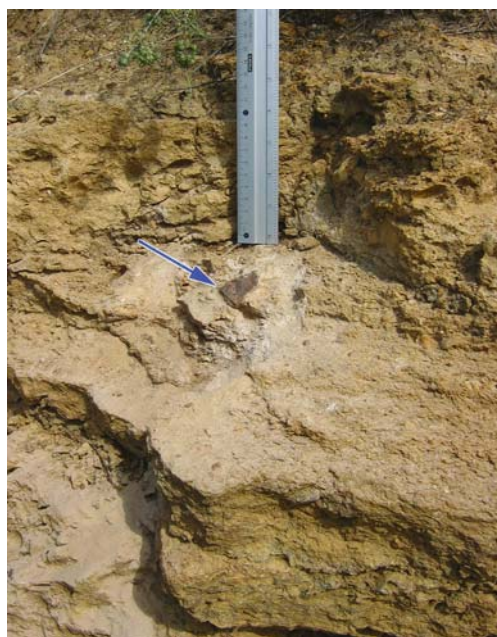

Рис. 9. Изделия из кремня в слое ракушняка в береговом обнажении на стоянке Дарвагчай-1.

Рис. 10. Изделие из кремня в блоке ракушняка.

Рис. 12. Фрагмент трубчатой кости млекопитающего в блоке ракушняка.

Рис. 11. Фрагмент зуба млекопитающего в блоке ракушняка.

лено два культуросодержащих горизонта. Нижний горизонт зафиксирован в восьмом литологическом слое дитритусового известняка с включением небольшого количества гравийного материала (рис. 9, 10). Во время формирования этого слоя исследуемый участок террасы представлял собой пляж прибрежного участка лагуны, которая подпирала р. Дарвагчай. В слое сохранились остатки морской фауны, кроме того, в конгломератах раннебакинской трансгрессии найдены кость крупного млекопитающего и зуб небольшого плотоядного (?) животного (рис. 11, 12). Почти все артефакты (в основном из кремня) в длину не превышали 5 см (рис. 13). Среди орудий представляли остроконечники, острия, скребки, орудия с

Рис. 13. Образцы кремневых изделий со стоянки Дарвагчай-1.

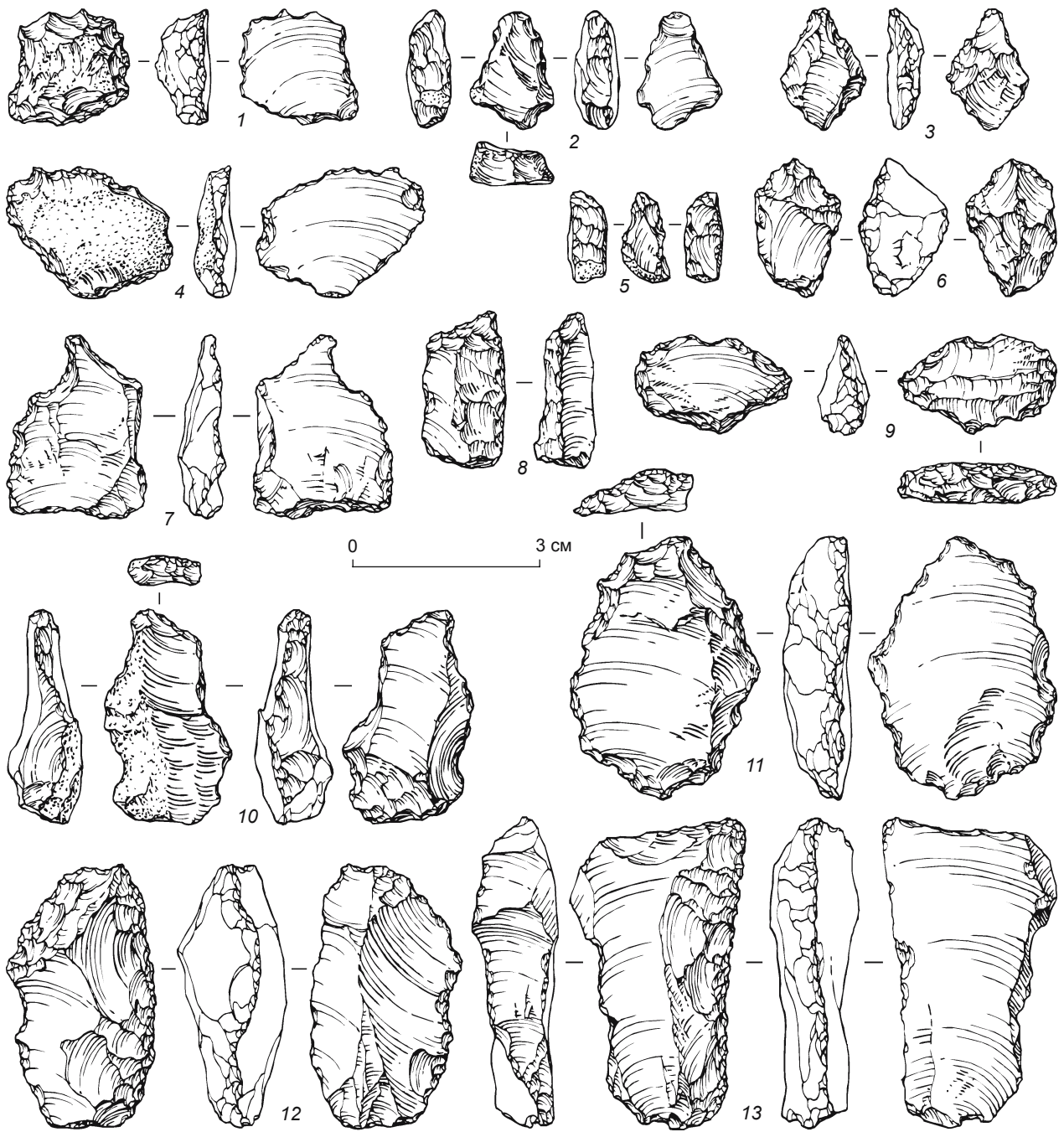

Рис. 14. Каменный инвентарь со стоянки Дарвагчай-1.
1, 2 – скребки; 3, 5, 6, 8 – шиповидные орудия; 4, 11 – ретушированные отщепы; 7, 10 – комбинированные орудия;
9 – выемчатое орудие; 12 – скребло; 13 – нож с обушком.

выемкой, нуклеус торцового типа, орудия с шипоносиком и др. (рис. 14, 15).

Второй культуросодержащий горизонт залегал в третьем литологическом слое, представляющем собой валунно-галечно-гравийный конгломерат, финала бакинской трансгрессии, перекрытого мощной (до 3 м) пачкой субаэральных осадков и современного почвенно-дернового слоя (24 см), сформиро-

вавшихся после бакинской трансгрессии. Во втором культуросодержащем горизонте каменная индустрия сохраняет микроиндустриальный облик; в слое найдено также небольшое проторубило, оформленное на гальке.

Возраст слоев с находками предварительно определен по морской фауне рамками раннего этапа неоплейстоцена (800–600 тыс. лет).

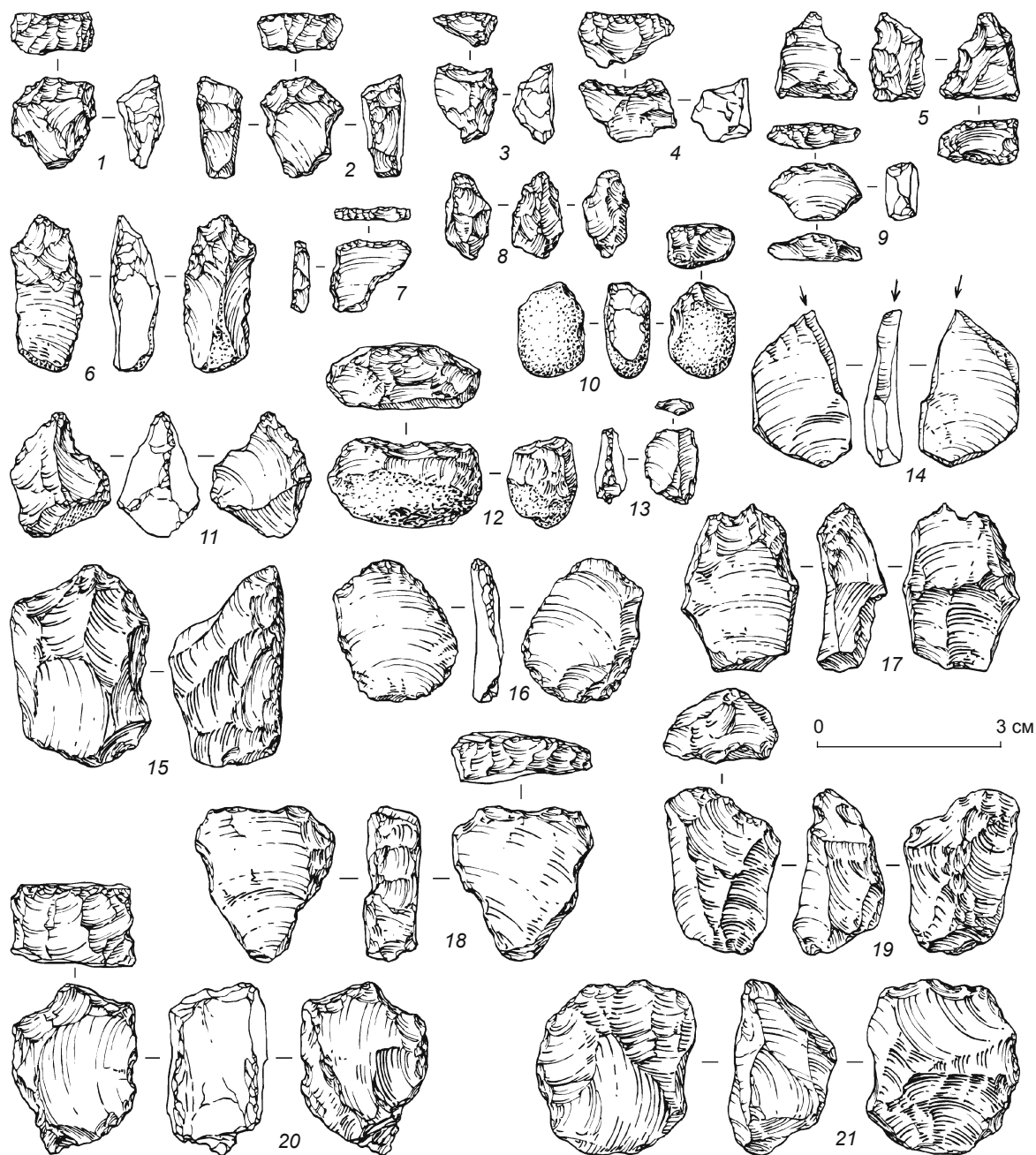

Рис. 15. Каменный инвентарь со стоянки Дарвагчай-1.

1, 2, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 18, 20 – скребки; 3, 4, 11, 17 – выемчатые орудия; 5 – комбинированное орудие; 6, 8 – шиповидные орудия; 7 – ретушированный осколок; 14 – орудие с резцовым сколом; 19, 21 – нуклеусы.

Дарвагчай-1 несомненно является поселенческим комплексом; его материалы служат важным доказательством в пользу гипотезы миграции архантропов с микроиндустрией из Африки в Евразию.

Европа

В Европе ранние местонахождения (нижние культуросодержащие горизонты местонахождения Гран

Долина – уровни ТД 4, ТД 5 и ТД 6) [Parés, Pérez-González, 1999] в соответствии с магнитостратиграфическими данными по времени находятся между инверсией Харамильо и границей Брюнес-Матуяма (более 1 млн и 780 тыс. лет). Примерно к этому же хронологическому диапазону относятся местонахождения Монте Погжиоло [Peretto et al., 1998], Ле Валлонне [Lumley et al., 1988], Солейяк [Bonifay, 1991], Фуэнте Нуэва-3 [Gibert et al., 1998].

Индустрия этих местонахождений характеризуется в основном первичной и вторичной обработкой в олдувайской традиции. В Атапуэрке (Испания) на участке площадью в 6 м² в уровне ТД 6 найдены 268 артефактов из кварцита кремня, известняка, песчаника и кварца [Carbonell et al., 2001]. Первичное расщепление производилось в основном бифасиальным и унифасиальным продольным методами, нередко использовалось и центростремительное расщепление. Местонахождение Атапуэрка замечательно тем, что на нем в строгой стратиграфической и культурной последовательности прослеживается три этапа: олдувайский (от 1 млн до 780 тыс. л.н.), ашельский (от 450 до 250 тыс. л.н.), мустьерский (от 400 до 200 тыс. л.н.) [Ibid]. Мустьерская индустрия, выявленная на данном местонахождении, является одной из самых древних в Европе. На всех этапах в Атапуэрке при желании можно проследить микролитическую индустрию: имеются признаки центростремительного расщепления и использования продуктов этого расщепления. Но, конечно, вывод о наличии здесь микролитической индустрии можно сделать с большой долей преувеличения.

В Европе имеются местонахождения с гораздо более выраженной микроиндустрией. Стоянки в районе Орсе в Испании, которые на основании палеонтологических, биостратиграфических и палеомагнитных данных датируются ок. 1 млн л.н., характеризуются орудиями, оформленными преимущественно на небольших по размерам отщепам [Turq et al., 1996; Gibert et al., 1998].

Наиболее ярко на Европейском континенте микроиндустрия проявилась на местонахождении Изерния ля Пинета (Италия), открытом в 1978 г. в окрестностях г. Изерния [Isernia La Pineta..., 1983; Cesnola, 1996]. Стоянки раннего палеолита располагаются здесь в непосредственной близости от реки в котловине на поверхности травертинового пласта, нарушенного тектоническими процессами. Общая площадь территории, на которой обнаружены археологические находки, составляет ок. 20 тыс. м². В течение продолжительного времени сюда неоднократно приходили люди. В ходе раскопок здесь зафиксирована специально оборудованная костями крупных животных и крупными блоками травертинов жилища площадка.

Раскопки велись в двух секторах. В секторе 1 обнаружено два горизонта – 3с и 3а. Нижний культуросодержащий горизонт, где вскрыт участок площадью 40 м², залегал на травертинах. Он был перекрыт стерильным илом. Второй культуросодержащий горизонт отмечен в верхней пойменной фации илистых отложений. Как предполагают исследователи, древний человек покрыл слой ила специально отобранными костями больших размеров (бивни, большеберцовые, бедренные, плечевые, тазовые кости и лопатки

слона; черепа и челюсти носорогов и бизонов), чтобы укрепить жилую поверхность. В секторе 1 вскрыт участок площадью 64 м². Во время раскопок было найдено несколько десятков тысяч находок – артефактов и костей диких животных. На одних участках раскопок отмечена значительная концентрация находок, на других – единичные остатки жизнедеятельности человека.

В районе раскопок выделены четыре мощные литологические пачки рыхлых отложений, разделенные на серию слоев. Эти слои отделены друг от друга четырьмя погребенными почвами. Культуросодержащие слои залегали в третьей пачке покровных отложений. В основании этой пачки – древняя почва, перекрывающая травертины. Кости животных и артефакты находились в кровле погребенной почвы в глинистом горизонте. После образования этой погребенной почвы речные пойменные осадки сформировали мощную пачку ила, на поверхности которого зафиксирован второй горизонт обитания человека. Остатки фауны и артефакты обнаружены и во вторичном залегании в разных частях речных отложений верхней части пачки 3. Они свидетельствуют о существовании мест обитания человека, расположенных, вероятно, выше по течению реки и постепенно размытых и переотложенных в более поздние верхние слои пачки 3.

В секторе 1 слой с горизонтом обитания перекрывает отложения коллювия, вмещающего ил, илистый песок и пески. По образцу санидина по K/Ar получена дата: $0,736 \pm 0,04$ млн л.н. [Delitala, Fornaseri, Nicoletti, 1983]. Согласно данным палеомагнитных измерений, эти отложения имеют обратную магнитную полярность [McPherron, Schmidt, 1983].

Основные горизонты обитания на местонахождении Изерния ля Пинета в секторе 1 залегают на травертинах и включены в палеопочву. В секторе 2 эта почва частично перекрыта флювиальными осадками, в которых также залегают кости животных и артефакты. Древние популяции людей приходили в этот район и селились поблизости от водотока сразу после окончания озерного цикла и в начале флювиального цикла. Культуросодержащие горизонты были быстро перекрыты вулканическими материалами и флювиальными осадками, что способствовало хорошей сохранности костей диких животных. Периоды заселения этих мест людьми отделялись небольшим хронологическим перерывом. Возраст местонахождения – немногим более 700 тыс. лет.

Ландшафты в районе местонахождения напоминали степь или прерию с отдельно стоящими деревьями, в которой обитали стада бизонов и многочисленных толстокожих. На пойменных участках, поросших деревьями и кустарником, обитали олени и кабаны. Фаунистические материалы включают ос-

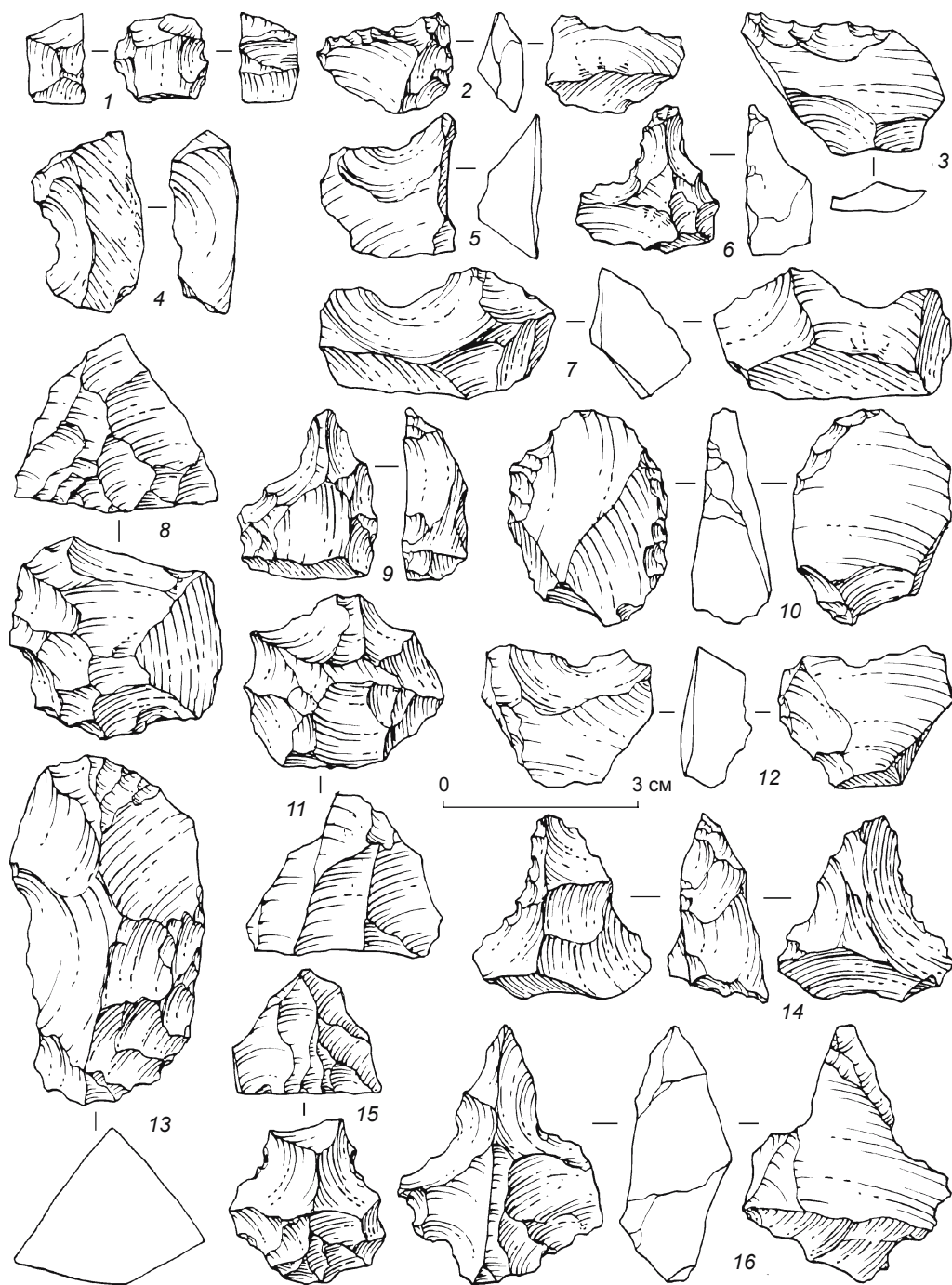

Рис. 16. Каменные изделия со стоянки Изерния ля Пинета (по: [Isernia La Pineta..., 1983]).
1, 15 – скребки; 2, 3 – поперечные зубчатые скребла; 4, 5, 7, 12 – выемчатые орудия; 6, 9, 14, 16 – конвергентные билатеральные орудия; 8, 11 – нуклеусы; 10 – скребло; 13 – зубчатое скребло.

танки бизона (*Bison cf. schoetensacki* Freudenberg), носорога (*Dicerorhinus hemitoecus* Falconer), слона (*Elephas antiquus* Falconeri). Менее представлены останки медведя (*Ursus cf. deningeri* von Reichenau) и гиппопотама (*Hippopotamus amphibius* L.), кабана (*Sus strofa* L.), оленя (*Megaceros* sp.).

В ходе раскопок получено несколько тысяч артефактов (рис. 16–18). В секторе 1 представлены орудия из известняковых и кремневых галек. В секторе 2 обрабатывался только кремень. Источник сырья находился вблизи местонахождения. Морфотипическая и технологическая характеристики

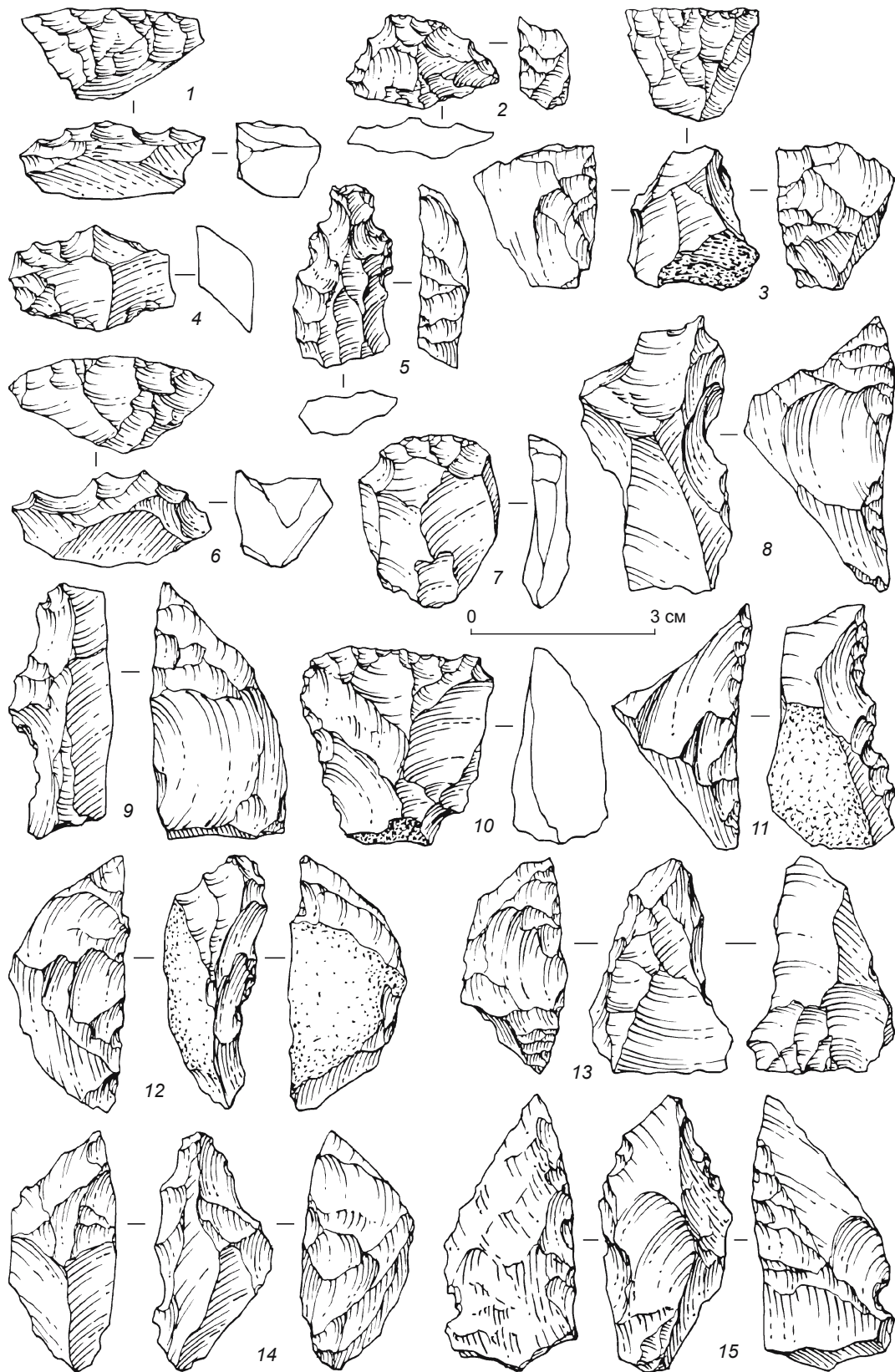

Рис. 17. Каменные изделия со стоянки Изерния ля Пинета (по: [Isernia La Pineta..., 1983]).
 1, 4, 7 – поперечные зубчатые скребла; 2, 5, 9, 10, 12–15 – зубчатые унilaterальные и билатеральные орудия;
 3, 6, 8 – скребки; 11 – поперечный скребок.

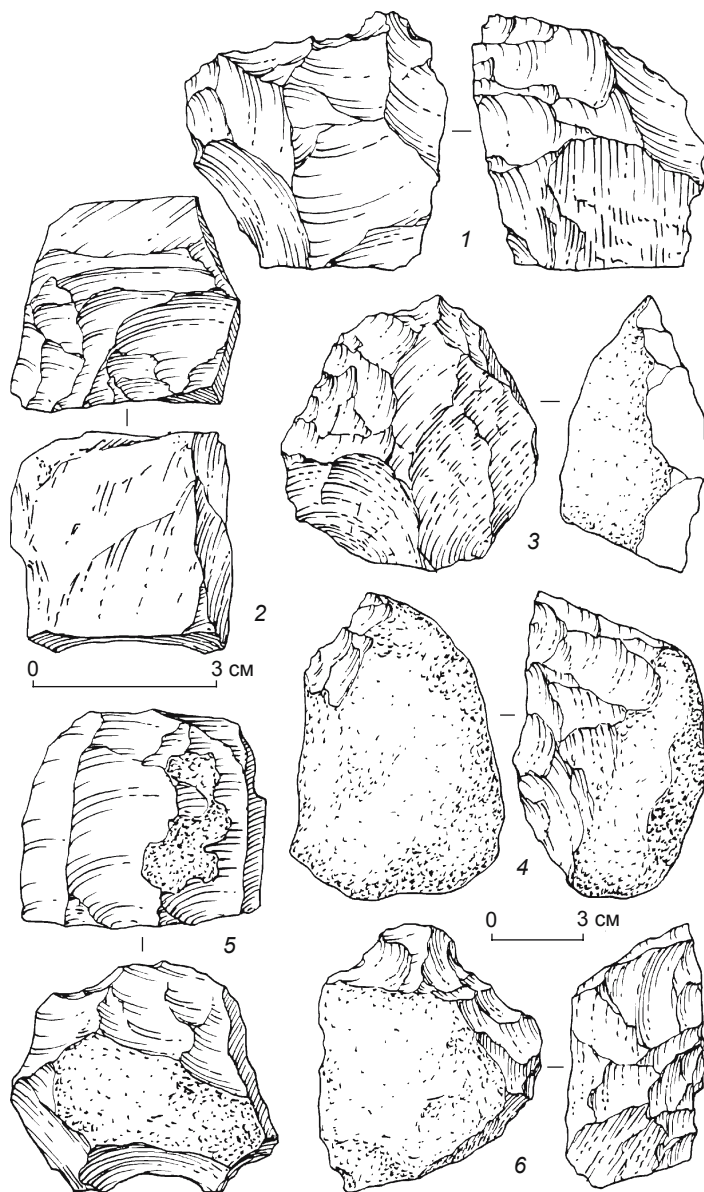

Рис. 18. Каменные изделия со стоянки Изерния ля Пинета (по: [Isernia La Pineta..., 1983]).

1, 2, 5 – нуклеусы; 3, 4, 6 – чопперы.

каменной индустрии имеют ярко выраженное своеобразие [Peretto, 1983].

Больше всего находок выявлено в секторе 2 на участке площадью 68 м². Обнаружены нуклеусы нескольких типов: монофронтальные, с параллельным фронтом снятия, ортогональные и пирамидальной формы. Площадки гладкоплоские, редко встречаются точечные, галечные и двугранные. С таких нуклеусов скалывали мелкие отщепы. Часто их толщина превосходит длину. Большинство орудий длиной от 2,5 до 3,5 см.

При оформлении орудий почти никогда не применялась ступенчатая ретушь. Часто на заготовке

делался скол, который подрабатывался дополнительно мелкой ретушью. Глубокая ретушь, наносившаяся последовательно, образовывала зубчатый край. В орудийном наборе преобладают зубчатые (более 90 %) изделия. Среди орудий труда выделяются скребки, клювовидные, а также зубчатые и выемчатые орудия, зубчатые уни- и билатеральные скребла, зубчатые остроконечники.

Скребла составляют сравнительно малочисленную группу. Большинство выпуклые боковые, в т.ч. с двугранной вентральной стороной. По толщине они в среднем меньше, чем зубчатые орудия. Рабочая поверхность обрабатывалась крупными сколами, в отдельных случаях – ретушью.

Выемчатые орудия довольно многочисленны. Они изготавливались из массивных отщепов. Выемка оформлялась одним глубоким сколом и не подправлялась ретушью.

Зубчатые уни- и билатеральные скребла составляют наиболее многочисленную группу орудий. Многие из них овальной формы. Изготавливались на массивных заготовках. Длина некоторых образцов достигает 5 см. Среди них выделяются боковые (левые и правые), поперечные (дистальные и проксимальные). Спинка у них плоская и выпуклая. Рабочее лезвие оформлено крупной последовательной ретушью.

Зубчатые остроконечники имеют подтреугольную форму. Большинство подвергнуто бифасиальной обработке. У многих образцов острие оформлено одним или двумя глубокими сколами, как правило, без дополнительной обработки, на отдельных изделиях – следы зубчатой ретуши. Многие остроконечники асимметричны в плане. Немало право- и левосторонних остроконечников, у которых встречной вторичной обработкой модифицирована и устранена площадка.

Некоторые остроконечники на трех гранях имеют следы вторичной обработки.

Скребки составляют малочисленную группу. Они изготовлены на небольших утолщенных заготовках. Их длина от 1 до 3 см. Рабочее лезвие полукруглое, оформлялось крутой ретушью, иногда короткими пластинчатыми снятиями.

Артефакты и кости животных сектора 1 происходят из двух культуросодержащих горизонтов, отделенных стерильным слоем мощностью до 70 см. Но индустрия из этих горизонтов сектора 1, как и сектора 2, с точки зрения технологии изготовления и типов орудий составляет единое целое. Единственное

отличие состоит в том, что в секторе 1, помимо кремня, использовался известняк – из него изготавливались чопперы. Они крупных размеров: в длину достигают 15 см. На одном конце у них короткими снятиями оформлено рабочее лезвие. Только несколько образцов имеют следы обработки по периметру, с помощью которой чопперам была придана полукруглая форма.

Индустрию Изернии ля Пинета можно бесспорно отнести к микролитической. Количество орудий размером более 5 см невелико, это в основном чопперы. Еще одна особенность индустрии – большое количество зубчатых и выемчатых инструментов, а также орудий, оформленных зубчатой ретушью. Типологическое разнообразие зубчатых орудий, насчитывающих несколько тысяч экземпляров, очень трудно проследить, потому что одни формы могут переходить в другие. Среди многочисленных изделий трудно выделить принципиально отличные диагностирующие признаки. Именно микролитический облик индустрии в сочетании с зубчатыми орудиями и артефактами с признаками зубчатой ретуши сближает Изернию ля Пинета с другими микролитическими индустриями Евразии.

В Европе микроиндустрия известна и на местонахождениях, датируемых 600–300 тыс. л.н. Индустрию буда (Вертешсёлэш) и микроиндустрию зубчатого облика (Бильцинглебен) можно рассматривать как продолжение традиции раннего пласта микроиндустрии, связанного с одним из этапов первоначального заселения Европы архантропами, но уже с элементами аккультурации в результате проникновения других миграционных потоков популяций человека в Европу.

Стоянка Вертешсёлэш расположена на четвертой террасе р. Аталар [Vérstesszölös..., 1990]. Первичное расщепление характеризуется как долечное, нелеваллуазское, непластинчатое, нефасетированное. Исходные заготовки для орудий и отходы производства очень маленьких размеров (рис. 19). Орудийный набор характеризуется чопперами, чоппингами преимущественно микролитического облика, скреблами (продольными, поперечными, треугольными, двойными), скребками (атипичными и высокой формы, резцами, проколками). Дата этого местонахождения основывается на геоморфологических наблюдениях, фаунистических остатках, а также на ториево-урановых определениях. Наиболее ранний возраст относится к хронологическому диапазону 600–350 тыс. лет.

Культуросодержащие горизонты местонахождения Бильцинглебен связаны с мощными накоплениями травертиновых песков [Mania, Weber, 1986; Mania 1990]. Первичное расщепление представлено признаками бессистемного, реже параллельного ра-

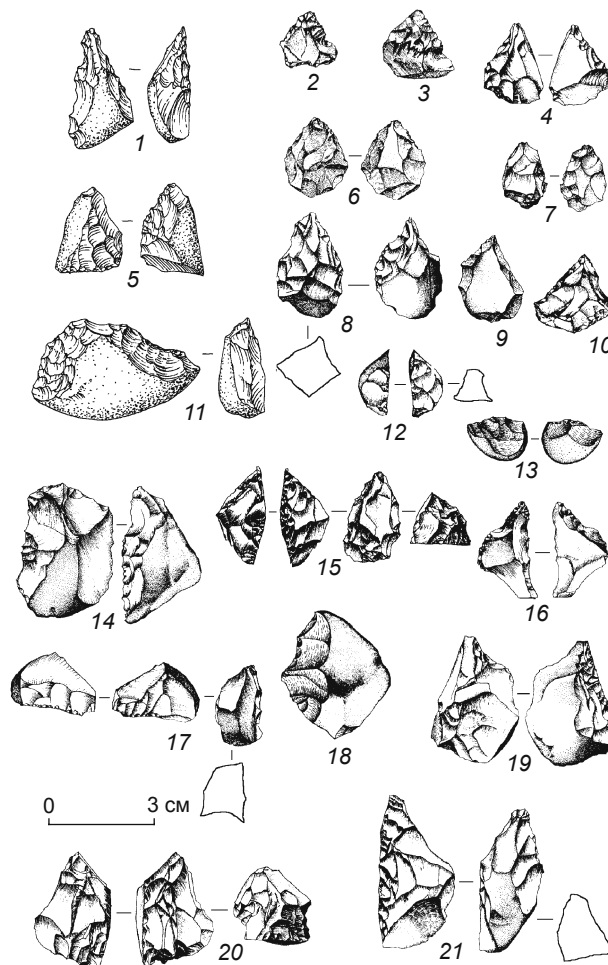

Рис. 19. Каменный инвентарь со стоянки Вертешсёлэш (по: [Vérstesszölös..., 1990]).

диального и леваллуазского методов. Сколы в основном укороченные, массивные; имеются и долечные разновидности (рис. 20). Изделия носят ярко выраженный микролитический характер. Среди орудий представлены остроконечники, многочисленные режущие инструменты с обушком и без него, много зубчатых форм, скребки, микрочопперы и чоппинги. На местонахождении было обнаружено изделие из кости, идентифицированное как скребло, а также остатки деревянных предметов и их окаменевшие отпечатки. Они были интерпретированы как наконечники, дротики с отверстием на одном конце, лопаточки, лопатообразные инструменты, деревянное изделие с изогнутым в виде крюка концом.

На основании результатов комплексных исследований (геологических, палеонтологических), а также серий урановых и аминокислотных дат (228, 301–179 и 350–335 тыс. л.н.) находки отнесены к поздней фазе миндель-рисского межледникового.

На территории Германии, в Нижней Саксонии, исследовались два местонахождения – Шёнингген-12

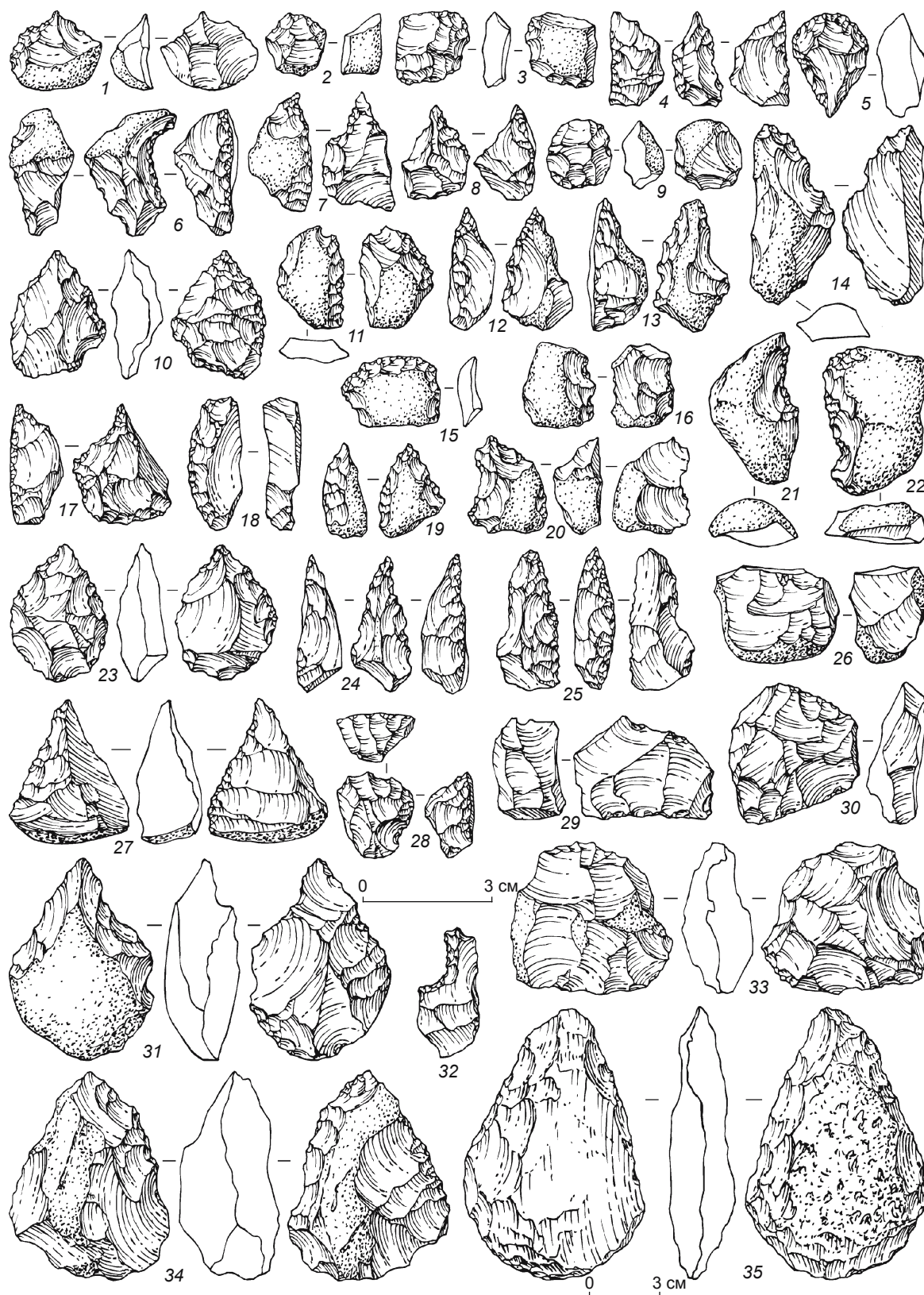

Рис. 20. Каменный инвентарь со стоянки Бильцингслебен (по: [Brühl, 2003]).

1, 7 – проколки; 2–5, 15, 28 – скребки; 6, 13, 16, 20, 32 – выемчатые орудия; 8, 12, 19, 24 – заостренные орудия; 9, 26, 29, 30, 33 – нуклеусы; 10, 23, 27, 31, 34 – двусторонне обработанные орудия; 11, 18 – скребловидные орудия; 14, 21, 22 – орудия с притупленным краем; 17 – острое Quinson; 25 – зубчатое орудие; 35 – рубило.

и Шёнингген-13 П-4, относящиеся к раннему палеолиту [Thieme, 2003]. Культуросодержащие горизонты залегают в литологических горизонтах, относящихся к холстейнскому интергляциалу. Первичное расщепление связано с получением небольших по размеру отщепов, в основном до 50 мм, и изготовлением на них орудий. Среди орудийного набора имеются зубчато-выемчатые изделия, бифасиально обработанные отщепы и миниатюрные бифасы, конвергентные скребла, остроконечники, скребла дежете, ретушированные отщепы. Особый интерес представляют четыре деревянных приостренных орудия. Они определены как основы для закрепления в них микроорудий. Это наиболее древние остатки основ для изготовления сложных составных орудий. Эти предметы длиной 12; 17; 19,1 и 32,2 см имеют диагональный паз, вырезанный на одном конце, куда вставлялись каменные орудия небольших размеров. Деревянные изделия могли использоваться человеком на самом раннем этапе его орудийной деятельности. Деревянные основы для микроорудий, найденные в Шёнинггене и Бильцингслебене, убедительно свидетельствуют о том, что сложные составные изделия появились очень рано. Дата стоянок Шёнингген – 450–400 тыс. л.н.

Стоянки с микроиндустрией, близкой к индустрии Бильцингслебен, исследовались на территории Польши [Burdukiewicz, 2003]. В ходе раскопок на стоянках Трзбника-2 обнаружены одно крупное и три небольших скопления артефактов – более 1 400 экз.; стоянка Руско-33 исследовалась на небольшой площади, и здесь найдено ок. 350 артефактов; на стоянке Руско-42 артефакты имеют следы шлифовки в результате перемещения их водными потоками. Каменный инвентарь этих стоянок разделен на три основные группы: нуклеусы, орудия на отщепах и отщепы.

У многих нуклеусов были подготовленные ударные площадки, более половины – почти полностью сработанные в результате снятия с них отщепов. Средняя длина отщепов со стоянки Руско-33, как и в Бильцингслебене, 17 мм, со стоянки Руско-42 – 17 мм, из двух горизонтов Трзбника-2 – 20 мм. Орудия представлены боковыми скребками, выемчатыми и зубчатыми инструментами, остроконечниками, перфораторами, ретушированными отщепами. Трасологический анализ показал, что для выполнения различных работ использовались и неретушированные отщепы. Размеры нуклеусов, отщепов и орудий, а также техника обработки (часто использовалась зубчатая ретушь, производились крупные сколы, которые оформляли выемчатые инструменты) объединяют эти ранние палеолитические местонахождения с другими стоянками Европы с микроиндустрией.

Домустьерские микроиндустриальные местонахождения в Центральной Европе первым выделил К. Валох [Valoch, 1977]. В.Н. Гладили и В.И. Ситли-

вый [1990] ашель Центральной Европы разделили на несколько локальных вариантов, выделив, в частности, микроашельскую индустрию. По их мнению, “микроашель” Центральной Европы развился из древнейших микрокомплексов Восточной Африки (Шунгура, Омо, Кооби Фора) и Средиземноморья (Солейяк и, вероятно, более древние памятники Франции, Валлоне, Салле (?), Изерния) и явился основой для местного микромустье (Таубах, Кульна, Тата и др.) [Там же, с. 140]. Этот вывод во многом представляется справедливым. Можно надеяться, что дальнейшее изучение ашельских и раннемустьерских местонахождений позволит получить новые доказательства наличия в раннем палеолите Европы олдувайской индустрии и микроиндустрии и на этой основе – формирования раннемустьерских комплексов.

В Европе элементы микролитической индустрии сохранялись и на раннем этапе верхнего плейстоцена. Очень вероятно, что на этом континенте традиция, носителем которой был человек с микроиндустрией доашельской миграционной волны, появилась и на других местонахождениях раннего палеолита, но с приходом мигрантов с ашельской индустрией эти традиции включились в процесс аккультурации. На некоторых местонахождениях мустьерского времени появление небольших по размерам каменных орудий является результатом конвергенции, формирования новых адаптивных стратегий.

Казахстан

В Средней Азии, как и Европе, в палеолитических местонахождениях конца нижнего – среднего неоплейстоцена прослеживается традиция микроиндустрии. В Таджикистане в индустрии Кульдары В.А. Ранов видит основу галечной индустрии [Ранов, Шефер, 2000; Ranov, Dodonov, 2003], которая нашла отражение в других местонахождениях каратауской культуры – Каратау, Лахути, Оби-Мазар.

На территории Средней Азии наиболее ярко микроиндустрия проявилась на раннепалеолитических местонахождениях Кошкурбан-1 и -2 и Шоктас-1, -2, -3 [Дервянко, Петрин, Таймагамбетов, 2000; Раннепалеолитические индустриальные комплексы..., 2000]. Местонахождения расположены в Туркестанском р-не Южно-Казахстанской обл. на предгорной равнине между юго-западным склоном хр. Каратау и долиной р. Сырдарьи. В районе небольшого с. Кошкурбан на площади около сотни квадратных километров выявлено семь древних восходящих водных источников-грифонов, которые функционировали, вероятно, на протяжении всего плейстоцена. Здесь ввиду большого содержания минеральных солей в водах грифонов образовались травертиновые

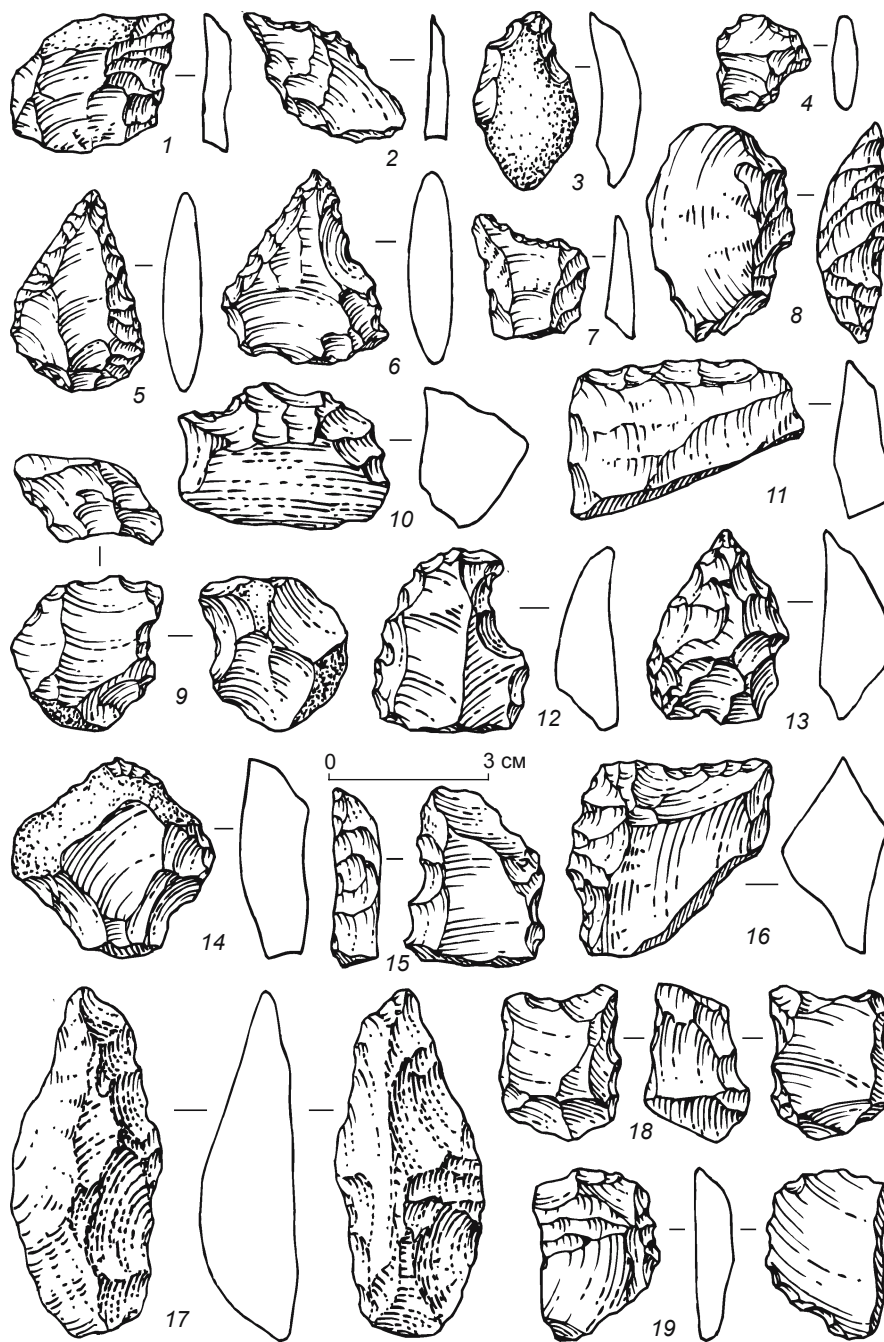

Рис. 21. Каменный инвентарь со стоянки Шоктас-1.

1 – комбинированное орудие; 2 – отщеп с признаками зубчатой ретуши; 3, 18 – орудия с шипом; 4, 14, 19 – скребки; 5, 6, 8, 11, 13 – скребла; 7 – проколка; 9 – нуклеус леваллуа; 10, 15, 16 – зубчато-выемчатые орудия; 12 – орудие с выемкой; 17 – бифас.

кольца диаметром до 30 м. Данная территория, на которой в эпоху плейстоцена сложилась особая палеоэкологическая ситуация, обусловленная наличием постоянных водных источников в условиях общей аридизации климата часто посещалась человеком, а также мелкими и крупными животными.

В ходе полевых исследований удалось проследить процесс накопления субаквальных отложений

внутри самого травертинового кольца. На стоянке Кошкурган-1 выделено шесть этапов травертинового образования. По образцам, взятым из отложений, которые соответствуют указанным этапам, ЭПР-методом было определено шесть дат: 500 ± 75 ; 430 ± 20 ; 320 ± 90 ; 300 ± 90 ; 250 ± 75 ; 40 ± 12 тыс. л.н.

Эти данные можно экстраполировать на материалы других местонахождений, в т.ч. Шоктас-1, пос-

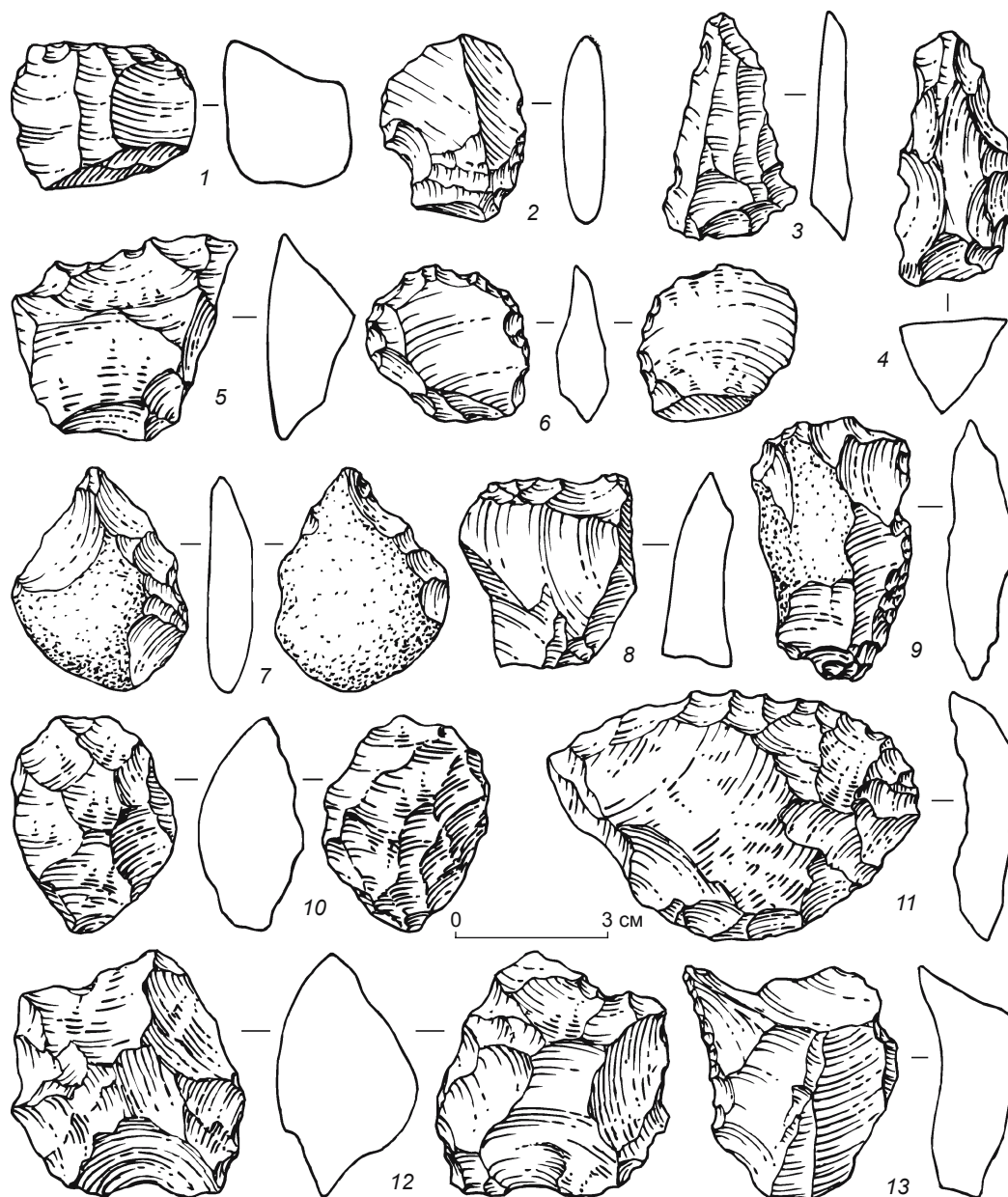

Рис. 22. Каменные орудия со стоянки Шоктас-1.

1 – нуклеус леваллуа; 2 – орудие с выемкой; 3 – леваллуазское снятие; 4, 7, 9 – скребла; 5, 8 – зубчатые орудия; 6 – скребок; 10 – дисковидный нуклеус; 11 – бифас; 12 – ортогональный нуклеус; 13 – орудие с шипом.

кольку, как показывают исследования, травертиновые памятники “фонтанального” типа сходны по всем показателям. Методом ЭПР по четырем образцам костей из линзы песка получены даты: 501 ± 23 ; 487 ± 20 ; 470 ± 35 ; 427 ± 48 тыс. л.н., которые согласуются с хронологическими определениями, основанными на палеонтологическом материале кошкурганского фаунистического комплекса – аналога раннеоплейстоценового тираспольского фаунистического комплекса Восточной Европы.

Местонахождения Кошкурган-1, -2 и Шоктас-1, -2, -3, демонстрирующие одну индустрию, едины по культуре. Первичное расщепление в нижнем культуросодержащем горизонте на этих местонахождениях представлено леваллуазскими, ортогональными, одноплощадочными монофронтальными, дисковидными, чоппинговидными нуклеусами. Максимальные размеры нуклеусов 7 см, минимальные – 2 см.

Леваллуазские нуклеусы имеют овальную форму. Латерали и ударные площадки были подготовлены

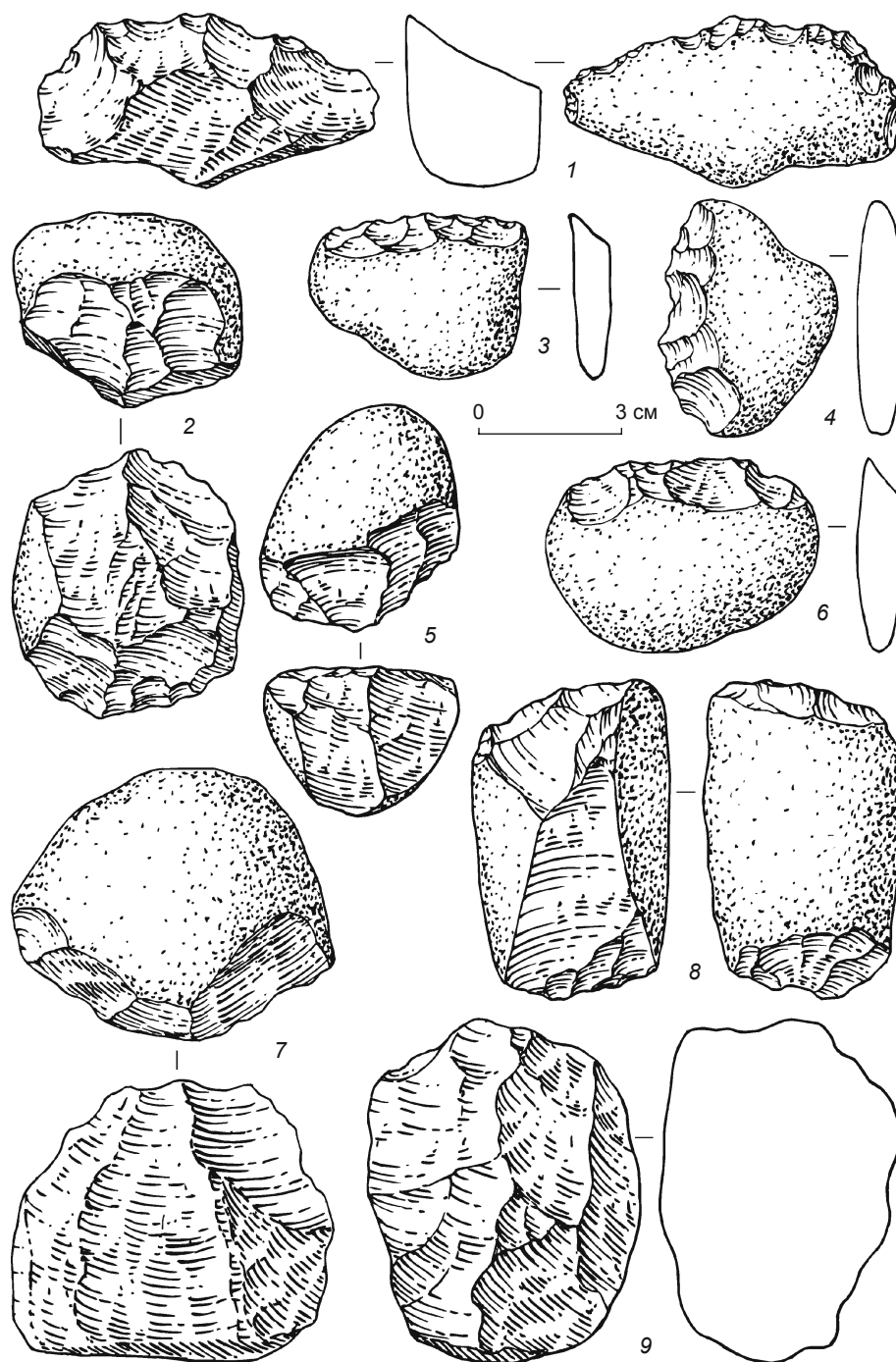

Рис. 23. Каменный инвентарь со стоянки Шоктас-1.

1, 3, 4, 6 – скребла; 2, 7, 9 – нуклеусы леваллуа; 5 – одноплощадочный нуклеус; 8 – чопперовидный нуклеус.

мелкими сколами: с одной-двух рабочих плоскостей производилось снятие леваллуазских остроконечников, пластинчатых сколов и отщепов. Ортогональные нуклеусы преимущественно шаровидной формы. Поверхность нуклеусов покрыта многочисленными негативами укороченных снятий. Плоскость, образованная предыдущим сколом, использовалась в ка-

честве ударной площадки для последующего снятия. Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы преимущественно овальной формы. Ударная площадка у одних нуклеусов несет следы подправки мелкими сколами, у других – сохраняет галечную поверхность. Чоппинговидные нуклеусы, или нуклеусы от “ребра”, изготавливались на гальках. Используя одну

ударную площадку, мастер производил скалывание укороченных отщепов поочередно с двух прилежащих плоскостей. Некоторые изделия могли использоваться в качестве рубящих орудий. Дисковидные нуклеусы выполнены на округлых гальках. Укороченные отщепы скалывались от краев к центру. Характеризуя первичное расщепление, следует отметить высокий уровень древних мастеров в подготовке нуклеусов, максимальное использование рабочих поверхностей и разнообразие применявшихся методов.

Среди сколов ведущее место занимают отщепы (более 50 %: первичные – до 25 %, вторичные – более 20 %), много осколков и обломков. Преобладают сколы средних размеров (30–40 мм) – более 50 %, им несколько уступают мелкие сколы (10–20 мм) – ок. 40 %, незначительно представлены крупные сколы (60–70 мм). Среди отщепов преобладают массивные короткие и укороченные сколы. Малочисленны удлиненные сколы. У большинства сколов поврежденные и неопределимые площадки. Среди сколов с определимыми площадками имеются гладкие и фасетированные.

Орудийный набор на местонахождениях Кошкурган-1, -2 и Шоктас-1, -2, -3 разнообразный (рис. 21–24). Наиболее многочисленную и разнообразную в типологическом плане группу составляют скребла: одинарные, продольные, выпуклые; одинарные, продольные, вогнутые; одинарные, продольные, прямые; одинарные, поперечные; двойные, продольные; двойные, конвергентные, на пластинчатых заготовках; двойные, конвергентные, на отщепах; двойные, конвергентные, массивные; двойные, угловатые; двойные, продольно-поперечные; ретушированные по периметру; одинарные с обушком; на гальках и обломках галек. Среди орудий велика доля выемчатых и зубчато-выемчатых форм. Имеются орудия с шипом и проколки; орудия с обушком; скребки двойные, боковые, концевые; комбинированные, оригинальные бифасиальные изделия; пластины и пластинчатые сколы, а также отщепы с ретушью.

Вторичная обработка осуществлялась ретушью. Часть орудий, особенно на небольших гальках, оформлена оббивкой. Орудия обрабатывали преимущественно дорсальной, как правило, крутой или полукрутой ретушью. Наиболее распространенная – зубчатая, чешуйчатая и чешуйчато-ступенчатая ретушь. Вентральная ретушь использовалась при оформлении скребел.

Сравнение выявило большое сходство орудийных наборов Кошкургана-1 (504 экз.) и Шоктаса-1 (549 экз.). Основу коллекций составляют скребла (одинарные, двойные, на гальках). Для Кошкургана-1 индекс скребел (IR) равен 60,9, для Шоктаса-1 – 39,3. На последнем местонахождении меньше выемчатых и зубчато-выемчатых изделий. В наборе орудий

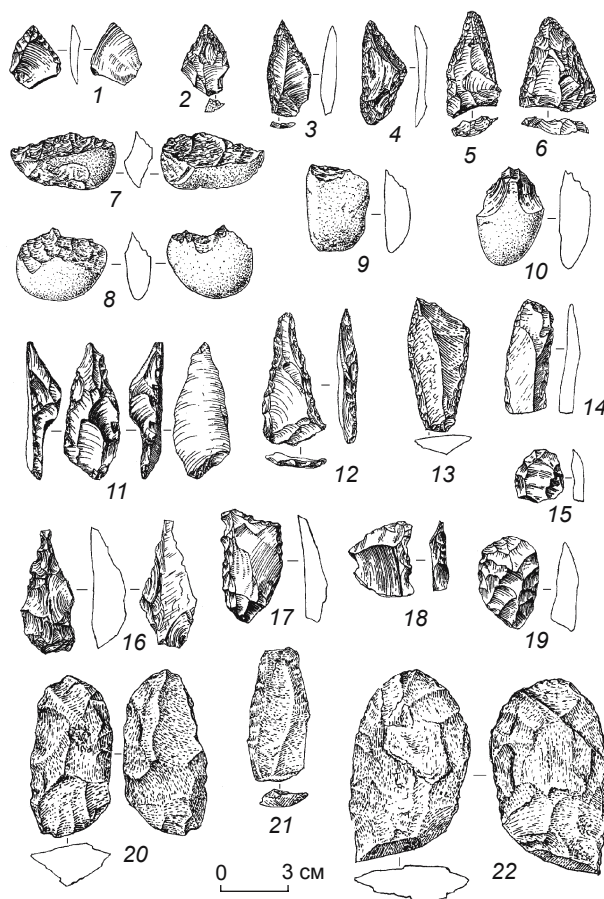

Рис. 24. Каменный инвентарь со стоянки Кошкурган-1. 1 – скребло двойное угловатое; 2, 3, 5, 6, 12 – скребла двойные конвергентные; 4, 11 – скребла; 7–10 – скребла на гальках; 13 – скребло двойное; 14, 15, 18 – скребки; 16, 17 – зубчато-выемчатые орудия; 19, 20, 22 – бифасы; 21 – ретушированная пластина.

из Кошкургана-1 на их долю приходится 15,2 %, Шоктаса-1 – 6,9 %. Третье место по удельному весу в орудийном наборе обоих памятников делят скребки – 6,1 и 4 % соответственно, орудия с обушком – 6,5 и 1 %, с шипом – 3,5 и 1,4 %. Небольшими, но устойчивыми сериями представлены проколки, комбинированные орудия, оригинальные изделия и бифасиально обработанные орудия. Перечисленные типы орудий определяют облик кошкургано-шоктасской индустрии.

На основании приведенных данных можно с полной уверенностью говорить об ансамблях Кошкургана-1 и Шоктаса-1 как о раннепалеолитических микроиндустриальных комплексах. Средние размеры орудий менее 50 мм. Исходным сырьем для них служили небольшие гальки. В наборе нуклеусов доминируют леваллуазские и одноплощадочные монофронтальные разновидности. Типологическую основу коллекции орудий составляют скребла и зубчато-выемчатые формы. Для комплексов обоих памятников характерны нелевал-

луазские укороченные сколы с нефасетированными ударными площадками. Коллекции Кошкурмана-1 и Шоктаса-1 дают исчерпывающую информацию о технико-типологических особенностях одной из основных линий развития индустрии на протяжении раннего палеолита Средней Азии.

Дискуссия

Исследование микроиндустрии местонахождений Кошкурман-1 и Шоктас-1, -2, -3 и материалов памятников подобного типа в Евразии привело нас к гипотезе о восточно-азиатском происхождении этого индустриального комплекса [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов, 2000; Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы..., 2000]. В настоящее время мы считаем возможным предложить другой вариант решения проблемы о древнейших миграциях в Евразии.

Важное значение для понимания многих проблем, связанных с изучением микроиндустрии в раннем палеолите, имел семинар “Маленькие орудия нижнего палеолита в Европе и Леванте”, проведенный в 1993 г. в Льеже в рамках Международного конгресса протоисториков [Lower Palaeolithic..., 2003]. Основные выводы дискуссии можно сформулировать так:

1) было признано, что индустрия маленьких орудий появляется ок. 1 млн л.н. и широко распространяется в Евразии. Микроорудия встречаются на стоянках раннего палеолита, и эта традиция сохраняется в Центральной Европе вплоть до позднего и среднего палеолита;

2) появление индустрии маленьких орудий объяснялось в основном природно-климатическими условиями и в связи с этим изменением адаптационных стратегий у древних популяций Евразии.

Прежде всего необходимо уточнить смысл понятия “маленькие орудия” и выяснить, к каким комплексам оно применимо. С нашей точки зрения, этот феномен можно назвать раннепалеолитической микроиндустрией. В палеолите можно выделить два хронологических периода, микроорудия которых представлены не отдельными морфотипами, а диагностическими элементами индустрий: ранний палеолит и финал верхнего палеолита – мезолит. В верхнем палеолите – мезолите можно выделить западную традицию с орудиями геометрических форм и восточную – микропластинчатую (Северная, Центральная, Восточная Азия и Северная Америка), в которой орудия геометрических форм (п-ов Корея, о-в Кюсю) играют незначительную роль, а появление их можно объяснить конвергенцией. Обе традиции формируются на базе пластинчатого расщепления специально подготовленных нуклеусов.

Раннепалеолитическая микроиндустрия – особое явление в историко-культурном становлении человечества, и ее следует рассматривать как одну из главных основ орудийной деятельности архантропов. Распространение микроиндустрии в Евразии связано с одной из двух доашельских миграций человека из Африки в хронологическом диапазоне 2–1,5 млн л.н. Что мы вкладываем в понятие “раннепалеолитическая индустрия”? Маленькие и большие по размерам орудия труда – абстрактные определения. Для микроиндустрии характерно:

1) преобладание орудий (90 % и более) размерами не более 50 мм. В отдельных местонахождениях может быть небольшое количество орудий несколько больших размеров, но это отбойники и рубящие изделия типа чопперов и чоппингов;

2) все основные типы каменных орудий изготовлены на отщепках. В наиболее ранних местонахождениях Евразии (1,3–0,7 млн лет) более 50 % каменных орудий имеют размеры 15–30 мм. В первичной обработке часто использовался технический прием, когда плоскость, образованная предыдущим снятием, использовалась в качестве ударной площадки для последующих скалываний;

3) среди орудий наиболее типичными являются скребла, скребки, зубчатые и выемчатые инструменты, проколки, острия, орудия с шипом. Для оформления орудий наиболее часто применялись зубчатая и чешуйчато-ступенчатая ретушь, а также сколы для образования на инструменте глубокой выемки. Очень часто в качестве сырья использовались кремнистые породы камня.

Наличие на ряде раннепалеолитических местонахождений только орудий маленьких размеров предопределяло и адаптационные стратегии. Во-первых, преобладание орудий небольшого размера подразумевало использование деревянных основ для изготовления сложных составных изделий. Поэтому для обеспечения долговечности и эффективности вкладышевых изделий в качестве сырья выбирались твердые и наиболее прочные породы камня. Дерево, как и камень, использовали, видимо, на самой заре человеческой истории. Обнаруженные в Шёнингене и Бильцингслебене деревянные рукоятки для составных орудий подтверждают такое предположение. Наличие в Бизат Рухаме, Дарвагчае и др. раннепалеолитических местонахождениях скребел, зубчато-выемчатых инструментов свидетельствует об использовании их для обработки дерева и кости. Это подтверждается и трасологическими исследованиями [Steguweit, 2001]. Во-вторых, основным источником питания, видимо, были морские или речные ресурсы и продукты собирательства. Наличие на ряде местонахождений (Изерния ля Пинета, Бильцингслебен и др.) остатков крупной териофау-

ны свидетельствует скорее всего о трупоедании, что не исключало охоту на мелких животных.

Появление в том или ином районе Евразии раннепалеолитической микроиндустрии можно объяснить особыми адаптационными стратегиями людей, соответствующими изменениям природной обстановки, или наличием только небольших галек. Но это противоречит фактам. Природная обстановка в раннем плейстоцене в районах Бизат Рухама, Сяочанляна, Дунгута, Кульдары, Дарвагчая была различной, а каменная индустрия имеет удивительное сходство. В Бизат Рухаме, Дарвагчае и на др. местонахождениях с раннепалеолитической микроиндустрией в окрестностях стоянок имелись гальки различного качества и размеров, но для первичного расщепления и изготовления орудий использовались гальки только определенного качества и небольших размеров. Таким образом, подобная селективность изначально детерминировалась не характеристиками исходного сырья, а устойчивыми традициями и потребностями человека именно в микроиндустриях.

С. Перетто интерпретирует микроорудия в Изернии ля Пинета в основном как отходы производства [Peretto, 1983]. Экспериментально было доказано, что при сильном ударе отбойником по нуклеусу, стоящему на наковальне, нуклеус разбивался и отходы от такого расщепления напоминали зубчатые и выемчатые инструменты со следами крутой ретуши. Мы не считаем нужным оспаривать возможность такой процедуры “опportunистического” расщепления. В Бизат Рухаме, Кульдаре, Дарвагчае и на др. местонахождениях выбирались камни небольших размеров и все орудия, изготовленные из отщепов, имеют признаки тщательной обработки крутой или зубчатой ретушью. Изучение коллекций не позволяет сомневаться в том, что вся операционная цепочка в микроиндустриях предусматривала получение в виде конечного продукта скребка, скребла, выемчатого или зубчатого орудия. В Изернии ля Пинета, судя по иллюстрациям, происходил аналогичный процесс. Выводы, вытекающие из современных экспериментов, не всегда соответствуют намерениям и конечным результатам человека, обрабатывавшего камень миллион лет назад. У нас нет сомнения в том, что микроорудия – не случайные продукты процесса утилизации, а результат достаточно хорошо продуманных последовательных действий по отбору исходного сырья, расщеплению гальки и превращению отщепа с помощью определенной ретуши в хорошо обработанный и эффективный инструмент.

С нашей точки зрения, основой для появления и распространения микроиндустрии в Евразии в раннем и среднем палеолите послужили три разных процесса. Олдувайская индустрия и микроиндустрия Омо в Африке могли быть материальной культурой

архантропов двух наиболее ранних волн миграций в Евразию. Современный уровень знаний о географии местонахождений позволяет предположить, что древнейшие популяции человека двигались из Африки двумя путями: северным – через Ближний Восток и южным – по сухопутному мосту через Красное море в Южную Аравию. Олдувайская индустрия и микроиндустрия в одинаковой степени представлены в раннепалеолитических местонахождениях Евразии. С ранними *Homo erectus* в Юго-Восточной Азии пока не найдено каменных орудий, и нет возможности установить, какая индустрия является древнейшей на востоке Евразии. Местонахождения Сяочанляна и Дунгута с микроиндустрией являются в настоящее время самыми древними в Китае. Это означает, что микроиндустрия появилась в Восточной Азии 1,4–1,3 млн л.н. Проблемными с точки зрения определения хронологии и выделения преднамеренной орудийной деятельности остаются такие местонахождения, как Сихоуду, Юаньмоу, Лангупо и др. Если в будущем исследователям удастся установить бесспорность наличия орудий на этих местонахождениях, а также древность их более 1,5 млн лет, то можно будет уверенно говорить о двух миграционных волнах архантропов в Восточную и Юго-Восточную Азию с олдувайской индустрией и микроиндустрией. В Евразии с миграционной волной человека и микроиндустрией связаны раннепалеолитические местонахождения Бизат Рухама, Кульдара, Дарвагчая (нижний культуросодержащий горизонт древностью ок. 800 тыс. лет).

На территории Европы самые ранние стоянки, по мнению М. Отта [Otte, 2003], также содержат микроиндустрию. Нам представляется, что здесь в самом раннем палеолите (1 млн – 700 тыс. л.н.) существовали местонахождения с доашельской (олдувайской) индустрией и микроиндустрией.

Второй процесс – аккультурация. В Европе известны стоянки возрастом позже 700 тыс. лет, демонстрирующие изготовление и использование ручных рубил, появление которых можно объяснить новой миграционной волной древних популяций. С этого времени происходит процесс аккультурации древнего местного населения (достаточно малочисленного) и пришлого и их индустрий. Примерами аккультурации в Европе являются стоянки Бильцингслебен, Ревенивз (Чехия), в Азии – раннепалеолитические местонахождения Кошкурбан-1, -2 и Шоктас-1, -2, -3.

Третий процесс, обусловивший появление микроорудий, связан с адаптационными стратегиями древних популяций, отвечавшими меняющимся экологическим условиям. В этом случае правильнее говорить не о микроиндустрии в целом, а о наличии в среднем палеолите отдельных типов небольших по размерам

каменных орудий. К такому типу индустрий можно отнести микроустье в Ябруде.

Появление и распространение раннепалеолитической микроиндустрии в Евразии – сложный феномен, который требует специального изучения. Важнейшее значение для решения этой проблемы будут иметь обнаружение новых и дальнейшее изучение уже известных местонахождений с микроиндустрией. Открытие и изучение в 2004–2005 гг. стоянки Дарвагчай на западном побережье Каспия вселяет уверенность в возможность выявления местонахождений с микроиндустрией в Евразии, которые дадут исчерпывающие ответы на некоторые проблемы, поставленные в этой статье.

Список литературы

- Амирханов Х.А., Деревянко А.П.** Северный Кавказ: первоначальное освоение и начальные этапы развития культуры // Отчет по программе фундаментальных исследований Президиума РАН за 2004 год “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”. – М.: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – С. 35.
- Вэй Ци.** Первоначальные исследования палеолита в Дунгута // Нихэвань яньцзю луньвэнь сюань бянь (Избранные труды по Нихэваню). – Пекин: Вэньу, 1989. – С. 115–128 (на кит. яз.).
- Вэй Ци, Мэн Хао, Чэн Шэнцзянь.** Новые раскопки палеолитических местонахождений в многослойном комплексе Нихэвань // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1983. – Вып. 4, № 3. – С. 105–114 (на кит. яз.).
- Гладилин В.Н., Ситливый В.И.** Ашель Центральной Европы. – Киев: Наук. думка, 1990. – 268 с.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 70–103.
- Деревянко А.П.** Две основные миграционные волны древних популяций человека в Азию // Тр. отд-ния ист.-филол. наук РАН. – М.: ИВИ РАН, 2003. – Вып. 1. – С. 11–24.
- Деревянко А.П.** Проблемы антропогенеза и заселения человеком восточной части Евразии // Современные проблемы науки. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – С. 52–72.
- Деревянко А.П.** Древнейшие миграции человека в Евразию и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология. – 2005. – № 2 (22). – С. 22–36.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Рыбин Е.П.** Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 65–69.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Чепалыга А.Л.** Палеолитическое местонахождение бакинского времени Дарвагчай-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 68–73.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К.** Феномен микроиндустриальных комплексов Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4 (4). – С. 2–18.
- Зубов А.А.** Палеоантропологическая родословная человека. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. – 551 с.
- Лаухин С.А., Поспелова Г.А., Ронен А., Ранов В.А., Шаронова З.В., Волгина В.А., Бурдукевич Я., Цацкин А.** Древнейшие миграции палеолитических людей из Африки в Евразию вдоль берега Средиземного моря: Палеомагнитные свидетельства // Докл. АН. – 1999. – Т. 369, № 3. – С. 396–399.
- Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Ж.К. Таймагамбетов, З.К. Исабеков, А.Г. Рыбалко, М. Отт.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – 299 с.
- Ранов В.А.** Каменный век Таджикистана и Памира: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 52 с.
- Ранов В.А.** Генезис и периодизация памятников каменного века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. – Хисор: [Б.и.], 1992. – С. 28–48.
- Ранов В.А.** Ранний палеолит Китая (изучение и современные представления). – М.: ИНКВА, 1999. – 110 с.
- Ранов В.А.** Серьезный вклад в изучение каменного века Центральной Азии // Вестник Каз. гос. ун-та. Сер. историч. – 2000. – № 16. – С. 100–111.
- Ранов В.А., Амосова А.Г.** О методике раскопок палеолитических стоянок в палеопочвах Южного Таджикистана // Полевая археология древнекаменного века. – М.: Наука, 1990. – С. 53–61. – (КСИА; Вып. 202).
- Ранов В.А., Амосова А.Г.** Раскопки палеолитической стоянки Каратау-1 в 1985 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1994. – Вып. 25. – С. 132–145.
- Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П., Пахомов М.М., Пеньков А.В.** Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // БКИЧП. – 1987. – № 56. – С. 65–74.
- Ранов В.А., Шефер Й.** Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 20–32.
- Хуан Вэйвэнь.** Повторное изучение каменных артефактов из Сяочанляна // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1985. – Т. 4, № 4. – С. 301–306 (на кит. яз.).
- Хуан Вэйвэнь, Хоу Ямэй, Сон Хёнгён.** Галечные орудия в палеолите Китая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 2–15.
- Ю Юйчжу.** Новые материалы палеолитического памятника Сяочанляна в провинции Хэбэй и проблемы его датировки // Нихэвань яньцзю луньвэнь сюань бянь (Избранные труды по Нихэваню). – Пекин: Вэньу, 1989. – С. 92–98 (на кит. яз.).
- Ю Юйчжу, Тан Инцзюнь, Ли И.** Палеолитические открытия в комплексе Нихэвань // Чжунго дисыцзи яньцзюй. – 1980. – Т. 5, № 1. – С. 78–91 (на кит. яз.).

Asfaw B., Beyene Y., Suwa G., Walter R.C., White T.D., Woldegabriel G., Yemane T. The earliest Acheulean from Kongo-Gardula // *Nature*. – 1992. – N 360. – P. 732–735.

Bonifay E. Les premières industries du Sud-Est de la France et du Massif Central // *Les Premières Européennes*. – P.: Editions du CNRS, 1991. – P. 63–80.

Brühl E. The small flint tool industry from Bilzingsleben-Steinrinne // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 49–63. – (BAR International Series; N 1115).

Burdukiewicz I.M. Lower Palaeolithic sites with small artefacts in Poland // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 65–92. – (BAR International Series; N 1115).

Carbonell E., Mosquera M., Ollé A., Rodríguez X.P., Sahnocini M., Sala R., Vergés J.M. Structure morphotechnique de l'industrie lithique du Pléistocène inférieur et moyen d'Atapuerca (Burgos, Espagne) // *L'Anthropologie*. – 2001. – N 105. – P. 281–299.

Cesnola di A. P. Le Paléolithique inférieur et moyen en Italie // *Préhistoire d'Europe*. Jérôme Millon. – 1996. – N 1. – 384 p.

Chavaillon J. Découverte d'un niveau oldowayen dans la passe vallée de l'Omo (Ethiopia) // *Bull. de la Société Préhistorique Française*. – 1970. – N 67 (1). – P. 7–11.

Chavaillon J., Boisaubert J.L. Prospection archéologique dans le Gemu-Gofa et la basse vallée de l'Omo // *Abbay, Documents d'Histoire et Civilisation Ethiopienne*. – 1977. – N 8. – P. 3–10.

Delitala M.C., Fornaseri M., Nicoletti M. Datazioni Argon-Potassio sulla serie pleistocenica di Isernia La Pineta // *Isernia La Pineta. Un accampamento più antico di 700.000 anni*. – Bologna; Roma; Milano: Calderini, 1983. – P. 65–66.

Derevianko A.P., Otte M., Petrin V., Taimagambetov Zh. Early Palaeolithic assemblages in Travertine, southern Kazakhstan. (A variant of an adaptation model) // *Anthropologie*. – 1998. – Vol. 36 (1/2). – P. 137–164.

Gibert I., Gibert L., Iglesias A., Maestro E. Two "Oldowan" assemblages in the Plio-pleistocene deposits of the Orce region, Southeast Spain // *Antiquity*. – 1998. – Vol. 72. – P. 17–25.

Howell F.C., Haesaerts P., Heinzelin de J. Depositional environments, archaeological occurrences, and hominids from Members E and F of Shungura Formation (Omo Basin, Ethiopia) // *J. of Human Evolution*. – 1987. – Vol. 16. – P. 665–700.

Isernia la Pineta. Un accampamento più antico di 700.000 anni. – Bologna; Roma; Milano: Calderini, 1983. – 126 p.

Jia Lanpo, Wei Qi. Artefacts lithiques provenant du site pleistocène ancien de Donggutuo près de Nihewan, province d'Hebei, China // *L'Anthropologie*. – 1987. – Vol. 91, N 3. – P. 727–732.

Keates S.G. Archaeological evidence of hominid behaviour in Pleistocene China and Southeast Asia // *Courier Forschungsinstitut Senckenberg*. – 1994. – Bd. 171. – S. 141–150.

Keates S.G. Early and Middle Pleistocene Hominid Behaviour in Northern China / Eds. J. and E. Hedges. – Oxford (England): BAR, 2000. – 387 p. – (BAR International Series; N 863).

Keates S.G. The role of raw material in explaining tool assemblage variability in Palaeolithic China // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 149–168. – (BAR International Series; N 1115).

Kibunjia M. Pliocene archaeological occurrences in the Lake Turkana basin, Kenya // *J. of Human Evolution*. – 1994. – Vol. 27. – P. 157–171.

Kimbel W.H., Johanson D.C., Rak H. Systematic assessment of a maxilla of Homo from Hadar, Ethiopia // *American J. Physical Anthropol.* – 1997. – Vol. 103. – P. 235–262.

Laukhin S.A., Ronen A., Pospelova G.A., Sharonova Z.V., Ranov V.A., Burdukiewicz J.M., Volgina V.A., Tsatskin A. New data on the geology and geochronology of the Lower Palaeolithic site Bizat Ruhama in the Southern Levant // *Paléorient*. – 2001. – Vol. 27, N 1. – P. 69–80.

Leakey M.D. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – Vol. 3. – 306 p.

Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – 239 p. – (BAR International Series; N 1115).

Lumley H., Fournier A., Krzepakowska I., Echasoux A. L'industrie du Pléistocène inférieur de la grotte du Vallonet, Poquebrune-Cap-Martin, Alpes Maritimes // *L'Anthropologie*. – 1988. – N 92. – P. 501–614.

Mania D. Die Funde aus der Steinrinne von Bilzingsleben. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1990. – 283 S.

Mania D., Weber T. Bilzingsleben III. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1986. – 400 S.

McPherron S.P., Schmidt V. Paleomagnetic dating at Isernia La Pineta // *Isernia La Pineta. Un accampamento più antico di 700.000 anni*. – Bologna; Roma; Milano: Calderini, 1983. – P. 67–69.

Otte M. Palaeolithic microindustries: value and significance // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 223–233. – (BAR International Series; N 1115).

Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China / Eds. Wu Rukang, J.W. Olsen. – Orlando; San Diego; N. Y.: Academic Press, 1985. – 265 p.

Parés J.M., Pérez-González A. Paleomagnetic magnetochronology and stratigraphy at Gran Dolina section. Atapuerca (Burgos, Spain) // *J. of Human Evolution*. – 1999. – Vol. 37. – P. 325–342.

Peretto C. Le industrie litiche di Isernia La Pineta // *Isernia La Pineta. Un accampamento più antico di 700.000 anni*. – Bologna; Roma; Milano: Calderini, 1983. – P. 81–93.

Peretto C., Amore F.O., Antoniazzi A., Bahain J.J., Cottani L., Cavallini E., Esposito P., Falguères C., Gagnepain J., Hedley I., Laurent M., Lebreton V., Longo L., Milliken S., Monegatti P., Ollé A., Pugliese A., Renaulti-Miskovsky J., Sozzi M., Ungaro S., Vanucci S., Vergés J.M., Wagner J.J., Jokoyama Y. Industrie lithique de La Belvedere di Monte Poggiolo: Stratigraphie, matière, typologie, remontages et traces d'utilisation // *L'Anthropologie*. – 1998. – N 102. – P. 343–465.

- Pope G.G., Keates S.G.** The evolution of human cognition and cultural capacity: A view – from the Far East // *Intergrative Paths to the Past: Paleoanthropological advances to the Past*. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1994. – P. 531–567.
- Ranov V.A.** The “Loessic Palaeolithic” in South Tadjikistan, Central Asia: its industries, chronology and correlation // *Quaternary Science Reviews*. – 1995. – N 14. – P. 731–745.
- Ranov V.A., Dodonov A.** Small instruments of the Lower Palaeolithic site Kuldara and their geoarchaeological meaning // *Lower Paleolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 133–147. – (Bar International Series; N 1115).
- Roche H.** Technological evolution in early hominids // *Ossa*. – 1989. – N 14. – P. 97–98.
- Roche H.** Remarques sur les plus anciennes industries en Afrique et en Europe // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, Farli, Italia. Colloquium VIII: Lithic Industries, Language and Social Behavior in the First Human Forms. – Farli, 1996. – P. 55–68.
- Ronen A.** The Lower Paleolithic site Evron-Quarry in Western Galilee, Israel // *Sonderveröff. Geol. Inst. Univ. Köln*. – 1991. – Vol. 82. – P. 187–212.
- Ronen A.** The Small Tools of Evron-Quarry, Western Galilee, Israel // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 113–120. – (BAR International Series; N 1115).
- Ronen A., Burdukiewicz J.-M., Laukhin S., Winter Y., Tsatskin A., Dayan T., Kulikov O., Vlasov V.K., Semenov V.** The Lower palaeolithic site Bizat Ruhama in the Northern Negev, Israel // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. – Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1998. – N 28, H. 2. – S. 163–173.
- Schick K., Toth N., Wei Qi, Clark J.D., Etler D.** Archaeological perspectives in the Nihewan basin, China // *J. of Human Evolution*. – 1991. – Vol. 21. – P. 13–26.
- Semaw S.** The world's oldest stone artefacts from Gona, Ethiopia: Their implications for understanding stone technology and patterns of human evolution between 2,6–1,5 million years ago // *J. of Archaeological Science*. – 2000. – N 27. – P. 1197–1214.
- Steguweit L.** Zur Gebrauchsspurenanalyse an paläolithischen Feuersteinartefakten / Hrsg. G.A. Wagner, D. Mania // *Frühe Menschen in Mitteleuropa: Chronologie, Kultur, Umwelt des Homo heidelbergensis von Mauer e.V.* – 2001. – Veröff. 1. – S. 113–130.
- Suwa G., White T.D., Howell F.C.** Mandibular postcanine dentition from the Shungura Formation. Ethiopia: Crown morphology, taxonomic allocation, and Plio-Pleistocene hominid evolution // *American J. of Physical Anthropology*. – 1996. – Vol. 101. – P. 247–282.
- Tchernov E., Kolska-Horwitz L., Ronen A., Lister A.** The faunal remains from Evron Quarry in relation to other Paleolithic hominid sites in the southern Levant // *Quaternary Research*. – 1994. – Vol. 42. – P. 328–339.
- Thieme H.** The Lower Palaeolithic Sites at Schöningen, Lower Saxony, Germany // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 9–28. – (BAR International Series; N 1115).
- Torre I.** Omo Revisited. Evaluating the Technological skills of Pliocene Hominids // *Current Anthropology*. – 2004. – Vol. 45, N 4. – P. 439–465.
- Turq A., Martinnez-Navarro B., Palmqvist P., Arribas A., Agusti J., Rodriguez Vidal J.** Plio-Pléistocene de la région d'Orce, province de Grenade, Espagne: bilan et perspectives de recherche // *Paleo*. – 1996. – Vol. 8. – P. 185–204.
- Valoch K.** Die Mikrolithik im Alt- und Mittelpaläolithikum // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. – 1977. – Z. 18. – S. 57–62.
- Vérstesszölös** – Site, man and culture / Eds. M. Kretzoi, V. T. Dobosi. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. – 555 p.
- Wei Qi.** Paleolithic from the lower Pleistocene of the Nihewan beds in the Donggutuo site // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1985. – Vol. 4 (4). – P. 289–300.
- Wei Qi.** Paleolithic archaeological sites from the Lower Pleistocene in China // *From Sozudai to Kamitakamori: World Views on the Early and Middle Palaeolithic in Japan: A symposium to commemorate the 80th birthday celebrations of Professor Chosuke Serizawa*. – Sendai, 1999. – P. 123–124.
- Wood B.A., Collard M.** Grades and the evolutionary history of early African hominids // *Archaeological Sciences 1995* / Eds. A. Sinclair, E. Slater, J.A. Gowlett. – Oxford: Oxbow Books, 1997. – P. 445–448.
- Wu Xian.** On the origin of modern humans in China // *Quaternary International*. – 2004. – Vol. 117. – P. 131–140.
- You Yuzhu, Tang Yingjun, Li Yi.** Paleolithic discoveries in the Nihewan formation // *Chinese Quaternary Research*. – 1980. – Vol. 1 (5). – P. 1–13.
- Zaidner Y.** The use of raw material at the Lower Palaeolithic site of Bizat Ruhama, Israel // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 121–132. – (BAR International Series; N 1115).
- Zaidner Y., Ronen A., Burdukiewicz J.M.** The Lower Paleolithic microlithic industry of Bizat Ruhama, Israel // *Lower Paleolithic Small Tools in Europe and the Levant* / Eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford (England): Archaeopress, 2003. – P. 133–147. – (BAR International Series; N 1115).
- Zhu R.X., Hoffman K.A., Potts R., Deng C.L., Pan Y.X., Guo B., Shi C.D., Guo Z.T., Yuan B.Y., Hou Y.M., Huang W.W.** Earliest presence of humans in northeast Asia // *Nature*. – 2001. – N 413. – P. 413–427.

Материал поступил в редколлегию 1.11.05 г.

УДК 903

С.В. Лещинский*Томский государственный университет**пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия**E-mail: sl@ggf.tsu.ru*

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ТАФОНОМИЯ И ГЕНЕЗИС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛУГОВСКОЕ*

Введение

В начале XXI в. в Ханты-Мансийском автономном округе были впервые проведены палеоэкологические исследования плейстоценовой мегафауны с позиции влияния абиотической среды на крупных ископаемых млекопитающих, главным образом мамонтов. Объектом изучения стал палеофаунистический материал местонахождения Луговское**, одной из особенностей которого является абсолютное преобладание костей и зубов мамонтов над костными остатками других представителей мегафауны, и, конечно, “изюминка” Луговского – позвонок мамонта, пробитый палеолитическим орудием [Zenin et al., 2003]. Кроме того, радиоуглеродным методом по костям и зубам мамонтов и шерстистого носорога были получены “молодые” изотопные даты, до настоящего времени не характерные для центра Западной Сибири [Orlova et al., 2004].

Палеоэкологические исследования основаны на сравнительном анализе остатков ископаемых млекопитающих Луговского (~5 500 экз.) с плейстоценовой

мегафауной из Волчьей Гривы (~500 экз.), Шестакова (более 700 экз.), Кочегура (более 150 экз.), Колывани (~50 экз.), Большедорохова (~200 экз.) и других местонахождений (более 300 экз.) Западно-Сибирской равнины*. Необходимо отметить, что значительная часть (более 4 000 экз.) коллекции Луговского, собранной в 1999–2004 гг., представлена довольно мелкими фрагментами, малопригодными для исследований. Поэтому детально изучено ок. 1 500 относительно целых костей и зубов мамонтов и 65 – других млекопитающих.

При сравнительном анализе максимально широко использовались опубликованные материалы по болезням, связанным с нарушением обмена веществ, особенно энзоотическим и эндемическим заболеваниям опорно-двигательной системы как современных, так и плейстоцен-голоценовых крупных млекопитающих, в т.ч. человека [Логгинов, 1890; Рохлин и др., 1934; Дамперов, 1939; Чепуров и др., 1955; Черкасова, 1954; Ковальский, 1974; Уразаев, 1978; Машенко, Лещинский, 2001; Деревянко и др., 2003; Лещинский и др., 2003; и др.].

Тафономические особенности и генезис местонахождения

Массовость костей и зубов мамонтов на Луговском (более 95 % от общего количества костных остатков, без учета мелких фрагментов) сближает его с такими

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 03-05-65252) и гранта Президента РФ (№ МК-3291.2004.5). Автор признателен директору Музея Природы и Человека г. Ханты-Мансийска Л.В. Степановой за возможность изучения коллекции местонахождения Луговское, а также научному сотруднику Томского государственного университета А.В. Файнгерцу за помощь в технической обработке материалов.

** Подробно о геологии, геоморфологии, палеонтологии, палеогеографии и археологии см. статьи С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др.; В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

* Изученные коллекции хранятся в Музее Природы и Человека, Томском государственном университете, Институте археологии и этнографии СО РАН и районных краеведческих музеях.

известными местонахождениями Азии, как Шестаково, Волчья Грива и Кочегур, являющимися зверовыми палеосолонцами [Лещинский, 2001; Leshchinskiy, 2001; Деревянко и др., 2003; Лещинский и др., 2003; Leshchinskiy, Burkanova, 2003]. Остатки млекопитающих, обнаруженные в донных отложениях ручья, за исключением слоя современного/голоценового буровато-серого илистого осадка, преимущественно хорошей сохранности – выветривание нулевой или первой стадии (по: [Behrensmeyer, 1978]). Однако небольшая часть костей сильно выветрена (вторая стадия и выше), что говорит о мацерации некоторых трупов животных на открытом воздухе и/или существенном переотложении отдельных остатков. Значительно больший удельный вес наиболее выветренных и/или окатанных при транспортировке костей прямо свидетельствует об их переотложении и, вероятно, большем возрасте. Судя по геологической ситуации и результатам изотопного датирования практически всех ископаемых остатков (15 анализов), отложения слоя 2 сформированы в позднесартанское – раннеголоценовое время (~16,5–9,5 тыс. л.н.). Две ^{14}C -даты (~18,2 и 30 тыс. л.н.), а также фрагменты костей и зубов в слое 1 явно говорят о переотложении какой-то части материала*. На некоторых костях выявлены различные стадии выветривания и следы механического разрушения – истирания (воздействие льдин?), что может свидетельствовать о частичном выносе остатков на поверхность при переотложении и/или неполном захоронении трупов, когда отдельные части туш оставались над поверхностью воды или вмещающего субстрата.

Многочисленные фрагменты костей и зубов, приуроченные к современным донным отложениям ручья, указывают на активное разрушение костеносных горизонтов и современный, а также раннеголоценовый значительный перенос костей, вымываемых тальми и паводковыми водами. В основных костеносных горизонтах большинство ископаемых остатков не повреждено, однако почти все они претерпели небольшой латеральный перенос еще в сартанское время. Так, при проходке выработок в 2002 г. и новых зачистках стенок раскопов 1999–2001 гг. не обнаружено костей в анатомическом положении, хотя отдельные скопления, по-видимому, представляли когда-то единые скелеты. Сохранность ископаемых остатков явно свидетельствует о быстром захоронении трупов или их частей в закисных условиях, какие были и существуют сейчас на данном участке. Наличие очень вязких (зыбучих) глинистых отложений из-за высокой степени обводненности за счет многочисленных родников, стока грунтовых, тальных

и паводковых вод создало здесь в конце плейстоцена природную ловушку (существует и в настоящее время), в которую, вероятно, попадали наиболее слабые и больные особи. Таким образом, не вызывает сомнений то, что захоронение происходило на месте гибели животных. Следовательно, формирование местонахождения обязано регулярному посещению млекопитающими данного участка во второй половине сартанского криохрона. По-видимому, причина таких посещений заключалась в существовании в долине ручья гидроморфного зверового солонца. Солонцовыми, вероятно, являлись обогащенные дефицитными макро- и микроэлементами породы цоколя надпойменных террас, а их высокая гигроскопичность способствовала образованию грязевых ванн (чем, по сути, являются донные отложения), так любимых животными-лиотофагами [Паничев, 1990]. Косвенным доказательством привлекательности этих пород для травоядных млекопитающих в настоящее время служат многочисленные следы присутствия лосей на подобном грязевом участке в нескольких километрах от местонахождения. Комбинация условий “зверовой солонец – ловушка” привлекала также плотоядных животных и древнего человека, поскольку охота на слабого/больного зверя, увязшего в зыбуне, вероятно, не составляла большого труда, не исключено также, что имело место трупоедание. Обнаруженные в 2002 г. многочисленные палеолитические артефакты красноречиво говорят об этом, особенно позвонок мамонта с застрявшим кварцитовым вкладышем от метательного орудия*.

Палеоэкологические исследования

Выдвинутая гипотеза о зверово-солонцовой природе местонахождения Луговское, а также обнаруженный уникальный позвонок мамонта с пробойной от метательного орудия явились предпосылкой для детальных палеоэкологических исследований [Павлов и др., 2002; Лещинский, в печати]. Одной из основных задач в изучении ископаемых остатков было выявление следов заболеваний опорно-двигательной системы на костях и зубах (в меньшей степени) вымерших животных.

В результате макроскопического наблюдения обнаружено ок. 780 остатков *Mammuthus primigenius* Blum. с деструктивными изменениями костных и соединительных тканей, 3 – *Bison* sp., 1 – *Coelodonta antiquitatis* Blum.; на костях и зубах других млекопитающих нарушения не выявлены. Таким образом, в

* См. статью С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

* См. статью В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

**Относительное распределение выявленных при макроскопическом исследовании
деструктивных изменений в костях различных отделов скелета мамонта
с местонахождения Луговское**

Кости и их фрагменты*	Всего исследовано	Выявлено с деструктивными изменениями	Процент поражения
Череп и нижняя челюсть	~40	~30	~75
Позвонки	~490	~345	~70
Ребра	~250	~90	~36
Грудина	7	1	~14
Лопатки	26	13	50
Тазовые кости	28	18	~64
Длинные кости	175	117	~67
Коленные чашки	5	5	100
Кости кисти и стопы	~250	~140	~56

* Возможно, некоторые фрагменты принадлежат одной и той же кости.

коллекции Луговского содержание остатков мамонтов с признаками остеодистрофии превышает 50 % от их общего количества (мелкие фрагменты не учитывались)*.

Следует иметь в виду, что выявленный процент не отражает истинного соотношения больных и здоровых особей, т.к. часть костей в скелете животного, страдающего заболеванием опорно-двигательной системы, особенно на начальной стадии, остается нормальной. Для получения наиболее достоверной патологоанатомической картины необходимо оцени-

* При абсолютном преобладании ископаемых остатков *Mammuthus primigenius* Blum. в работе рассмотрены абиотические аспекты экологии только этого вида.

вать состояние различных отделов и костей скелета (см. таблицу). Дополнительно были просмотрены зубы мамонтов и их фрагменты (более 60), из которых ~34 % имеют признаки нарушений.

Деструктивные изменения прекрасно диагностируются на эпифизарных частях костей конечностей (особенно дистальных отделов – запястных, пястных, предплюсневых, плюсневых, фалангах, а также коленных чашках), позвонках и ребрах. Наиболее распространенными и интересными являются бороздки трения и участки полного истирания компактного слоя на суставных поверхностях, возникшие в результате некроза и полного рассасывания гиалинового хряща с последующим обнажением и пришлифовкой трущихся костей (рис. 1, 2). Обычно

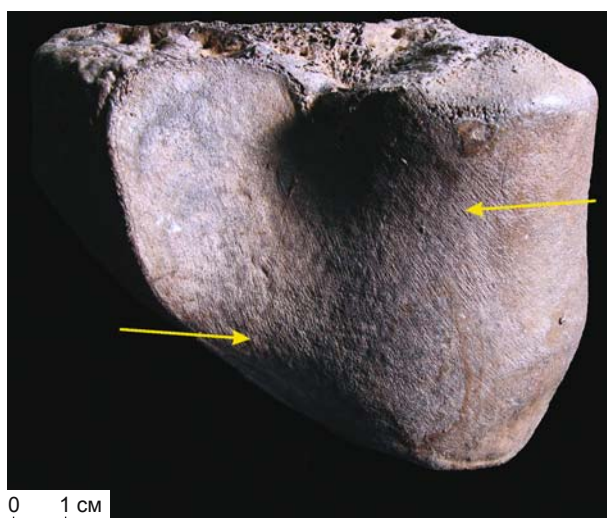

Рис. 1. Проксимальный эпифиз лучевой кости (radius) *M. primigenius* Blum. (коллекционный № ХМ-8190/126, полевой № 137). Бороздки трения (показаны желтыми стрелками).

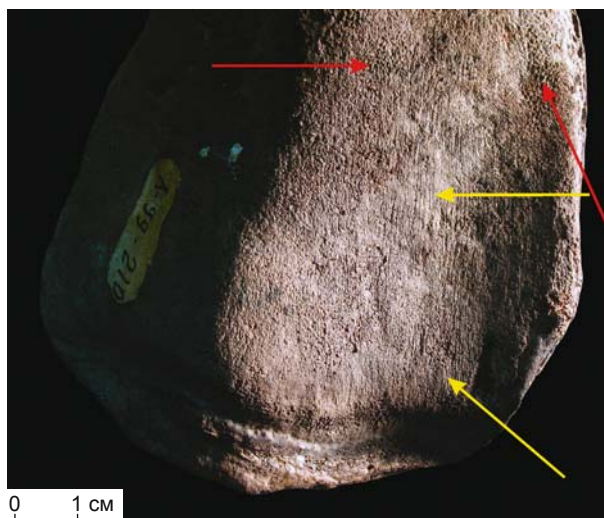

Рис. 2. Коленная чашка (patella) *M. primigenius* Blum. (коллекционный № ХМ-10933/39, полевой № Л-99-210). Бороздки трения (показаны желтыми стрелками), участки истирания компактного слоя (красные стрелки).

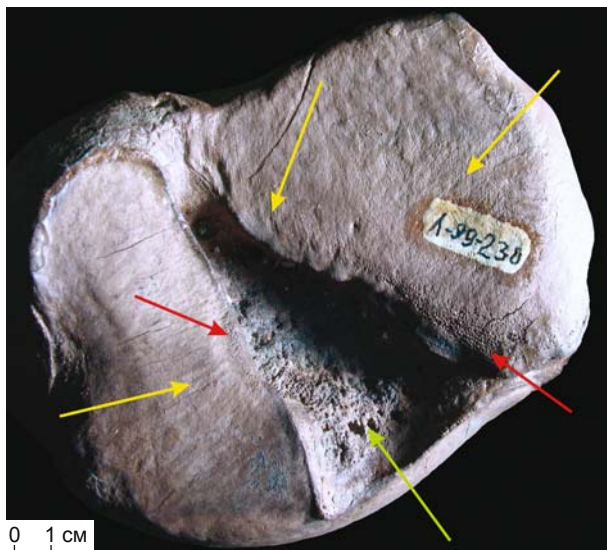

Рис. 3. Таранная кость (astragalus) *M. primigenius* Blum. (полевой № Л-99-230). Бороздки трения (показаны желтыми стрелками), участки истирания компактного слоя (красные стрелки), обширная язва (зеленая стрелка).

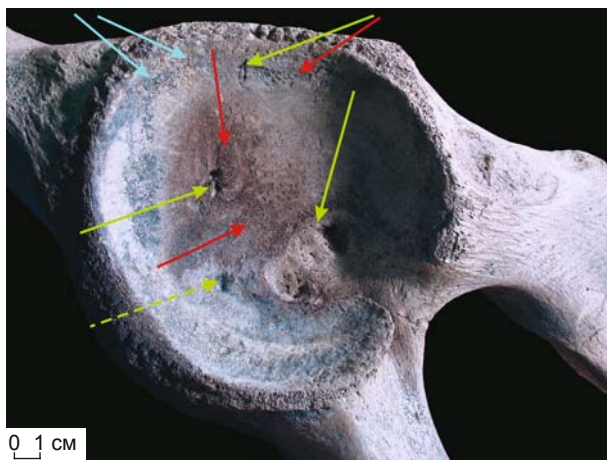

Рис. 4. Вертлужная впадина (acetabulum) таза *M. primigenius* Blum. (полевой № 1/93). Участки истирания компактного слоя (показаны красными стрелками), язвы (зеленые стрелки, пунктирная – частичное заживление), фиссуры (синие стрелки).

данные изменения сопровождаются узорами, фиссурами и язвами на поверхностях суставов (рис. 3, 4). Важно отметить выявленные случаи частичного заживления (заживления) дефектов (см. рис. 4, 5), что говорит о временном/периодическом выздоровлении животного. Широко представлены разнообразные картины системного остеопороза (истончение костных перекладин, образование пустот, расширение пор, костномозговых пространств, гаверсовых и фолькмановских каналов и др.), главным образом

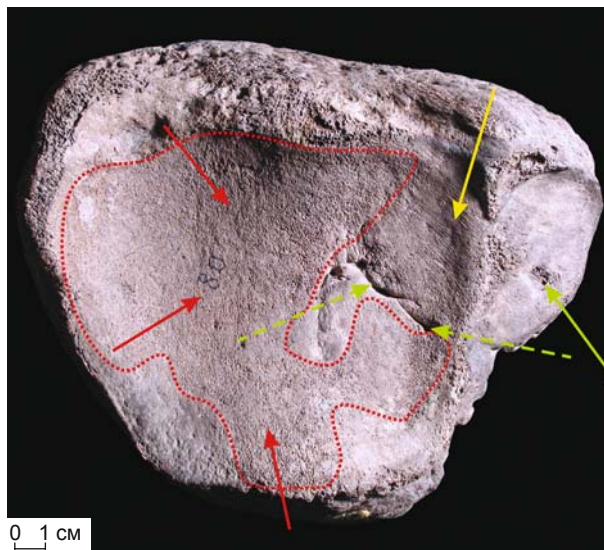

Рис. 5. Дистальный эпифиз большеберцовой кости (tibia) *M. primigenius* Blum. (полевой № 3842). Бороздки трения (показаны желтой стрелкой), зона истирания компактного слоя (красные стрелки, граница зоны – пунктирная линия), язвы (зеленые стрелки, пунктирная – частичное заживление).

Рис. 6. Дистальный эпифиз локтевой кости (ulna) *M. primigenius* Blum. (полевой № 138). Выраженный остеопороз – rareфикация кости (расширение пор, костномозговых пространств, исчезновение компактного слоя и т.д.) с формированием грубопетливой “сотовой” структуры.

на эпифизах длинных костей (рис. 6, 7), позвонках (рис. 8, 9)*, ребрах и костях черепа. На позвонках и ребрах встречаются “опухолевидные” разрастания костной ткани по краям суставных поверхностей, каверны и пустоты, что указывает на фиброзную остеоидистрофию (и/или остеохондропатию) с образованием опухолевых масс, костных кист, остеохон-

* См. статью В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

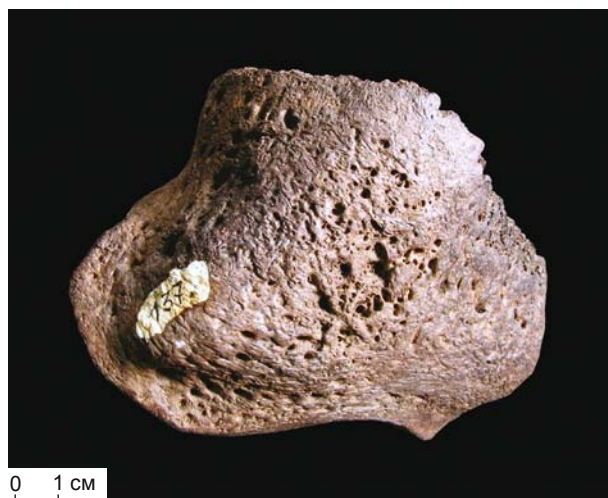
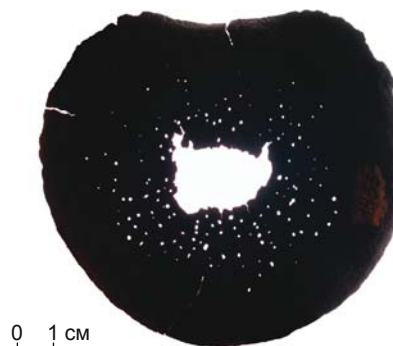

Рис. 7. Проксимальный эпифиз лучевой кости (radius) *M. primigenius* Blum. (коллекционный № ХМ-8190/126, полевой № 137). Выраженный остеопороз – rareфикация кости (расширение пор, костномозговых пространств, исчезновение компактного слоя и т.д.) с формированием грубопетливой “сотовой” структуры.

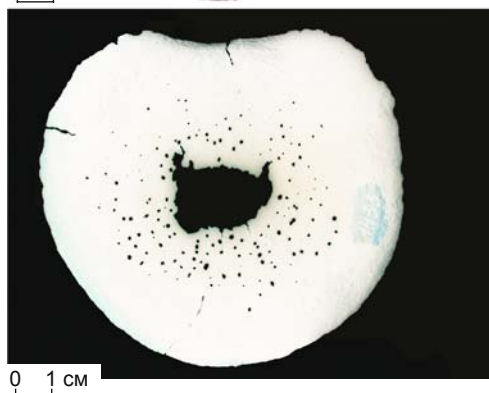

Рис. 8. Фрагмент эпифиза тела позвонка (corpus vertebrae) *M. primigenius* Blum. (полевой № 1417). Выраженный остеопороз – rareфикация кости с формированием мелкоячеистой структуры (образование множественных сквозных пор).

дром, остеоид-остеом и остеобластом (рис. 10). Для ребер также характерны искривления, периоститные явления, недоразвитость головок и их остеолит, поперечные переломы с неполным сращением, образованием ложных суставов и/или костных мозолей. Кроме того, у трубчатых костей заметны признаки атрофии и некроза эпифизарного хряща (иногда, возможно, остеонекроза), что выражается в несращении эпифизов с диафизом. Аналогичные изменения часто наблюдаются на позвонках, тела которых

a

б

Рис. 9. Эпифиз тела позвонка (corpus vertebrae) *M. primigenius* Blum. (полевой № 1433). Выраженный остеопороз – rareфикация кости с формированием мелкоячеистой структуры (образование множественных сквозных пор, остеолиз центральной зоны эпифиза).

Режим съемки – источник освещения находится за объектом:

a – позитив, б – негатив.

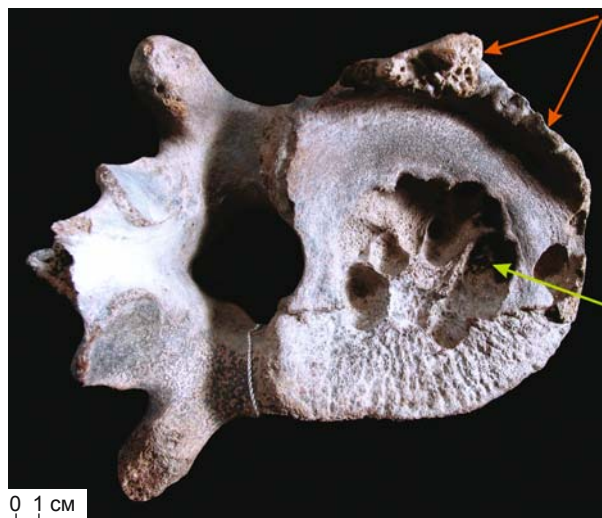

Рис. 10. Грудной позвонок (vertebra thoracica) *M. primigenius* Blum. (полевой № 3691). Яркая картина остеофиброза – образование остеобластомы “сотового” типа (показана зеленой стрелкой) и периферического экзостоза (оранжевые стрелки) тела позвонка при сопутствующем остеопорозе костной ткани.

нередко имеют клиновидную форму*. Таким образом, патологический процесс разрушения хрящевой и костной тканей в той или иной мере затрагивает весь скелет. Причем поверхностные проявления заболевания в наименьшей степени заметны на грудной кости и ребрах (см. таблицу).

Как показали результаты рентгеноскопии позвонка мамонта**, усиленная резорбция кости со стороны губчатой ткани, ведущая к остеопорозу, внешне может быть слабо выражена. Поэтому доля пораженных ископаемых остатков, очевидно, несколько выше, чем выявлено. Таким образом, можно говорить о практически поголовном заболевании мамонтов (не менее 90 %), остатки которых обнаружены на местонахождении. Точно определить долю здоровых животных в популяции весьма затруднительно и даже невозможно, т.к. часть мамонтов могла вовсе не посещать зверовой солонец или приходить на аналогичный объект в другой части ареала обитания. Тем не менее осмелюсь утверждать, что эта доля была ничтожно мала, а следовательно, в районе Луговского в конце сартанского криохрона имел место крупный энзоотический очаг болезни, несомненно незаразного характера, выражающейся в тотальном поражении опорно-двигательной системы мамонтов. Здесь уместно отметить, что в современных энзоотических районах, где заболеваниями поражено до 50 % и более поголовья сельскохозяйственных животных определенного вида, падеж молодняка (до 1 года) составляет 10–50 %, в тяжелых случаях даже 100 %, при средней смертности до 75 % от числа заболевших. Следовательно, в ныне существующих неблагоприятных геохимических ландшафтах часть особей адаптируется к абиотической среде обитания. Однако бесплодие самок в таких условиях достигает 50 %. Более того, в энзоотических очагах некоторые виды травоядных млекопитающих без минеральной подкормки вовсе не выживают [Чепуров и др., 1955; Плотников, 1962; Ковальский, 1974]. Таким образом, палеоэкологический анализ позволяет оценить ситуацию в Луговском как безнадежную (более катастрофичную, чем в современных энзоотических очагах) для нормальной жизнедеятельности популяции, которая была обречена на вымирание.

Описанная выше патологоанатомическая картина местонахождения Луговское весьма характерна для энзоотической (эндемической) остеодистрофии – бо-

лезни Кашина–Бека (уровской), – главными признаками которой являются множественные деструктивные изменения хрящевой ткани и вызванные этим деформации суставов, остановка роста и самопроизвольная ломкость костей. Современные крупнейшие очаги этого заболевания локализованы в Забайкалье, Северном Китае, Корее и на Дальнем Востоке, а также менее изученные (под другими названиями) – на Южном Урале, в Якутии, Башкортостане, Татарстане, Ульяновской и Воронежской областях, Швеции и других регионах Евразии [Дамперов, 1939; Чепуров и др., 1955; Ковальский, 1974; Уразев, 1978; и др.]. Этиология заболевания основана на глубоком нарушении обмена веществ из-за длительного (хронического) минерального голодания, связанного с острой недостаточностью в окружающих геохимических ландшафтах, в первую очередь, Ca, Mg, P и некоторых микроэлементов, а также во многих случаях с избытком Sr.

С началом сартанского криохрона на территории Западно-Сибирской равнины начали прогрессивно развиваться кислые и особенно кислые глеевые геохимические ландшафты, характеризующиеся острой нехваткой щелочноземельных и щелочных элементов. По моему мнению, это коренным образом связано с последним подэтапом (четвертичное время) активного тектогенеза, наиболее молодое максимальное проявление которого выражается комплексом надпойменных террас позднего неоплейстоцена. Резкое, прогрессирующее увеличение скорости неотектонических поднятий Западно-Сибирской плиты фиксируется приблизительно с 50 тыс. л.н. и продолжается по настоящее время, при нескольких максимумах в сартанском криохроне и голоцене [Лукина, 1997; Трифонов, 1999; Лещинский, 2000, 2001; Лещинский, Орлова, 2004; Лещинский, Бурканова, 2005]*. Подъем территории активизировал процессы рассоления/выщелачивания на значительной части Западно-Сибирской равнины. Таким образом, геохимические ландшафты Н-класса (кислые), достигнув к началу голоцена максимума своего распространения в плейстоцене, сегодня являются определяющими на основной площади изучаемого региона, занятой тундровой, лесотундровой, таежно-лесной зонами, а также заболоченными водоразделами и поймами рек. Только в таежно-лесной зоне зафиксировано 73 % случаев недостатка Ca, Mg, Na и Co, 70 – Cu, 80 – I, 55 – Mo, 50 – B, 49 % – Zn на фоне относительного избытка Sr. В тундровых, лесотундровых и заболоченных ландшафтах дефицит жизненно необходимых элементов еще более значителен, что приводит к периодическому мине-

* Клиновидная форма позвонков определяет карпообразный изгиб спины и прямо свидетельствует о кифозе, что, возможно, нашло отражение в палеолитическом наскальном искусстве в виде изображений “горбатых” мамонтов.

** См. статью В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

* См. также статью С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

ральному голоданию современных травоядных млекопитающих [Ковальский, 1974; Перельман, 1975; Leshchinskiy, 2001; и др.].

Изложенные факты, а также палеогеографические реконструкции сартанского криохрона не оставляют сомнений в том, что в конце плейстоцена на севере Азии (по-видимому, и Европы) были широко развиты геохимические ландшафты, в которых крупные травоядные испытывали хронический минеральный голод. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское* позволяют утверждать, что мамонты (и другие крупные млекопитающие) данного района и, вероятно, всей Западно-Сибирской равнины в сартанское время испытывали мощный геохимический стресс [Лещинский, 2001; Leshchinskiy, 2001; Машенко, Лещинский, 2001; Деревянко и др., 2003; Лещинский и др., 2003; Leshchinskiy, Burkanova, 2003; Зенин и др., 2004]. Отражение неблагоприятного влияния кардинально меняющейся абиотической среды мы наблюдаем на остатках мамонтов с явными признаками остеодистрофии, которую можно уверенно соотнести с болезнью Кашина–Бека.

Заключение

Результаты палеоэкологических исследований абиотических связей плейстоценовой мегафауны на территории Ханты-Мансийского автономного округа, кратко представленные в настоящей работе, позволили впервые получить данные о массовом энзоотическом заболевании позднеплейстоценовых мамонтов в центре Западно-Сибирской равнины. Основные выводы работы определяются следующими положениями.

1. Выявленные на костях мамонтов деструктивные изменения (особенно с частичным заживлением (!) дефектов) подтверждают зверово-солонцовый генезис местонахождения Луговское и ярко демонстрируют геохимический стресс мегафауны, связанный с хроническим минеральным голоданием.

2. Высокое содержание остатков с явными признаками остеодистрофии, характерный профиль смертности мамонтов (более 40 % – неполовозрелые особи) и другие показатели Луговского полностью тождественны характеристикам открытых ранее зверовых солонцов сартанского криохрона (Шестаково, Кочегур, Волчья Грива). Определенное сходство деструктивных изменений костей мамонтов легко выявляется в палеонтологических материалах ряда европейских местонахождений, в част-

ности Севска, Костенок-1 и Краков Спадзиста Стрит (Krakov Spadzista Street) [Кузьмина, Праслов, 1992; Машенко, 1992; Wojtal, 2001]*. По-видимому, это свидетельствует о глобальном масштабе и необратимости процессов нарушения абиотических связей между мамонтовыми популяциями и геохимической средой в конце плейстоцена.

3. Резкий разрыв абиотических связей, вызванный кардинальным преобразованием геохимических ландшафтов в конце плейстоцена и, как следствие, длительным минеральным голоданием, по-видимому, стал одной из первопричин вымирания мегафауны Северной Евразии. Результаты исследований позволяют предположить, что оно носило “лавинный” и одновременно очаговый характер.

4. Охота на отдельных мамонтов и других крупных травоядных, страдающих болезнями, связанными с обменом веществ, из-за хронического минерального голодания, была вполне реальна и эргономична. Однако она не могла носить массовый характер в отношении мамонтов и тем более привести к их истреблению. Резкая смена экологической ситуации, фиксируемая в сартанском криохроне и отраженная в массовой смертности крупных представителей мамонтовой фауны, возможно, стала косвенной причиной появления новых (в т.ч. вкладышевых) типов палеолитических орудий. При качественном изменении биогеоценоза, неотъемлемой частью которого являлся древний человек, экологические связи последнего также изменялись и неизбежно возникали новые культурные традиции.

Список литературы

- Дамперов Н.И. Уровская Кашин–Бека болезнь. – М.; Л.: Медгиз, 1939. – 148 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 168 с. – (Палеолит Западно-Сибирской равнины).
- Зенин В.Н., Васильев С.К., Лещинский С.В., Орлова Л.А. Находка мамонта в Колывани (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 101–104.
- Ковальский В.В. Геохимическая экология. – М.: Наука, 1974. – 299 с.
- Кузьмина И.Е., Праслов Н.Д. Аномалии в строении зубов и костей конечностей мамонтов из позднепалеоли-

* См. статью С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

* Генезис палеонтолого-археологических объектов в районе Костенок и Краков Спадзиста Стрит может объясняться посещением мамонтами зверовых солонцов.

тической стоянки Костенки-1 // Тр. ЗИН РАН. – 1992. – Т. 246. – С. 68–71.

Лещинский С.В. Стратиграфия и палеогеография плейстоцена юго-востока Западно-Сибирской равнины: Автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. – Томск, 2000. – 27 с.

Лещинский С.В. Новые данные о геологии и генезисе местонахождения Волчьего Грива // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: Материалы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 244–251.

Лещинский С.В. Тафономические особенности и генезис местонахождения мамонтовой фауны Луговское (в печати).

Лещинский С.В., Бурканова Е.М. Динамика размера мамонтов в сарганское время на юге Западно-Сибирской равнины и ее палеоэкологическое обоснование // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы Междунар. конф. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 54–56.

Лещинский С.В., Бурканова Е.М., Орлова Л.А. Кочегур – новое мамонтовое местонахождение – зверовой палеосолонец на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2003. – Прил. № 3 (II), апрель. – С. 126–128.

Лещинский С.В., Орлова Л.А. О возрасте второй надпойменной террасы рек внеледниковой зоны Западно-Сибирской равнины // Проблемы и перспективы развития минерально-сырьевого комплекса и производственных сил Томской области: Материалы науч.-практ. конф. – Новосибирск: СНИИГГиМС, 2004. – С. 159–161.

Логгинов А. К вопросу об остеопорозе как самостоятельной болезни лошадей: Дис. ... магистра ветеринар. наук. – Дерпт: [Тип. Г. Лакмана], 1890. – 127 с.

Лукина Н.В. Четвертичные движения юго-восточной части Западно-Сибирской плиты // Четвертичная геология и палеогеография России. – М.: Геос, 1997. – С. 110–115.

Машенко Е.Н. Структура стада мамонтов из Севского позднплейстоценового местонахождения (Брянская область) // Тр. ЗИН РАН. – 1992. – Т. 246. – С. 41–59.

Машенко Е.Н., Лещинский С.В. Состав и морфология остатков мамонтов местонахождения Волчьего Грива // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Междунар. симп., 12–15 ноября 2001 г. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 507–511.

Павлов А.Ф., Машенко Е.Н., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Орлова Л.А. Предварительные результаты междисциплинарных исследований местонахождения Луговское (Ханты-Мансийский автономный округ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 165–172.

Паничев А.М. Литофагия в мире животных и человека. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

Перельман А.И. Геохимия ландшафта. – М.: Высш. шк., 1975. – 342 с.

Плотников К.И. Этиология, патогенез, терапия и профилактика летних гастроэнтеритов и пневмоний ягнят в Кулундинской степи: Автореф. дис. ... д-ра ветеринар. наук. – М., 1962. – 28 с.

Рохлин Д.Г., Рубашева А.Я., Сергиевский Ф.П. “Уровская” или кашин-бековская болезнь в свете клинико-рентгенологических и палеопатологических данных // Вестн. рентгенологии и радиологии. – 1934. – Т. 13, вып. 1/2. – С. 115–130.

Трифонов В.Г. Неотектоника Евразии. – М.: Науч. мир, 1999. – 252 с. – (Тр. ГИН РАН; Вып. 514).

Уразаев Н.А. Биогеноценоз и болезни животных. – М.: Колос, 1978. – 208 с.

Чепуров К.П., Черкасова А.В., Акулов Н.М., Островский И.И., Мартынюк Д.Ф. Уровская болезнь. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1955. – 199 с.

Черкасова А.В. Уровская болезнь сельскохозяйственных животных. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1954. – 56 с.

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. – 1978. – Vol. 4 (2). – P. 150–162.

Leshchinskiy S.V. Late Pleistocene beast solonetz of Western Siberia: “mineral oases” in mammoth migration paths, foci of the Palaeolithic man's activity // The World of Elephants: Proceeding of the 1st Intern. Congr., Rome, October 16–20, 2001. – Rome, 2001. – P. 293–298.

Leshchinskiy S.V., Burkanova E.M. Kochegur, a new locality for mammoth remains in the Shestakovo beast solonetz district (Western Siberia) // 3rd International mammoth conference: Program and abstracts. – Yukon, 2003. – P. 63–67. – (Occasional Papers in Earth Sciences; N. 5).

Orlova L.A., Zenin V.N., Stuart A.J., Higham T.F.G., Grootes P.M., Leshchinsky S.V., Kuzmin Y.V., Pavlov A.F., Maschenko E.N. Lugovskoe, Western Siberia: a possible extra-Arctic mammoth refugium at the end of the Late Glacial // Radiocarbon. – 2004. – Vol. 46, N 1. – P. 363–368.

Wojtal P. The woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) remains from the Upper Palaeolithic site Krakow Spadzista Street (B) // The World of Elephants: Proceeding of the 1st Intern. Congr., Rome, October 16–20, 2001. – Rome, 2001. – P. 367–372.

Zenin V.N., Maschenko E.N., Leshchinskiy S.V., Pavlov A.F., Grootes P.M., Nadeau M.-J. The first direct evidence of mammoth hunting in Asia (Lugovskoe site, Western Siberia) // 3rd International mammoth conference: Program and abstracts. – Yukon, 2003. – P. 152–153. – (Occasional Papers in Earth Sciences; N. 5).

Материал поступил в редколлегию 16.06.05 г.

УДК 903

**В.Н. Зенин¹, С.В. Лещинский², К.В. Золотарев³,
П.М. Грутес⁴, М.-Х. Надо⁴**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vzenin@archaeology.nsc.ru

²Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: sl@ggf.tsu.ru

³Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 11, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Zolotarev@inp.nsk.ru

⁴Лаборатория изотопных исследований им. Лейбница,
Университет Христиана Альбрехта
Leibniz Laboratory, Christian Albrecht University
Max-Eyth-Str. 11, Kiel, 24118, Germany
E-mail: pgrootes@leibniz.uni-kiel.de

ГЕОАРХЕОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛУГОВСКОЕ*

Введение

Первые археологические материалы на местонахождении Луговское были получены в 1999 г. в процессе сборов костей ископаемой фауны [Павлов, Машенко, 2001]. При осмотре малочисленной коллекции были определены мелкие осколки, отщепы, пластина с ретушью проксимального края и два крупных изделия – отбойник из кварцевой гальки и двухплощадочный односторонний нуклеус, изготовленный из валуна серого мелкозернистого песчаника. Обнаруженные артефакты предполагали вероятность существования палеолитической стоянки на местонахождении мамонтовой фауны. Для выяснения этого вопроса Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) в сентябре

2002 г. привлек в качестве экспертов В.Н. Зенина и С.В. Лещинского. Морфологическое изучение ископаемых остатков крупных млекопитающих осуществлялось Е.Н. Машенко (Палеонтологический институт РАН, г. Москва) и А.Ф. Павловым (Музей Природы и Человека). Состав участников позволил приступить к междисциплинарным исследованиям местонахождения [Павлов и др., 2002; Maschenko et al., 2003].

Методика, задачи исследований и фактический материал

Для организации намечаемых многолетних комплексных исследований были составлены генеральный план местонахождения (М 1 : 1000) и план выработок (М 1 : 500). Основой является линия реперов-пикетов (от 0-го до 45-го с шагом 10 м), которая проходит от протоки Марамка вдоль ручья с костеносными отложениями. Для точной фиксации находок, увязки горных выработок и корреляции разрезов были определены относительные высоты каждого репера. Схема размет-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Музея Природы и Человека Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа, РФФИ (проект № 03-05-65252), Программы Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии” (№ 29.1.1) и гранта Президента РФ (№ МК-3291.2004.5).

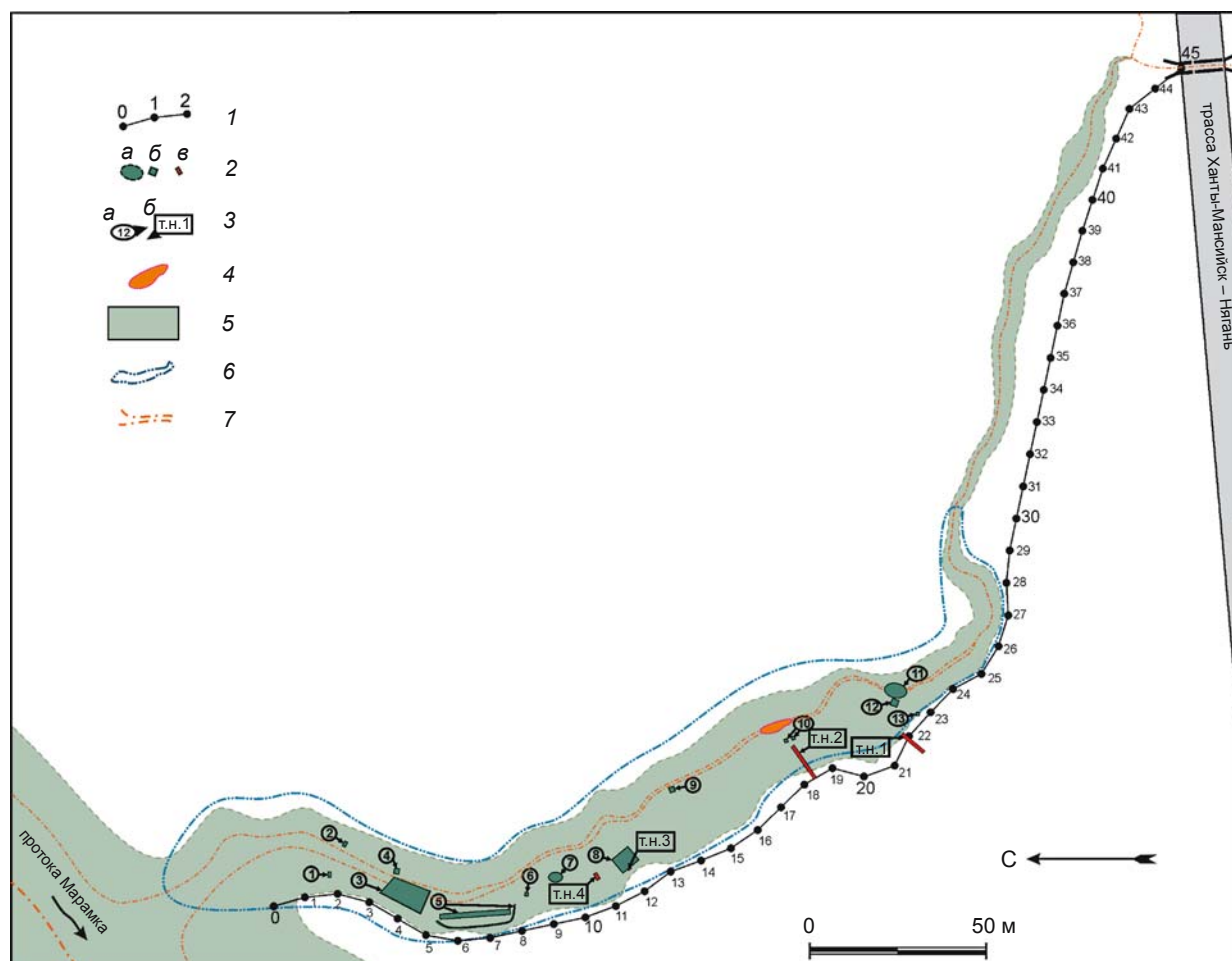

Рис. 1. План выработок местонахождения Луговское.

1 – номера пикетов разметки (расстояния между пикетами по 10 м); 2 – выработки: а – до 2002 г. с приблизительными границами, б – до 2002 г. с четкими границами, в – 2002 г.; 3 – номера выработок: а – до 2002 г., б – 2002 г. (с указанием точек наблюдения); 4 – участок промывки донных отложений ручья; 5 – площадь сплошного распространения донных отложений сарганско-голоценового возраста; 6 – контур перспективной площади местонахождения на обнаружение ископаемых остатков; 7 – контур водной поверхности на 23.09.2002 г.

ки привязана к контрольному реперу 45 – уровню полотна автодороги Ханты-Мансийск – Нягань (рис. 1)*.

Применительно к Луговскому был определен ряд первоочередных задач, решенных посредством полевых и лабораторных геоархеологических и палеонтолого-стратиграфических работ. В центре внимания геоархеологических исследований были:

- 1) установление границ распространения археологических материалов в пределах местонахождения мамонтовой фауны;
- 2) выяснение стратиграфического положения каменного инвентаря и его взаимоотношения с остатками ископаемых млекопитающих;

* В статье приведен комбинированный план, на котором показаны основные параметры выработок. Документ может содержать неточности, т.к. сведения о работах до 2002 г. авторам статьи сообщались устно.

- 3) определение возраста, морфологических и технико-типологических параметров инвентаря.

Высокая водоносность отложений в пределах местонахождения (рис. 2) исключала проведение раскопок, поэтому основная часть археологической коллекции была получена (на завершающем этапе полевых исследований) путем промывки отложений ручья на глубину до 0,3 м от поверхности донных осадков на локальном участке (7×1 м) русла между пикетами 18 и 19 – на месте сбора первых палеолитических находок (рис. 2, II).

Из шурфа напротив пикета 12 (рис. 2, III) А.Ф. Павлов и Е.Н. Машенко извлекли позвонок мамонта с пробоиной от наконечника, в которой сохранились фрагменты пластинок-вкладышей. Для территории Евразии это вторая находка (и первая в Азии) такого рода – кость мамонта с повреждением, нанесенным метательным оружием человека позд-

Рис. 2. Местонахождение Луговское.

I – вид на местонахождение с северо-запада; II – участок промывки донных отложений ручья (указан стрелками);
III – место обнаружения позвонка с пробоиной (указано стрелкой).

него палеолита [Праслов, 1995; Павлов и др., 2002; Zenin et al., 2003]. Первые результаты специальных лабораторных исследований уникальной находки изложены в настоящей работе.

Геоархеологические исследования

Стратиграфическая ситуация. Пространственно местонахождение Луговское приурочено к краевой части I эрозионно-аккумулятивной надпойменной террасы иртыш-обской протоки Марамка. Видимая часть цоколя террасы в основном представлена массивной голубовато- или зеленовато-серой очень плотной вязкой глиной (~1,2 м), которая книзу переходит в коричневатую-серую тонкослойчатую (более 1 м). Возраст глин предварительно оценивается концом казанцевского – ермаковским временем (110 (?) – 50 тыс. л.н.). Верхняя часть разреза представлена толщей (до 3 м) горизонтально- и волнисто-слойчатых, иногда массивных глинистых

песков с редкими прослоями буро-коричневых глин, а также современной почвой (до 0,1 м).

Ископаемые и культурные остатки приурочены к донным отложениям небольшого ручья, прорезающего тело I надпойменной террасы в поперечном направлении и впадающего в протоку. Глубина эрозионного вреза составляет более 5 м от поверхности террасы при абсолютной высоте последней 25–27 м. Усиленный размыв тела террасы обуславливает визуальное сходство субаквальных отложений ручья с породами цоколя, за исключением текстурных особенностей. Так, в разрезе донных осадков сверху вниз прослежены:

1) современный буровато-серый илистый осадок, очень вязкий (консистенция жидкой сметаны), с обилием растительного детрита и мелких фрагментов костей и зубов млекопитающих. Мощность до 0,2 м;

2) тонко-, горизонтально-, реже косо- и волнисто-слойчатые песчано-глинистые отложения, представленные слоями (до 5 см) голубовато-серой и серой, реже коричневатой глины, торфянистого детрита и

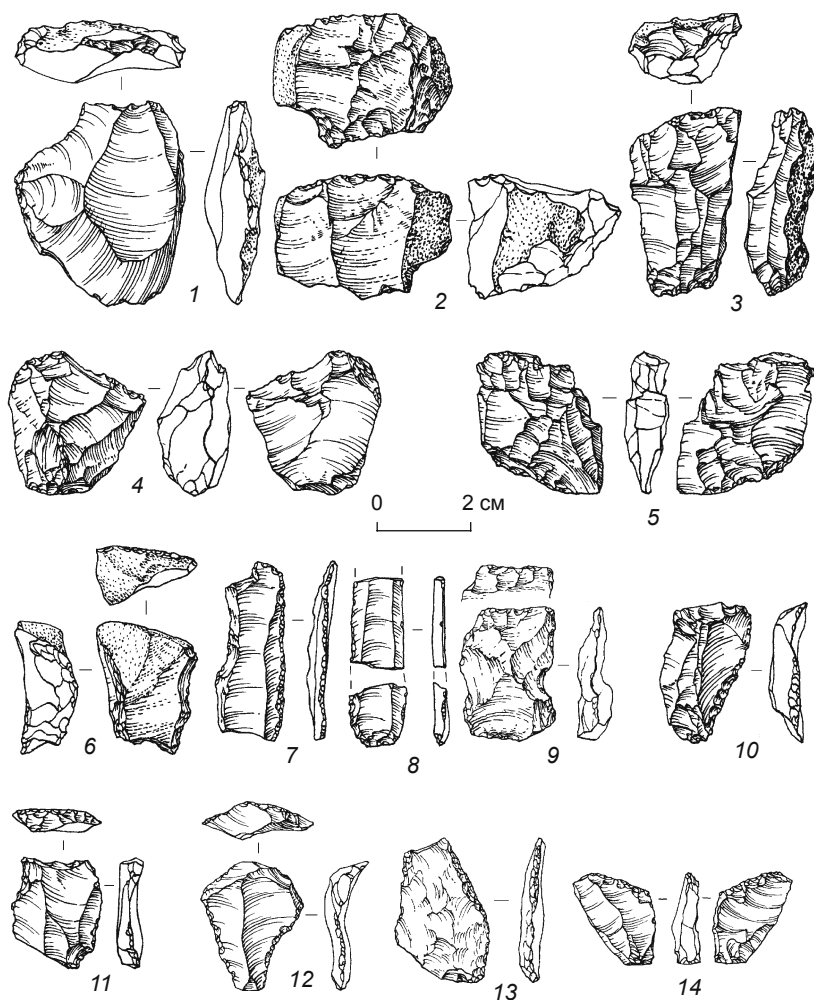

Рис. 3. Каменный инвентарь.

серого песка. Местами встречаются небольшие линзы торфа (до 0,2 м мощности). Видимая мощность слоя более 1 м.

Ко второму слою приурочено не менее двух костеносных горизонтов, из которых получено несколько тысяч костей и зубов (целых и фрагментов) крупных млекопитающих, преимущественно мамонтов (> 98 % от общего количества). Геологическая ситуация и результаты радиоуглеродного датирования ископаемых остатков (16 образцов) указывают на позднесартанско-раннеголоценовый возраст (~16,5 – 9,5 тыс. л.н.) отложений слоя 2 [Павлов и др., 2002; Orlova et al., 2004]*. Две ^{14}C -даты (~18,2 и 30 тыс. л.н.), а также многочисленные фрагменты костей и зубов в слое 1 явно говорят о переотложении части материала.

Каменный инвентарь. Археологическая коллекция, полученная путем промывки отложений

слоя 2, представлена 271 артефактом, включая осколки (45 экз.) и чешуйки (73 экз.). Инвентарь сопровождался многочисленными обломками зубных пластин мамонта, мелкими фрагментами костей и единичными образцами костного угля. Петрографический состав коллекции (макроскопическое определение) достаточно разнообразен: кварц, халцедон, кварцит, яшма, роговики, реже песчаник, сланцевые и магматические породы. Участки с галечной и желвачной коркой отмечены у 26 изделий.

Нуклеидные формы – 6 экз.: одноплощадочный односторонний нуклеус на первичном отщепе (рис. 3, 1), одноплощадочный односторонний нуклеус на галечном обломке (рис. 3, 2), двухплощадочный односторонний нуклеус с бипродольной системой снятий пластинок (рис. 3, 3) и три предельно истощенных микронуклеуса. Максимальные размеры нуклеусов не превышают 4,5 см.

Технические сколы двух видов – подправки ударной площадки (2 экз.) и фронта скалывания ядрищ (11 экз.). Среди последних выделяется группа с бипродольной системой расщепления (6 экз.).

Пластинчатые формы – 39 экз.

Большая их часть из халцедона (21 экз.) и лишь одна из кварца. Целых пластинок 9 экз. Фрагменты представлены проксимальными (18 экз.), медиальными (7 экз.) и дистальными (5 экз.) частями. Средние размеры пластинок: 23×10×3 мм. На дорсальных поверхностях фиксируются три типа огранки: продольная (27 экз.), продольно-краевая (8 экз.) и бипродольная (4 экз.). Судя по остаточным участкам первичной корки на пластинках с продольно-краевой огранкой дорсала, для скалывания пластинок в основном использовались желваки – плитки (7 экз.) и значительно реже гальки. Возможно, это свидетельствует об определенной сортировке исходного сырья – потенциальных нуклеусов для производства пластинчатых сколов. Среди площадок преобладают гладкие (12 экз.) и линейные (7 экз.); фасетированные относительно редки (4 экз.). Отмечено удаление карниза площадок мелкими сколами (4 экз.) и абразивом (10 экз.). Семь пластинок имеют следы пребывания в огне, а у пяти отмечена ретушь утилизации.

* См. также статью С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

Отщепы – 55 экз. Сырьем для их изготовления служили преимущественно грубозернистые породы (26 экз.) и кварц (17 экз.), реже халцедон (12 экз.). Средние размеры: 22×20×5 мм. На ряде сколов сохранились участки с галечной (14 экз.) и шероховатой плиточной (4 экз.) коркой, что указывает, возможно, на некоторое предпочтение галечных материалов либо отсутствие намеренной выборки основ для скалывания отщепов. В огранке спинок преобладают продольные (25 экз.) и ортогональные (24 экз.) варианты. В равной степени присутствуют первичные и дорсально-гладкие сколы (по 3 экз.). Широко представлены неопределимые (19 экз.), гладкие (21 экз.) и корочные (7 экз.) ударные площадки сколов. Использование ретуши (две фасетки и более) в оформлении площадок отмечено в восьми случаях. Два отщепа имеют ретушь утилизации.

Орудия – 40 экз. (14,8 % от общего числа коллекции), из них 25 выполнены на пластинках (62,5 %). В изготовлении орудий предпочтения отдавались халцедону, кварциту и яшмоидам. Ретушированных пластинок 20 экз., в т.ч. с лицевой ретушью по одному продольному краю – семь (рис. 3, 7, 8, 10; 4, 25, 27, 28), по двум – шесть (рис. 4, 3, 9, 11, 13, 19, 23), по двум продольным и дистальным – одна (рис. 4, 2), по одному продольному и дистальному – также одна (рис. 4, 4), по дистальному краю – три (рис. 4, 12, 21, 24), с противоположащей ретушью – две (рис. 4, 14, 26). Орудий с выделенным ретушью шипом пять (см. рис. 3, 4, 6, 11; 4, 6, 15). Часть из них могла служить проколками. Долотовидных орудий три (см. рис. 3, 5, 9; 4, 17). Скребки представлены 4 экз. Два из них концевые на ретушированных пластинках (см. рис. 4, 7, 22). Примечательно изделие, сочетающее лезвие скребка и выделенный ретушью шип (см. рис. 4, 8). Другой скребок имеет асимметрично расположенное основное лезвие. Его дополняет отделанный краевой ретушью вогнутый продольный край орудия (см. рис. 3, 12). Изделий с резцовыми сколами два: одно выполнено на обломке долотовидного (?) орудия (см. рис. 4, 10), у другого два лезвия расположены на противоположных углах пластинча-

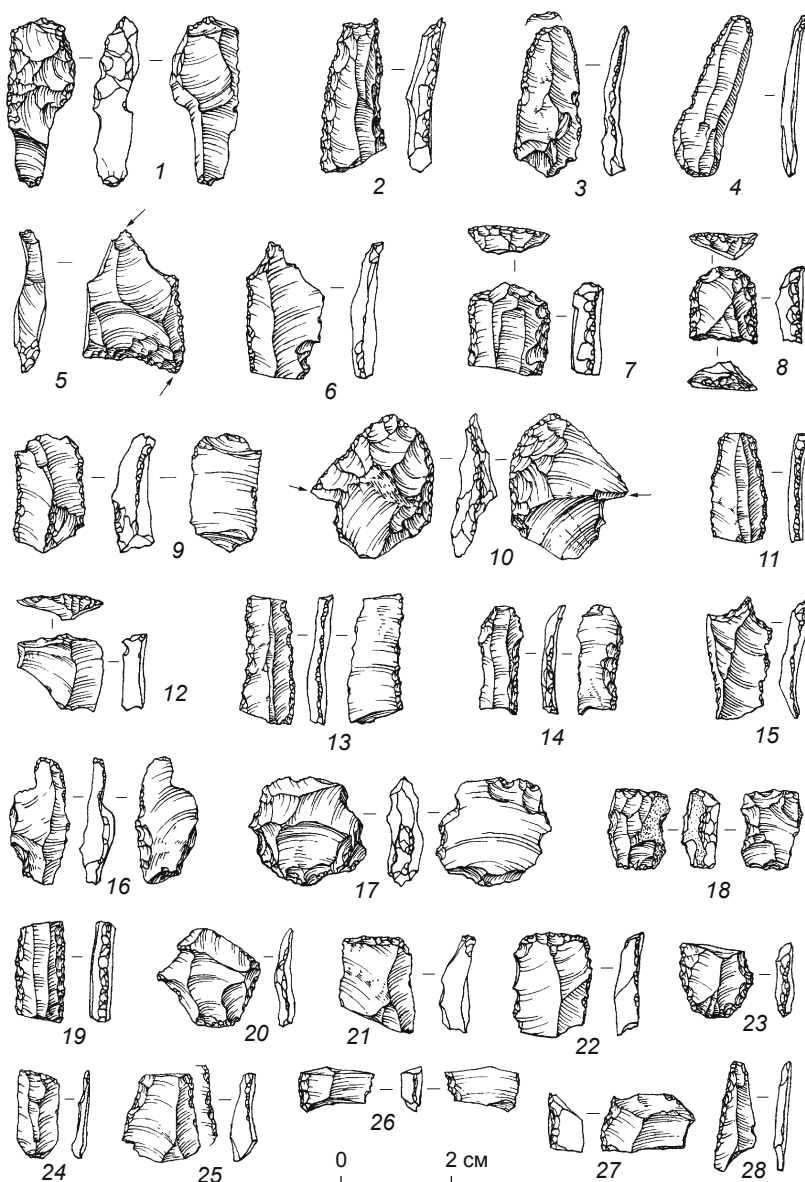

Рис. 4. Каменный инвентарь.

того отщепа (см. рис. 4, 5). Орудие с ретушированной выемкой оформлено на мелком нуклеидном осколке (см. рис. 4, 18). На аналогичных осколках отмечены двусторонняя ретушь на локальном участке края (см. рис. 3, 14) и односторонняя (см. рис. 4, 1). Тремя экземплярами представлены отщепы с ретушью (см. рис. 3, 13; 4, 16, 20).

Индустрия в целом оценивается как мелкопластинчатая с развитой техникой краевого ретуширования, резцового скола и подтески. В ней полностью отсутствуют приемы расщепления с торца ядрища, нет галечных орудий и скребел, характерных для южно-сибирского палеолита. Возраст индустрии с учетом вышесказанного не более 16,5 тыс. радиоуглеродных лет.

Позвонкок мамонта с признаками поражения охотником

Общее описание находки. Грудной позвонок (рис. 5, I) взрослого *Mammuthus primigenius* Blum. с обломанным остистым отростком был обнаружен в 60 м к северо-западу от участка концентрации палеолитических материалов (см. рис. 1) среди скопления других костей*. Каких-либо изделий из камня в этом скоплении не обнаружено.

Порядковый номер позвонка, по мнению авторов (для сравнения использовался скелет Шандринского мамонта), находится в диапазоне № 10–15 грудного отдела (более вероятно – № 11–13)**.

Проникающее отверстие (конусовидное в продольном сечении) с застрявшими в кости вкладышами из светло-зеленого кварцита расположено на правой боковой поверхности тела позвонка, на уровне его средней части (рис. 5). Входное отверстие овальное в плане (10×7 мм), с четким контуром, что может свидетельствовать о плотном прилегании наконечника.

* Условия залегания см. в статье С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

** Е.Н. Машенко считает, что это 7-й – 9-й позвонок и он принадлежал самке 23–24 лет [Maschenko, 2004].

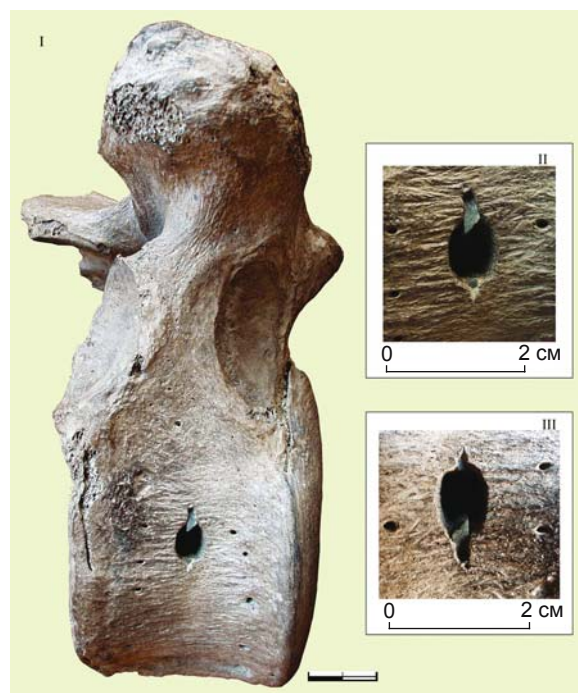

Рис. 5. Позвонкок мамонта с пробоиной.

I – правая латеральная сторона позвонка; II – вид на пробоину в нормальном положении позвонка; III – вид на пробоину с поворотом позвонка на 180°.

Отсутствие признаков заживления указывает на единовременность поражения кости и гибели животного. Это подтверждают и сохранившиеся фрагменты вкладышей по краям пробоины, плотно застрявшие в теле позвонка и оставшиеся в нем после извлечения (или выпадения) наконечника из раны. Их расположение указывает на использование наконечника с двумя пазами, в которые вставлялись пластинки-вкладыши. Ширина вкладыша 7,4 мм, толщина 2,5 мм, а продольный край, крепившийся в паз наконечника, имеет подправку полукруглой (до 45°) ретушью.

На основе имеющихся данных выполнить корректную реконструкцию орудия охоты крайне сложно при том, что сам наконечник не обнаружен. В этом случае можно лишь обратиться к известным образцам палеолитических орудий с близкими морфологическими и технологическими параметрами и, как мы полагаем, функциональными свойствами. В качестве наиболее характерных примеров таких изделий могут служить двухпазовые наконечники с пластинчатыми вкладышами с разновременных стоянок – Талицкого (18 700 ± 200 л.н.) на Урале и Черноозерье II (14 500 ± 500 л.н.) на Иртыше (рис. 6) [Гвоздовер, 1952; Щербакова, 1994; Генинг, Петрин, 1985], – удаленных друг от друга более чем на 1000 км. Эти орудия различаются по размерам и очертаниям наконечников, а также по размерам и морфологии каменных вкладышей.

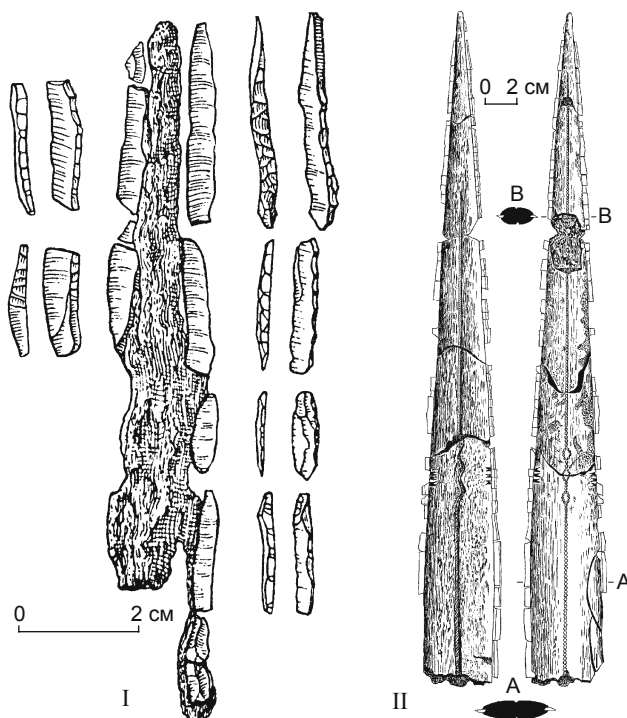

Рис. 6. Вкладышевые орудия.

I – наконечник со стоянки Талицкого; II – кинжал-наконечник со стоянки Черноозерье II (по: [Щербакова, 1994; Генинг, Петрин, 1985]).

Радиоуглеродный AMS-анализ. Радиоуглеродный возраст грудного позвонка определен в лаборатории изотопных исследований им. Лейбница (Университет Христиана Альбрехта, г. Киль, Германия) [Zenin et al., 2003]. Для проведения анализа от позвонка был отделен фрагмент массой несколько граммов. Его сначала очистили механически под микроскопом. Далее образец обрабатывали ацетоном, промыли деминерализованной водой и деминерализовали в 1%-ной HCl. Затем для удаления гуминовых кислот в течение часа он был экстрагирован добавлением 1%-ной NaOH (при комнатной температуре), промыт и подкислен 1%-ной HCl. После удаления неорганического материала коллаген сутки растворялся как желатин в 1,6 мл H₂O (при 90 °C и pH = 3). Нерастворимая фракция была пропущена через серебряный фильтр с порами 0,45 мкм. Желатиновый раствор был высушен в кварцевых пробирках, а желатин сожжен как “костный AMS-образец”. Так же исследовалась нерастворимая фракция (костные остатки), оставшаяся на фильтре. Сжигание обеих фракций до CO₂ было выполнено в закрытых кварцевых пробирках при 900 °C вместе с CuO и серебряной ватой. Пробы CO₂ восстанавливались H₂ с применением порошка железа (~2 мг в качестве катализатора). Полученная смесь (углерод/железо) была спрессована в виде таблетки в специальной пресс-форме. Условный ¹⁴C-возраст вычислялся по методике [Stuiver, Polach, 1977] с поправкой на $\delta^{13}\text{C}$ для изотопного фракционирования. По выделенному коллагену получена радиоуглеродная дата $13\,465 \pm 50$ л.н. (KIA-19643). Из коллагена было выделено 5,1 мг углерода, что значительно больше 1 мг, рекомендуемого для точности измерений. Таким образом, результат достоверен.

Дополнительно был датирован остаток кости на фильтре, но он оказался чрезвычайно мал (выделено 0,03 мг углерода), а изотопный возраст такого образца достоверно определить невозможно. Тем не менее он был определен и составил ~9 000 радиоуглеродных лет (с погрешностью ~1 100 лет). Как показывает опыт, по очень маленьким образцам часто получают значительно меньший возраст. Таким образом, этот дополнительный результат косвенно подтверждает возраст коллагеновой фракции кости. Важно отметить, что содержание коллагена в исследуемом образце составило 23 % (примерно как в свежей кости), что указывает на отличную сохранность материала. По-видимому, с момента захоронения ископаемые остатки большее время находились в мерзлом состоянии.

С помощью “CALIB rev 4.3” [Stuiver et al., 1998] был рассчитан усредненный калиброванный (кален-

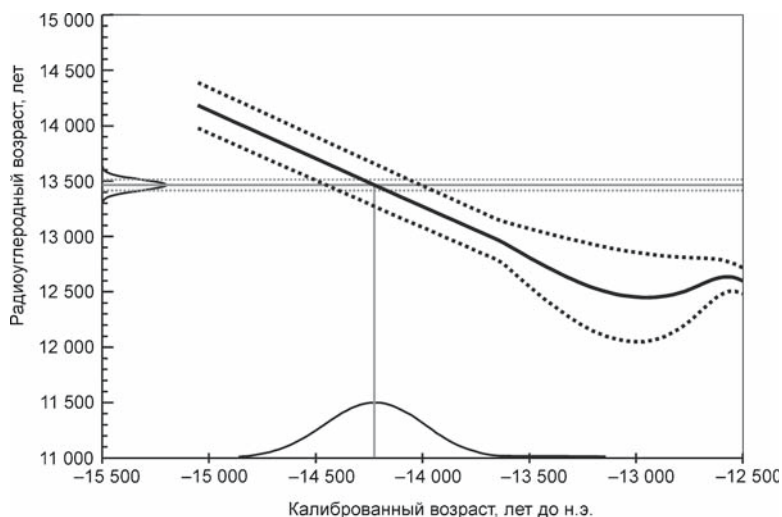

Рис. 7. Калиброванный радиоуглеродный возраст позвонка.

дарный) возраст исследуемого образца — 14 225 лет до н.э. Таким образом, столкновение человека и мамонта могло произойти ~16 200 л.н. — в начале второй половины сартанского криохрона (рис. 7).

Рентгеноскопия и томографическое исследование. При изучении позвонка мамонта возник ряд вопросов, касающихся реконструкции процесса охоты человека на столь крупных животных. Необходимо было, не разрушая позвонок, определить характер ранения, выяснить траекторию и глубину проникновения наконечника. Кроме того, нас интересовали возможные особенности строения костной ткани.

В Институте ядерной физики им. Г.И. Будкера (ИЯФ) была произведена трехмерная томографическая реконструкция позвонка. Первоначально на разработанной в ИЯФ малодозной рентгеновской установке “Сибирь” сделали серию рентгенограмм для определения точного положения отверстия (рис. 8). Однако слабоконтрастное его изображение не позволяло точно установить форму полости и характер повреждения позвонка.

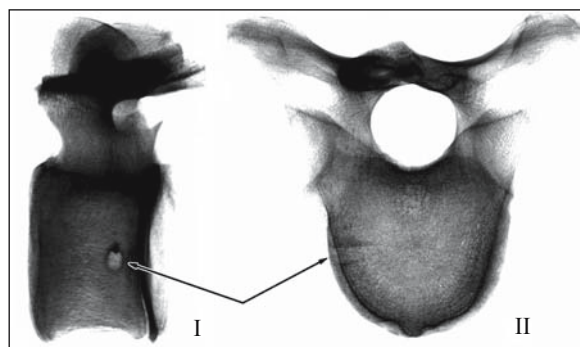

Рис. 8. Рентгенограммы позвонка (позитив). I — вид слева; II — вид спереди (стрелками указан след от пробины).

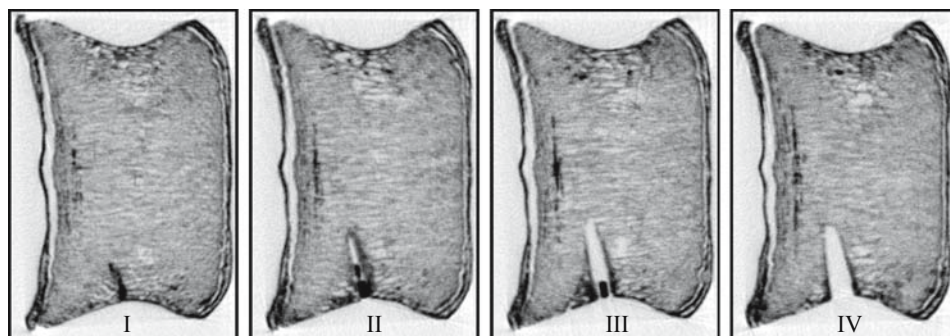

Рис. 9. Томографические сечения (позитив) области пробоины.

Трехмерная реконструкция формы полости сводилась к последовательному восстановлению плоских томографических сечений (срезов) в области отверстия (на рис. 9 представлена выборка из четырех срезов). Во время вращения образца вокруг вертикальной оси регистрировались прошедшие через объект рентгеновские лучи. Срезы производились с шагом 0,4 мм по вертикали. Всего было восстановлено 50 томографических сечений, получен трехмерный массив данных о рентгеновской плотности объекта в зоне отверстия высотой 20 мм, что с избытком перекрывает необходимую для корректного анализа область. Стандартные средства визуализации этих данных (построения сечений, изоповерхности и т.д.) позволяют детально рассмотреть внутреннюю структуру поверхности полости, форму остатков вкладышей, пористость костной ткани, характер уплотнений и другие параметры, которые могут оказаться полезными для восстановления особенностей эпизода.

На томографических срезах тела позвонка в области пробоины (рис. 9) отчетливо видны каменный вкладыш, сама пробоина и следы небольшого уплотнения кости в результате проникновения наконечника. Важно то, что уплотнение в губчатой ткани проявилось исключительно вдоль пробоины, не затронув зону “действия” притупленной дистальной части наконечника. Аналогичная картина наблюдается и на рентгеновских снимках (см. рис. 8), где уплотнение отчетливо прослеживается лишь на $\frac{2}{3}$ длины пробоины в верхней части и на $\frac{1}{2}$ – в нижней (по отношению к нормальному положению позвонка в скелете). Предполагаемым объяснением этого является выраженный остеопороз костной ткани. Проблеме данного заболевания животных посвящено множество работ по ветеринарии. Причем одни из постоянных внешних признаков остеопороза, отмечаемые всеми без исключения исследователями на протяжении более чем 150 лет изучения, – размягчение и ломкость костей, которые легко режутся ножом [Логгинов, 1890; Дамперов, 1939; Черкасова, 1954; Ахмадеев и др., 2002].

Томографические слои демонстрируют явное сокращение количества костных балок (trabeculae) в теле позвонка с одновременным их утолщением в периферийной зоне медиального отдела и расширение костномозговых полостей, которые в проекции приобретают веретенообразную (до 12×2 мм) форму, но нередко извилистый или грубопетлистый (до 14×5 мм и более) вид. Особенно ярко порозность проявляется в медиальном отделе тела позвонка (см. рис. 9), отчего на рентгенограмме пробоина наблюдается лишь вблизи поверхности кости. Об остеопорозе также свидетельствует весьма тонкий, местами совершенно исчезающий компактный слой, который на рентгенограмме выделяется резко очерченной контурной линией (см. рис. 8).

Выявленная рентгенологическая картина свидетельствует и о других, в т.ч. склеротических, изменениях. Так, в заднем отделе тела позвонка ярко выражен преждевременный субхондральный склероз (окаменение) в виде темных параллельных линий суммарной толщиной более 3 мм при длине до 44 мм (см. рис. 9). Данные по остеологическому материалу из очагов болезни Кашина–Бека и по ветеринарной рентгенологии позволяют интерпретировать его как клинический признак ранее перенесенного тяжелого рахита [Дамперов, 1939; Вишняков, 1940]. Это также указывает на атрофию эпифизарного хряща, что, возможно, объясняет кольцевое (прерывистое по периферии) прирастание эпифизов с сохранением “щелей” от 0,5 до 3 мм. По-видимому, атрофии был подвержен и гиалиновый хрящ на суставах реберных головок (на поверхности кости заметны дефекты в виде ямок и бугорков – см. рис. 5, I). Кроме того, фиксируется изменение соединительной ткани – окаменение продольной связки на вентральной поверхности позвонка в виде продольного фестончатого гребня, что отражено на рентгенограмме сосцевидным “выростом” (см. рис. 8, II).

Результаты рентгеноскопии дополнили патологоанатомическую картину местонахождения, где остеодистрофические нарушения выявлены на более чем 50 %

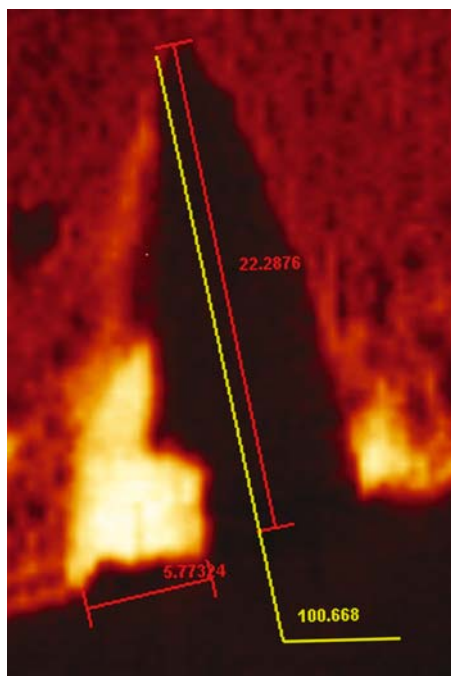

Рис. 10. Томографическое сечение пробоины и варианты геометрических измерений (мм).

костей мамонтов*. Таким образом, признаки заболевания опорно-двигательной системы (как минимум остеопороз) у пораженного животного вполне очевидны.

Тяжесть ранения мамонта и глубина пробоины в позвонке зависели главным образом от силы воздействия (удара) орудия охоты. Эта сила складывается из скорости полета и характеристик орудия (масса, материал, форма наконечника и др.), достаточных для преодоления препятствий – шерсти, кожи, жировой и мышечной тканей. Исходя из установленного факта заболевания убитого мамонта, следует полагать, что максимальное сопротивление удару оказал кожный покров, поскольку при остеопорозе он претерпевает меньшие изменения, в то время как весьма часто наблюдается атрофия мышц и отсутствие подкожного жира. Последним препятствием на пути орудия охоты стал позвонок, порозность которого снизила сопротивление кости. Это обстоятельство необходимо учитывать в реконструкциях процессов охоты.

Реконструкция процесса охоты на мамонта.

Томографические срезы и объемные изображения дают возможность точно определить максимальную глубину пробоины (до 23,5 мм), размеры фрагментов вкладышей, воссоздать параметры дистальной части наконечника и проводить геометрические измерения любой части пробоины, в любом сечении (рис. 10, 11).

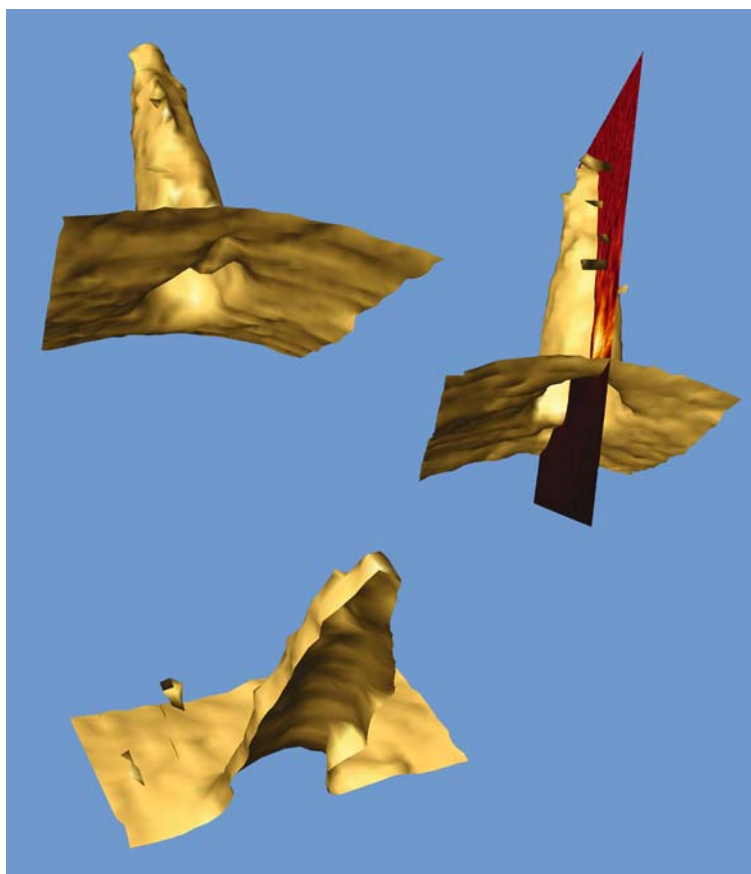

Рис. 11. Объемные томографические модели пробоины.

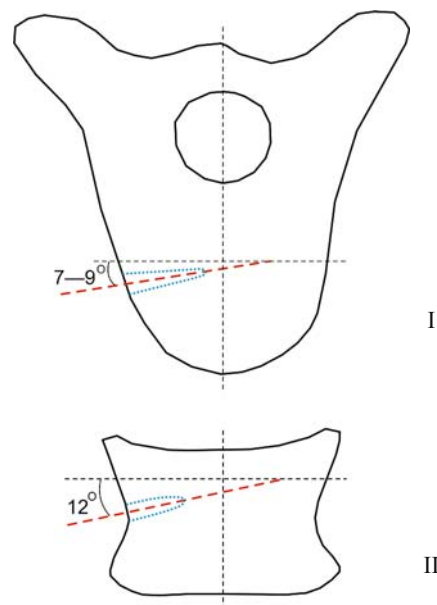

Рис. 12. Углы проникновения наконечника в тело позвонка.

I – вид спереди; II – вид сверху. Синим цветом указан контур пробоины, красным – осевая линия.

* См. статью С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

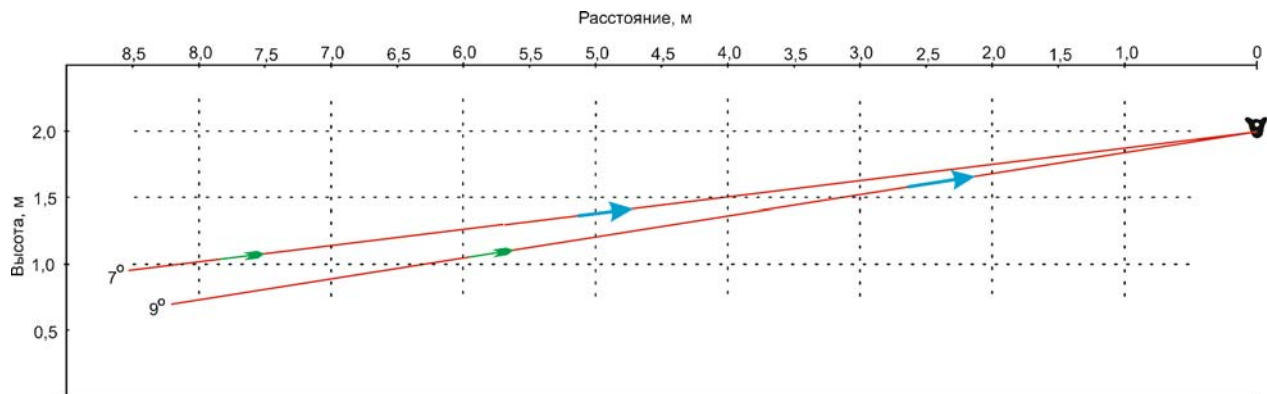

Рис. 13. Графическая модель траектории полета орудия охоты. Большая стрелка указывает вариант траектории в позиции охотника “стоя”, а малая – в позиции охотника “с колена”.

Исходные данные рентгеноскопии и результаты томографического изучения позвоночника позволили с высокой точностью установить основные показатели траектории нанесения удара (рис. 12). Угол отклонения пробоины от фронтальной плоскости позвоночника составляет $7\text{--}9^\circ$, а от плоскости поперечного сечения – 12° . Следовательно, бросок был произведен несколько снизу и спереди от животного, если предположить, что мамонт в момент удара стоял. Принимая эту версию как одну из возможных, мы попытались определить расстояние между охотником и добычей.

Для построения графической модели траектории полета орудия (рис. 13) были приняты следующие параметры*: 1) максимальная высота тела мамонта 215–230 см [Maschenko, 2004]; 2) осевая линия позвоночника расположена на относительной высоте 190–200 см; 3) средний рост охотника от 150 до 165 см; 4) позиционно охотник и животное находятся на одной горизонтальной плоскости; 5) применение копья или дротика (ручным способом либо с использованием копьеметалки) в позиции охотника “стоя” признается более вероятным; 6) применение копья или дротика (с использованием копьеметалки) в позиции “с колена” допускается, но менее вероятно. Созданная модель позволяет установить дистанцию между мамонтом и стоящим охотником в пределах 2–5 м; при позиции “с колена” – не более 8 м. Таким образом, при соблюдении указанных условий можно предполагать, что охота на мамонта производилась на достаточно близком расстоянии.

Представленная модель демонстрирует один из возможных вариантов охоты, причем наименее безопасный для охотника при ответной реакции зверя. Однако с учетом того, что остатки животных на местонахождении залегают в вязких глинистых

породах* и большинство костей имеют явные деструктивные изменения (в т.ч. пробитый позвонок), предполагается охота на вязнувшего в заблужде ослабленного болезнью мамонта. Возможно и то, что удар был нанесен полулежавшему на левом боку животному. В таком случае расстояние до жертвы могло варьировать в широких пределах – от минимальной дистанции (в упор) до 20 м (увеличение интервала из-за орографических условий местности маловероятно).

Как можно заметить, результаты комплексных исследований местонахождения Луговское позволяют рассматривать различные сценарии непосредственной охоты на мамонта. Первая попытка такой реконструкции предпринята палеонтологом Е.Н. Машенко [2004; Maschenko, 2004].

Обсуждение

Имеющийся объем геоархеологической информации по Луговскому весьма ограничен и не выходит за рамки рекогносцировочных исследований. В качестве предварительных результатов отметим следующее:

- к настоящему времени местонахождение является самым северным палеолитическим объектом Западной Сибири, расположенным на крайне низкой абсолютной высоте ~20,0–20,5 м;
- по составу и морфологии каменный инвентарь относится к финальной стадии позднего палеолита, что не противоречит стратиграфической позиции и возрасту сопутствующих ископаемых остатков (менее 16,5 тыс. радиоуглеродных лет);
- палеолитические материалы пространственно связаны с естественным местонахождением мамонтовой фауны;

* Параметры не являются строгими и могут быть изменены при необходимости.

* См. статью С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

– впервые в Азии выявлено реальное свидетельство непосредственной охоты палеолитического человека на мамонта (прямого воздействия, направленного на поражение/убийство животного).

Полученные результаты затрагивают три важнейшие проблемы палеолитической истории Северной Евразии – палеогеографические и палеоэкологические условия заселения северных территорий, истоки и динамику развития палеолитической культуры древнего населения, а также характер взаимоотношений с представителями плейстоценовой мегафауны.

Географическое положение местонахождения свидетельствует о том, что север Западной Сибири, по крайней мере, во вторую половину сартанского криохрона (16,5–10,0 тыс. радиоуглеродных л.н.) был вполне пригоден для расселения палеолитических охотников-собирателей. Достаточно суровые климатические условия преодолевались человеком весьма успешно. Еще одной особенностью является расположение объекта исследований в низменной части равнины, что свидетельствует об осушении ландшафтов. Таким образом, геоархеологические данные вслед за палеонтолого-стратиграфическими* указывают на отсутствие в пределах региона Мансийского ледниково-подпрудного озера сартанского возраста, реконструкции которого так часты в литературе по палеогеографии плейстоцена [Волков и др., 1978; Архипов, Волкова, 1994; Волков, Орлова, 2000; и др.].

Пластинчатая индустрия Луговского демонстрирует развитую технику отжимного расщепления, краевого ретуширования и изготовления вкладышевых орудий. Использовалось довольно разнообразное сырье из полуокатанного щебня, валунов, желваков и галек. По предварительным данным, современные ближайшие источники такого материала находятся в 10 км к северу от местонахождения – на берегах Оби (в основном правобережье). В руслах водотоков и редких маломощных обнажениях ближайшего окружения отсутствует даже мелкая галька. Тем не менее пограничное с поймой положение памятника позволяет предполагать, что источниками сырья могли служить морены и тиллы самаровского оледенения (средний неоплейстоцен), протягивающиеся более чем на 100 км южнее Луговского. Учитывая геодинамику последних 20 тыс. лет, можно смело утверждать, что в районе исследований позднесартанская Обь, а также ее левые притоки постоянно продуцировали псефитовый материал, поэтому источники необходимого сырья могли находиться в непосредственной близости. К сожалению, сегодня практически все эти выходы (как и вероятные палеолитические стоянки в пойме позднесартанс-

кой Оби) погребены под мощными голоценовыми образованиями*.

Морфологический облик и типологические характеристики инвентаря демонстрируют его определенное сходство с позднепалеолитическими комплексами Урала (стоянка Талицкого, Капова и Игнatieвская пещеры, Зотинский грот) [Петрин, 1992; Щербакова, 1994], Иртышского бассейна (Гари, Троицкая I, Черноозерье II) и востока Барабинской равнины (Волчья Грива) [Генинг, Петрин, 1985; Широков и др., 1996; Сериков, 2000; Зенин, 2002]. Вкладышевые наконечники с двумя пазами известны не ближе, чем в 635 км от Луговского. Как указывалось выше, это стоянка Талицкого и Черноозерье II. При хронологическом разрыве приблизительно в 4 тыс. радиоуглеродных лет их объединяет пластинчатая направленность индустрии и развитая технология обработки кости. Есть существенное различие в оформлении вкладышей: на стоянке Талицкого использовались пластинки с притупленным ретушью краем, а в Черноозерье II – пластинки без вторичной отделки. В Луговском нет пластинок с притупленным вертикальной ретушью краем, однако широко применялась крутая ($> 45^\circ$) и полукрутая ретушь, в т.ч. при изготовлении застрявшего в позвонке вкладыша.

Начальный этап археологических исследований Луговского не позволяет проследить прямые культурные связи его обитателей с представителями палеолитических культур Приуралья или юга Западной Сибири. Мы наблюдаем лишь определенную близость индустрий по технологическим параметрам и типологическое сходство отдельных категорий орудий и нуклеусов. Как один из вариантов, можно предполагать проникновение палеолитических коллективов со стороны Урала на территорию Сибирских Увалов (к северу от Луговского) и далее на восток и совершенные ими охотничьих маршрутов в низовья Иртыша и левобережные районы Приобья. До настоящего времени стоянок эпохи палеолита в этих районах не обнаружено, однако материалы Луговского позволяют надеяться на их выявление в будущем.

Приуроченность палеолитических артефактов Луговского к естественному местонахождению ископаемой мегафауны, вероятно, свидетельствует о сохранении давних традиций посещения человеком таких объектов и/или размещения своих стоянок в непосредственной близости от них. Места концентрации животных (прежде всего мамонтов), будь то участки водопоев, переправ через реки, природные ловушки или зверовые солонцы, не могли не привлекать палеолитических охотников. Именно такие природные объекты позволяли (и позволяют сегодня)

* См. статью С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

* См. статью С.В. Лещинского, Е.Н. Машенко, Е.А. Пономаревой и др. в этом номере журнала.

охотникам добывать крупных травоядных регулярно, в определенные сроки, с минимальными физическими затратами и риском для жизни. Постоянные места охоты давали возможность сводить к минимуму усилия по ее организации, отслеживанию животных, транспортировке добычи к местам обитания. У охотников не было необходимости регулярно совершать дальние маршруты в поисках разрозненных групп или одиноких животных, организовывать массовые загонные охоты или загонять добычу впрок. Достаточно было знать места (и их признаки), периодически посещаемые животными, и быть готовыми к встрече – в этом случае потенциальная добыча сама приходила к охотнику. Кроме того, выявленный в последние годы очень высокий процент энзоотических заболеваний крупных ископаемых млекопитающих (в первую очередь мамонтов) позволяет с уверенностью говорить о большом падеже животных в позднекаргинско-сарганское время на территории Западно-Сибирской равнины [Лещинский, 2001; Leshchinskiy, 2001; Деревянко и др., 2003; Лещинский и др., 2003; Leshchinskiy, Burkanova, 2003]*. При весьма низкой среднегодовой температуре это создавало благоприятные условия для консервации (замораживания) падали и ее возможного использования в пищу. Таким образом, относительное обилие пищевых ресурсов в целом могло компенсировать отрицательное воздействие природно-климатических факторов и способствовало успешной адаптации людей и освоению ими новых территорий для своего обитания в конце завершающей поры неоплейстоцена (сарганский криохрон).

Позволяло ли охотничье вооружение палеолитического человека добывать мамонтов? Фактические свидетельства такого рода в Костенках I [Праслов, 1995] и Луговском дают основания для утвердительного ответа на этот вопрос, несмотря на единичность примеров. Насколько сложна и опасна была охота на мамонтов? Если это хорошо организованные группы или крупные, полные сил особи, то такая охота могла быть и смертельно опасной, и экономически невыгодной [Деревянко и др., 2003]. Предполагаемые суперспециализация и “геройство” охотничьих коллективов, направленных на добычу таких мамонтов [Пучков, 2001], если и были возможны, то являлись скорее исключением [Аникович, Анисюткин, 2001–2002].

Совсем иная ситуация могла складываться, если охотились на ослабленных болезнями (особенно опорно-двигательного аппарата при минеральном голодании), травмированных, старых или попавших в природные ловушки (например, зыбуны) малоподвижных животных, а также детенышей, отбившихся

от стада. В этом случае шансы охотников резко возрастали. Примеры массовых скоплений мамонтов на зверовых солонцах Шестаково и Волчья Грива [Лещинский, 2001; Машенко, Лещинский, 2001; Деревянко, Зенин и др., 2000; Зенин, 2002; Деревянко и др., 2003] достаточно убедительны, а факты частых и даже многочисленных заболеваний опорно-двигательной системы животных уже нельзя оценивать как единичные патологии или курьезы. Кроме Шестакова и Волчьей Гривы, массовые случаи деструктивных изменений костей ископаемых млекопитающих выявлены на ряде местонахождений Западной Сибири – в Кочегуре, Колывани, Большедорохово и Луговском [Лещинский и др., 2003; Leshchinskiy, Burkanova, 2003; Зенин и др., 2004]*. До недавнего времени эти факты в большинстве своем не замечались либо им не придавалось сколько-нибудь серьезного значения. Таким образом, охотничья деятельность древнего человека, в отличие от геохимического стресса, испытываемого мамонтами в самом конце плейстоцена, не могла играть решающей роли в их исчезновении с территории Северной Евразии.

Археозоологический комплекс Луговского, в основе которого природная ловушка с фагиальными глинистыми породами, демонстрирует массовое скопление костей ископаемых животных с явными деструктивными изменениями и содержит палеолитический инвентарь, включая свидетельство охоты на мамонта. Такое сочетание позволяет считать Луговское опорным местонахождением для геоархеологических и палеонтолого-стратиграфических исследований, в том числе в плане решения вопросов, связанных с вымиранием плейстоценовой мегафауны севера Евразии.

Список литературы

- Аникович М.В., Анисюткин Н.К.** Охота на мамонтов в палеолите Евразии // *Stratum plus*. – 2001–2002. – № 1. – С. 479–501.
- Архипов С.А., Волкова В.С.** Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994. – 105 с.
- Ахмадеев А.Н., Колесников И.М., Лысов В.Ф., Строченко Э.Г., Грухачев В.И., Уразев А.Н., Уразев Д.Н., Уразев Н.А., Чухлебова Н.С.** Ветеринарная экология. – М.: Колос, 2002. – 240 с.
- Вишняков А.И.** Ветеринарная рентгенология. – М.; Л.: Сельхозгиз, 1940. – 336 с.
- Волков И.А., Гросвальд М.Г., Троицкий С.Л.** О стоянке приледниковых вод во время последнего оледенения Западной Сибири // *Изв. АН СССР. Сер. геогр.* – 1978. – № 4. – С. 25–35.

* См. также статью С.В. Лещинского в этом номере журнала.

* См. также статью С.В. Лещинского в этом номере журнала.

Волков И.А., Орлова Л.А. Каргинско-сарганское время и голоцен юго-восточной части Западной Сибири по данным радиоуглеродного метода датирования // Геология и геофизика. – 2000. – Т.41, № 10. – С. 1428–1442.

Гвоздовер М.Д. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого // Учен. зап. Моск. гос. ун-та. – 1952. – Вып. 158: Ископаемый человек и его культура на территории СССР. – С. 207–210.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – 89 с.

Дамперов Н.И. Уровская Кашин–Бека болезнь. – М.; Л.: Медгиз, 1939. – 148 с.

Дервянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 42–55.

Дервянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 168 с.

Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 22–44.

Зенин В.Н., Васильев С.К., Лещинский С.В., Орлова Л.А. Находка мамонта в Колывани (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 101–104.

Лещинский С.В. Новые данные о геологии и генезисе местонахождения Волчьей Гривы // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: Материалы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 244–251.

Лещинский С.В., Бурканова Е.М., Орлова Л.А. Кошегур – новое мамонтовое местонахождение – зверовой палеосолонец на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2003. – Прил. № 3 (II), апрель. – С. 126–128.

Логгинов А. К вопросу об остеопорозе как самостоятельной болезни лошадей: Дис. ... магистра ветеринар. наук. – Дерпт: [Тип. Г. Лакмана], 1890. – 127 с.

Машенко Е.Н. Луговское: “кладбище мамонтов” и стоянка человека // Химия и жизнь – XXI век. – 2004. – № 2. – С. 18–22.

Машенко Е.Н., Лещинский С.В. Состав и морфология остатков мамонтов местонахождения Волчьей Гривы // Эволюция жизни на Земле. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 507–511.

Павлов А.Ф., Машенко Е.Н. Особенности тафономии и состава фауны млекопитающих позднеплейстоценового местонахождения Луговское // Эволюция жизни на Земле. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 522–524.

Павлов А.Ф., Машенко Е.Н., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Орлова Л.А. Предварительные результаты междисциплинарных исследований местонахождения Луговское (Ханты-Мансийский автономный округ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири

и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 165–172.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск: Наука, 1992. – 206 с.

Праслов Н.Д. Мамонт в жизни палеолитического человека // Цитология. – 1995. – Т. 37. – № 7: Первое международное мамонтовое совещание (16–22 октября 1995 г., Санкт-Петербург, Россия). – С. 634–635.

Пучков П.В. “Мамонтовое собирательство” вместо или после “мамонтовых побоищ”? // Vita Antiqua. – Киев: Стило, 2001. – № 3/4. – С. 138–148.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Изд-во Н.-Тагил. гос. пед. ин-та, 2000. – 430 с.

Черкасова А.В. Уровская болезнь сельскохозяйственных животных. – Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1954. – 56 с.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 3–17.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1994. – 95 с.

Leshchinskiy S.V. Late Pleistocene beast solonetz of Western Siberia: “mineral oases” in mammoth migration paths, foci of the Palaeolithic man's activity // The World of Elephants: Proceeding of the 1st Intern. Congr., Rome, October 16–20, 2001. – Pome, 2001. – P. 293–298.

Leshchinskiy S.V., Burkanova E.M. Kochegur, a new locality for mammoth remains in the Shestakovo beast solonetz district (Western Siberia) // 3rd International mammoth conference: Program and abstracts. – Yukon, 2003. – P. 63–67. – (Occasional Papers in Earth Sciences; N 5).

Maschenko E. La question de la chasse au mammoth // Dossiers d'Archeologie. – 2004. – № 291. – P. 74–77.

Maschenko E.N., Pavlov A.F., Zenin V.N., Leshchinskiy S.V., Orlova L.A. The Lugovskoe site: relations between the mammoth assemblage and late palaeolithic man // 3rd International mammoth conference: Program and abstracts. – Yukon, 2003. – P. 77–78. – (Occasional Papers in Earth Sciences; N 5).

Orlova L.A., Zenin V.N., Stuart A.J., Higham T.F.G., Grootes P.M., Leshchinskiy S.V., Kuzmin Y.V., Pavlov A.F., Maschenko E.N. Lugovskoe, Western Siberia: a possible extra-arctic mammoth refugium at the end of the late glacial // Radiocarbon. – 2004. – Vol. 46, N 1. – P. 363–368.

Stuiver M., Polach H.A. Discussion reporting of ¹⁴C data // Radiocarbon. – 1977. – Vol. 19, N 3. – P. 355–363.

Stuiver M., Reimer P.J., Bard E., Beck J.W., Burr G.S., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Van der Plicht J., Spurk M. INTCAL-98 Radiocarbon age calibration, 24,000–0 cal BP // Radiocarbon. – 1998. – Vol. 40, N 3. – P. 1041–1083.

Zenin V.N., Maschenko E.N., Leshchinskiy S.V., Pavlov A.F., Grootes P.M., Nadeau M.-J. The first direct evidence of mammoth hunting in Asia (Lugovskoye site, Western Siberia) // 3rd International mammoth conference: Program and abstracts. – Yukon, 2003. – P. 152–153. – (Occasional Papers in Earth Sciences; N 5).

Материал поступил в редколлегию 15.06.05 г.

УДК 903

**С.В. Лещинский¹, Е.Н. Машенко², Е.А. Пономарева³, Л.А. Орлова⁴,
Е.М. Бурканова¹, В.А. Коновалова¹, И.И. Тетерина³, К.М. Гевля¹**

¹Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия

E-mail: sl@ggf.tsu.ru

²Палеонтологический институт РАН
ул. Профсоюзная, 123, Москва, 117868, Россия

E-mail: evmash@paleo.ru

³ОАО "Западно-Сибирский испытательный центр"
ул. Орджоникидзе, 9, Новокузнецк, 456008, Россия

⁴Институт геологии СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: orlova@uiggm.nsc.ru

КОМПЛЕКСНЫЕ ПАЛЕОНТОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛУГОВСКОЕ (2002–2004 годы)*

Введение

Масштабное изучение плейстоцена на территории Ханты-Мансийского автономного округа проводилось в 1960–1980 гг. Однако до сих пор многие доступные территории остаются плохо изученными в плане ископаемых позвоночных. Возможно, одна из причин этого скрыта в противоборстве двух диаметрально противоположных концепций палеогеографического развития региона: ледово-морской, основанной на предположении о широком развитии морских трансгрессий и разносе терригенного материала дрейфующими льдами и айсбергами [Чочиа, Евдокимов, 1993], и ледниковой (которой придерживаются большинство ученых, в т.ч. авторы

статьи), базирующейся на гипотезе неоднократных материковых оледенений северной части Западной Сибири и распространения обширных ледниково-подпрудных бассейнов [Волков, 1969; Архипов, Волкова, 1994].

Местонахождением с массовыми остатками мамонтовой фауны, единственным в округе с палеолитическими артефактами, является Луговское, расположенное в 25 км западнее Ханты-Мансийска (в 1 км к юго-востоку от бывшей д. Ахтино). Название происходит от пос. Луговского, который находится в 10 км к северу (рис. 1). Местонахождение расположено в долине р. Оби, на крайнем юго-востоке Сосьвинско-Белогорского р-на, в пределах Северной (ледниковой) литофациальной зоны [Унифицированная региональная стратиграфическая схема..., 2000]. Оно приурочено к краевой эродированной части левобережной I надпойменной террасы протоки Марамка, самой южной (крайней) в бассейне Оби (рис. 2). Протока в конце лета пересыхает и имеет ширину 3–20 м, глубину до 1 м (высота поверхности I надпойменной террасы над меженным уровнем обычно 5–7 м). Ископаемые и культурные остатки залегают в отложениях ручья

* Работа выполнена при финансовой поддержке Музея Природы и Человека Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа (г. Ханты-Мансийск), РФФИ (проекты № 03-05-65252, 03-06-80289, 03-05-64434), гранта Президента РФ (№ МК-3291.2004.5). Авторы признательны директору Музея Природы и Человека Л.В. Степановой и заведующему палеонтологическим отделом А.Ф. Павлову за помощь в организации исследований.

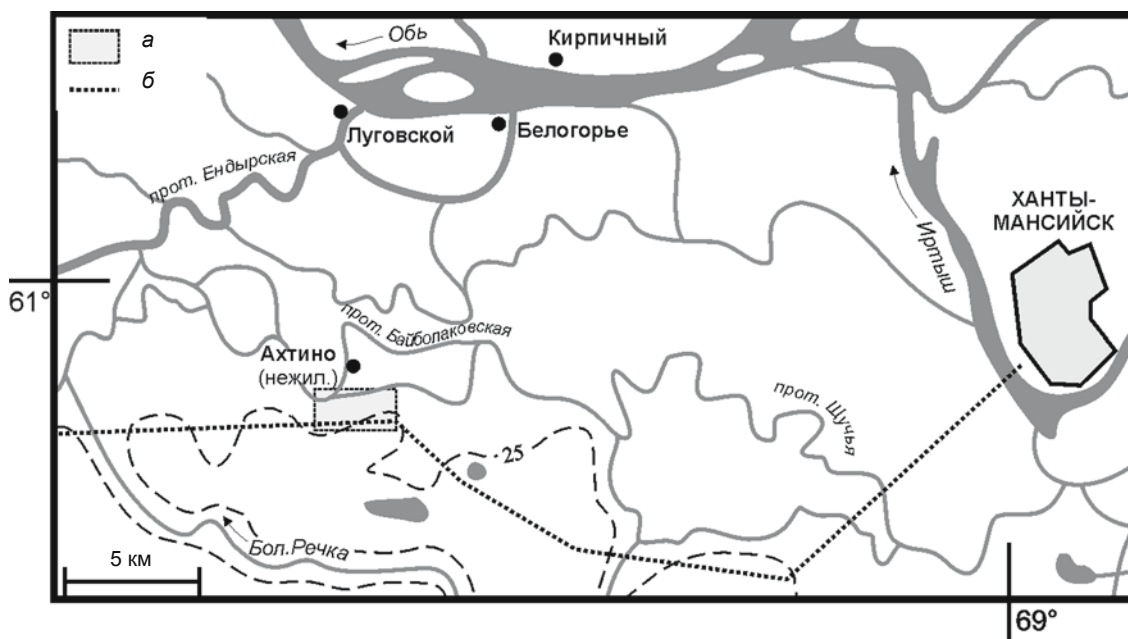

Рис. 1. Обзорная карта района исследований.

а – участок полевых работ в районе местонахождения Луговское; *б* – автотрасса Ханты-Мансийск – Нягань.

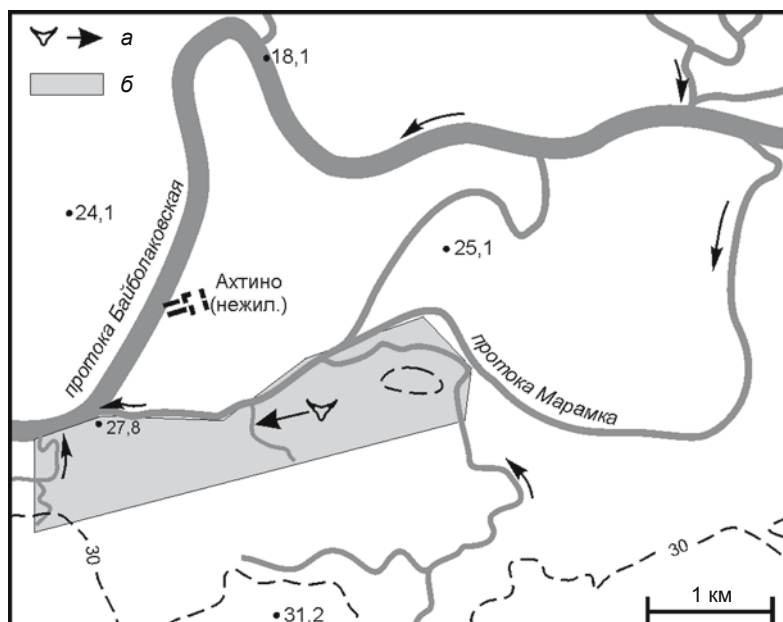

Рис. 2. Карта-схема участка местонахождения Луговское.

а – территория исследований; *б* – изученный участок.

(устье ~60°57'30" с.ш., 68°32'20" в.д.), прорезающего террасу в поперечном направлении и впадающего в протоку (рис. 3). Глубина эрозионного вреза (более 5 м) определяет небольшую абсолютную высоту местонахождения ~20 м. Слабая геологическая деятельность водотока позволяет четко выявить полосу распространения фаунистических остатков – 300 м вверх по течению от устья, ширина до 30 м.

В 1998–2002 гг. на местонахождении собрано более 4,5 тыс. ископаемых остатков (как целых, так и фрагментов, в т.ч. мелких обломков) с явным преобладанием мамонтовых. Уникальность объекта заключается в том, что здесь найдены фрагменты скелетов мамонтов, кости эмбрионов, артефакты древнекаменного века [Павлов, Машенко, 2001]. Комплексные палеонтолого-стратиграфические ра-

Рис. 3. Вид с юга на протоку Марамка.

Рис. 4. Земляные работы в донных отложениях ручья, вмещающих костеносные горизонты.

Рис. 5. Разрез I надпойменной террасы на левобережье ручья.

боты 2002–2004 гг. главным образом были обусловлены невыясненным геологическим строением, сложной тафономией местонахождения, а также археологическими находками. Полностью неясными оставались палеогеографическая и палеогеодинамическая обстановки времени формирования отложений. Эти задачи были успешно решены при полевых и камеральных работах, которые выявили высокую перспективность Луговского и всего Ханты-Мансийского округа в плане палеонтологической, стратиграфической и археологической исследований плейстоцена.

Методы исследований

Исследования включали изучение геологического строения и рельефа, различных групп органических остатков, тафономические наблюдения, а также изотопное датирование, географическую и геодинамическую реконструкции. Работы, состоявшие из полевого (2002 г.) и камерального (2003–2004 гг.) этапов, были начаты с организации комплексного изучения в целом и корреляции уже существующего материала. В первую очередь, составили генеральный план разметки (М 1 : 1000) и план выработок (М 1: 500), необходимые для развертывания многолетних исследований*.

Основная задача 2002 г. – сбор нового фактического материала – решалась при классическом описании разрезов, детальном отборе образцов (*in situ*) пород и ископаемых остатков. Необходимо отметить очень тяжелые условия проходки шурфов и канав, т.к. изучаемые отложения в основном представлены глинистыми зыбучими породами (рис. 4). Несмотря на укрепление листами многослойной фанеры и кольями, выработки были доступны

* См. статью В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

для изучения не более 5–30 мин, что обуславливало весьма интенсивный ритм работы.

Камеральная обработка полученного материала основывалась на комплексных лабораторных палеонтологических, литологических и радиоуглеродных исследованиях [Гричук, Заклинская, 1948; Веденеева, Викулова, 1952; Ошуркова, 1959; Пыльца..., 1961; Старик, 1961; Куприянова, 1965; Никитин, 1969, 1970; Куприянова, Алешина, 1972, 1978; Ананова, 1974; Казьмина, 1975; Моносзон, 1976; Бобров и др., 1983; Шер, Гарутт, 1985; Арсланов, 1987; Коваленко, 1988; Практическое руководство..., 1989; Maschenko, 2002; и др.].

Основные результаты полевых работ

Для изучения геологического строения, положения ископаемых остатков в осадочной толще и их взаимоотношений с культурными остатками описаны разрезы в шести точках наблюдения (т.н.). Для палеогеографической и геодинамической реконструкций, определения изотопного возраста осадков отобрано 35 образцов пород и более 20 ископаемых остатков. При промывке донных отложений обнаружен 271 каменный артефакт*. Ниже приводятся краткие описания разрезов.

Точка наблюдения 1 – разрез I эрозионно-аккумулятивной надпойменной террасы на левобережье ручья у 22-го репера (рис. 5). Описание проведено сверху вниз.

Слой 1. Современная почва, представленная дерном с глинистым коричневато-серым песком. Подошва не выражена. Мощность слоя 0,05–0,1 м. Отложения подстилаются, вероятно, согласно.

Слой 2. Глинистый коричневато-серый мелкозернистый кварцевый песок с пятнышками гумуса и угольными примазками. Подошва нечеткая, неровная, но ясная. Мощность слоя до 0,1 м. Отложения подстилаются без видимых несогласий.

Слой 3. Светло-серый мелкозернистый кварцевый песок. В целом текстура пятнистая (из-за ржаво-коричневых пятен окислов железа), но в подошве из-за прослоев (2–10 см) буро-коричневого глинистого песка – полосчатая. Мощность слоя ~0,8 м. Отложения, возможно, с размывом перекрывают нижележащие образования.

Слой 4. Буро-коричневая опесчаненная, ожелезненная глина с жирным блеском на изломе. Текстура в целом массивная. Кровля слоя пламевидная, имеет падение по азимуту ~40° под углом ~20°, что

свидетельствует о явных процессах дефлюкции. Подошва очень неровная, но четкая. Мощность слоя 0,1–0,2 м. Отложения подстилаются без видимых несогласий.

Слой 5. Тонкослойчатый кварцевый мелкозернистый песок (пойменный аллювий). Слойки (0,1–2 см) светло-серые, желтовато- и коричневато-серые, горизонтальные, иногда волнистые. Встречаются слойки (до 1 см) песчаных серых глин. У подошвы слойчатость становится тоньше и появляется пятнистая текстура. Слой достаточно сильно ожелезнен, особенно в кровле. Подошва выделяется по массивному прослою глинистого вязкого коричневато-серого кварцевого песка, ограниченному плотными ожелезненными поверхностями напластования рыжего и черного цвета (рис. 6). Мощность этого прослоя ~0,1 м (вниз по склону увеличивается). Кровля четкая, пламевидная; подошва неровная (волнистая, реже пламевидная) и менее отчетливая. Мощность слоя до 1,6 м. Отложения с размывом залегают на подстилающих породах.

Слой 6 (цоколь). Голубовато-серая (из-за окисления до зеленовато-серой) плотная, очень гигроскопичная глина (рис. 6). Текстура в основном массивная, но встречаются тонкие горизонтальные опесчаненные слойки (в среднем по 1 мм). Иногда (с периодичностью ~4 см) наблюдаются слойки с фиолетовым оттенком. Порода очень вязкая и насыщенная водой – мощный водоупорный горизонт. Мощность 1,2 м. Подошва нечеткая, но ясная (постепенный переход к нижележащим отложениям).

Слой 7 (цоколь). Коричневато-серая (иногда с фиолетовым оттенком) массивная, плотная, очень гигроскопичная глина. В 0,3 м ниже кровли встречаются плоские окатыши травянистого торфа (до 3×3×0,5 см). Видимая мощность более 1 м, в т.ч. более 0,5 м ниже поверхности современных отложений ручья.

Точки наблюдения 2–4 – сводный разрез пойменных отложений ручья, составленный по шурфам между реперами 18 и 11. Описание сверху вниз.

Слой 1. Современные буровато-серые илистые отложения, сильно ожелезненные, очень вязкие и гигроскопичные, ближе к руслу ручья имеют консистенцию жидкой сметаны. Порода насыщена растительным детритом, фрагментами костей и зубов мамонтов и других млекопитающих. Мощность слоя до 0,2 м. Отложения, вероятно, залегают с перерывом.

Слой 2. Тонко-, горизонтально-, реже косо-, и волнисто-слойчатые песчано-глинистые отложения. Представлены слойками и линзочками (до 2 см) голубовато-серой, серой, коричневато-серой глины, растительного детрита (рис. 7), иногда мелко- и среднезернистого кварцевого песка. От кровли к подошве слоя мощности слойков увеличиваются до 5 см, а поверхности напластований между ними становятся

* См. статью В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

Рис. 6. Средняя и нижняя части разреза I надпойменной террасы.

Рис. 7. Разрез донных отложений по простиранью слойков (4 м от линии реперов 18, 19, т.н. 2). Слойки детрита прекрасно выделяются в глинистой толще.

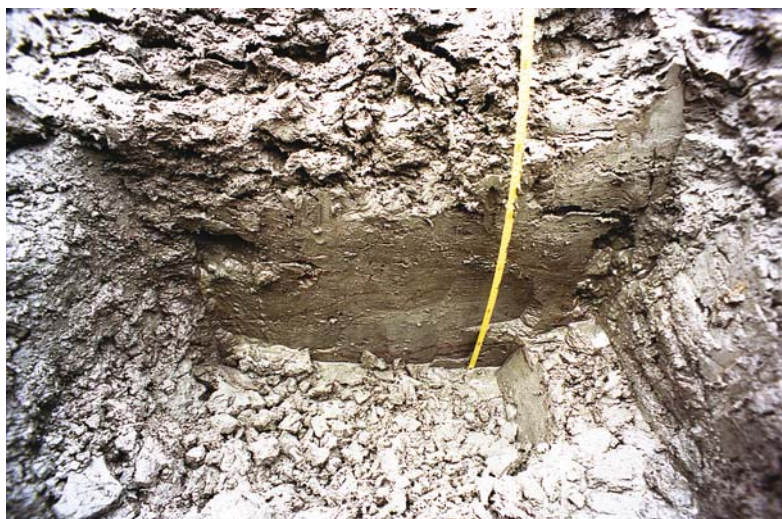

Рис. 8. Разрез донных отложений по падению слойков (вблизи русла ручья, 10 м от линии реперов 18, 19, т.н. 2).

более четкими. Нередко наблюдается падение слойков по течению ручья под углом до 7° , а ближе к руслу он достигает 20° (рис. 8). Часто встречаются линзы и невыдержанные прослои темно-коричневого травянистого торфа. Так, у репера 12 (т.н. 3) основной прослой торфа (до 0,2 м) фиксируется в 0,1 м

ниже кровли. Здесь костные остатки млекопитающих залегают в торфе, над и под ним. Анатомических положений не выявлено*. Непосредственно под торфом

* А.Ф. Павлов и Е.Н. Машенко [2001] отмечали *in situ* некоторые части скелетов мамонтов.

обнаружены лопатка и грудной позвонок мамонта, частично залегающие в подошве этого прослоя. Находка уникальна – позвонок имеет пробоину от орудия древнего человека*. В кровле слоя у 18-го репера (т.н. 2) обнаружены палеолитические артефакты. Вблизи 11-го репера (т.н. 4) выделяются два костеносных горизонта. Первый (~0,1 м), залегающий относительно горизонтально, приурочен непосредственно к кровле; второй (основной, ~0,2 м) резко погружается к руслу ручья с 0,2 м до 0,6 м ниже кровли. Видимая мощность слоя более 1 м.

Точка наблюдения 5 – разрез II эрозионной надпойменной террасы (?) на левобережье ручья, в 100 м выше по течению от автотрассы (превышение над дорогой до 1 м). Описан сверху вниз.

Слой 1. Современная почва, представленная дерном с примесью серой глины. Подошва нечеткая. Мощность слоя 0,05–0,1 м. Отложения подстилаются с большим перерывом.

Слой 2. Голубовато-серая массивная плотная глина (аналог слоя 6 т.н. 1). Порода очень вязкая и насыщенная водой, является местным водоупорным горизонтом (окружающая территория сильно заболочена). Видимая мощность более 0,8 м.

Точка наблюдения 6 – разрез поймы на правом берегу протоки Марамка (в 100 м ниже устья “костеносного” ручья). Описание от уреза воды вверх (урез на 1 м ниже нулевого репера).

Слой 1. Голубовато-серая массивная, плотная, вязкая, очень гигроскопичная глина (возможно, аналог слоя 6 т.н. 1). Кровля слоя нечеткая, неровная, но ясная. На поверхности напластования – темные коричневатые пятна (размытая почва?). Видимая мощность слоя более 0,7 м. Отложения, возможно, с разрывом перекрыты вышележащими.

Слой 2. Светлый коричневатый глинистый песок. Кровля нечеткая, но ясная, волнистая. Мощность слоя ~0,3 м. Отложения перекрыты, вероятно, с перерывом.

Слой 3. Погребенная почва гидроморфного типа – коричневатая-черная вязкая (водоупорная), гумусированная, опесчаненная глина (5–10 см), перекрытая темно-коричневым торфом лугово-болотного типа (3–10 см). Кровля слоя четкая, волнистая. Отложения, по-видимому, с перерывом перекрыты вышележащими.

Слой 4. Коричневатая-серая плотная, очень ожелезненная и гигроскопичная глина (является водоупорной). Мощность 1,2 м. Поверхность напластования нечеткая, наблюдается постепенный переход.

Слой 5. Серая с рыжеватым оттенком опесчаненная глина. Текстура пятнистая, иногда горизон-

тально-слоистая из-за редких слоев и линзочек серого кварцевого песка (до 2 см). Мощность слоя 1,3 м. Поверхность напластования выделяется по тонкому слою (до 2 см) погребенной серовато-черной почвы. Отложения перекрыты без видимого несогласия.

Слой 6. Неясно волнисто-слоистые, реже горизонтально-слоистые отложения. Представлены слоями коричневатой-серой глины (до 5 см, составляют примерно 60 % объема слоя) и серого кварцевого песка (до 1 см). Мощность слоя 0,8 м. Кровля нечеткая, но ясная; отложения постепенно переходят в вышележащие.

Слой 7. Современная почва – дерн с глинистым коричневатой-серым песком. Мощность ~0,05 м.

Комплексные лабораторные исследования

Анализ фауны млекопитающих. Состав млекопитающих Луговского соответствует “мамонтовому комплексу” и включает 13 таксонов: *Lepus* sp., *Microtus* sp., *Alopex lagopus* L., *Canis lupus* L., *Ursus arctos* L., *Panthera spelaea* (Gold.), *Mammuthus primigenius* Blum., *Coelodonta antiquitatis* Blum., *Equus caballus* L., *Rangifer tarandus* L., *Alces* sp., *Bison* sp., *Ovibos* (?) sp. [Павлов и др., 2002; Maschenko et al., 2003]. На сегодняшний день собрано ~5,5 тыс. ископаемых остатков (более 60 % – мелкие фрагменты). Абсолютно преобладают кости и зубы мамонтов (более 98 %). Представлены четыре относительно полных скелета. Один из них, найденный в 1999 г., по морфологическим признакам определен как принадлежащий взрослой самке (смена зубов M2/M3; максимальная высота скелета ~2,3 м). Возможно, это один из самых мелких известных мамонтов на территории Западной Сибири. Всего на Луговском собраны кости не менее 27 мамонтов, как взрослых, так и детенышей, что, вероятно, говорит о не одновременной, избирательной гибели животных. Возрастное распределение следующее: около 40 % – остатки неполовозрелых особей. Остальные кости и зубы принадлежат взрослым животным: самкам, в т.ч. двум беременным (найжены кости двух эмбрионов), и не менее чем двум самцам. По-видимому, участок местонахождения посещался как семейными группами, состоящими из самок с детенышами, так и самцами [Maschenko, 2002]. Второе место среди крупных млекопитающих по количеству собранных костных остатков (~20 шт. от семи или более особей, включая детеныша) занимает шерстистый носорог. Другие виды представлены единичными находками. Среди костных остатков хищников преобладают кости волка (не менее трех особей) и песца (не менее двух), а бурый медведь и пещерный

* Подробнее см. статью В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

лев выявлены лишь по фрагментам зубов. Грызуны представлены ~50 разрозненными зубами и несколькими фрагментами челюстей.

Микрофаунистический анализ. Приблизительно 80 % образцов пород, отобранных из разрезов Луговского, не содержат ископаемой микрофауны. Тем не менее выделены два комплекса остракод. Первый, из нижней видимой части цоколя I надпойменной террасы (слой 7, т.н. 1), включает *Candona rectangulata* Alm., *C. neglecta* Sars, *C. sp.* (личинки), *Candoniella subellipsoida* Scharapova, *Limnocythere cf. inopinata* (Baird), *L. sanctipatricii* Brady et Robertson, *L. baltica* Diebel, *L. cf. falcata* Diebel, *Ilyocypris bradyi* Sars. Особенностью является преобладание вида *Candoniella subellipsoida* Scharapova (более 50 %), имеющего широкое стратиграфическое распространение (начиная с верхнего плиоцена) и хорошо адаптированного к нестабильной среде обитания [Липагина, 1976]*. Экологическая характеристика биотопа позволяет предположить, что формирование вмещающих отложений проходило в пресном (пойменном?) водоеме глубиной до нескольких метров с часто меняющимися температурой и гидрорежимом. Видовой состав комплекса характерен для среднего – позднего неоплейстоцена, но по соотношениям таксонов и другим признакам можно предположить пограничный, казанцевско-ермаковский возраст отложений.

Второй комплекс происходит из костеносных отложений ручья (слой 2, т.н. 2, 3): *Candona rectangulata* Alm., *C. arcina* Liepin, *C. candida* Muller, *C. fabaeformis* Fisch., *C. neglecta* Sars, *C. sp.* (личинки), *Candoniella subellipsoida* Scharapova, *C. kasachstanica* Schneider, *Limnocythere sanctipatricii* Brady et Robertson, *L. cf. falcata* Diebel, *L. dorsotuberculata* Negadaev, *L. grinfeldi* Liepin, *L. sp.*, *Ilyocypris bradyi* Sars, *Cytherissa lacustris* Sars, *Eucypris sp.* Вероятно, родовое и видовое разнообразие отражает более благоприятные условия для развития остракод. Однако в кровле слоя 2 отмечено множество створок эвритермного и эвригалинного вида *Candoniella subellipsoida* Scharapova (~40 % от общего количества), что, возможно, указывает на увеличение амплитуды и/или скорости изменений температуры и гидрорежима бассейна на рубеже плейстоцена и голоцена. Присутствие стенотермно-холодолюбивых видов *Candona* – активных илоедов, значительный процент кренофила *Ilyocypris bradyi* Sars и наличие холодолюбивого *Cytherissa lacustris* Sars, обитающего на илистом дне, позволяют предположить,

что формирование отложений происходило на мелководье умеренно холодного (до 15 °C) водоема с развитой подводной растительностью.

В целом для комплексов характерна обедненная фауна остракод, представленная целыми створками и обломками, принадлежащими взрослым и личиночным особям. Присутствуют как озерные формы, так и потамофилы; это предполагает периодическую связь бассейнов седиментации с рекой (вероятно, при половодье). Также необходимо отметить моллюсков в поверхностных отложениях ручья: *Valvata sp.* и *Armiger crista* – современных видов, обитающих в мелких водоемах старичного типа. Кроме того, выявлены единичные радиолярии. Они относятся к отряду Spumellaria, развитие которого началось в ордовике и продолжается до наших дней. Нет сомнений, что эти ископаемые остатки переотложены, т.к. обнаружены в весьма молодых образованиях – верхней части I надпойменной террасы, донных отложениях (даже поверхностной пробе!) и пойме. Источником данных находок, вероятно, являются морские дочетвертичные породы на прилегающей территории.

Карпоботанический анализ. В изученных разрезах выделено три группы разнородных и разновременных комплексов семян и плодов.

Комплексы из нижней видимой части цоколя I надпойменной террасы (слой 7, т.н. 1) содержат остатки флоры, свидетельствующие о существовании здесь пойменных разнотравно-злаковых лугов с участием представителей семейств Poaceae, Caryophyllaceae, Ranunculaceae, Rosaceae и др. В количественном отношении господствующее положение занимает Poaceae, а по разнообразию родов и видов – Cyperaceae (отмечаются различные *Carex sp.*, *Schoenoplectus sp.*, *Eriophorum sp.*). Водные растения единично представлены *Chara*, *Potamogeton sp.*, *Batrachium sp.*, что свидетельствует о небольших водоемах типа “окоп” на территории луга. Семена и плоды древесных не обнаружены, так же как и экзотических растений, не свойственных современной флористической зоне исследуемого района. Отсутствие холодолюбивых видов указывает, что луговые ассоциации существовали в умеренной климатической обстановке (возможно, конца казанцевского термохрона).

Комплексы, выделенные из донных отложений (слой 2, т.н. 2–4), врезанных в образования I надпойменной террасы и вмещающих костеносные горизонты, смешанные (микстохронные, по П.А. Никитину [Никитин В.П., 1969]). Они имеют оригинальный видовой состав и содержат большую группу переотложенных карпоидов. Особенно характерно множество диаспориид миоцен-средне-неоплейстоценовых мелких водных папоротников родов *Azolla sp.* и *Salvinia sp.*, в частности вида

* В настоящее время рачки, выделенные в ряд *Candoniella*, многими исследователями принимаются за личинки разных видов рода *Candona*.

A. interglacialica Nikit. (до 30 и более мегаспор). Семена и плоды в переотложенной группе имеют следы транспортировки и различную окраску, что отражает сложную обстановку формирования как самого ориктоценоза, так и вмещающих отложений. В то же время в составе описываемых комплексов встречаются остатки типичного позднеоплейстоценового облика, без следов транспортировки. Такие карпоиды, по-видимому синхронные вмещающим осадкам, объединены в монохронную группу, ядро которой составляют современные западно-сибирские растения. Для нее характерны водно-болотные и мезофитные представители семейств Cyperaceae, Ranunculaceae, Rosaceae, Lamiaceae. Доминируют водно-болотные: *Sparganium* sp., *Potamogeton* sp., *Scheuchzeria* sp., *Carex* sp., *Scirpus* sp., *Eleocharis* sp., *Batrachium* sp., *Elatine* sp., *Hippuris* sp., *Menyanthes* sp. и др. Мезофитных немного: *Chenopodium* cf. *album* L., *Ch. glaucum* L., *Polygonum tomentosum* Schrank, *Potentilla anserina* L., *P. supina* L., *Mentha arvensis* L. и др. Травы представлены единичными растениями-фригофилами, характерными для арктоальпийской зоны: *Carex pauciflora* Lightf. и *Papaver nudicaule* L., а также достаточно холодолюбивыми лютиками (*Ranunculus flammula* L.). Семена и плоды древесных практически отсутствуют, отмечаются только единичные *Betula pubescens* Ehrh., *B. sp.* и *Picea obovata* Ledeb.

Интересны остатки флоры из прослоев торфа. Они характерны для ассоциации осокового болота, где кроме многочисленных осок (*Carex atherodes* Spreng, *C. canescens* L., *C. pallescens* L., *C. rostrata* Stokes, *C. ex gr. A* и *B*) представлены другие болотные виды: *Juncus gerardii* Loisel, *Caltha palustris* L., *Eleocharis palustris* R.Br., *Rorippa palustris* (L.) Bess., *Pedicularis palustris* L., *Valeriana palustris* L. и др. "Окна" и мочажины занимали водные растения: *Batrachium* sp., *Potamogeton filiformis* Pers., *P. gramineus* L., *Elatine hydropiper* L. и *Hippuris vulgaris* L. Из трав произрастали представители мезофитных семейств Chenopodiaceae и Caryophyllaceae (*Gypsophila paniculata* L., *Silene* sp., *Chenopodium album*, *Potentilla argentea* L.). На болоте было развито березовое редколесье с черемухой (*Padus racemosa* (Lam.) Gilib.), жимолостью (*Lonicera* sp.), калиной (*Viburnum* sp.) и ольховником (*Duschekia* sp.). Кроме того, отмечены *Betula nana* L. и *Adoxa moschatellina* L. – представители психрофитных растений.

Таким образом, во время формирования отложений, вмещающих костеносные горизонты, ландшафт являл собой разнотравные заболоченные луга с небольшими озерками и/или старицами, редкими деревьями и кустарниками. Отдельные участки территории могла занимать карликовая березка (*Betula nana* L.). Растительная ассоциация существовала в

условиях умеренно прохладного климата (несколько суровее современного) конца сартанского криохрона – начала голоцена.

Типично голоценовые растительные комплексы выделены из современной почвы (т.н. 1), верхнего слоя донного осадка ручья (т.н. 2) и отложений поймы (т.н. 6). Они отражают растительные ассоциации, близкие рецентным. Реконструируется березовый лес с карликовой березкой (*Betula nana* L.) и ольховником (*Duschekia* sp.) (с участием ели – *Picea obovata* Ledeb.) на разнотравном пойменном лугу. Травянистый ярус разнообразен: различные виды осок (Cyperaceae), лютиков (*Ranunculus* sp.), василистника (*Thalictrum* sp.), фиалок (*Viola* sp.) и мяты (*Mentha* sp.). Из водных растений представлены *Sparganium* sp., *Potamogeton* sp., *Hippuris* sp., *Naumburgia* sp.; из мезофитов – *Polygonum aviculare* L., *Chenopodium* sp., *Carum carvi* L., *Bidens tripartita* L. и виды, переносящие избыточное увлажнение, – *Thalictrum minus* L., *Mentha arvensis* L., *Ranunculus flammula* L. и др. Указанный состав в основном характерен для субатлантического и суббореального периодов голоцена.

Спорово-пыльцевой анализ. На основании анализа спорово-пыльцевых спектров (СПС), выделенных из отложений Луговского, можно восстановить историю развития растительности района исследований по семи типам палеофлористических ассоциаций.

СПС из нижней видимой части цоколя I надпойменной террасы (слой 7, т.н. 1) показали доминирование (37–70 % общего состава спектра) пыльцы хвойных и мелколиственных деревьев, при преобладании миоспор *Pinus* sp. Травы (3,4–9,2 %) представлены пыльцой Asteraceae, Chenopodiaceae, Ranunculaceae и Rosaceae. Споры (16,7–25,5 %) принадлежат Bryidae, *Sphagnum* sp. и Polypodiaceae. Особенностью СПС, выделенных в нижней части слоя, является присутствие зерна *Trapa* sp., а также преобладание среди спор зерен *Sphagnum* sp. В кровле слоя появляется пыльца *Picea* sp. и cf. *Larix* sp., а среди спор начинают доминировать зерна Bryidae. Таким образом, в пределах изученной территории во время формирования отложений слоя 7 были распространены различные типы таежных лесов.

СПС из верхней части цоколя I надпойменной террасы (слой 6, т.н. 1) резко отличаются по составу от приведенных выше. При сохранении преобладания пыльцы древесных пород (~40 % общего состава спектра) доминируют в этой группе (~90 %) мелкие и деформированные зерна *Betula* spp. Увеличивается роль (более 17 % общего состава спектра) и видовое разнообразие кустарников: *Alnus* sp., *Alnastr* sp., Caprifoliaceae, Ericaceae и *Salix* sp. Пыльца трав принадлежит восьми таксонам и относится большей частью к мезофитной группе – сложноцветным (Asteraceae), полыни (*Artemisia* sp.), маре-

вым (Chenopodiaceae) и цикориевым (Cichoriaceae). Споровые растения представлены зернами Bryidae, Lycopodiaceae, Polypodiaceae, *Sphagnum* sp. с преобладанием последних. Вместе с тем обнаружено пыльцевое зерно, вероятно, принадлежащее обитателю тундр и гольцов – дриаде (cf. *Dryas* sp.). Тем не менее общий состав и характеристика ассоциации позволяют говорить о возможном преобладании лесотундровой обстановки.

СПС из аллювиальной части разреза I надпойменной террасы (слои 5–2, т.н. 1) в целом характеризуются низким содержанием микрофитофоссилий. Тем не менее в образце из средней части слоя 3 удалось выделить полный палиноспектр с доминированием спор (78,3 % общего состава спектра) и их многообразием: Bryidae, *Sphagnum* sp., Lycopodiaceae, Polypodiaceae, Ophioglossaceae. Древесные остатки представлены в основном мелкой и деформированной пылью *Betula* sp. Также встречены единичные зерна сосновых, ольхи и трав. Данный СПС, скорее всего, отвечает условиям тундры (менее вероятно, лесотундры). Анализ флористических остатков в конце аккумулятивного интервала террасы (слой 2) указывает на примерно равное участие спор, в основном *Sphagnum* spp. (более 80 % в группе), и пыльцы *Betula* sp. (пыльца трав не отмечена). Эти два таксона составляют соответственно 45,2 и 51,4 % от общего содержания миоспор. Такое соотношение характерно для обширных заболоченных пространств.

СПС из костеносных отложений ручья (слой 2, т.н. 2–4) отражают разные растительные ассоциации, что указывает на сложные условия формирования (переотложение) вмещающих пород. Для большей части исследованных образцов характерно некоторое преобладание (36–53 % от общего состава спектра) пыльцы деревьев и кустарников: *Betula* sp. (резко доминирует), Pinaceae, *Pinus* sp., *Alnus* sp. и *Salix* sp. Травы представлены многими таксонами – Cyperaceae, Liliaceae, Poaceae, Apiaceae, Asteraceae, *Artemisia* sp., Caryophyllaceae, Chenopodiaceae, Polygonaceae, Ranunculaceae, *Thalictrum* sp., Rosaceae, Scrophulariaceae – и занимают в среднем 20 % от общего состава СПС. Отмеченные споры принадлежат Bryidae, *Sphagnum* sp. и Polypodiaceae. Довольно высока доля неопределенных миоспор – до 14,9 % от общего состава спектра, что может говорить о неблагоприятных условиях произрастания растений. Коэффициент переотложения, вычисленный по обнаруженным раннекайнозойским формам, также существен – до 0,19.

В палиноспектрах некоторых образцов, отобранных из кровли слоя 2, при сохранении главенствующей роли пыльцы деревьев и кустарников (до 70 %) на первое место по содержанию выдвигаются мио-

споры хвойных – Pinaceae, *Pinus* sp., *Picea* sp. Кроме того, отмечена пыльца Cornaceae, а миоспоры трав (семь таксонов) большей частью принадлежат мезофитам: Asteraceae, *Artemisia* sp., Chenopodiaceae, Polygonaceae. Еще большие отличия наблюдаются в СПС образца, отобранного вблизи зафиксированной “плейстоцен-голоценовой” границы. Здесь отмечается примерно равное участие миоспор древесно-кустарниковой группы, трав и споровых растений. Пыльца кустарников принадлежит *Alnus* sp., Caprifoliaceae, Ericaceae и *Salix* sp.; в группе древесных доминирует мелкая и деформированная пыльца *Betula* spp. Из спор встречены зерна Bryidae, *Sphagnum* sp., Lycopodiaceae и Polypodiaceae. Пыльца трав принадлежит 16 семействам и 4 родам (*Potamogeton* sp., *Sparganium* sp., Cyperaceae, Poaceae, Apiaceae, *Artemisia* sp., Chenopodiaceae, Cichoriaceae, Fabaceae, Lamiaceae, Polygonaceae, Ranunculaceae, *Thalictrum* sp., Rosaceae, Scrophulariaceae и др.). Встречено зерно, возможно принадлежащее дриаде – cf. *Dryas* sp.

СПС из нижней части пойменного разреза (слои 1 и 2, т.н. 6) свидетельствуют о резком доминировании споровых растений – Bryidae, *Sphagnum* sp., *Lycopodium* sp. и Polypodiaceae (преобладают) – 60,2–76,8 % общего состава. Древесно-кустарниковые формы (до 30 %) представлены пылью Pinaceae, *Betula* sp., *Alnus* sp., Ericaceae, *Salix* sp. Такое соотношение, скорее всего, отражает заболоченные лесотундровые ландшафты.

СПС из средней части пойменного разреза (слои 3 (кровля) – 5) характеризуют интервал атлантического оптимума. В динамике растительных ассоциаций можно выделить три стадии. Сначала (кровля слоя 3) в ландшафте резко доминировали деревья и кустарники: *Picea* sp., Pinaceae, *Pinus* sp., *Betula* sp. (преобладает), *Alnus* sp., *Salix* sp.; важной находкой является пыльца эфедры (*Ephedra* sp.) и лещины (*Corylus* sp.). Таксономический состав трав был беден: Poaceae, Asteraceae, Cichoriaceae, Polygonaceae, *Thalictrum* sp. Найденные споры принадлежат Bryidae, *Sphagnum* sp., *Lycopodium* sp., Polypodiaceae. Анализ СПС отложений слоя 4 показал преобладание пыльцы трав и спор (37,8 и 34 % соответственно). Древесно-кустарниковая группа – *Betula* sp., cf. *Populus* sp., *Alnus* sp., *Salix* sp. – занимает только ок. 20 % общего состава спектра. Травы представлены 14 таксонами, относящимися к водно-болотным, прибрежным и мезофитным формациям: *Alisma* sp., Cyperaceae, Poaceae, Apiaceae, *Artemisia* sp., Chenopodiaceae, Cichoriaceae, Lamiaceae, Polygonaceae, Ranunculaceae, *Thalictrum* sp., Rosaceae, Valerianaceae, Violaceae, – и занимают в среднем 20 % от общего состава. Споры принадлежат Bryidae и *Sphagnum* sp. (~50 % в группе).

Анализируя СПС слоя 5, можно отметить примерно равное участие спор и пыльцы древесной группы. Палиноспектр отличается очень богатым составом – 36 таксонов. Группа кустарников представлена пылью ольхи (*Alnus* sp.), ольховника (*Alnast* sp.), ивы (*Salix* sp.), яблоневых (*Malaceae*); кустарничков – пылью вересковых (*Ericaceae*). Среди покрытосемянных трав можно выделить подгруппы водных (*Alisma* sp.), прибрежных (*Valerianaceae*), произрастающих в сырых местах (*Cyperaceae*) и сухолюбивых (*Chenopodiaceae*) растений. Таким образом, полученные СПС отражают заболоченные пойменные луга, чередующиеся с участками мелко-лиственно-хвойного леса.

СПС из верхней части пойменного разреза, современных почвенных горизонтов и поверхностных отложений ручья (слои 6, 7, т.н. 6; слой 1, т.н. 1–5) представляют растительные ассоциации, близкие рецентным. Характерной особенностью является преобладание пыльцы древесных форм и высокое содержание спор (в основном *Sphagnum* spp.). Из трав представлены главным образом водно-болотные и мезофитные: *Cyperaceae*, *Potamogeton* sp., *Poaceae*, *Artemisia* sp., *Chenopodiaceae*, *Ranunculaceae*, *Rosaceae*, *Rubiaceae*, *Scrophulariaceae* и др. Указанные соотношения вполне соответствуют зоне средней тайги с обширными заболоченными участками.

Дополнительно необходимо отметить большую долю спор *Sphagnum* sp. во всех СПС, что указывает на устойчивое (во времени) распространение заболоченных территорий. Кроме того, особенностью отложений I надпойменной террасы является высокое содержание миоспор мел-палеогенового возраста (до трети отмеченных форм), в то время как для осадков поймы это нехарактерно.

Анализ глинистых минералов. Разрез I надпойменной террасы характеризуется резкими пиками на кривой окрашивания для интервала аллювиальных отложений (т.н. 1). Так, лишь в слое 2 был определен каолинит, в остальных – чередование гидрослюд и каолинита с гидрослюдой, что, вероятно, указывает на периодические и быстрые смены условий осадконакопления. Процессы седиментации, характеризующие образования цоколя террасы, отвечают длительным устойчивым условиям сноса и накопления материала, т.к. глинистые минералы в основном представлены каолинитом с гидрослюдой. Это подтверждает не только озерный/пойменный генезис осадков, но и перерыв в осадконакоплении.

Минеральный состав глин из пойменного разреза (т.н. 6) в основном представлен каолинитом (слои 1, 2, 6). Гидрослюда была определена в слоях 4 и 5. Отсутствие частых и резких пиков на кривой окрашивания позволяет предположить, что осадко-

накопление проходило в относительно спокойных условиях. Подобная ситуация вполне характерна для голоценовых отложений западно-сибирских рек. Явная смена режима седиментации фиксируется при переходе от 2-го к 4-му слою. По-видимому, это связано с перерывом в накоплении осадков. В таком варианте слои 1 и 2 могут являться цоколем поймы.

Результаты исследования образцов костеносных отложений ручья свидетельствуют об устойчивых условиях сноса и накопления материала. Вероятно, это связано с относительно стабильными процессами размыва I и II надпойменных террас. Тем не менее иногда наблюдается дополнение гидрослюдой ведущего глинистого минерала донных осадков – каолинита, что может объясняться локальными условиями осадконакопления.

Таким образом, исследования методом окрашивания позволяют сделать вывод о каолинит-гидрослюдистом минеральном составе глин видимой части сводного разреза четвертичных отложений в районе местонахождения Луговское. Полученные результаты сопоставимы с данными геологического картирования прилегающих районов, где сходный состав глин имеют отложения второй половины среднего – верхнего неоплейстоцена [Государственная геологическая карта..., 1999].

Радиоуглеродный анализ. Образцы для исследований были отобраны в 2002 г.: грудной позвонок, тазовые кости и зубные пластины мамонтов, а также торф. Получены следующие результаты: $13\,720 \pm 160$ л.н. – грудной позвонок (СОАН-4940) из второго костеносного горизонта слоя 2 (т.н. 4); $13\,490 \pm 155$ – тазовые кости (СОАН-4942) из первого костеносного горизонта слоя 2 (т.н. 4); $10\,820 \pm 170$ – зубные пластины (СОАН-4943) из кровли слоя 2 (т.н. 2); $9\,685 \pm 95$ – торф (СОАН-4941) из кровли слоя 2 (т.н. 3); $5\,830 \pm 85$ л.н. – торф (СОАН-4944) из пойменного разреза (т.н. 6). Изотопный возраст этих ископаемых остатков соответствует стратиграфической ситуации участка, результатам лабораторных исследований и не противоречит предыдущим данным радиоуглеродного датирования, в т.ч. AMS-методом [Orlova et al., 2004]. Особенно показательны ^{14}C -даты, полученные по торфу. Первая из них (СОАН-4941), близкая к хронологической границе плейстоцена и голоцена, почти на 4 тыс. радиоуглеродных лет моложе даты ($13\,465 \pm 50$ л.н.), определенной по позвонку с пробойной, частично залегавшему в данной торфяной линзе [Zenin et al., 2003]*. Это доказывает существенное латеральное перемещение в верхней части донных отложений, а также весьма сложный характер ориктоценоза в целом. Таким образом, нет сомнений

* См. также статью В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

в локальном переотложении большей части костей и зубов в кровле слоя 2 (т.н. 2–4). Это объясняет выявленный ранее разброс ^{14}C -дат по единым стратиграфическим уровням*. Вторая дата, полученная по торфу (СОАН-4944), указывает на пойменный характер правобережья Марамки, что важно при изучении палеогеодинамической обстановки.

Генезис, возраст и корреляция отложений

Данные о генезисе и возрасте отложений, их корреляция легли в основу сводного разреза местонахождения Луговское (рис. 9).

Наиболее древними образованиями на исследованном участке являются породы основания цоколя I надпойменной террасы (слой 7, т.н. 1). В основном они представлены плотной коричневатой-серой глиной (видимая мощность более 1 м). Формирование отложений проходило в условиях крупной поймы или озера, вероятно, в конце казанцевского термохрона (более 100 тыс. л.н.).

Образования верхней части цоколя I надпойменной террасы (слой 6, т.н. 1) и видимой части второй (слой 2, т.н. 5) залегают на подстилающих отложениях, возможно, со стратиграфическим несогласием. Они представлены голубовато-серыми, реже зеленовато-серыми, массивными, иногда тонкослойчатыми озерными глинами (видимая мощность более 1,2 м). Относительный возраст отложений предварительно оценивается ермаковским криохроном (~100–50 тыс. л.н.). В этот интервал может попадать и голубовато-серая глина в основании пойменной террасы (слой 1, т.н. 6).

Перекрывающие цоколь глинистые пески (видимая мощность более 2,5 м) составляют верхнюю часть I надпойменной террасы (т.н. 1). Вложение ее аллювия во II надпойменную террасу прослеживается горными выработками. Краевая часть II террасы, практически не выраженная в рельефе, фиксируется шурфами в 250 м к югу от 30-го репера. Литологическая характеристика отложений указывает на аллювиальный генезис (пойменная фация или субфация прирусловой отмели). Исходя из результатов работ и сопоставления с разрезами региона, время формирования этих осадков можно соотнести с самым концом каргинского термохрона – первой половиной сартанского криохрона (~25–16,5 тыс. радиоуглеродных л.н.). По-видимому, аналогичный возраст имеет и глинистый песок основания разреза поймы (слой 2, т.н. 6).

В образования I надпойменной террасы врезаны осадки ручья, вмещающие костеносные горизонты (т.н. 2–4). Стратиграфическая ситуация и 15 изотопных дат, полученных по ископаемым остаткам, указывают на позднесартанский – раннеголоценовый возраст (~16,5–9,5 тыс. радиоуглеродных л.н.) отложений слоя 2 [Orlova et al., 2004]. В этом интервале датируются палеолитические находки, морфология которых основана на вкладышевой технике [Zenin et al., 2003]*. Две ^{14}C -даты (~18,2 и 30 тыс. л.н.), а также фрагменты костей и зубов в слое 1 указывают на переотложение.

Погребенная почва в нижней части пойменного разреза (т.н. 6) сформировалась в первую половину голоцена, т.к. венчающий ее торф имеет ^{14}C -возраст ~5,8 тыс. лет. Таким образом, остальная часть разреза поймы отвечает максимуму атлантического оптимума – суббореальному времени (~5,8–2,5 тыс. л.н.).

Новейшими отложениями на изученном участке являются почвенные горизонты и поверхностный осадок ручья (слой 1) с переотложенными ископаемыми остатками и обломками керамики (найлены до 2002 г.). Накопление этих отложений происходило в субатлантический период голоцена (от ~2,5 тыс. л.н. до настоящего времени).

Палеогеографическая и палеогеодинамическая реконструкции

Представленные факты ясно говорят о присутствии на рассматриваемой территории палеолитического человека и крупной популяции мамонтов, по крайней мере, во второй половине сартанского криохрона. Это, а также расположение объекта исследований на абсолютной высоте ~20 м опровергает гипотезу затопления Мансийским ледниково-подпрудным озером центральной, и тем более южной, части Западной Сибири в конце глобального зырянского похолодания [Волков, Волкова, 1965; Кривоногов, 1988; Архипов, Волкова, 1994]. Во второй половине XX в. одним из основных доводов в пользу широкого развития подпрудных отложений сартанского времени в центре Западной Сибири служило отсутствие палеолитических местонахождений [Петрин, 1986; Архипов, 1991]. Появившиеся новые материалы по палеонтологии, стратиграфии и археологии плейстоцена, включая результаты исследований Луговского, меняют это представление [Величко и др., 2000; Зенин, Лещинский, 2001; Лещинский, 2001; Зенин, 2003; Zenin et al., 2003].

* Е.Н. Машенко считает переотложение маловероятным.

* См. также статью В.Н. Зенина, С.В. Лещинского, К.В. Золотарева и др. в этом номере журнала.

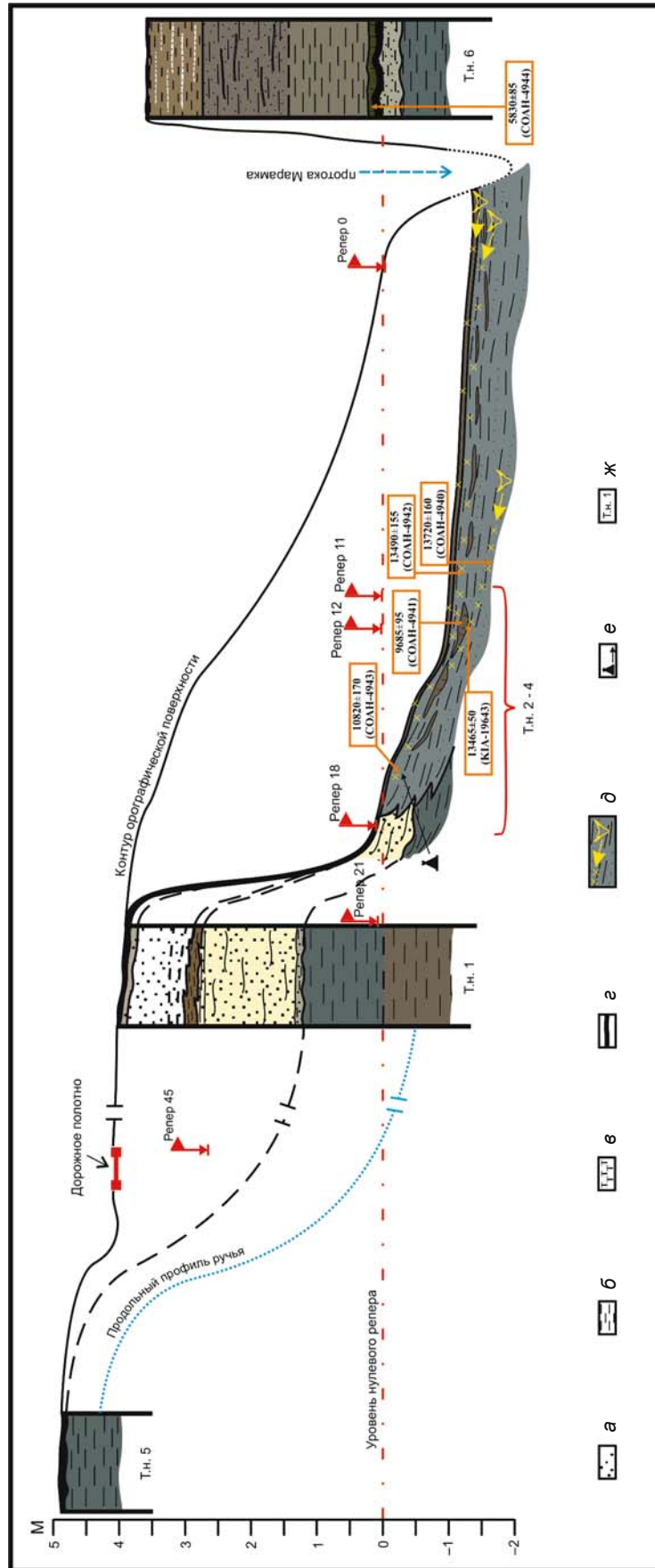

Рис. 9. Сводный разрез четвертичных отложений, вскрытых на участке местонахождения Луговское.
 а – песок; б – глина; в – торф; г – современный и ископаемый гумусовые горизонты; д – положение костеносных горизонтов;
 е – место отбора палеолитических артефактов; ж – номер точки наблюдения.

При анализе сводного разреза Луговского выделяется несколько особенностей (рис. 9): 1) невыраженность в рельефе II и I надпойменных террас и поймы разновозрастных образований позднего неоплейстоцена – голоцена; 2) в целом глинистый состав отложений, связанный с постоянным переотложением пойменных и озерных осадков; 3) совместное залегание макрофаунистических и культурных остатков.

По данным комплексных микропалеонтологических исследований, формирование наиболее древних (казанцевских?) вскрытых отложений (слой 7, т.н. 1) происходило при умеренно-бореальных климатических условиях в обстановке обширной поймы, где были широко развиты заливные разнотравно-злаковые луга. В количественном отношении господствующее положение среди трав принадлежало Poaceae, а по разнообразию родов и видов – семейству Cyperaceae (преобладание *Carex* spp., *Schoenoplectus* sp., *Eriophorum* sp.). На лугах были распространены небольшие озера типа “окон”, на что указывают остатки водных растений – *Chara*, *Potamogeton* sp., *Batrachium* sp., *Trapa* sp. Особенно важно обнаружение пыльцы водяного ореха – рогульника (*Trapa* sp.), северная граница распространения которого ограничена южной тайгой [Крылов и др., 1935]. На возвышенных участках (за пределами поймы?), по-видимому, был хвойно-мелколиственный лес с преобладанием сосны и участием березы (*Betula* spp.). Отсутствие холодолюбивой флоры указывает на то, что растительные ассоциации существовали в умеренной обстановке, возможно, теплее современной. Однако развитие растительности говорит о постепенном похолодании. Так, на завершающей стадии формирования слоя 7 пойму окружали сосновые леса с участием ели и лиственницы. Гидродинамический и температурный режимы бассейна седиментации были нестабильными, что отразилось на составе микрофаунистического комплекса. Вероятно, это связано с сезонностью осадконакопления в условиях сравнительно неглубокого пресноводного водоема.

Накопление голубовато-серой глины слоя 6 (т.н. 1) проходило, по-видимому, после стратиграфического перерыва. Растительные ассоциации отражают холодную обстановку. На это указывает широкое развитие кустарников (пять таксонов), в т.ч. карликовой березки (*Betula nana* L.), вересковых (Ericaceae) и ольховника (*Alnus* sp.), а также возможное присутствие дриады (?) – cf. *Dryas* sp. Необходимо отметить в палиноспектре большую долю (до 1/3) переотложенной пыльцы мел-палеогеновых форм, что говорит о значительном размыве дочетвертичных образований. По-видимому, это связано с сильной абразией берегов крупного ледниково-

подпрудного бассейна, в котором и происходило формирование описываемых отложений. Текстура слоя 6 однозначно свидетельствует об озерном генезисе. В свете новейших данных, самый молодой ледниковый барьер на Западно-Сибирской равнине, препятствовавший стоку обских вод, существовал в максимум раннезырянского похолодания [Величко и др., 2000; Астахов, 2004]. Таким образом, формирование верхней части цоколя первой надпойменной террасы и верхней части второй, вероятно, происходило в окружении лесотундровых, возможно тундровых (на северном побережье ледниково-подпрудного бассейна), ландшафтов ермаковского криохрона. Не исключено, что в это же время образовалась голубовато-серая глина в основании поймы (т.н. 6). Здесь выделенные СПС указывают на развитие озерно-болотных пространств.

Смена очередного режима седиментации фиксируется размывом озерных отложений с последующим заполнением вреза аллювием I надпойменной террасы (слои 5–2, т.н. 1). Изменение обстановки, возможно, связано с началом каргинского термохрона (~50 тыс. радиоуглеродных л.н.), когда возобновился главный северный сток вод. Основной объем аллювиальных осадков, по-видимому, формировался с конца каргинского термохрона до середины сартанского криохрона. Географическая и геодинамическая обстановка данного интервала, вероятно, была весьма нестабильна. Результаты литофациальных исследований свидетельствуют о периодических быстрых сменах условий осадконакопления, что может объяснять плохую сохранность микропалеонтологических остатков. Из образцов удалось выделить лишь бедные палиноспектры, состав которых позволяет реконструировать только общие черты окружающих ландшафтов. Основной их чертой являлись зеленомошные заболоченные пространства с участием березы и примесью сосны, что свидетельствует о холодной (тундровой ↔ лесотундровой) климатической обстановке. Причем к концу интервала из-за очередной смены геодинамического режима, по-видимому, началось прогрессирующее развитие верховых и пойменных болот, повлекшее за собой кардинальное изменение геохимической среды.

Приблизительно с середины сартанского криохрона в сводном разрезе местонахождения фиксируется очередной эрозионный этап. Он проявляется в денудации I надпойменной террасы и накоплении донных отложений разрезающего ее ручья (слой 2, т.н. 2–4). Падение базиса эрозии, очевидно, связано с понижением уровня Мирового океана, что фиксируется большинством исследователей шельфа Евразии [Атлас..., 1991; Астахов, 2004]. Длительность этапа, вероятно, ограничивается началом голоцена. Изменение базиса эрозии привело к резкому осушению ок-

ружающих пространств, что объясняет присутствие на исследуемом участке крупной популяции мегафауны и проникновение человека в низменные области Западной Сибири.

Основной объем донных отложений ручья, вмещающих макрофаунистические и культурные остатки, сформировался в результате размыва образований I и II надпойменных террас. На усиленную денудацию указывают как литологические особенности пород слоя 2, так и смешанные флористические комплексы. Последние включают большую группу переотложенных диаспориид, спор и пыльцы, что отражает сложную обстановку седиментогенеза. Формирование отложений проходило в слабопроточном (возможно, временном) умеренно холодном (до 15 °C) водоеме. По растительным остаткам, синхронным вмещающим отложениям, реконструируются лесотундровые ландшафты с небольшими заболоченными озерами и старицами. По долинам рек (?) имели максимальное распространение осоковые мочажины и разнотравные увлажненные луга с участием растений арктоальпийской зоны и редкими деревьями и кустарниками (ель, береза, ива и др.). На возвышенных пространствах преобладали сфагновые, в меньшей степени зеленомошные, заболоченные участки с березово-сосновым редколесьем с участием осины и, возможно, лиственницы. Мозаично на окружающей территории была распространена карликовая березка (*Betula nana* L.). Данный комплекс указывает на умеренно холодный климат, суровее современного. Однако к началу голоцена отмечается регрессия болот. На лугах появился березовый лес с кустарниками – калиной (*Viburnum* sp.), ольховником (*Duschekia* sp.), черемухой (*Padus racemosa* (Lam.) Gilib.) и жимолостью (*Lonicera* sp.), хотя отдельные участки еще занимали *Betula nana* L. и *Adoxa moschatellina* L. В ассоциации резко сократилось участие болотных растений и увеличилась роль мезофитов (*Chenopodiaceae*, *Caryophyllaceae*). Вне речных долин был развит мелколиственный лес (береза, осина, в подлеске – ольха, рябина) с примесью сосны. Таким образом, в начале голоцена на изучаемой территории, вероятно, существовала северная или средняя тайга.

Реконструкции обстановок бореального и первой половины атлантического времени проблематичны. Можно отметить начало подъема уровня Мирового океана в связи с глобальным потеплением и, как следствие, подтопление речных долин. Вероятно, данному этапу соответствует перерыв седиментации, но, возможно, частично – гидроморфная погребенная почва в нижней части пойменного разреза, начало формирования которой может сопоставляться со второй половиной сартанского времени. Ископаемые остатки, обнаруженные в этой почве, очень малочис-

ленны и в основном представлены тегменами семян и плодов, позволяющими реконструировать фрагмент растительной ассоциации заболоченного березняка с бедным травянистым покровом. Это говорит о неблагоприятных условиях захоронения, когда химическими процессами была уничтожена большая часть органики.

Следующий геодинамический этап развития территории проявлен в сводном разрезе Луговского очень четко. В связи с максимальным подъемом общего базиса эрозии в максимум атлантического оптимума – суббореальное время – происходила массовая аккумуляция глинистого материала в долинах рек. В районе исследований более-менее постоянный водный бассейн, по-видимому, покрывал I надпойменную террасу. Однако во время половодий, вероятно, затопливались и более высокие уровни, что объясняет сглаженность современного рельефа и присутствие переотложенных микрофаунистических остатков (радиолярий) в современной почве. Результатом действия описанных процессов является глинистая толща верхней части пойменного разреза. Это подтверждается данными радиоуглеродного датирования торфа, залегающего на погребенной почве.

Обстановке осадконакопления, отвечающей атлантическому оптимуму, соответствуют слои 3 (торф) – 5. По палинологическим данным, на окружающей территории сначала преобладала древесно-кустарниковая растительность на заболоченных мохово-травяных лугах. В пик (?) оптимума пространства стали более открытыми, с богатым разнотравьем. Венчающие разрез песчано-глинистые отложения (слой 6), вероятно, сформировались в суббореальный отрезок голоцена, что подтверждается изменением в растительном сообществе – образованием пойменных сфагновых болот с участием березы, реже ели и сосны. Изменяются и текстурные особенности отложений – увеличивается по сравнению с нижележащими осадками доля песка. Это может быть связано с началом падения уровня Мирового океана. В общем очевидно, что в середине голоцена местонахождение Луговское было полностью “законсервировано”.

Очередное изменение геодинамического режима исследуемого района произошло в субатлантическое время. Данный этап можно именовать денудационным – по преобладанию процессов размыва из-за продолжавшегося падения общего базиса эрозии. В это время произошла “расконсервация” местонахождения по унаследованному принципу. Поэтому самые молодые отложения на изученном участке имеют минимальное распространение. Среди них можно отметить современные почвенные горизонты и поверхностные осадки ручья, вмещающие переотложенные фрагменты костей и зубов млекопитающих, а также обломки керамики. Естественно, к этим

же образованиям относятся отложения протоки Марамка, возраст которой не превышает 2,5–3 тыс. лет. Окружающая среда была сходна с современной, о чем свидетельствует состав флористического комплекса, близкий рецентному.

В настоящее время тенденции преобладающей денудации на местонахождении Луговское сохраняются. Переотложение ископаемых остатков зафиксировано при полевых наблюдениях, что впоследствии подтверждено результатами лабораторных исследований.

Заключение

Несомненно, Луговское – уникальный палеонтолого-археолого-геологический объект. Проведенные исследования являются лишь началом комплексного изучения местонахождения, но уже сегодня получен ряд принципиальных выводов.

1. Местонахождение сформировано в зоне сочленения I надпойменной террасы с поймой и приурочено к сартанско-голоценовым отложениям ручья.

2. Исследуемый участок с середины сартанского криохрона находился в зоне распространения древесно-кустарниковой растительности.

3. Возраст палеолитических артефактов и большинства костных остатков млекопитающих (по геологическим и изотопным данным) не более 16,5 тыс. радиоуглеродных лет.

4. На рубеже ~10 тыс. радиоуглеродных л.н. четко фиксируется изменение состава флористического комплекса: резкое увеличение доли древесно-кустарниковых и уменьшение – споровых растений, что реально отражает границу “плейстоцен – голоцен”.

5. Данные карпологических исследований в большей степени отражают местные вариации растительного покрова, а результаты палинологического анализа – сообщества флористических подзон/зон.

6. Результаты палинологического и карпологического анализов дополняют и уточняют друг друга, поэтому для получения достоверных палеогеографических реконструкций следует использовать оба метода параллельно.

7. Необходимо продолжение исследований местонахождения Луговское на основе комплексного подхода, в т.ч. в лабораторных условиях. Раскопочные работы невозможны без осушения изучаемого участка.

Список литературы

- Ананова Е.Н.** Пыльца в неогеновых отложениях юга Русской равнины. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1974. – 228 с.
- Арсланов Х.А.** Радиоуглерод: геохимия и геохронология. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. – 300 с.
- Архипов С.А.** Среда обитания и миграция первобытного человека в Сибирь // Эволюция климата, биоты и среды обитания человека в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: ОИГГМ СО АН СССР, 1991. – С. 63–72.
- Архипов С.А., Волкова В.С.** Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994. – 105 с.
- Астахов В.И.** Фотогеология северного плейстоцена: успехи и проблемы // Региональная геология и металлогения. – 2004. – № 21. – С. 27–44.
- Атлас палеогеографических карт: Шельфы Евразии в мезозое и кайнозое.** – Ландидно: Робертсон Групп, 1991. – Т. 1 (текст). – 311 с; Т. 2 (карты). – 104 с.
- Бобров А.Е., Куприянова Л.А., Литвинцева М.В., Тарасевич В.Ф.** Споры папоротникообразных и пыльца голосеменных и однодольных растений флоры европейской части СССР. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
- Веденеева Н.Е., Викулова М.Ф.** Метод исследования глинистых минералов с помощью красителей и его применение в литологии. – М.: Гос. изд-во геол. лит., 1952. – 43 с.
- Величко А.А., Кононов Ю.М., Фаустова М.А.** Геохронология, распространение и объем оледенения Земли в последний ледниковый максимум в свете новых данных // Стратиграфия. Геологическая корреляция. – 2000. – Т. 8, № 1. – С. 3–16.
- Волков И.А.** Периоды обводнения и аридизации внеледниковой зоны // Проблемы четвертичной геологии Сибири: К VIII конгрессу INQUA, Париж, 1969. – Новосибирск: Наука, 1969. – С. 17–32.
- Волков И.А., Волкова В.С.** Фазы обводнения внеледниковой полосы Западно-Сибирской низменности // Основные проблемы изучения четвертичного периода. – М.: Наука, 1965. – С. 227–241.
- Государственная геологическая карта Российской Федерации.** Сер. Западно-Сибирская. – 1 : 200 000. – М.: ВСЕГЕИ, 1999. – 166 с.
- Гричук В.П., Заклинская Е.Д.** Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948. – 224 с.
- Зенин В.Н.** Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 58 с.
- Зенин В.Н., Лещинский С.В.** Литоресурсы палеолитического населения юго-востока Западно-Сибирской равнины // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Междунар. симп., 12–15 ноября 2001 г. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 491–493.
- Казьмина Т.А.** Стратиграфия и остракоды плиоцена и раннего плейстоцена юга Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1975. – 108 с.
- Коваленко А.Л.** Кандониды (Candonidae, Ostracoda) юго-запада СССР. – Кишинев: Штиинца, 1988. – 175 с.
- Кривоногов С.К.** Стратиграфия и палеогеография Нижнего Прииртышья в эпоху последнего оледенения (по карпологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1988. – 232 с.
- Крылов П.Н., Шишкин Б.К., Сергиевская Л.П., Штейнберг Е.И., Сумневич Г.П.** Флора Западной Си-

бири: Руководство к определению западно-сибирских растений. – Томск: Красное Знамя, 1935. – Вып. 8. – С. 1815–2102.

Куприянова Л.А. Палинология сережкоцветных (Amentiferae). – Л.: Наука, 1965. – 215 с.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца и споры растений флоры европейской части СССР: Руководство: В 3 т. – Л.: Наука, 1972. – Т. 1. – 171 с.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца двудольных растений флоры европейской части СССР: Lamiaceae – Zygophyllaceae. – Л.: Наука, 1978. – 184 с.

Лещинский С.В. Экологическая модель заселения палеолитическим человеком юго-востока Западно-Сибирской равнины: использование палеоэкологического метода в процессе поиска местонахождений // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 129–136.

Липагина В.Я. Значение остракод для корреляции четвертичных отложений Западно-Сибирской равнины // Проблемы геоморфологии и четвертичной геологии Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 125–135.

Монозон М.Х. Диагностика пыльцы видов рода *Thalictrum* L. // Палинология в СССР: К IV Междунар. палинол. конф. (Лакнау, Индия). – М.: Наука, 1976. – С. 24–28.

Никитин В.П. Палеокарпологический метод (руководство по методике изучения ископаемых семян и плодов). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1969. – 82 с.

Никитин В.П. Четвертичные флоры Западной Сибири (семена и плоды) // История развития растительности внеледниковой зоны Западно-Сибирской низменности в позднеледниковое и четвертичное время. – М.: Наука, 1970. – С. 245–311.

Ошуркова М.В. Описание пыльцы некоторых видов берез, произрастающих на территории СССР: Проблемы ботаники. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Вып. 4. – С. 129–143.

Павлов А.Ф., Машенко Е.Н. Особенности тафономии и состава фауны млекопитающих позднеледникового местонахождения Луговское // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Междунар. симп. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – С. 522–524.

Павлов А.Ф., Машенко Е.Н., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Орлова Л.А. Предварительные результаты междисциплинарных исследований местонахождения Лу-

говское (Ханты-Мансийский автономный округ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 165–172.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 144 с.

Практическое руководство по микрофауне СССР: Остракоды кайнозоя. – Л.: Недра, 1989. – Т. 3. – 235 с.

Пыльца и споры Западной Сибири: Юра – палеоцен. – Л.: Гос. науч.-техн. изд-во нефтяной и горно-топливной лит., 1961. – 659 с. – (Тр. ВНИГРИ; Вып. 177).

Старик И.Е. Ядерная геохронология. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 630 с.

Унифицированная региональная стратиграфическая схема четвертичных отложений Западно-Сибирской равнины: Объяснительная записка. – Новосибирск: СНИИГГиМС, 2000. – 64 с.; прил.

Чочия Н.Г., Евдокимов С.П. Палеогеография позднего кайнозоя Восточной Европы и Западной Сибири (ледниковая и ледово-морская концепция). – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1993. – 248 с.

Шер А.В., Гарутт В.Е. О методике определения генераций коренных зубов вымерших слонов // Тр. ЗИН АН СССР. – 1985. – Т. 131. – С. 93–103.

Maschenko E.N. Individual development, biology and evolution of the woolly mammoth *Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799). – Leiden: [S.l.], 2002. – 120 p. – (Cranium; Vol. 19/1).

Maschenko E.N., Pavlov A.F., Zenin V.N., Leshchinskiy S.V., Orlova L.A. The Lugovskoe site: relations between the mammoth assemblage and Late Palaeolithic Man // 3rd International mammoth conference: Program and abstracts. – Yukon, 2003. – P. 77–80. – (Occasional Papers in Earth Sciences; N 5).

Orlova L.A., Zenin V.N., Stuart A.J., Higham T.F.G., Grootes P.M., Leshchinsky S.V., Kuzmin Y.V., Pavlov A.F., Maschenko E.N. Lugovskoe, Western Siberia: a possible extra-Arctic mammoth refugium at the end of the Late Glacial // Radiocarbon. – 2004. – Vol. 46, N 1. – P. 363–368.

Zenin V.N., Maschenko E.N., Leshchinskiy S.V., Pavlov A.F., Grootes P.M., Nadeau M.-J. The first direct evidence of mammoth hunting in Asia (Lugovskoe site, Western Siberia) // 3rd International mammoth conference: Program and abstracts. – Yukon, 2003. – P. 152–155. – (Occasional Papers in Earth Sciences; N 5).

Материал поступил в редколлегию 15.06.05 г.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НЕОЛИТА ЛЕСНОГО ТОБОЛО-ИШИМЬЯ

Введение

В истории создания периодизации неолита Восточного Зауралья, в т.ч. Притоболья, можно выделить два этапа. К первому относятся исследования В.Н. Чернецова, О.Н. Бадера и В.Ф. Старкова, предложивших в конце 1960 – начале 1980-х гг. свои схемы на основе материалов лесостепного и лесного Зауралья. Для Приишимья и Прииртышья концепция развития комплексов эпохи неолита и бронзы была разработана в 1970-х гг. В.Ф. Генингом и его учениками, а позднее пересмотрена А.И. Петровым и дополнена А.Н. Панфиловым. Второй этап (со второй половины 1980-х гг.) связан с формированием концепций В.Т. Ковалевой и моей в основном для неолита Среднего Зауралья и Тоболо-Ишимья.

В.Н. Чернецов выделил в неолите лесного и Восточного Зауралья три последовательные фазы: козловскую (раннюю) – 4 000–3 300 лет до н.э.; юрьинско-горбуновскую – 3 300–2 700, честыйягскую (гребенчатую) – 2 700–2 200 лет до н.э. [1953, 1968]. По мнению О.Н. Бадера, восточно-уральская историко-культурная общность (восточно-уральская неолитическая культура) прошла четыре этапа развития, из которых первые три хронологически совпадают с фазами, выделенными В.Н. Чернецовым: козловский (4 000–3 300 лет до н.э.), полуденский (3 300–2 700 лет до н.э.), сосновоостровский (2 700–2 200 лет до н.э.) и липчинский (2 200–1 800 лет до н.э.). Последний он рассматривал в рамках восточно-уральской культуры, но считал энеолитическим [Бадер, 1970]. В основном схемы развития восточно-уральского неолита, предложенные О.Н. Бадером и В.Н. Чернецовым, совпадают. Периодизация В.Ф. Старкова [1980] основана на анализе значительного количества керамических комплексов. Период раннего неолита ха-

рактеризуется посудой закрытой формы, с напылом на внутреннем крае венчика и с волнисто-наколычатым орнаментом. В развитом неолите сосуды полужайцевидные, с напылом на внутреннем крае венчика и волнисто-гребенчатым декором. Наряду с пластинчатой индустрией получает широкое развитие техника двухсторонне обработанных и шлифованных орудий. К этому периоду относятся в основном поселения юрьинско-горбуновской фазы, по В.Н. Чернецову, или полуденковского этапа, по О.Н. Бадеру. Керамика позднего неолита имеет полужайцевидную форму, украшена преимущественно гребенчатыми оттисками; напылы на внутренней стороне венчика исчезают. В каменном инвентаре уменьшается количество пластин, при изготовлении орудий чаще используются отщепы. Поздненеолитические комплексы соответствуют честыйягской фазе, по В.Н. Чернецову, или сосновоостровскому этапу, по О.Н. Бадеру.

Периодизацию восточно-уральского неолита пересмотрела В.Т. Ковалева, по мнению которой необходимость нового подхода продиктована открытием Л.Я. Крижевской на поселении Кошкино-5 комплекса, выделенного в особый, ранний тип – кошкинский. В связи с этим В.Т. Ковалева ставит и решает вопрос о двух различных, параллельных культурных традициях: автохтонная представлена козловской группой – полуденской культурой; линия развития с участием южного импульса – кошкинской группой – боборыкинской культурой [1989]. Эта схема, на мой взгляд, не вполне соответствует материалам и не проясняет ключевого для генезиса западно-сибирского неолита вопроса о соотношении комплексов с отступающе-прочерченной и гребенчатой, отступающе-прочерченной и гребенчато-ямочной орнаментацией керамики.

Периодизация культур неолита Среднего Прииртышья, распространенная и на территорию Нижнего

Приишимья, была создана в начале 1970-х гг. В.Ф. Генингом и его учениками. Неолитические комплексы объединены ими в среднеиртышскую культуру с двумя этапами развития. Кокуйский выделен на материалах наиболее полно исследованного поселения Кокуй-1, датируемого IV тыс. до н.э. Посуда полуяцевидной формы, орнамент покрывает весь сосуд, состоит из горизонтальных рядов оттисков отступающей палочки (иногда сочетающихся с гребенчатыми), разделенных рядами круглых, овальных или иной формы ямок. Каменный инвентарь представлен ножевидными пластинами с ретушью и без нее, концевыми скребками и миниатюрными наконечниками стрел. Поздний этап среднеиртышского неолита характеризуется материалами Екатерининской и Артынской стоянок [Генинг и др., 1970]. Предложенная уральскими исследователями схема была пересмотрена А.И. Петровым, выделившим два типа комплексов (екатерининский и александровский) с гребенчато-ямочной керамикой, которые представляют этапы развития екатерининской культуры, существовавшей в начале позднего неолита (первая половина – середина III тыс. до н.э.) [1986, 1987].

В начале 1990-х гг. в Нижнем Приишимье были исследованы хорошо стратифицированные поселения (Боровлянка-2 и Серебрянка-1), позволяющие пересмотреть и существенно дополнить предложенные ранее периодизационные схемы [Панфилов и др., 1991; Панфилов, 1991, 1993].

Основа формирования неолита Тоболо-Ишимья

Западно-сибирские неолитические комплексы, по мнению большинства исследователей, сформировались на основе мезолитических, уходящих корнями в местный палеолит. Тезис о преемственности мезолитических и неолитических материалов не вызывает возражений. Проанализированный мной по типологическим признакам каменный инвентарь с 14 памятников мезолита и неолита, распространенных от восточных склонов Урала до Прииртышья, разделен на две большие группы. В первую вошли мезолитический комплекс Черноозерья-6 из Прииртышья и материалы неолитических памятников Приишимья (Мергень-3, 6, Тюляшов Бор-2, Кокуй-1). Вторую образовали притобольские мезолитические комплексы поселений Сухрино-1, Серый Камень, Камышное-1, Ташково-4 и Исток-2, неолитический комплекс поселения Юртобор-3, а также мезолитический (Катенька) и неолитический (Мергень-5) из Приишимья. Для первой группы наиболее характерны пластины с ретушью и наконечники стрел, для второй – пластины без ретуши и резцы. Присутствие в первой группе, ос-

нову которой составляют неолитические памятники, мезолитических материалов и, наоборот, во второй, в основном мезолитической, двух неолитических памятников, на мой взгляд, свидетельствует о преемственности разновременных каменных комплексов. В первой группе объединены памятники, расположенные в пределах Ишимо-Иртышского междуречья, в их инвентаре продолжается традиция индустрии поселения Черноозерье-6. Во вторую, за исключением стоянки Катенька, вошли мезолитические памятники Притоболья, их материалы близки каменному инвентарю поселения Юртобор-3.

Лесостепные и южно-таежные мезолитические памятники Тоболо-Ишимья и Прииртышья, в кремневых комплексах которых отсутствуют геометрические микролиты, можно объединить в самостоятельную тоболо-иртышскую культуру с локальными (притобольским и ишимо-иртышским) вариантами. Ее материалы преемственно связаны с комплексами западно-сибирских палеолитических стоянок, их ареалы практически совпадают.

Керамическое производство на территории Западной Сибири, как считают многие исследователи, возникло самостоятельно, а самой древней является круглодонная посуда с наплывами на внутренней стороне венчика, с узорами, выполненными в отступающей и прочерченной технике. Судя по спорово-пыльцевым спектрам из культурных слоев боборыкинских поселений Мергень-3, Юртобор-3 и радиоуглеродным датам, в Притоболье и Приишимье керамика появляется в начале атлантического периода голоцена [Зах, 1995; Зах, Скочина, 2002]. Круглодонная и плоскодонная посуда, орнаментированная отступающей (иногда раздвоенной) палочкой, прочерчиванием и неглубокими ямочными наколами, во многом аналогична сосудам из Приаралья, Северного и Восточного Прикаспия. Петрографический анализ керамики из Притоболья, Приишимья и Прикаспия показал, что по составу теста и технологии изготовления северокаспийская и западно-сибирская боборыкинская посуда сходны [Ермаков и др., 1989]. Возможно, при сложении неолитической культуры Западной Сибири (и Тоболо-Ишимья, в частности) произошло смешение местного мезолитического населения со своими традициями изготовления каменных орудий (тоболо-иртышской культуры) и мигрантов, принесших на новые территории традиции керамического производства и некоторые элементы кремневой индустрии и других технологий.

Боборыкинская культура

Миграция южного населения, ассимилятивные процессы между ним и аборигенами, еще не знавшими

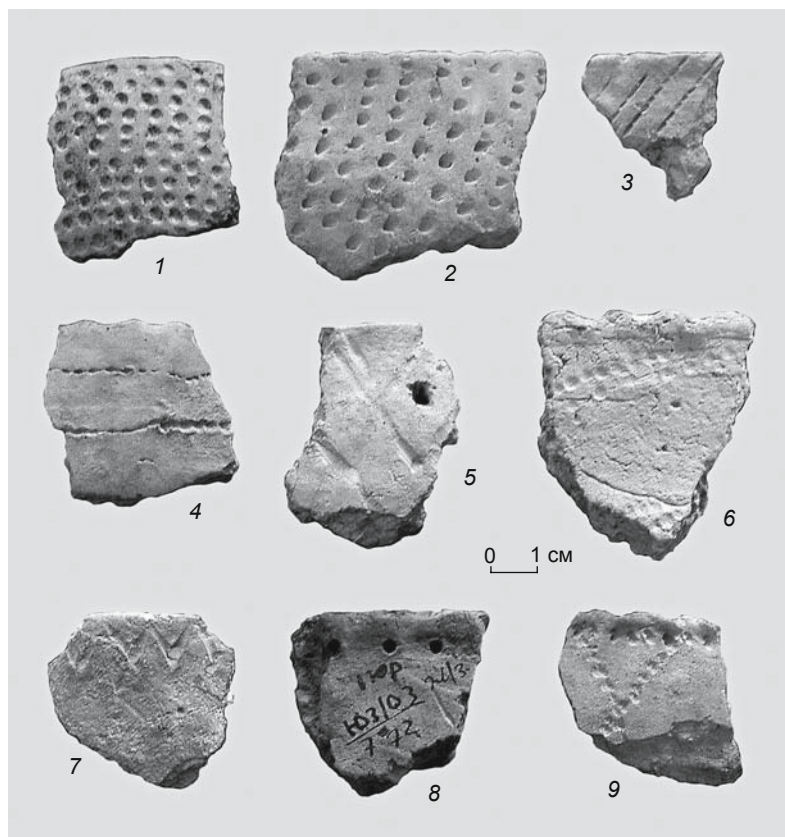

Рис. 1. Керамика боборыкинского этапа боборыкинской культуры с поселения Юртобор-3.

гончарства, привели, по моему мнению, к сложению в Тоболо-Ишимье неолитической боборыкинской культуры. Можно выделить два этапа ее развития.

Боборыкинский этап. Ареал боборыкинских комплексов на первом этапе охватывает лесостепные и южную часть лесных районов от верховий Исети [Викторова, 2002] до Прииртышья, а с учетом последних находок на поселении Автодром-2 и Барабы [Бобров, 2004], с центром в Тоболо-Ишимье. Преобладают жилища неправильно-округлой формы в плане, с одним или более выступами-выходами и подпрямоугольные со скругленными углами и удлиненным выступом-выходом, расположенным в центре одной из сторон или на углу. Площадь жилищ варьирует от 50 до 100 м² [Зах, 1995; Зах, Скочина, 2002].

Рассматриваемые сооружения имеют аналогии в достаточно широких пространственных и временных пределах. Круглые, иногда углубленные в землю дома известны на памятниках натуфийской культуры [Мелларт, 1982], Леуши-9 [Беспрозванный, 1985, 1997]; подобные жилища изучены на поселениях быстринского типа [Очерки истории..., 1999, с. 12], Исетское Правобережное [Кернер, 1991], Нижняя Макуша [Старков, 1983], Джанбас-4 и Кават-7 [Виноградов, 1968, 1981]. По мнению В.П. Треть-

якова, население в Прибалтике, Карелии, Волго-Окском междуречье и Среднем Поволжье жило в постройках округлой или овальной формы в плане [1972]. Неправильно-подчетырехугольные жилища исследованы на памятниках Северного Прикаспия [Васильев и др., 1986, 1989].

Для изготовления боборыкинской посуды использовались тяжелые, средние и легкие суглинки, в тесто добавлялись песок, шамот и органика [Ермаков и др., 1989; Зах, 1999; Пошехонова, Скочина, 2004; Пошехонова, 2004], что близко рецептуре керамики с некоторых поселений днепродонецкой, нижне-волжской и елшанской культур, где в сосудах обнаружены кости рыб, а на поверхности и изломах керамики – отпечатки водной растительности (в качестве основного пластического сырья использовалась, скорее всего, не глина, а ил) [Бобринский, Васильева, 1998]. В “состав формовочных масс входили различного рода искусственные добавки, главным образом органического происхождения, среди которых помет водоплавающих птиц, засоренный обломками пресновод-

ных ракушек, и навоз жвачных животных. Отмечена примесь шамота” [Моргунова, 1995, с. 15–16].

Посуда орнаментирована прочерченными линиями, оттисками одинарной и раздвоенной отступающей палочки, неглубокими круглыми вдавлениями, на некоторых сосудах под краем венчика глубокие круглые ямки (рис. 1). Иногда по краю венчика прослеживаются выступы – “ушки”, по мнению ряда исследователей представляющие собой зооморфные изображения [Ковалева, Арефьев, 1993].

Для боборыкинского этапа характерны: наличие неорнаментированных сосудов, доля которых на разных памятниках варьирует от 3,6 до 39,6 %; орнамент в виде неглубоких вдавлений; незначительное количество сосудов, орнаментированных гребенчатыми оттисками, в основном “качалкой”.

Для изготовления орудий использовались серый и коричневый алеврокварцит, цветной кремний, окрашенный сланец, серый мелко- и крупнозернистый песчаник. Выявлено несколько основных групп орудий, связанных с охотой, переработкой охотничьей и рыболовной продукции, обработкой камня, дерева и кости [Скочина, 2002; Зах, Скочина, 2002]. Встречаются скребки, ножи, изготовленные из пластин и отщепов, резцы, резчики, скобели, наконечники стрел

на пластинах с обработанными со спинки и брюшка острием и насадом. Особо выделяются пластины геометрической формы (симметричные трапеции, асимметричные треугольники, сегменты) [Васильев и др., 1998; Зах, 1995; Панфилов и др., 1991; Ковалева, 1989]. В.Н. Логвин отрицает связь трапеций с боборыкинскими керамическими комплексами лесостепного и южно-таежного Притоболья [2002, с. 21; 2003] ввиду того, что считает боборыкинско-кошкинские материалы Тургайского прогиба раннеэнеолитическими.

Кошкинский этап. Кошкинские поселения распространены в пределах первоначального ареала боборыкинской культуры, занимают, как правило, мысы низких надпойменных террас рек и озер.

Преобладают жилища двух основных типов: подпрямоугольной со скругленными углами формы в плане, с одним выступом-выходом и подпрямоугольные (скорее подквадратные) со скругленными углами и выступом-выходом, расположенным в центре одной из сторон или на углу. Площадь варьирует от 30 до 60 м². Форма, конструкция и размер боборыкинских и кошкинских жилищ очень близки, что говорит, видимо, о единой линии развития домостроительства.

Для изготовления посуды использовались тяжелые, средние и легкие суглинки с примесью гидрокислов железа, к которым в качестве отощителя примешивались песок, шамот и органика. Особенностью кошкинской керамики является также значительное содержание органических и фосфатных остатков. В 80 % образцов отмечаются остатки костей, жаберных крышек, чешуи рыб и пустоты от помета и растительных включений. Как отмечает Т.Н. Соболенкова, “по составу формовочных масс кошкинская керамика в целом сходна с боборыкинской посудой. Для них характерно использование органики, что является необычным для зауральской технологической традиции” [1999, с. 16]. Посуда горшковидная, слабопрофилированная и баночная. Выступ у днщ менее выражен по сравнению с боборыкинскими сосудами, под краем венчика с внутренней стороны появляется небольшой наплыв, а с внешней – карнизик. Внутри венчиков прослеживается канальчик, оставшийся от сгоревшего шнура. Аналогичные канальчики встречаются в Нижнем Приишимье позднее – на кокуйской керамике. Впервые они обнаружены на кипринской посуде в Верхнем Приобье [Комарова, 1956].

Сосуды орнаментированы полностью, хотя узор достаточно разрежен. Часть круглодонных и особен-

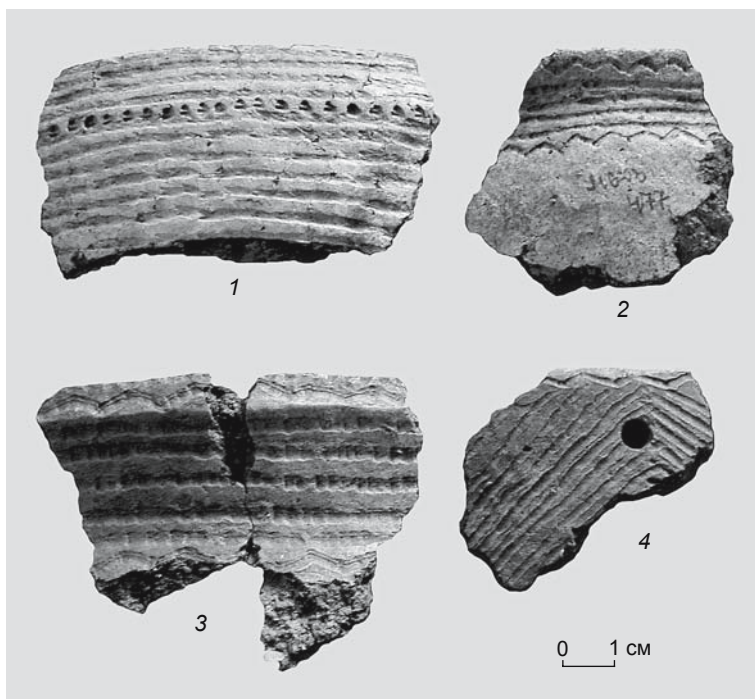

Рис. 2. Керамика кошкинского этапа боборыкинской культуры с поселения Мергень-6.

но плоскодонные сосуды покрыты орнаментом на $\frac{1}{3}$. Украшены в основном верхняя, придонная части и дно (рис. 2). На некоторых сосудах по краю нанесены рельефные зооморфные изображения [Ковалева, Арефьев, 1993, рис. 5, 3]. Уменьшается количество неорнаментированной посуды. Наряду с горизонтальной зональностью используется вертикальная разбивка орнаментального поля; вертикальные зоны заполнены косыми линиями, выполненными в основном отступающей палочкой. Появляется орнамент в виде взаимопроникающих геометрических узоров (впоследствии получает развитие в козловских и полуденковских комплексах). На кошкинской посуде по сравнению с боборыкинской сокращается количество орнаментов из неглубоких ямок, геометрических узоров, но увеличивается доля гребенчатых, выполненных в основном “качалкой”.

Каменный инвентарь кошкинских поселений в Притоболье рассматривался А.В. Шаманаевым [2001, 2002], а в Приишимье – Л.А. Дрябиной [1995] и С.Н. Скочиной [2002]. А.В. Шаманаев пришел к очень важному, на мой взгляд, выводу, доказывающему преемственность неолитических комплексов: “Каменная индустрия кошкинской культуры имеет выраженное сходство с комплексами каменного инвентаря других неолитических культур региона (козловской, боборыкинской, полуденской). Сходство проявляется в составе сырья, технике расщепления, приемах вторичной обработки и типологическом составе коллекций” [2001, с. 152]. В целом

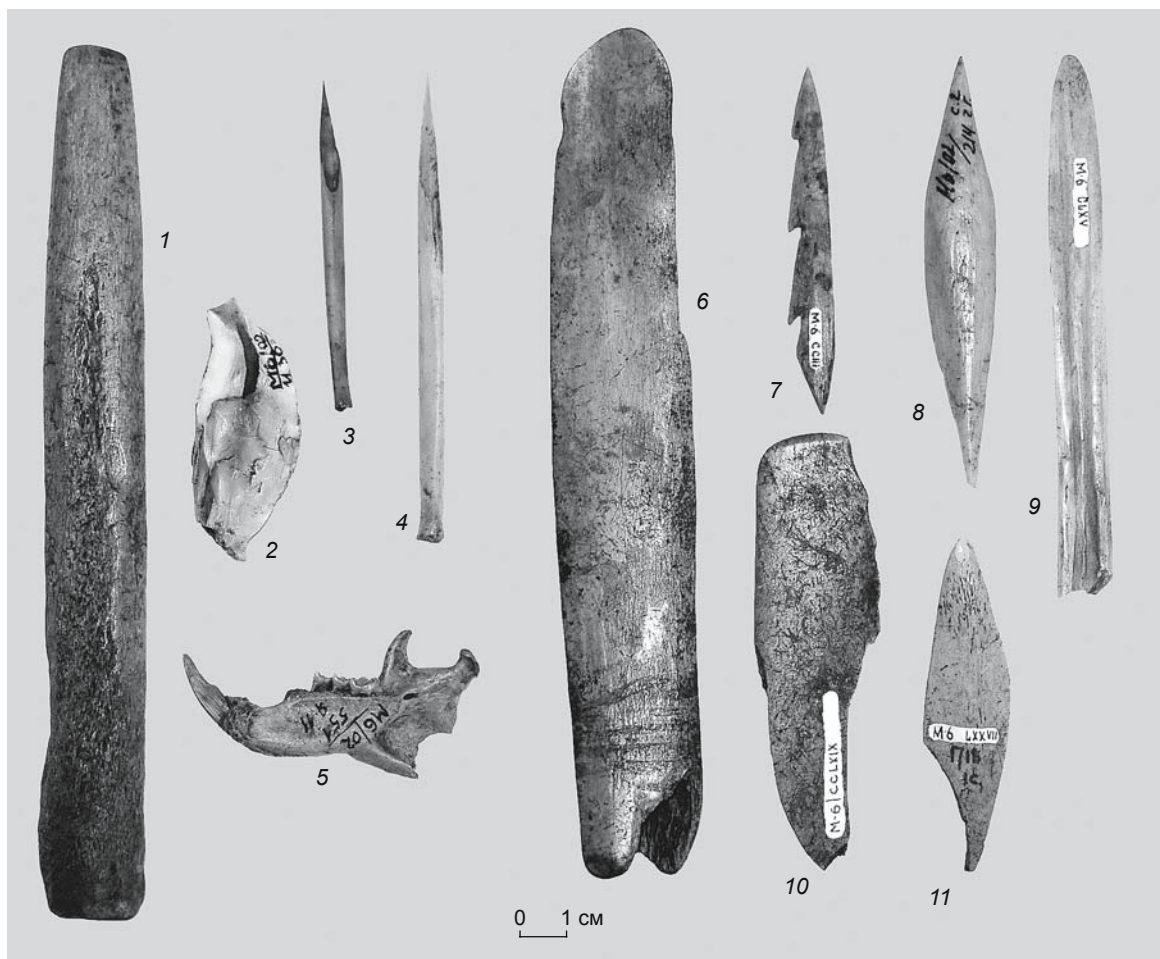

Рис. 3. Костяной инвентарь кошкинского этапа с поселения Мергень-6.

комплексы характеризуются микролитойностью, а употребление резцового скола и ретуширование поперечных краев пластинок свидетельствуют, вероятно, о раннем происхождении этих комплексов и длительном сохранении мезолитических традиций.

Костяные орудия обнаружены лишь на приишимских поселениях Мергень-5 и 6. Представлены значительными сериями – острьями, “рыбочистками”, долотами и иглами (рис. 3). Особую группу составляют изделия из расколотых пополам или целых зубов, эмаль которых заменяла твердые кремневые породы (рис. 3, 2, 5). Зубы, а иногда и относительно целые челюсти с зубом использовались как скобели и резцы. Аналогичные орудия известны, например, в мезолитическом комплексе поселения Веретье и неолитическом Иня-11 [Ошибкина, 1997; Зах, 2003].

Определения остеологического материала с поселений Мергень-5 и 6 позволили П.А. Косинцеву и А.Е. Некрасову заключить, что кошкинский населенный пункт охотился на лося, косулю, северного оленя, медведя, дикую лошадь, водоплавающую и болотную дичь. В основном ради меха добывались заяц, сурок,

бобр, волк, лиса, куница, барсук и выдра. С собакой достаточно больших размеров охотились на крупных млекопитающих [Косинцев, Некрасов, 1999]. Кроме того, кошки занимались рыболовством.

Полуденковская культура

Проанализировав керамику с поселения ЮАО-15, В.И. Асташкин предложил рассматривать козловские и полуденковские комплексы в рамках одной, козловской культуры с тремя фазами развития: евстюнихинской, козловской и полуденковской [1993, с. 59]. На мой взгляд, имеющиеся материалы позволяют объединить в рамках одной культуры (полуденковской) козловские и полуденковские комплексы как два этапа ее развития, а евстюнихинские, кокшаровско-юрьинские и сумпаньинские, во многом схожие и существовавшие синхронно, но на разных территориях, отнести к различным культурным образованиям, сложившимся на северной боборыкинско-кошкинской основе.

Козловский этап. Крайним западным поселением является Исетское Правобережное, расположенное в верховьях р. Исети. На востоке граница распространения козловской керамики очерчивается долиной Тобола, на юге отмечается поселением Ташково-1, на севере памятники с козловскими материалами известны в бассейне Тавды [Кернер, 1991; Викторова, 1968; Ковалева, Ивасько, 1991].

Поселки располагались по берегам рек и в основном проточных озер. Жилища представляли собой полуземлянки глубиной до 0,8 м, подпрямоугольной формы, с каркасно-столбовой конструкцией стен и крыши [Матющенко и др., 1995, с. 94]. Площадь их составляла, как правило, 30–40 м², но встречаются и меньших, и больших размеров. У большинства жилищ выход в виде одного или двух выступов в стене, часто направленный в сторону водоема.

Сосуды слегка закрытой формы с округлым или приостренным дном. В тесто в качестве примеси добавлялись песок, шамот и органика. Верхний край венчика, как правило, уплощен, с внутренней стороны отмечается массивный наплыв подтреугольной формы или плавно опускающийся по стенке. Нередко на венчике присутствуют защипы – “ушки”, иногда с объемными напелами в виде головок животных, а возможно, и человека. Отличительной чертой козловской керамики является наличие под краем венчика некоторых сосудов сквозных отверстий [Викторова, 1968, рис. 2; Ковалева, Ивасько, 1991, рис. 9, 8; Стефанов, 1991, рис. 4]. Аналогичные отверстия отмечены на посуде изылинского этапа верхнеобской неолитической культуры с поселения Иня-11 [Зах, 2003, рис. 79–81].

Орнамент наносился на всю поверхность сосуда, включая дно (рис. 4). На некоторых экземплярах выделяются горизонтальные и вертикальные зоны, большинство орнаментировано горизонтальными лентами: в основном это чередование прямых, волнистых и наклонных линий, выполненных прочерчиванием, отступанием палочки или оттисками гребенки. Нередко орнамент представляет собой горизонтальные ленты взаимопроникающих треугольников. Часто аналогично украшен и внутренний край венчика (наплыв). Вертикальные ленты орнамента состоят из прямых или волнистых линий, выполненных прочерчиванием либо отступанием палочки, треугольников или древовидных фигур, напоминающих таковые на боборыкинских сосудах.

Инвентарь представлен наконечниками на палочках с подправленным острием и плоским насадом, ножами, скребками, сверлами, провертками, резцами

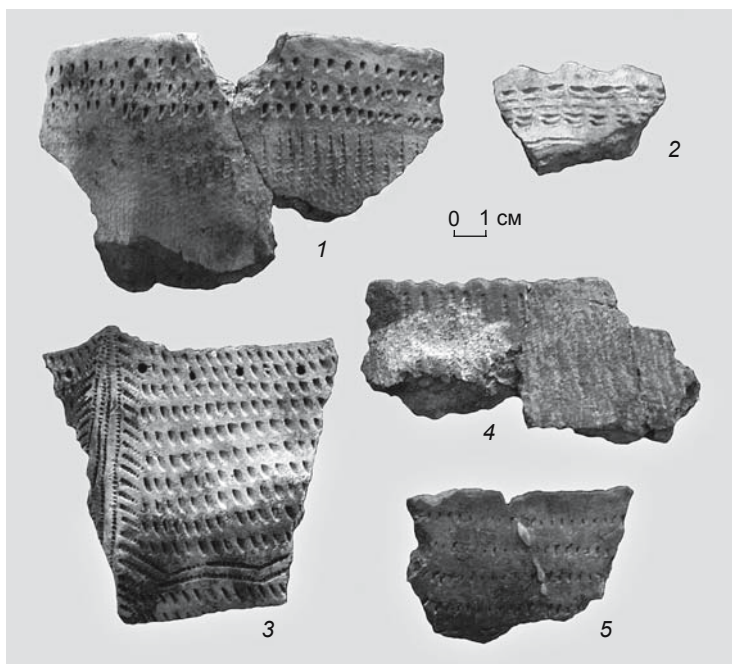

Рис. 4. Керамика козловского этапа полуденковской культуры с поселения ЮАО-18 (“8-й пункт”).

и остриями. Каменная индустрия козловского этапа характеризуется как пластинчатая, с определенной долей микролитов и ограниченным количеством шлифованных орудий из сланца.

Полуденковский этап. Характеризуя козловские материалы, В.Т. Ковалева и Л.В. Ивасько отмечают, что “удается проследить генетическую связь памятников козловской группы как с предшествующей эпохой Среднего Зауралья – мезолитом, так и с последующим этапом в развитии неолита – полуденской культурой. <...> Полуденская культура – дальнейший шаг в развитии культуры козловского типа” [1991, с. 131].

Комплексы полуденковского этапа в Нижнем Притобье исследованы в основном на памятниках, расположенных по берегам Андреевских озер. Единичны находки на поселениях Сосновый Остров, Черемуховый Куст, Язевка. Крайним южным полуденковским памятником можно считать поселение Охотино, северо-восточным – Бичили-1 с комплексом керамики с отступающе-гребенчатым орнаментом [Старков, 1980]. Таким образом, ареал полуденковских памятников охватывает территорию от Курганского Притобья на юге до Прииртышья на северо-востоке и Нижнетагильского региона на северо-западе.

Поселки располагались на побережьях озер и рек, а также на небольших террасовидных останцах среди низинных участков заторфованных водоемов, что может указывать на достаточно аридный климат.

Жилища представляли собой полуземляночные каркасно-столбовые сооружения подпрямоугольной

формы площадью от 15 до 217 м², но в основном 30–40 м² [Ковалева, 1975; Алексащенко и др., 1984; Алексащенко, Паутова, 1979; Варанкин, 1982].

Сосуды полуайцевидные со слегка наклонными внутрь стенками и круглым дном. Край венчика плоский, иногда волнистый, с внутренней стороны имеется наплыв подтреугольной формы с заглаженным ребром. В керамическое тесто добавлялись песок, шамот и птичий помет [Варанкин, 1982].

Специфика орнаментации полуденковской керамики точно определена В.Ф. Старковым, называвшим ее волнисто-гребенчатой, т.е. сочетающей отступающе-прочерченные волнистые узоры с гребенчатыми вдавлениями [Старков, 1973, 1980]. Доминируют первые, а доля гребенчатых орнаментов варьирует в пределах 25–50 % [Асташкин, 1993]. Основные элементы декора практически идентичны таковым на козловской керамике: это горизонтальные прямые и волнистые линии, ленты взаимопроникающих треугольников, ряды оттисков “шагающей” гребенки, вертикальные ряды ямок круглой и каплевидной формы. Достаточно часто наблюдаются прямые или волнистые линии, нанесенные отступающей палочкой поверх оттисков “шагающей” гребенки.

При сохранении пластинчатой индустрии инвентарь полуденковского этапа во многом отличается от козловских каменных комплексов, в нем “меньше ретушированных пластин, больше скребков и наконечников стрел. Только в этих постройках (полуденковских. – В.З.) найдены плитчатые нуклеусы и долотца на отщепках, но нет резцов, скошенных острий и пластин с ретушированным поперечным краем” [Дрябина, Хухорова, 2001]. Обитателями полуденковских поселков широко использовались пиление, шлифование и сверление. Найдены абразивные пилы и плиты [Алексащенко, 1986]. Для сверления применялись сверла на пластинах, аналогичные известным на памятниках лесного Зауралья [Серикив, 1975].

Кокуйская культура

Ареал кокуйских комплексов очерчивается памятниками, содержащими керамику с отступающе-гребенчато-ямочной орнаментацией. На севере граница проходит примерно по Иртышу, на юге она отмечена многослойным поселением Пеньки-1, на западе не выходит за пределы бассейна Ишима, на востоке кокуйская керамика найдена на р. Таре и на поселении Автодром-2 у с. Венгерова [Чалая, 1972; Панфилов и др., 1991; Панфилов, 1993; Молодин и др., 1998; Тионов, Татауров, 2003; Матющенко, 2003].

Поселки располагались преимущественно в поймах на песчаных останках или на мысах первых надпойменных террас в месте слияния рек. Жилища

представляли собой одно- или двухкамерные полуземлянки подквадратной или подпрямоугольной формы. Площадь однокамерных 54–66, двухкамерных – до 179 м² [Матющенко и др., 1995].

Для изготовления керамики использовались в основном тяжелые суглинки, в качестве добавок в тесто равномерно вводились песок и шамот, отмечаются кости рыб и раковины. Посуда открытой или слегка закрытой полуайцевидной формы с округлым или приостренным дном. Край сосуда в большинстве случаев ровный, изредка волнистый, достаточно часто орнаментирован. Венчики овальные, приостренные или уплощенные. У небольшого числа сосудов по верхнему краю имеются пальцевые защипы. Характерной особенностью является канальчик внутри венчика, образовавшийся в результате выгорания нити или сухожилия, которыми обвязывался верхний край сырого сосуда.

Кокуйская посуда полностью орнаментирована, включая дно. Основными приемами нанесения узора являются отступающая палочка, накол и гребенчатые вдавления. У большинства сосудов по тулову ряды ямок различной формы. Основные элементы узора – горизонтальная прямая или волнистая, наклонная и вертикальная линии.

В состав кокуйских каменных комплексов входят украшения и орудия, выполненные преимущественно на пластинах: вытянутые и укороченные наконечники стрел подтреугольной формы с подработанными ретушью острием и насадом, ножи, концевые скребки, резцы, проколки, провертки. Из шлифованных орудий наиболее многочисленны топоры и тесла. В каменном инвентаре поселений кокуйской культуры, в отличие от боборыкинско-кошкинского комплекса, отсутствуют скошенные острия и геометрические микролиты.

Комплексы Тоболо-Ишимья с гребенчатой керамикой

В период существования кокуйской и полуденковской культур с отступающе-гребенчатой и отступающе-гребенчато-ямочной орнаментальными традициями гребенчатый орнамент на посуде сочетается с отступающе-прочерченными и ямочными узорами. Нередко гребенчатые оттиски, чаще всего выполненные “качалкой”, перекрываются прямой прочерченной линией или волнистой, нанесенной отступающей палочкой. Как самостоятельный гребенчатый орнамент встречен на незначительном количестве сосудов в составе боборыкинско-кошкинских древностей [Васильев и др., 1998] и комплекса ЮАО-18 (“8-й пункт”), вероятно сосуществовавшего с боборыкинским [Зах, Матвеева, 1997]. Однако расцвет гребенчатой орнаментальной традиции в Тоболо-Ишимье связан с поздненеолитическим периодом.

Сосновоостровская культура

Ареал памятников позднего этапа неолита, очерченный В.Ф. Старковым, включал три их группы – северососьвинскую, уральскую и тобольскую [Старков, 1980]. М.Ф. Косарев сузил ареал комплексов, близких сосновоостровским, до “свердловско-тагильского и тюменского регионов Нижнего Притобья” [1981, с. 23].

Поселения тобольской группы находятся на территории Тоболо-Ишимья и составляют, на мой взгляд, ядро сосновоостровской культуры. Наибольшая их концентрация наблюдается в Нижнем Притобье по берегам Андреевской озерной системы, Тарманского озерно-болотного массива и междуречья Тобола и Исети [Матвеев и др., 1997; Волков, Дрябина, 2001]. Отдельные памятники с сосновоостровской или близкой ей керамикой встречены в Курганском Притобье и Нижнем Приишимье [Панфилов, 1993]. Поселения расположены на возвышенных участках или склонах террас рек и озер, на останках среди обширных пойменных или заболоченных массивов. Жилые постройки представляли собой полуземлянки подквадратной или подпрямоугольной формы площадью от 46 до 100 м² [Викторова, 1968; Стефанов, 1991; Дрябина, Пархимович, 1991; Алексашенко, Викторова, 1991; Панфилов, 1993].

Керамика изготавливалась из глины гидрослюдо-монтмориллонитового состава с примесью пылеватого обломочного материала, добавлялись песок и шамот. Отмечены мелкие неправильной формы образования, обогащенные гидроокислами железа, с примесью зерен кварца, единичные округлые железистые и мелкие округлые фосфатные включения органического происхождения, возможно остатки рыб, а также гуано в виде изотропных овальных обломков светло-серого и ярко-бурого цвета. Посуда закрытой полуяйцевидной формы со слегка округлым, иногда уплощенным венчиком, в редких случаях с небольшим наплывом с внутренней стороны, округлым или приостренным дном.

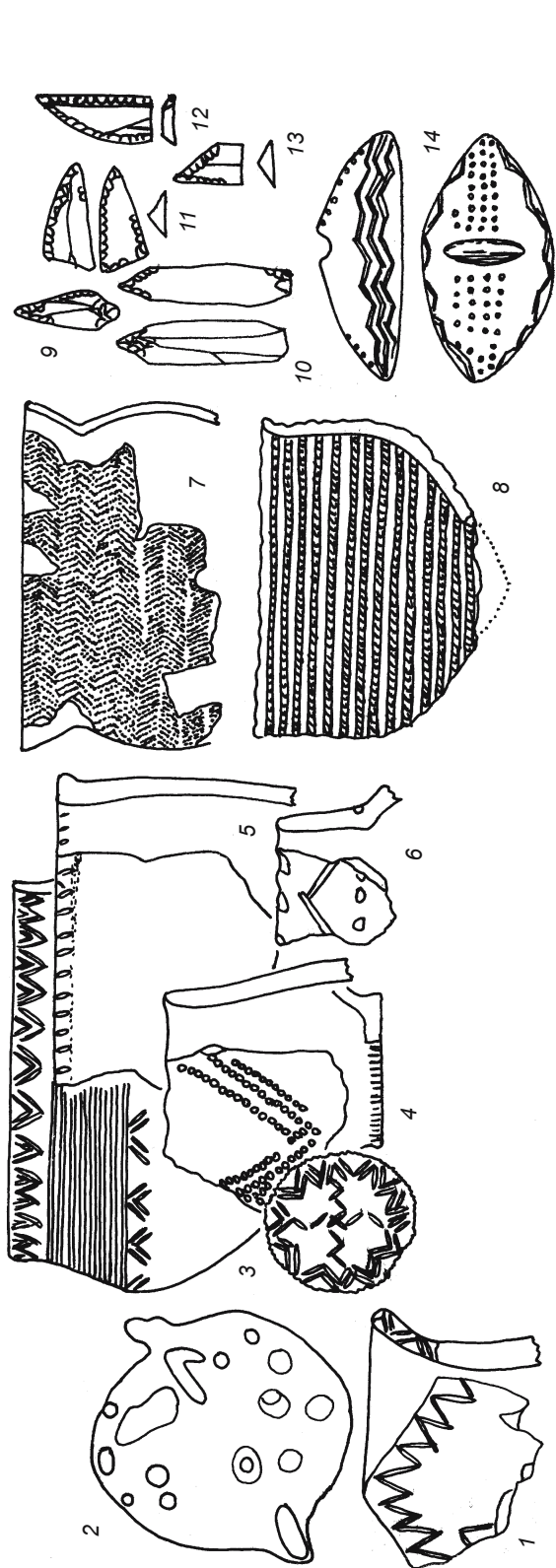
Орнамент покрывает всю поверхность сосуда до дна, включая внутренний край венчика. Преобладают оттиски гребенки в виде “качалки”. Элементы орнамента стабильны, доминируют прямые, волнистые и зигзагообразные горизонтальные линии, довольно часто сочетающиеся между собой. Единичны треугольники, в т.ч. взаимопроникающие, ромбы и другие геометрические фигуры.

Каменный инвентарь представлен концевыми скребками, острями, резцами, наконечниками стрел и ножами. Ножи, топоры и тесла изготовлены из сланца, различные абразивные плитки – из песчаника.

Хронология и периодизация

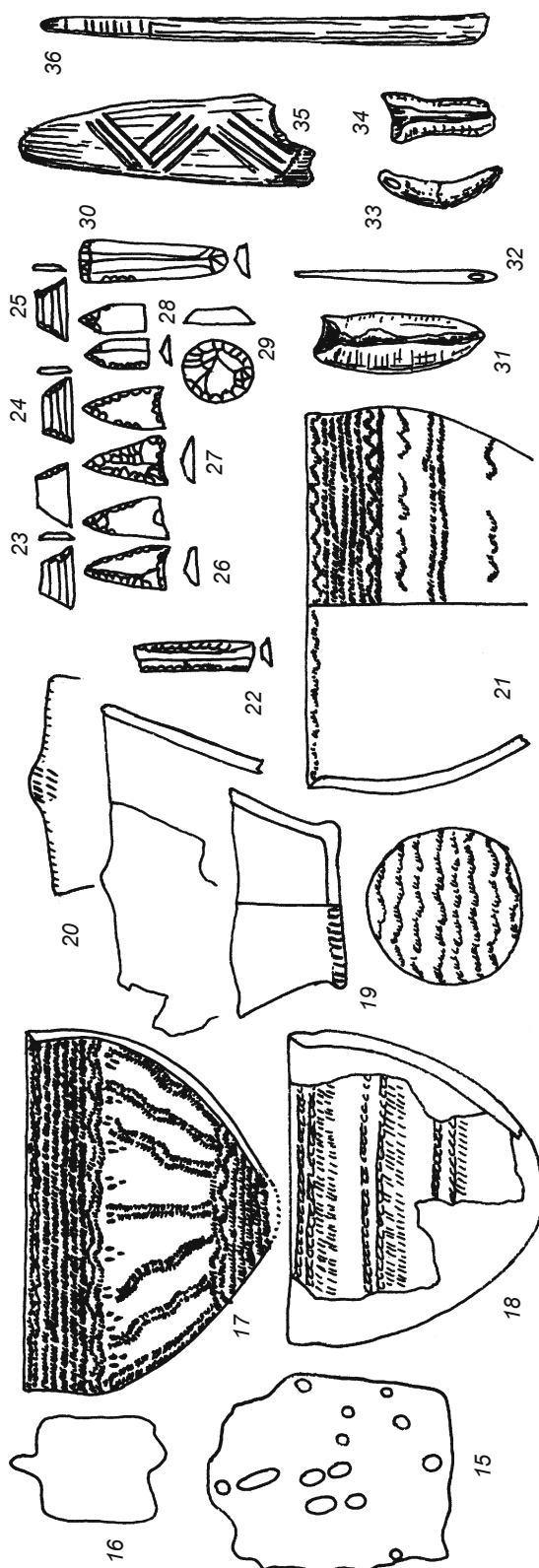
Многослойность большинства поселений и перемешанность культурных слоев на памятниках Притобья затрудняют решение вопроса о стратиграфическом соотношении неолитических комплексов. Нельзя не согласиться с В.Т. Ковалевой в том, что далеко не всегда удастся расчленить полуденковские, козловские и кошкинские древности из-за нечеткости их типологических характеристик [1989, с. 39]. Более низкое стратиграфическое положение боборыкинских комплексов относительно древностей эпохи раннего металла (андреевских, шапульских, гребенчато-ямочных) у исследователей не вызывает возражений. Наиболее ранним боборыкинским поселением практически с однородным керамическим комплексом в Притобье является Юртобор-3. Котлованы исследованных жилищ заполнены черноватой супесью с углистыми вкраплениями. Во всех трех жилищах этот слой ограничен сверху и пронизан двумя-тремя горизонтальными ортзандровыми прослойками, которые, на мой взгляд, маркируют культурные напластования [Зах, 1995]. Боборыкинский культурный слой перекрыт серой и черной супесью, в которых встречена более поздняя керамика. На дне жилищ, сложенном суглинками и ортзандрами, в заполнении и ямах обнаружена однородная боборыкинская посуда.

О раннем появлении в Приишимье боборыкинской культуры свидетельствуют материалы поселения Мерген-3. В заполнении исследованных жилищ выявлен однородный боборыкинский комплекс [Зах, Скочина, 2002]. Интересен тот факт, что серая супесь (культурный слой), заполнявшая котлован (первичное заполнение), за его пределами лежала непосредственно на материке – желтоватом суглинке, т.е. жилище было сооружено на озерной террасе, еще не накопившей значительных дерново-гумусных отложений. Скорее всего, слой серой супеси в жилище и за его пределами формировался одновременно. Это косвенно говорит о древности поселения, которое было сооружено до или в самом начале атлантического периода голоцена, когда на Мергенской озерной террасе стал накапливаться гумус, перекрывший культурный слой мезолитического поселения Катенька, расположенного рядом. О большем возрасте боборыкинских комплексов по сравнению с кошкинскими, козловскими и полуденковскими можно судить не только по стратиграфии, но и на основе данных радиоуглеродного датирования (рис. 5). По углю из жилищ 1 и 2 поселения Юртобор-3 получены даты $7\,701 \pm 120$ (УПИ-559) и $9\,025 \pm 70$ (СОАН-5311) л.н. [Зах, 1995; Пошехонова, 2004]. Для боборыкинского комплекса поселения Ташково-1 известна дата $7\,440 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1534) [Тимофеев, Зайцева, 1996]. Вместе с тем даты, например, для ЮАО-9

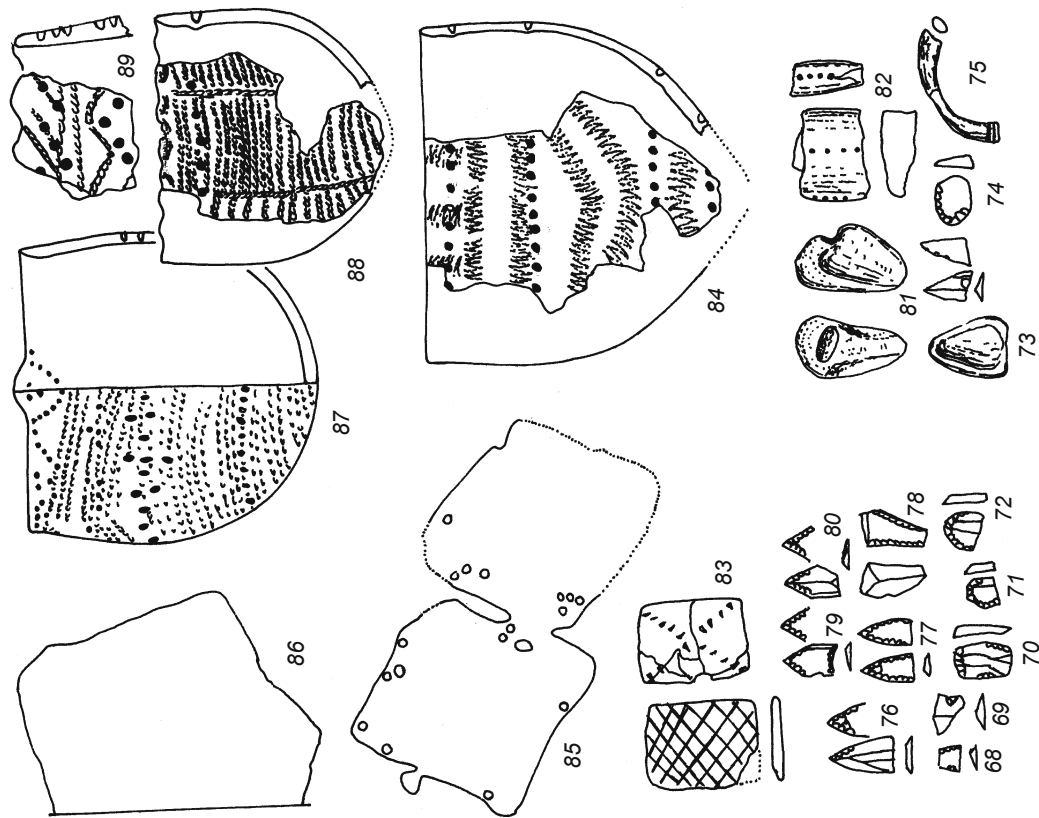
Борыкинский этап

БОРЫКИНСКАЯ КУЛЬТУРА
VI – первая половина V тыс. до н.э.

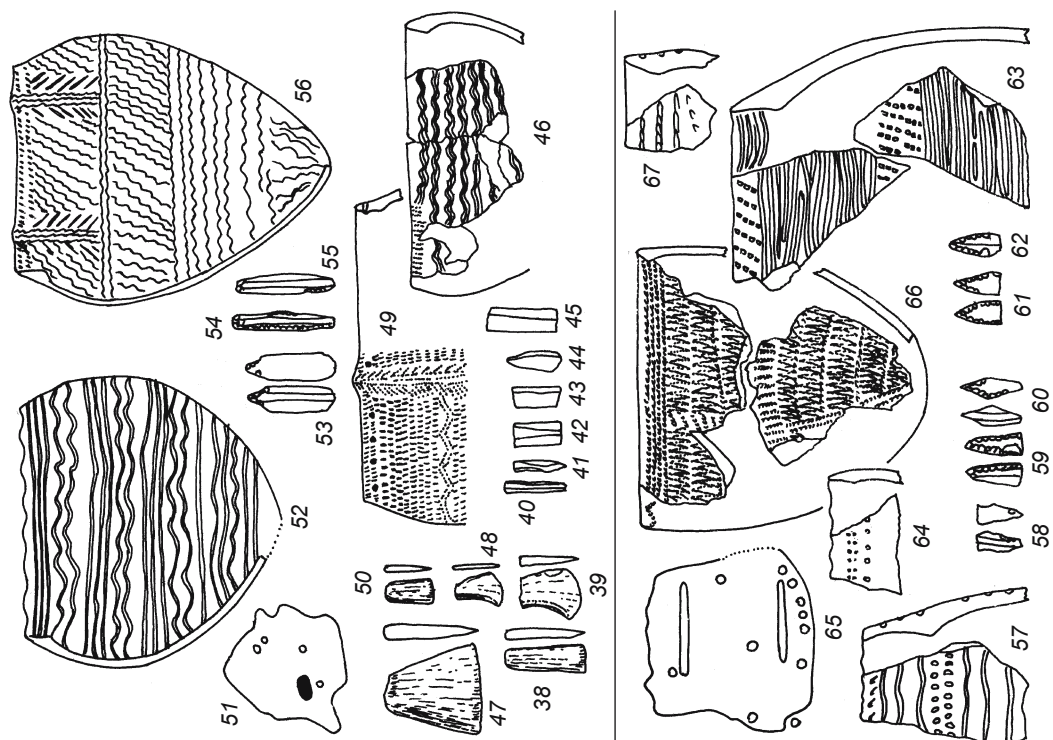

Кошкинский этап

Рис. 5. Схема периодизации неолита лесного Тоболо-Ишимья.

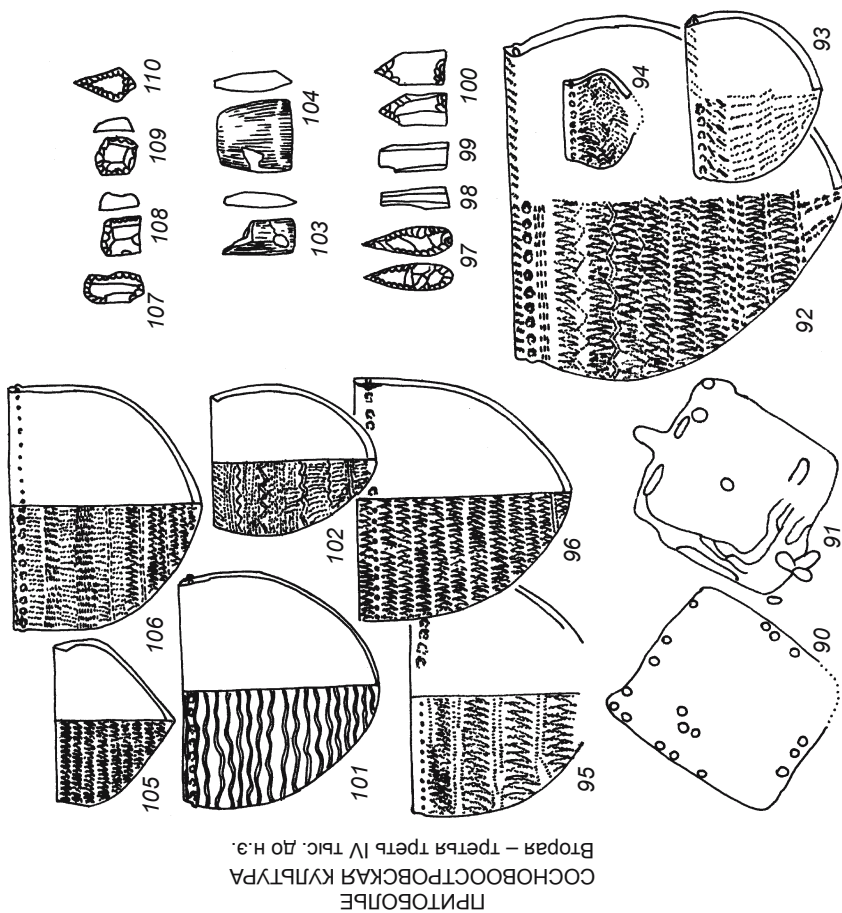
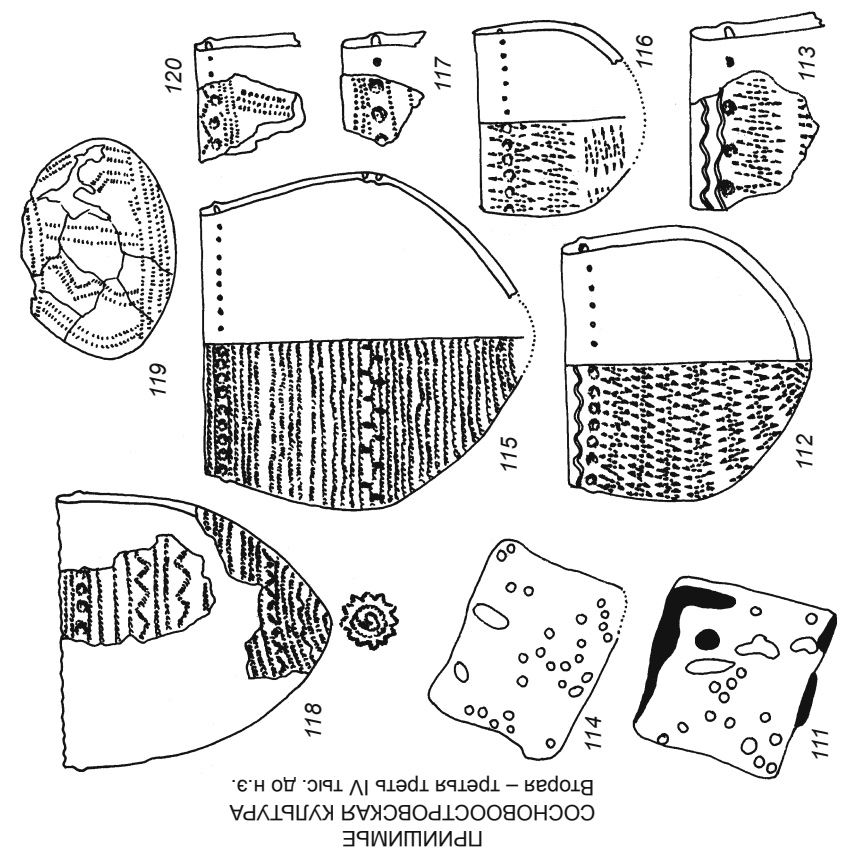

КОРИБСКАЯ КУЛТУРА
Вторая половина V – первая треть IV тыс. до н.э.

ПОЛУДЕНКОВСКАЯ КУЛТУРА
Вторая половина V – первая треть IV тыс. до н.э.
Козловский этап
Полуденковский этап

Продолжение рис. 5.

Окончание рис. 5.

и ЮАО-18 имеют достаточно большой разброс: соответственно $6\,750 \pm 180$ л.н. (ЛЕ-1287) и $9\,140 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-2296) [Неолитические памятники..., 1991, с. 198; Усачева, 2001]. Однако большинство из них все же указывают на существование комплексов боборыкинского этапа в пределах VI тыс. до н.э., а возможно и раньше.

В Притоболье, по мнению В.Т. Ковалевой, “стратиграфические наблюдения пока позволяют установить последовательность напластований с находками кошкинского и боборыкинского типов” [1989, с. 34]. На поселении Ташкова-3 “в верхнем слое, покрывающем котлован кошкинского жилища, находилась среди прочей боборыкинская керамика, что свидетельствует о ее более поздней дате” [Там же, с. 31]. “Нижний слой, заполняющий котлован жилища, – супесь темно-серого цвета мощностью до 1,2 м, в котором найдена керамика от 20–25 сосудов кошкинского типа” [Там же, с. 29]. На ЮАО-15 “раскопано два боборыкинских жилища, одно из которых прорезало более раннее жилище кошкинского типа, что позволило установить более поздний возраст боборыкинских древностей относительно кошкинских” [Там же, с. 50]. И все же В.Т. Ковалева сомневается в стратиграфии, т.к. далее отмечает: “Однако наиболее убедительной является типологическая характеристика керамики и каменного инвентаря. Из всех групп неолитической керамики в лесном Зауралье кошкинская является наиболее архаичной” [Там же, с. 34]. Для Ташкова-3 получена абсолютная дата $6\,380 \pm 120$ л.н. (ЛЕ-4344), соответствующая второй половине V тыс. до н.э. [Там же, с. 29–30]. Чуть более ранним временем, но в пределах V тыс. до н.э. датируется кошкинский комплекс поселения Исток-4 – $6\,620 \pm 260$ л.н. (ЛЕ-2998) [Стефанова, 1991].

Данные радиоуглеродного датирования козловских материалов и синхронных им сумпаньинских и кокшаровско-юринских охватывают довольно большой отрезок времени. По углю из жилища 1 поселения Исетское Правобережное получены две даты – $7\,950 \pm 1\,290$ (ЛЕ-3064) и $8\,400 \pm 400$ л.н. (ЛЕ-3068) [Неолитические памятники..., 1991, с. 198], одна из которых, с большим доверительным интервалом, скорее всего, относится к козловскому керамическому комплексу. При хорошо выраженной типологической принадлежности керамики к полуденковской культуре (козловский и полуденковский этапы) столь ранние даты вызывают сомнения. Наиболее достоверно хронологическое положение сумпаньинских и кокшаровско-юринских материалов, а вместе с ними и козловских, отражают, видимо, даты для поселений Сумпанья-4 и 6, не выходящие за пределы V тыс. до н.э.

Время существования полуденковских комплексов в Нижнем Притоболье определялось датой $5\,590 \pm 195$ л.н. (ЛЕ-1286), полученной по углю из ямы со дна жилища 2 поселения Карьер-2, распо-

ложенного на Андреевском озере [Варанкин, 1982]. По моему мнению, оценка возраста полуденковских комплексов этого поселения и Кокшаровско-Юрьинской стоянки ($5\,190 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-2058)) завышена. Она больше соответствует времени существования комплексов с гребенчатой керамикой Дуванского-5 ($5\,295 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1368)) и близких им, обнаруженных на поселении Серебрянка-1 ($6\,200 \pm 200$ (УПИ-556), $5\,095 \pm 78$ (УПИ-637), $5\,690 \pm 40$ (УПИ-636) л.н.). На последнем два жилища с гребенчатой керамикой перерезают жилище с кокуйской посудой [Панфилов, 1993], синхронной, на мой взгляд, комплексам козловского и полуденковского этапов полуденковской культуры. Скорее всего, существование последней ограничено V тыс. до н.э., но, возможно, верхняя граница лежит в самом начале IV тыс. до н.э.

Хронологическая позиция ранней гребенчатой керамики и комплексов сосновоостровской культуры определяется стратиграфическими данными и радиоуглеродными датами. Посуда с гребенчатой орнаментацией известна уже в составе боборыкинских и кошкинских комплексов на поселениях Ук-6, Юртобор-3, Двухозерное и др. Имеются свидетельства перерезания сосновоостровского жилища ямой с боборыкинской керамикой на ЮАО-18 (“8-й пункт”) [Зах, Матвеева, 1997].

На поселении Дуванское-5 прослежено планиграфическое расчленение козловского и сосновоостровского комплексов, соответствующих определенным постройкам. По мнению В.И. Стефанова, жилище 1 с козловской керамикой более раннее, чем жилище 2 с сосновоостровской посудой, для которого по углю со дна получена дата $5\,295 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1367) [1991]. На поселении Серебрянка-1 два жилища с керамикой, близкой сосновоостровской, которые перерезали двухкамерное жилище с кокуйской посудой, датированы по углю первой половиной IV тыс. до н.э. [Панфилов, 1993, с. 21].

Рассмотренные неолитические материалы Тоболо-Ишимья позволяют предложить периодизацию, в которой наиболее раннюю позицию занимает боборыкинская культура пришлого населения, послужившая вместе с местными мезолитическими комплексами основой для формирования последующих культур региона (см. рис. 5).

Список литературы

- Алексашенко Н.А. Хозяйство Нижнего Притоболья эпохи неолита и ранней бронзы (по данным анализа орудий труда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 18 с.
- Алексашенко Н.А., Викторова В.Д. Неолитические жилища ЮАО-5 // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 161–183.
- Алексашенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (9-й участок) // Древние по-

селения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 15–32.

Алексащенко Н.А., Паутова Т.П. Неолитическое жилище на северном берегу Андреевского озера // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1979. – С. 51–59.

Асташкин В.И. Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции в неолите Зауралья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. – СПб.: Изд-во ИИМК, 1993. – Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. – С. 54–59.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. – 1970. – № 166. – С. 157–171.

Беспрозванный Е.М. Первые мезолитические жилища в таежной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1985. – С. 91–95.

Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – Вып. 1. – С. 26–38.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 193–217.

Бобров В.В. Материалы раскопок на поселении Автодром-2 (предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 185–188.

Варанкин Н.В. Стоянка Карьер-2 – памятник эпохи неолита // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – С. 13–17.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глушенко С.А. Поселение Ук-6 в Тюменском Притоболье // Исторические исследования: Сб. науч. тр. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – Вып. 2. – С. 254–267.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздне-неолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1986. – С. 6–31.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каир-Шак-3 // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 18–45.

Викторова В.Д. Сосновый остров – стоянка эпохи бронзы Среднего Зауралья // СА. – 1968. – № 4. – С. 161–173.

Викторова В.Д. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки-1 // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 24. – С. 46–66.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. – М.: Наука, 1968. – 190 с.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 174 с.

Волков Е.Н., Дрябина Л.А. Культурно-хронологические комплексы памятника Остров-2 в Ингальской долине // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 26–36.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений

эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблема хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.

Дрябина Л.А. Каменная индустрия поселения Мергень-5 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 3–11.

Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю. Поселение Гилево-8 // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 100–111.

Дрябина Л.А., Хухорова Н.В. Динамика развития неолитического поселения на 15-м участке Андреевского озера // Словцовские чтения–2001: Материалы Всерос. науч.-практ. краевед. конф. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. – С. 88–90.

Ермаков В.К., Зах В.А., Ермакова В.А. Петрографический анализ керамики эпохи неолита – раннего железа лесостепного Зауралья // Актуальные проблемы западно-сибирской археологии. – Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1989. – С. 75–78.

Зах В.А. Боборыкинский комплекс поселения Юртбор-3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 12–28.

Зах В.А. О некоторых методах изучения древней западно-сибирской керамики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1999. – Вып. 2. – С. 3–9.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

Зах В.А., Матвеева Н.П. Поселение “8-й пункт” на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1997. – Вып. 1. – С. 3–8.

Зах В.А., Скочина С.Н. Поселение Мергень-3 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, – 2002. – Вып. 4. – С. 37–56.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 46–67.

Ковалева В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс-1 // Вопр. археологии Урала. – Свердловск, 1975. – Вып. 13. – С. 86–91.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. – 80 с.

Ковалева В.Т., Арефьев В.А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопр. археол. Урала. – Екатеринбург, 1993. – Вып. 21. – С. 107–119.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково-1 на Исети // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 112–131.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Косинцев П.А., Некрасов А.Е. Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на берегу озера Мергень (Мергень-5 и 6) в неолите и энеолите // Экология

древних и современных обществ. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. — С. 100–106.

Логвин В.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита — энеолита: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2002. — 40 с.

Логвин В.Н. Ранний энеолит Тургай // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 1 (13). — С. 98–105.

Матвеев А.В., Волков Е.Н., Ларин С.И., Адамов А.А., Зах В.А., Сладкова Л.Н. Разведочные работы в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 1997. — Вып. 1. — С. 150–152.

Матющенко В.И. Могильник на Татарском Увале у д. Окунево (ОМ VII): Раскопки 1998, 1999 годов. — Омск: Ом. гос. ун-т, 2003. — 157 с.

Матющенко В.И., Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Лесная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. — Т. 1. — Кн. 1: Поселения и жилища. — Гл. 2: Поселения и постройки эпохи камня. — С. 90–103.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. — М.: Наука, 1982. — 150 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Ефимова Н.С., Гаркуша Ю.Н. Исследование неолитического памятника Автодром-2 в Центральной Барабе — первые результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — Т. 4. — С. 140–143.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. — Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ин-та, 1995. — 222 с.

Неолитические памятники Урала. — Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. — Из содерж.: Заключение. — С. 197–199.

Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — 216 с.

Ошибкина С.В. Веретье-1: Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы. — М.: Наука, 1997. — 204 с.

Панфилов А.Н. К вопросу о периодизации неолита лесостепного Приишмья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. — С. 33–36.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка-1 в Нижнем Приишмье: (Итоги полевых исследований). — Препр. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. — 80 с.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка-2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишмье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1991. — С. 25–50.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 1986. — 18 с.

Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). — Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. — С. 4–20.

Попехонова О.Е. Особенности керамического производства у неолитического населения Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 2004. — Вып. 5. — С. 20–26.

Попехонова О.Е., Скочина С.Н. Реконструкция хозяйства неолитического поселения Юртобор-3 // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. — Вып. 5. — С. 79–83.

Сериков Ю.Б. Каменные сверла неолитических памятников лесного Зауралья // Памятники древней истории Евразии. — М.: Наука, 1975. — С. 158–163.

Скочина С.Н. Каменная индустрия неолитических поселений Мergenь-3 и Мergenь-5 (типологический и трасологический анализ) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. — Вып. 3. — С. 34–39.

Собольникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита — ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1999. — 22 с.

Старков В.Ф. О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой в неолите Зауралья // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. — Вып. 7. — С. 12–19.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. — М.: Наука, 1980. — 220 с.

Старков В.Ф. Жилища эпохи неолита и энеолита в лесном Зауралье // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — Л.: Наука, 1983. — С. 95–101.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское-5 // Неолитические памятники Урала. — Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. — С. 144–160.

Стефанова Н.К. Исток-4 — неолитический памятник Тюменского Приобья // Неолитические памятники Урала. — Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. — С. 132–143.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Проблемы абсолютной хронологии // Археология: Неолит Северной Евразии. — М.: Наука, 1996. — С. 345–354.

Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Поселение Танатово-9 // Новое в археологии Среднего Прииртышья. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2003. — С. 121–129.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. — Л.: Наука, 1972. — 135 с.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения “VIII пункт” на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 116–132.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области: Пеньки-1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. — С. 163–181.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. — 1953. — № 35. — С. 10–36.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. — М.: Наука, 1968. — С. 41–53.

Шаманаев А.В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 146–153.

Шаманаев А.В. Каменные индустрии мезолита — раннего бронзового века Нижнего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2002. — 23 с.

Материал поступил в редколлегия 06.09.05 г.

УДК 903.27

Ю.Ф. Кирюшин¹, П.В. Волков², К.Ю. Кирюшин¹

¹Алтайский государственный университет,
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: rector@asu.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: wolf@archaeology.nsc.ru

ПЛИТКА С АНТРОПОМОРФНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ С ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-2 (хронологический и технологический аспекты “торгажакской” традиции на территории Саяно-Алтайского нагорья)*

Введение

Представительная коллекция гравированных галек, полученная во время раскопок на поселении Торгажак (XI–IX вв. до н.э.) на среднем Енисее [Савинов, 1996, с. 46; 2003, с. 50], стала своеобразным эталоном, с которым сравнивают все подобные находки. Орнаментированные гальки и плитки, найденные на территории Саяно-Алтайского нагорья, в количественном отношении не сопоставимы с этой коллекцией [Савинов, 2003, с. 52]. В данной работе мы не собираемся всесторонне рассматривать проблему возникновения “торгажакской” традиции, а остановимся только на технологическом и хронологическом аспектах.

История изучения поселения Тыткескень-2

Памятник находится в среднем течении Катунь на второй левобережной надпойменной террасе, на правом берегу ручья Тыткескень, в его предустьевой части. Общая площадь поселения составляет

ок. 6 тыс. м². Открыто оно М.Т. Абдулганеевым в 1983 г. [1985, с. 189]. За 1984–1986 гг. А.Л. Кунгуровым и Н.Ю. Кунгуровой небольшими раскопами было вскрыто около 70 м² площади поселения [1986], а с 1988 по 1994 г. под руководством Ю.Ф. Кирюшина стационарными раскопами – более 1066 м² [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25]. Вся исследуемая площадь вскрыта до аллювия, который представляет собой крупный речной песок (фракции от 0,05 до 10 мм) с галечниково-глыбовым материалом хорошей окатанности. Общая мощность вскрытых отложений составляет от 0,45 до 2,6 м [Барышников, Кирюшин, 1990, с. 26–27].

Памятник имеет сложную стратиграфию. В ходе работ на поселении Тыткескень-2 отмечена одна особенность: наибольшая мощность песков эолового происхождения, достигающая 1,6 м, наблюдается в северо-восточной части раскопа ближе к руслу Катунь; здесь они образуют эоловую гряду [Барышников, Малолетко, 1997, рис. 61]. Слои, вмещающие археологические находки, выделяются в разрезах более темным цветом за счет большей гумусированности. Стерильные прослойки эолового песка более светлые, их мощность между культурными горизонтами в этой части раскопа достигает 0,4 м. Ближе к склону горы толщина песков эолового

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а.

происхождения уменьшается, постепенно сходя на нет [Барышников, Кирюшин, 1990, рис. 2].

Планиграфические и стратиграфические условия залегания сланцевой плитки с антропоморфным изображением

В 1988 г. было раскопано долговременное жилище № 1 полуземляночного типа [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25; Кирюшин, 2004, с. 11]. Его заполнение отличалось по цвету за счет большей гумусированности от слоя слабогумусированной супеси, в который оно врезано. Этот слой содержал находки, относящиеся к развитому неолиту. На границе заполнения жилища и слабогумусированной супеси был собран материал, названный комплексом 5А. Он образовался в результате механического смешения артефактов эпохи развитого неолита, залегающих в слое слабогумусированной супеси, и большемысских из жилища № 1, которые относятся к энеолиту [Там же]. Комплекс 5А содержит сланцевую плитку с прорезанным орнаментом (рис. 1).

Описание находки

Материал, который использовался для изготовления изделия, – гидрослюдистый сланец, сильно песчанистый, переходный от глинистых сланцев к силицитовым (определения выполнены старшим научным сотрудником ИАЭт СО РАН канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик).

Плитка плоская, подтреугольной формы, толщиной 3,5 мм, длиной 49, шириной 28,5 мм. Орнамент выгравирован на одной стороне. Она подшлифована. Необходимо особо отметить, что эта сторона плитки покрыта тонким слоем карбонатного налета (следы подтяжки карбонатов грунтовыми водами), причем он находится и внутри прочерченных линий, создающих орнамент.

На плитке визуально просматривались изобразительные поля (верхнее и нижнее). Наверху в узкой ее части видна лента в форме угла, орнаментированная ромбами, внизу в широкой части – дугообразная полоса, также заполненная ромбами.

Результаты трасологического обследования плитки

На орнаментированной поверхности плитки в некоторых случаях линии, образовавшиеся в процессе шлифовки и прочерченные при нанесении орнамен-

Рис. 1. Сланцевая плитка с антропоморфным изображением с поселения Тыткескень-2.

та, визуально неразличимы. В результате трасологического анализа установлено, что первые имеют в профильном сечении сглаженное дно и борта (рис. 2, 2), а вторые, прорезанные острым, предположительно металлическим, предметом, – остросужающееся дно и угловатое сопряжение стенки желоба и поверхности камня (рис. 2, 3). Отчетливая дифференциация по указанным выше признакам позволяет легко отличить линейные следы шлифовки и, исключив их, представить схему орнаментальной композиции (рис. 2, 1).

Нижнее изобразительное поле состоит из двух частей (верхней и нижней), разделенных несколькими линиями, направленными от боковых краев к центральной оси плитки. Оно все покрыто сеточкой из ромбов; нижняя часть дополнительно подработана короткими вертикальными штрихами (“бахрома”). Слева направо и снизу вверх проходит диагональная полоса, т.н. перевязь, образованная 15–20 линиями. Трасологическое исследование позволило определить последовательность нанесения орнамента нижнего поля. Сначала были выполнены сеточка из ромбов и “перевязь”, после этого

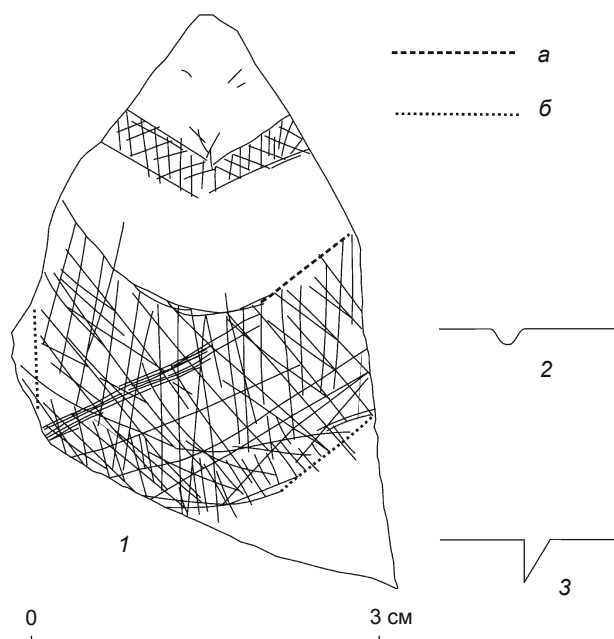

Рис. 2. Схема орнаментальной композиции плитки (1) и профильное сечение линейных следов шлифовки (2) и прорезанных линий (3).

a – линия, образованная тремя-четырьмя проходами резчика;
б – линии, образованные двумя проходами резчика.

прочерчены верхняя и нижняя линии, оконтуривающие орнаментальное поле, в последнюю очередь сделана “бахрома”. Последовательность нанесения диагональных линий, образующих “перевязь”, установить не удалось.

В верхней части плитки немного выше ленты, орнаментированной ромбами, в месте изгиба прорезаны четыре линии, которые под острым углом сходятся друг с другом. По нашему мнению, этими линиями древний мастер изобразил рот человека. Трасологическое исследование плитки позволило выявить детали, которые не просматривались при визуальном осмотре. В верхней узкой части плитки выявлены три короткие линии (одна слева и две справа), ориентированные от ее краев с наклоном к вертикальной оси (рис. 2, 1). По нашему мнению, они обозначают глаза человека.

Почти все линии выполнены одинарным проходом резчика по обрабатываемому материалу, лишь

одна – тремя-четырьмя (рис. 2, 1, *a*) и две – двумя (рис. 2, 1, *б*). По всему периметру следы резчика незначительно выходят на торцовую плоскость плитки, что свидетельствует о целостности артефакта (его сохранности в нефрагментированном состоянии).

Датировка плитки

При датировке этого артефакта определяющую роль играют результаты трасологического анализа. С большой долей вероятности можно утверждать, что орнамент на плитке прорезан металлическим ножом. Это обстоятельство согласуется с данными полевых наблюдений и уже отмечалось авторами статьи [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25; Кирюшин, 2004, с. 11]. Как уже говорилось выше, комплекс 5А смешанный, большая его часть относится к развитому неолиту, но присутствуют артефакты и более позднего времени (энеолита). К сожалению, пока мы не имеем радиоуглеродных дат для жилища № 1 третьего культурного горизонта. Для материалов финального неолита есть две даты (см. таблицу).

Жилище № 1 третьего горизонта, по нашему мнению, датируется концом IV – началом III тыс. до н.э. В коллекциях каменного инвентаря из этого жилища прослеживаются изменения в технике расщепления камня по сравнению с более ранними неолитическими комплексами. При снятии крупных пластин применялись ударные техники с использованием посредника из рога или кости [Кирюшин, 2004, с. 13]. По сравнению с неолитическими слоями увеличивается количество бифасов, наконечников стрел и крупных пластин, в орудийном наборе уменьшается доля острий и резцов [Там же, с. 20]. Металлическое шило, найденное в заполнении жилища № 1, позволило нам отнести большемысские комплексы к энеолиту [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25; Кирюшин, 2004, с. 16]. Выдвинутое в результате трасологического исследования артефакта предположение об использовании в качестве орудия для нанесения орнамента металлического ножа согласуется с ранее сделанными выводами об энеолитическом возрасте большемысских материалов поселения Тыткескень-2.

Результаты датирования костей животных из заполнения жилища горизонта 4

Шифр	Период полураспада $^{14}\text{C} = 5\,570$ лет	Возраст, лет до н.э.	Период полураспада $^{14}\text{C} = 5\,730$ лет	Возраст, лет до н.э.
СОАН-5148	$5\,360 \pm 90$	$3\,410 \pm 90$	$5\,520 \pm 90$	$3\,570 \pm 90$
ГИН-8456	$5\,430 \pm 140$	$3\,480 \pm 140$	$5\,590 \pm 140$	$3\,640 \pm 140$

Аналоги среди галек и плиток “торгажакского” типа и проблемы их датировки

Наиболее ранними аналогами рассматриваемой находки на территории Алтая являются плитки с процарапанным орнаментом с поселения Корначак-2 на Чумыше (район Присалаирья). По углю из очага этого поселения получена радиоуглеродная дата 7340 ± 175 л.н. (5390 лет до н.э.) [Кунгуров, 1997, с. 102]. Плитки с Корначака-2, по нашему мнению, не относятся к собственно торгожакской традиции. Д.Г. Савинов считает их “мнимыми аналогами” [2003, с. 52], и мы с ним согласны. Вместе с тем эти находки свидетельствуют о традиции орнаментирования плиток уже в неолите.

Орнаментированные гальки сейчас известны на средней Катуні (поселение Усть-Куям). Н.Ю. Кунгурова датирует их IV тыс. до н.э. [2003, с. 81, 84] и относит, как и Д.Г. Савинов, к торгожакской традиции [Там же, с. 83; Савинов, 2003, с. 52]. Среди них выделяются гальки с геометрическим орнаментом, сходные с торгожакскими изделиями [Савинов, 2003, рис. 10]; встречаются экземпляры с пояском из треугольников, обращенных вершинами вниз, обнаруживающие аналогии среди галек первой группы (антропоморфные изображения) с поселения Торгажак. По нашему мнению, отнесение галек с Усть-Куяма к торгожакской традиции несколько условно, т.к. черты сходства очень незначительны и просматриваются только на уровне отдельных элементов композиции. На наш взгляд, эти изделия отражают определенный этап в развитии традиции гравировки галек от более ранних “мнимых аналогов” к собственно торгожакским.

Плитка с Тыткескень-2 вне всяких сомнений относится к собственно торгожакской традиции. Здесь мы можем наблюдать не просто сходство отдельных элементов композиции, а практически тождественную картину. Наиболее близкие аналоги рассматриваемого изделия находим среди галек первой группы с поселения Торгажак (антропоморфные изображения) [Савинов, 1996, табл. XXIII, 3; XXIV, 5, 6; XXV, 7, 8]. У плитки с Тыткескень отсутствует “шапочка”, но есть “лицо”, выделенное лентой из ромбов, на котором обозначены глаза и рот. На нижнем орнаментальном поле, разделенном на две горизонтальные части, просматривается “бахрома” и четко видна “перевязь”. Плитка с поселения Тыткескень-2 имеет много общего с гальками Торгажака, начиная с формы и заканчивая отдельными элементами композиции. Различия только в характере заготовки (плитка, а не галька).

Орнаментированные плитки найдены на поселении Тоора-Даш в Туве. Сломанная пластинка из

окаменевшего дерева с процарапанным орнаментом встречена в неолитическом слое [Семёнов, 1992, с. 103, рис. 20, 13]; две плитки с геометрическим узором обнаружены в шестом и седьмом горизонтах, относящихся к окуневской культуре [Там же, с. 102, рис. 19, 3, 4]. В.А. Семёнов также пишет о подобных находках из девятого и десятого слоев поселения Тоора-Даш [2000, с. 138]. Десятый он датирует скифским временем [Там же, с. 139]. Орнаментированные гальки встречены на поселениях Хадынных-1 (окуневская культура) и Этекшил (эпоха бронзы) в Туве [Семёнов, 1992, с. 102, рис. 19, 1, 2, 5, 7, 8].

Д.Г. Савинов поставил под сомнение датировки находок с поселений Усть-Куям, Тоора-Даш, Этекшил, предложенные авторами раскопок [2003, с. 51]. Мы не беремся судить о возрасте плиток и галек с последних двух памятников, а относительно коллекции Усть-Куяма согласны с Д.Г. Савиновым, что она может датироваться более поздним временем. Неолитический возраст плиток с поселения Корначак-2 и энеолитические плитки с Тыткескень-2 у нас на этом этапе исследований не вызывают сомнений. К сожалению, пока нет данных о трасологическом анализе изделий с поселений Усть-Куям и Корначак-2. Возможно, подобное исследование будет проведено в будущем, что позволит уточнить датировку этих коллекций.

Основные выводы

Орнаментированная плитка с поселения Тыткескень-2, по нашему мнению, относится к эпохе энеолита и датируется концом IV – началом III тыс. до н.э. Как справедливо отмечал Д.Г. Савинов, орнаментированные гальки, аналогичные торгожакским, с территории Саяно-Алтайского нагорья в количественном отношении не сопоставимы с найденными на поселении Торгажак [Савинов, 2003, с. 52]. Вместе с тем число таких находок продолжает увеличиваться. На современном этапе изучения проблемы мы можем констатировать, что изготовление орнаментированных галек и плиток (“мнимые аналоги”) на территории Саяно-Алтайского нагорья зарождается в эпоху неолита, а не финальной бронзы. В энеолитических материалах поселения Тыткескень-2 мы встречаем образец, аналогичный торгожакским галькам. По нашему мнению, это может свидетельствовать о сходстве культурных традиций и идеологических (религиозных) представлений населения Саяно-Алтайского нагорья в эпоху энеолита и поздней бронзы.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.** Работы в горном и лесостепном Алтае // АО 1983 г. – М., 1985. – С. 189–190.
- Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф.** Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескень в среднем течении Катунь: // Археологические исследования на Катунь: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 23–30.
- Барышников Г.Я., Малолетко А.М.** Археологические памятники Алтая глазами геологов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1. – 160 с.
- Кирюшин К.Ю.** Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 23 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю.** Большемеисский комплекс поселения Тыткескень-2 // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 25–30.
- Кунгуров А.Л.** Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Вып. 8. – С. 98–104.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю.** Работы Бийского отряда // АО 1984 г. – М.: Наука, 1986. – С. 287–288.
- Кунгурова Н.Ю.** Графические изображения на гальках Усть-Куюма // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. 2. – С. 81–84.
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 112 с.
- Савинов Д.Г.** Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 48–71.
- Семёнов В.А.** Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб.: Изд-во ЛНИАО, 1992. – 152 с.
- Семёнов В.А.** Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение: Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: СПб. фонд “Мир книги”, 2000. – С. 134–155.

Материал поступил в редколлегию 12.05.05 г.

УДК 902.032

Ю.Ю. Шевченко

*Музей антропологии и этнографии РАН
 Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199033, Россия
 E-mail: yurshhev@kunstkamera.ru; yurishhevchenk@narod.ru*

НИЖНИЕ ЯРУСЫ ПОДЗЕМНОГО ИЛЬИНСКОГО МОНАСТЫРЯ В ЧЕРНИГОВЕ, ИГУМЕНЫ ОБИТЕЛИ И “ИЕРУСАЛИМСКИЙ СЛЕД” В ПЕЩЕРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Считается, что пещеры при Ильинской церкви в Чернигове основаны к 1072 г. преп. Антонием Печерским. Однако имеются факты, позволяющие связывать этот пещерный монастырь с христианами, пришедшими в эти места до исторической акции крещения Руси св. Владимиром (988 г.). Фольклорные источники повествуют о каком-то игумене монастыря, который вышел из своей обители, уже существовавшей здесь при обращении в христианство населения древнего Чернигова в 988–992 гг. [Шевченко, 1999, с. 9–22]. Из этого следует, что христианская обитель в Чернигове появилась до 988 г. Согласно имеющимся данным, события, связанные с акцией крещения в городе, происходили на юго-западной окраине Чернигова – между местонахождениями Елецкого (рис. 1, 3) и Ильинского (рис. 1, 5) пещерных монастырей. Предположение о существовании в то время подземной обители подтверждается результатами анализа археологического контекста ближайшего окружения Ильинских пещер.

На краю террасы, где вырыты Ильинские пещеры, расположен языческий курганный могильник – место, посвященное духам предков. Сюда, на склоны отрога Болдиных Гор, не забредали ни охотники, ни бортники. Это место, в котором могла спокойно существовать христианская община, считалось заповедным еще язычниками. Можно предположить, что оно было выбрано пришедшими сюда христианами после начала функционирования языческого курганного могильника (рубеж IX–X вв.); не позднее этого времени здесь был насыпан самый ранний в могильнике курган Гульбище. Сакральность языческого кладбища гарантировала отсутствие обыденных посещений, а строгая регламентация движения

похоронной процессии к месту погребения и от него [Байбурин, 1993, с. 112–116] также способствовала сохранению в тайне места расположения христианской пещерной обители.

В Болдиногорском некрополе раннесредневекового Чернигова, находящемся почти над пещерами, не позднее чем в середине X в. появились малые курганы, насыпи которых по размерам близки к обычным могильным холмикам. Если крупные (“языческие”) курганные насыпи находятся не менее чем в 150 м от входов в пещеры, то малые – почти над подземными пустотами, в непосредственной близости от них. Под малыми курганами нет кремаций, или костяков в яме со срубом, символизовавшим “дом мертвых”; нет здесь и “стравниц” – сосудов-приставок с заупокойной пищей для умершего, характерных для политеистических погребальных обрядов. В могильных ямах костяки вытянуты и ориентированы головой на запад. В этом Болдиногорском некрополе подобных захоронений было достаточно много (из 260 курганов, зафиксированных в 1908 г. (раскопки Д.Я. Самоквасова), осталось более 150). Исследовавший некрополь Б.А. Рыбаков с учетом материалов предшествовавших раскопок датировал захоронения по обряду ингумации в могильных ямах под малыми курганами X – началом XI в. и связывал их с полянами [1949, с. 16–19]. И.П. Русанова отмечала христианский, а не этнический (полянский или северянский) характер подобных погребений [1966, с. 37]. Это мнение поддерживают и другие исследователи (см., напр.: [Мезенцев, 1980, с. 53–64]).

В небольших христианских курганах выявлены бледные серовато-розовые бипирамидальные бусы

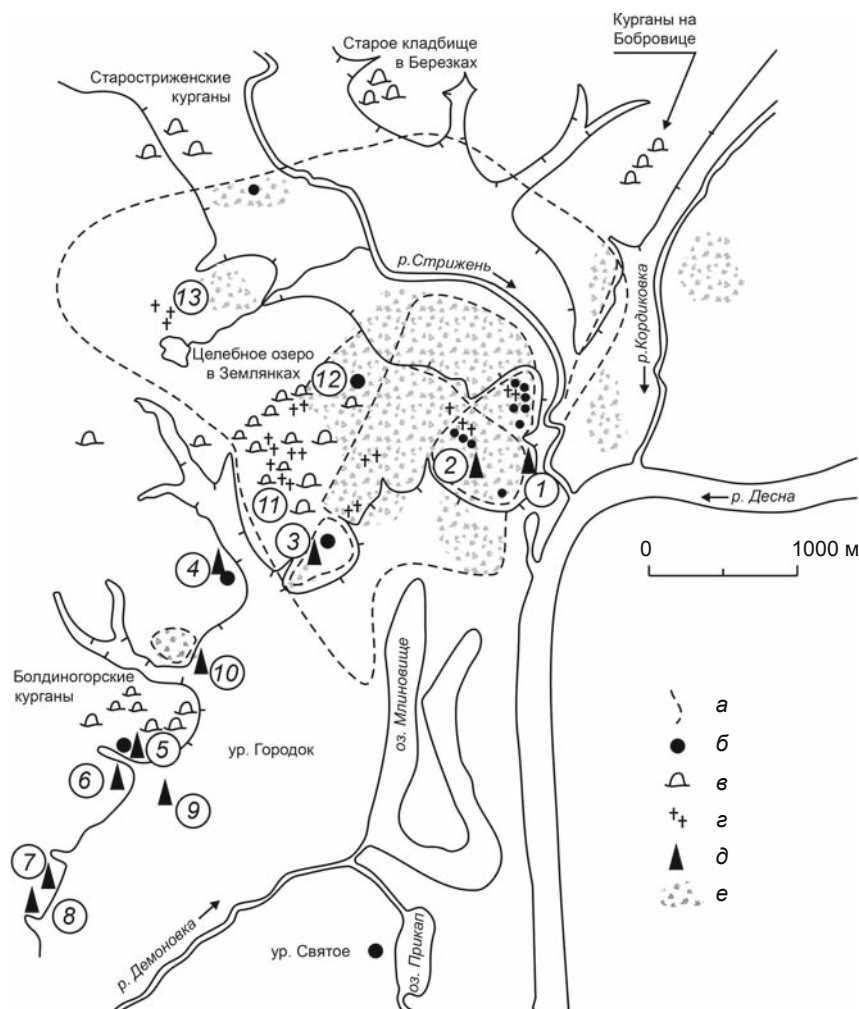

Рис. 1. Схема Чернигова начала II тыс. н.э.

а – древнерусские оборонительные сооружения; б – наземные монументальные храмы домонгольского времени; в – курганы и курганные группы; г – грунтовые погребения X – начала XI в.; д – входы в пещерные комплексы; е – культурный слой X в.

1 – входы в подземные сооружения под Черниговской крепостью XVII в. (территория древнерусского кремля-детинца XI–XIII вв.); 2 – подземные сооружения Черниговской крепости, обложенные “литовским” (желобчатым) кирпичом XVII в. (раскопаны А. Верзиловым в 1886 г. [Верзилов, 1889, с. 4] к западу от Спасского собора, на территории древнерусского детинца); 3 – пещерные комплексы Елецкого Болдиногорского монастыря Успения Пресвятой Богородицы; 4 – пещерная галерея у древнерусского храма на ул. Северянской (между Елецким и Ильинским монастырями); 5 – комплексы пещерных сооружений (Антониевы пещеры) у древнерусской Ильинской церкви – Ильинский подземный монастырь; 6 – три пещерных комплекса в склоне напротив Ильинского пещерного монастыря; 7 – Алипиевы пещеры первой четверти XX в.; 8 – Лаврентиевы пещеры первой – второй четверти XX в.; 9 – провал в пещерной галерее в ур. Городок; 10 – пещерный скит древнерусского времени; 11 – Черная Могила с прилегающим некрополем X в.; 12 – Пятницкая церковь “на Торгу” с т.н. курганом княжны Черны (Черной); 13 – территория “красного двора” черниговских князей.

из “индийского” сердолика,* малоазийские, центрально- и южно-азиатские по происхождению [Де-

* Такие же бусы найдены в Салтовском могильнике VIII–IX вв. (4 шт.) на территории Хазарии, могильниках Бежта VIII–IX вв. (7 шт.), Борисово VIII–IX вв. (23 шт.), Чир-Юрт VI–VII вв. (3 шт.) на Северном Кавказе и могильнике Бакла VI–VII вв. (3 шт.) в Крыму.

опик, 1963, с. 135–137, рис. 5, 8, табл. 3, 8]. В христианских погребениях Болдиногорского некрополя найдены также восточно-средиземноморские по происхождению округлые ярко-красные бусы из “сирийского” сердолика [Шкропил, 1905, с. 13, 24; № 44, 98; рис. 9]. Такие же бусы обнаружены и в других грунтовых могилах на территории Чернигова, которые перемежаются с курганами на огромном пространстве некрополя, протянувшегося к северо-востоку от Черной Могилы (рис. 1, 11, 12). Они датируются по аналогам из стратифицированных памятников Восточной Европы и комплексам с нумизматическими индикациями IX – началом XI в. [Сохацкий, Валькова, 1995, с. 140–143].

Сопроводительный инвентарь христианских погребений на Болдиногорском курганном некрополе представляли украшения, локализовавшиеся в основном в женских могилах, а также ножи, что отличало черниговские погребения от киевских, в которых вместо ножа обязательной составной частью женского погребения были ножницы. Одна из найденных в Болдиногорском христианском (женском) погребении лунниц была перламутровой; из этого материала на протяжении всего средневековья традиционно делали иерусалимские иконки и подвески. Лунница имела “золотое колечко*, продетое в отверстие для подвешивания” [Рыбаков, 1949, с. 19]. Среди перламутровых изделий, появившихся в Восточной Европе после первого крестового похода и создания Иерусалим-

ского королевства в конце XI в., аналогов этой луннице нет. К подобным, но более поздним “реликвиям пилигримов” относится перламутровый крестик

* По определению Е.Е. Черненко, сотрудницы Черниговского исторического музея им. В.В. Тарновского, колечко перламутровой лунницы сделано из серебра [2000, с. 12].

XII–XIII вв., найденный в Старой Рязани близ Борисоглебского собора [Беляев, 2003, с. 492, 507, рис. 3]. В составе инвентаря из некрополей у самых стен Саркела имеются многочисленные нательные кресты [Артамонова, 1963, с. 34, 58, рис. 25, 46], в погр. 6, 8, 11, 39 (насыпь 19/1), 80, 143, 156, 222 (насыпь 17/10) встречаются обломки перламутровых “подвесок” [Там же, табл. I, III]. Продолговатые полоски перламутра в трех Саркелских некрополях также могли быть вставками в деревянных (кипарисовых) крестиках. Характерно, что нумизматические индексации из этих могильников датируются “русским периодом” в истории города и относятся не к Саркелу, а к Белой Веже (1055 г. – византийская монета из погр. 80 из насыпи 17/10; 1081–1118 гг. – серебряная византийская монета из могильника у юго-западной стены; рубеж XI–XII вв. – медная монета из насыпи 17/10).

“Трехрогое” оформление нижнего “серпа” лунницы из Болдиногорского курганного некрополя Чернигова ассоциируется с “трехрогими” подвесками эпохи Великого переселения народов [Каргопольцев, Бажан, 1993, с. 113–122]. Занесенные на северные берега Средиземного моря “трехрогие” лунницы бытовали, например, на Адриатическом побережье до IX в. Они встречаются на западе Балканского полуострова в арберийских могильниках Круя, Дерьян, Крепость Дальмаца, Букли, Сигени-Радолиште, Лезна и Сент-Эразм в Охриде [Шевченко, 2002 г., с. 297–298, рис. 28, 8; 31, 1]. Эти украшения могли быть прототипами перламутровых иерусалимских изделий такого же облика на исходе раннего средневековья (VIII–X вв.). Можно предположить, что украшения из раковинного перламутра, подобные найденным в Болдиногорском кургане, в IX–X вв. распространялись из Святой земли с прочими реликвиями и палестинскими евлогиями (бутыли для святого елея). На исходе раннего средневековья “трехрогие” лунницы, как и аналогичные украшения, относящиеся к эпохе Великого переселения народов, символизировали победу идеи Троицы в Никео-Цареградском символе веры с 380-х гг., после Вселенского собора Церкви в Константинополе. Лунница из черниговского кургана по фактуре перламутра восточно-средиземноморская; скорее всего, она, как и большинство перламутровых иконок, была сделана на Ближнем Востоке [Долгаленко, 2002, с. 13; 2003, с. 24–26].

Таким образом, именно на территории, примыкающей непосредственно к Ильинскому пещерному

Рис. 2. Ильинская церковь 1072 г. у одного из входов в подземный монастырь. Первоначальный вид. Графическая схема-реконструкция гравюры А.С. Саранцова, 1969 г.

монастырю, расположено самое раннее христианское кладбище Чернигова [Шевченко, 2004а, с. 158–160]. Его появление следует связывать с функционированием христианского храма: могильник этого времени можно рассматривать как погост при храме, каковым могла быть пещерная церковь, поскольку наземная Ильинская была построена здесь только к 1072 г. (рис. 2). Данное христианское кладбище появилось, судя по датам вещей из погребений, еще до общегосударственной акции крещения Руси, не позднее середины X в.

Среди упомянутых грунтовых могил недалеко от самого большого из известных древнерусских курганов – Черной Могилы (см. рис. 1, 11) – отмечены погребения в ямах с заплечиками; они отличаются богатым набором стеклянных (пастовых) разноцветных бус. Такие же бусы были обнаружены в изолированном могильнике на территории города [Казаков, 1989, с. 86–87], близ “красного двора” черниговских князей (см. рис. 1, 13) [Шевченко, 2002а, с. 95–105]. Пастовые бусы (в основном сирийского и египетского производства, имеющие многочисленные аналоги [Львова, 1959, с. 323–328, рис. 5, 1, 2, 5; 6, 4, 5, 7–9, 12–14; 7, 7, 8, 10, 14, 15; Шапова, 1956, с. 165–179]) и конструкции ям характерны для аланского компонента в составе алано-болгарского населения на территории Хазарского каганата X в. (салтовская культура) [Ковалевская, 1981, с. 83–96, 224–228]. Судя по инвентарю и типам могил, аланы стали переселяться в Чернигов не позднее чем в середине X в.; к этому времени относятся зафиксированные на территории города их погребения, аналогичные северокавказским. Следовательно, пещерную христианскую обитель могли основать выходцы из Алании, которую в 932 г. хазары вынудили отречься от православия. В то время православные беженцы из Алании могли двигаться к Киевской метрополии (об этом патриарх

Фотий сообщал еще в “Окружном послании” 867 г.). Приток православного населения из Алании относится, учитывая даты бус из грунтовых черниговских погребений, к годам пребывания и правления в Киеве равноапостольной княгини Ольги, покровительствовавшей христианам.

Расположение христианского некрополя X в. непосредственно над Ильинским пещерным монастырем позволяет синхронизировать существование в данном месте подземной христианской обители с ее пещерными храмами и функционирование могильника. Могильник являлся погостом пещерной церкви, которая несомненно была в подземной обители. Поэтому не случайно, что крещение черниговцев 30 августа 992 г. происходило не у стен древнего города (см. рис. 1, 1, 2), а в 3 км от заселенной территории [Шевченко, 1999, с. 9–22; Шевченко, Богомазова, 2003, с. 241–260], напротив пещерного монастыря в протоке Десны (оз. Прикал) в Святой роще (см. рис. 1, 5, 6, 9). Наличие христианской кинонии в пещерном монастыре определило место проведения исторической акции в Чернигове.

Подземный монастырь функционировал весь домонгольский период с незначительными перерывами, которые по сопоставлению дат следов замыва в пещерах с канвой событий определяются 1094–1097, 1147–1169 и 1210–1214 гг.

После 1069 г. в эти пещеры из Черниговского Елецкого Успенского монастыря Богородицы (см. рис. 1, 3) перебрался протостратор (основоположник) всего русского монашества преп. Антоний Печерский [Шевченко, 2002в, с. 110–139]. До 1072 г. либо он, либо один из его сподвижников являлся игуменом в обители. Не исключено, что в данный период в Ильинском подземном монастыре Чернигова был пострижен Феоктист (возможно, его крестильное имя Илия), ставший позднее архимандритом Киево-Печерским (к 1106 г.), а в конце своего земного пути (ум. в 1123 г.) принявший архиерейскую кафедру в Чернигове (1106/1108 г.).

Юго-восточная часовня, примыкающая к восточной части южной стены Спасского собора – кафедрального храма Чернигова, – скрывает граффити, читаемые по-разному, но абсолютно точно содержащие имя – Илия. По мнению С.О. Высоцкого, исследовавшего граффити на стенах собора Софии Киевской, в надписи на Спасе речь идет просто об обеде (торжественном пире), который дал некий Илия в день св. Юрия (Георгия). В Илии исследователь видит архиепископа Новгородского Иоанна, который “мог носить мирское (крестильное. – Ю.Ш.) имя Илия”, захавшего в 1169 г. к Черниговскому Спасу по пути к митрополиту в Киев [Висоцкий, 1984, с. 92–96].

Обе часовни (юго-восточная и северо-восточная) пристроены к стенам храма и сложены из той же

плинфы, что и стены самого Спасского собора (Борисоглебский собор в 1118–1120 гг. строился из другого кирпича). Сходный кирпич использовался при возведении около северо-западной башни Спаса однокамерного терема, который появился при детях Святослава Ярославича (не позднее 1076 г.). Несколько иной, хотя и похожей, была плинфа Ильинской церкви [Иоаннисян, 2003, с. 20–34], построенной, согласно местному церковному преданию, к 1072 г. Можно сделать вывод, что погребальные часовни Спаса были сооружены вскоре после завершения строительства самого собора и задолго до конца столетия, когда с Олегом и Давидом Святославичами пришли новые мастера, использовавшие плинфу иных стандартов [Там же, с. 20–34].

Имя Илия в надписи на стене храма обозначает если не церковь во имя этого пророка, то ее возможного ктитора-храмоздателя из окружения князя Святослава Ярославича и прямо соотносится с Антонием, переселившимся в пещеру, около которой была возведена Ильинская церковь. Тогда в надписи: *мча арнла оу кдль обѣ* (“месяца апреля, когда [которую] делал для обета”*) *даль (у) (И)лья 7ЪПЪ НА*. Часть фразы “у Илия” вполне может означать “у стен этого храма”. Без отдельных знаков и слов, допускающих проблематичные и поливариантные разночтения, граффити выглядят следующим образом: *мча арнла оу кдль обѣ даль (у) (И)лья 7ЪПЪ НА стго Юрья () () оу себе дом(у) (и) (з)нал Н(и)конъ і (о)н ма(л) (б)(т)(и) дома* и имеют следующий смысл: “В месяце апреле, когда обет дал (...у) Илья себе на св. Юрия, идя [к] себе домой... и знал Никон [о том] и должен был быть у себя дома”. Вся запись могла относиться к человеку, построившему храм Илии и носившему такое же имя, например Феоктисту, до его рясофорного пострига, когда крестное имя могло быть тезоименным библейскому пророку Илии. В надписи могло быть утрачено начертание имени (например, Антоний) “давшего у [храма] Илии себе обет на св. Юрия” вернуться домой. В любом варианте прочтения в надписи засвидетельствовано обещание (“обет”) идти к себе домой, обещание, о котором “знал Никон, который тоже должен был оказаться дома”. Поскольку сокрытие надписи на стенах Черниговского Спаса произошло при возведении пристройки часовни в 70-е гг. XI в., это имя могло принадлежать только Никону Великому. “Домом” для Никона был Печерский монастырь Киева. Идти, видимо, предстояло именно туда, в обитель, вынужденно покинутую из-за притеснений Изяслава Ярославича в 1069–1072 гг. Изгнание Изяслава из Киева (1073 г.) открыло Никону дорогу “домой”, где

* Курсивом выделен оригинальный текст; в квадратных скобках приводятся предполагаемые мной стершиеся знаки в количестве, предлагавшемся С.О. Высоцким.

он должен был дожидаться Илии (чтобы постричь его в мантию под именем Феоктиста?) или самого Антония, имя которого утрачено в надписи. Но в последнем варианте прочтения оказывается упомянутым храм Илии в Чернигове на входе в пещеры.

Граффити, упоминающие имя Никона (при всех вариантах чтения), относятся ко времени между 1069–1073 гг., а часовни-усыпальницы, скрывающие этот текст, были пристроены к собору сразу после установления в Чернигове церковной власти митрополита, упомянутого на Черниговской кафедре в 1072 г. [Щапов, 1992, с. 17–21]. Граффити, повествующие о Никоне, проходившем через Чернигов в Тмутаракань и обратно, и об Илии (храм и/или храмоздатель церкви во имя этого пророка), составлены, скорее всего, от имени преп. Антония одним из его ближайших соратников, если не им самим. Вполне возможно, что автором был воспитанник Греческого Афона (как и Антоний): в надписи есть греческие буквы. Если исходить из этого предположения, то надпись повествует о возвращении в Киево-Печерский монастырь после перехода на Киевский стол Святослава Ярославича самого Антония Печерского. Указанные в надписи апрель и день св. Георгия по времени практически совпадают с этим событием. Граффити на стене Черниговского Спаса оказались не единственной эпиграфической находкой, имевшей отношение к пещерам.

К последней трети XI в. относятся наиболее ранние находки из пещерного монастыря при наземном храме Илии [Руденко, 1992, с. 48, рис. 4, 7, 10]. Материалы XI–XII вв. из раскопа 1996 г. на одном из входов в пещеры Ильинского комплекса (рис. 3, 17) были блестяще стратифицированы по слоям и типам Т.Г. Новик. Начало функционирования данного входа в подземный комплекс относится не позднее чем к концу XI в. Находки на этом участке

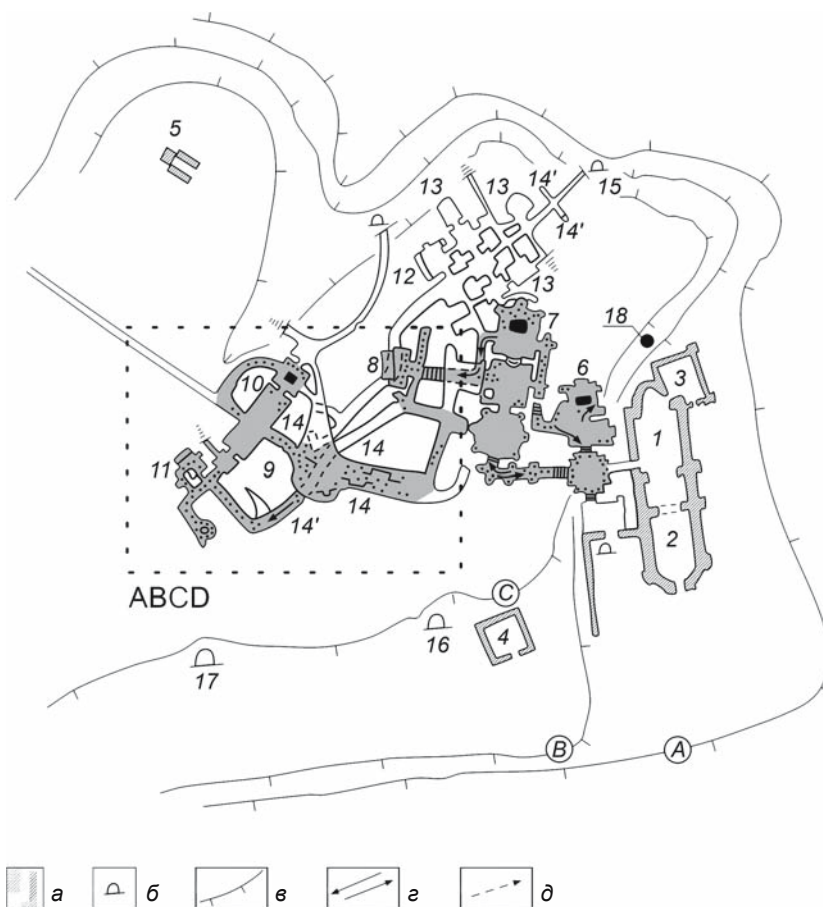

Рис. 3. Схема Антониевых пещер при Ильинской церкви в Чернигове.

а – наземные объекты; б – входы в Ильинский подземный монастырь (Антониевы пещеры); в – высотная отметка склонов Болдиной Горы (А – подошва склона; В – уровень вторичной подсыпки насыпной террасы, примыкающей к склонам природного кряжа; С – верхняя кромка плато надпойменной террасы); г – древние обвалы подземных коридоров; д – подземные помещения пещерного монастыря по плану 1783 г., составленному при генерал-аншефе А. Кречетникове.

1 – Ильинская церковь (1072 г.); 2 – притвор-пристройка (1649 г.); 3 – церковная ризница (пристроена в XV в.); 4 – часовня над склепом начала XIX в., достроенная к 1911 г. как колокольня; 5 – могила писателя М.М. Коцюбинского и его жены на погосте Ильинской церкви; 6 – подземная церковь преп. Антония Печерского (с выраженной трехчастной плановой структурой: притвор, наос, алтарь); 7 – трехчастная (притвор, наос, алтарь) подземная церковь Похвалы Богородицы (с 1860 г. упоминается как храм во имя св. Феодосия); 8 – часовня с “тробницей”; 9 – древнерусская часовня с погребениями (в локулах и аркасолиях); 10 – двухчастная (наос, алтарь) подземная церковь преп. Николы Святоши (притвор не выражен); 11 – келья преп. Антония Печерского; 12 – келья затворника на нижнем ярусе пещер; 13 – кельи-затворы, ставшие погребальными криптами; 14 – погребения в нишах-аркасолиях; 14' – погребения в локулах; 15 – выход на поверхность из нижнего яруса, обложенный кирпичом в XVII в.; 16 – пещерные галереи и келья XI–XIV вв. (раскоп 1995 г.); 17 – пещерные галереи и “келья Иова” (XI в.) с кимитирием XII в. (раскоп 1996 г.); 18 – шурф гидрогеологов и геофизиков к востоку от апсиды Ильинской церкви, вскрывший на глубине ок. 5 м остатки культурного слоя и керамику времен Киевской Руси (в рухнувшей пещерной галерее).

характеризуют ежедневный быт монаха-подземножителя Иова, чье имя упомянуто в двухстрочных граффити (до сих пор не опубликованных) на стене у подземной локулы в непосредственном соседстве с пещерной монашеской кельей, где упомянутый Иов, видимо, и жил.

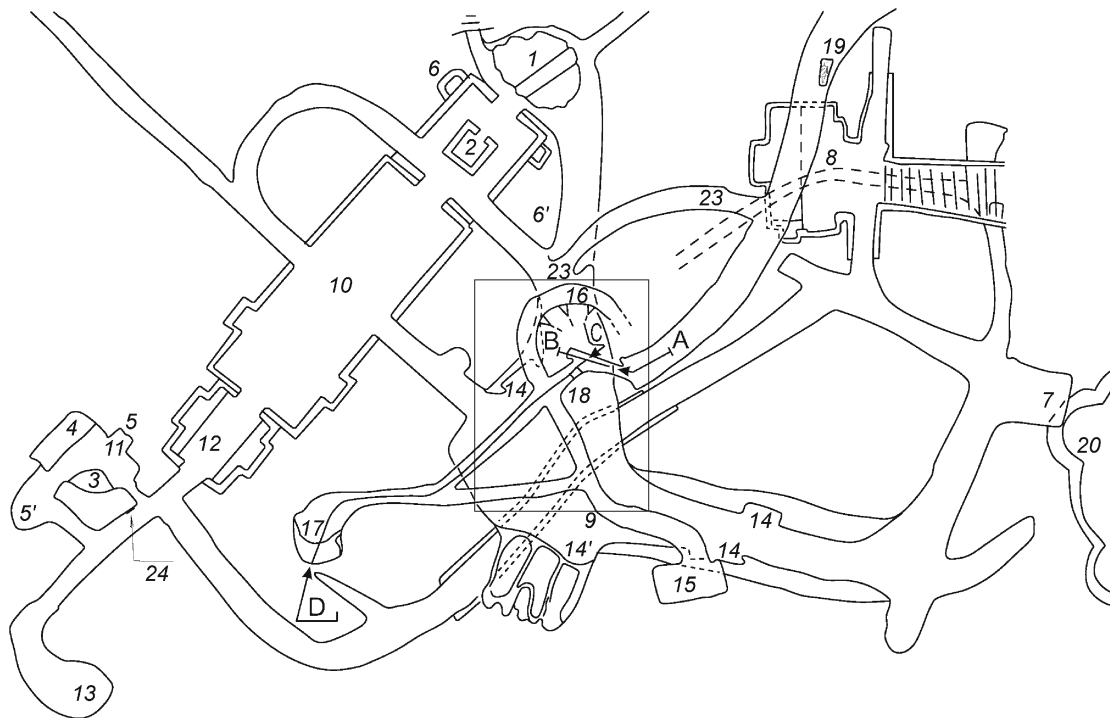

Рис. 4. Схема самой глубокой системы подземных коридоров и помещений Ильинских пещер, открытой в 1970–1971 гг. под руководством Н.В. Юрковой при участии В.Я. Руденка и Ю.Ю. Шевченко.

Сплошной линией показаны галереи нижнего яруса, лежащие под размещившейся выше древнерусской часовней с погребениями, которые обозначены пунктиром. На врезке – схема подземелий, где проводились работы 1970–1971 гг.

1 – глыба, просевшая вместе с участком подземного хода из-за обвала каких-то нижележащих помещений; 2 – престол в алтаре подземной церкви преп. Николы Святоши; 3 – земляная “столешница” в келье преп. Антония Печерского; 4 – земляная лежанка в келье преп. Антония; 5 – ниша-жертвенник (?) в келье преп. Антония; 5' – ниша для молитвы при келье преп. Антония; 6 – ниша-жертвенник в алтаре церкви Николы Святоши; 6' – ниша-дьяконник в алтаре церкви преп. Николы Святоши; 7 – помещение, “отрезанное” стенами притвора-ротонды храма Похвалы Богородицы; 8 – помещение с гробницей (построено во время ремонта в 1782 г.); 9 – древнерусская часовня с погребениями; 10 – наос церкви Николы Святоши; 11 – келья Антония Печерского; 12 – привходовой тамбур с двумя боковыми приступками-“скамеечками” в церкви Николы Святоши; 13 – “камера столба” (для привязывания бесноватых); 14 – погребения в нишах-аркасолиях; 14' – погребения в локулах; 15 – камера с “крестовым сводом” на самых глубоких уровнях нижнего яруса; 16 – ход из самых глубоких уровней нижнего яруса, идущий по спирали вниз (с уходящими от южной стенки вниз отверстиями-“отдушинами” в какое-то еще более глубокое помещение); 17 – галерея, поднимающаяся вверх с самых глубоких уровней нижнего яруса к галерее, выходящей из древнерусской часовни (9) к келье Антония Печерского (11); 18 – погребение новорожденного младенца в легком деревянном гробике в самых глубоких галереях нижнего яруса пещер; 19 – погребение пятилетнего ребенка в галерее нижнего яруса; 20 – притвор храма Похвалы Богородицы; 21 – засыпка в нижних галереях, извлеченная в процессе исследований; 22 – уровень засыпки, оставшейся во время исследований в 1970–1971 гг.; 23 – галерея, идущая вверх к “диаконовскому” выходу из алтаря церкви Николы Святоши; 24 – место расположения граффити “здБ... Б... а ... к... Антония” при входе в келью преп. Антония Печерского.

Еще одни граффити отмечены около входа в келью Антония Печерского (рис. 3, 11; 4, 3, 4, 5, 5, 11). По определению исследователя граффити на стенах Софийского собора в Киеве С.О. Высоцкого, запись “здБ... б(ыста)... к(е)л... Антония” относилась к концу раннего или началу позднего средневековья (XV–XVI вв.). Если первая часть надписи может быть интерпретирована по-разному (например: “здесь Богородица благослови... Антония”)*, то имя,

свидетельствующее о принадлежности кельи, читается абсолютно четко – “Антония”.

В XII в. на участке пещер у кельи Иова (см. рис. 3, 17) наступил “какой-то период запустения”; он представлен “несколькими слоями замыва из глины и серой супеси мощностью 0,6–0,65 м, очень плотных” [Новік, 1999, с. 10]. Позже здесь был проложен новый подземный ход, прорезавший древнерусскую печь. Эта печь находилась, вероятно, также в подземном помещении, оказавшемся у поверхности в результате постоянного “оплыва” и осыпания верхней кромки оврага (такие печи в подземных помещениях упомянуты в “Слове об Исакии Пешернике” в “Киево-Печерском патерике”).

* К сожалению, в настоящее время, как сообщили 21 февраля 2000 г. сотрудники Национального заповедника Украины “Чернигов древний”, надпись отсутствует; на ее месте видны следы лезвия лопаты.

Следы замыва отмечены в пещерных помещениях и на входах, открытых в 1995 и 1996 гг. (см. рис. 3, 16, 17). Они очень напоминают следы, отмеченные в основном комплексе Антониевых пещер при Ильинской церкви и непосредственно на “основном” входе из наземного храма (см. рис. 2; 3, 1, 6). Это значит, что все пещерные комплексы, в которых отмечены данные отложения, соединялись с прочими и нижележащими подземными пустотами Ильинского подземного монастыря в единый пещерный лабиринт, а у проточной воды были и путь стока, и базис эрозии, без чего не могли отложиться осадки временных водных потоков. Во вскрытых на склоне кельях, ставших кими-тириями (см. рис. 3, 17), или в просто заброшенных помещениях (см. рис. 3, 16) слои, принесенные временными водными потоками [Василенко, 1999, с. 9], напластовались под углом в 30° и направлены куда-то в глубину горы. Такие же осадочные слои, принесенные проточной водой, прослеживаются за алтарем церкви Николая Святоши (рис. 4, 1), в галерее, ведущей от заалтарных пустот в погребальную часовню с локулами и аркасолиями, и в самой часовне (см. рис. 4, 1–9), а также в галерее, ведущей в притвор церкви Похвалы Богородицы (рис. 4, 9–20). Отложения временных водных потоков, залегающие здесь под углом на порядок меньше, свидетельствуют о формировании слоев под влиянием проточной воды.

Базисом эрозии для стекавшей воды являлся уровень грунтовых вод, к которому “впритык” подходили самые глубокие подземные пустоты (обнаружены в ходе исследований в 1970–1972 гг.), образованные хорошо проницаемыми для воды отложениями, впитывающими воду, как губка, и даже натягивающими ее снизу, как промокашка, что и создавало базис эрозии, без которого не было бы ни проточной воды, ни отложений, принесенных сточными водами. Этим свойством нижние слои, в которых вырыты самые глубокие галереи и помещения, отличались от лессов, суглинков и флювиогляциалов, образующих стены и основания (пол) пещер, найденных в 1995 и 1996 гг., и других коридоров и помещений, расположенных в верхних ярусах Антониевых подземных сооружений, вырубленных в таких же лессах и лессовидных суглинках, – для воды почти непроницаемых. Поэтому вода не могла быстро “впитаться”, если попадала в вырубленную исключительно в лессе пещеру. Она искала выход, стекая все глубже, и, стремясь вниз, оставляла слой замыва. Пещера должна была проходить еще и значительно ниже, по залегающему там водопроницаемому слою, т.е. быть достаточно протяженной и по горизонтали, и по вертикали.

Наиболее глубокие галереи Ильинских пещер были вскрыты в 1970–1971 гг. по “Открытому листу” Института археологии Академии наук Украины, выданному Н.В. Юрковой. Исследования, санкциони-

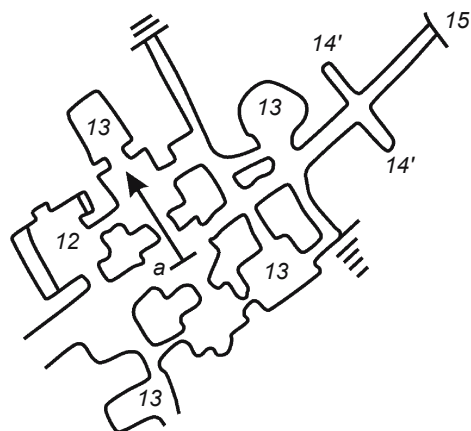

Рис. 5. Схема нижнего яруса пещер при Ильинской церкви в Чернигове. Стрелкой указана алтарная стена с нишей над погребальным склепом. Усл. обозн. см. на рис. 3.

рованные АН и Госстроем Украины, почему-то были запрещены тогдашним директором Черниговского архитектурно-исторического заповедника. Поэтому раскопки проводились ночью, в тайне от музейной администрации, но при помощи научных сотрудников заповедника [Шевченко, 1993, с. 44–47; Руденко, 1999, с. 19–21]. Группа Н.В. Юрковой определила планиметрию наиболее глубоких уровней нижнего яруса. Первое, что попало в раскопе (рис. 4, АВ) в руки В.Я. Руденку, члену группы Н.В. Юрковой, – довольно редкая для средневековья проушная кирка с обухом (находка не опубликована), видимо, позднесредневековая. Следы работы этим инструментом зафиксированы на юго-западной стене кельи на нижнем ярусе (см. рис. 3, 12; 5, 12). Тем же инструментом пробивалась галерея вверх (см. рис. 4, 23) к “диаконовскому” выходу из алтаря церкви Николая Святоши. Этот выход, вероятно, начали создавать после обвалов в галерее, ведущей к верхним ярусам пещер (см. рис. 4, 17, 18, А–D). Такие обвалы могли произойти в результате землетрясения. Именно землетрясения 1620 и 1637 гг. были причиной обвалов в Ближних пещерах Киево-Печерского монастыря [Мовчан, 1994, с. 152–160]. С этими событиями и прокладкой новой галереи от нижнего яруса к верхним можно связать проведение (до 1649 г., в игуменство Зосимы (Тышкевича)) крупных строительных работ в Ильинском монастыре Чернигова на средства казачьего полковника Стефана Побойдайла.

Выемка переотложенного грунта из галереи (см. рис. 4, 18; 6, 22; 7, 18) позволила проникнуть в систему галерей и помещений (см. рис. 4, 15–17; 8), “заплывших” рыхлыми водными осадками (см. рис. 6, 22; 7, 21, 22). В этой “ледниковой пыли” (лесс) риссвюрмского периода, из которой сложены нижние горизонты и подошва надпойменной террасы, вырыты

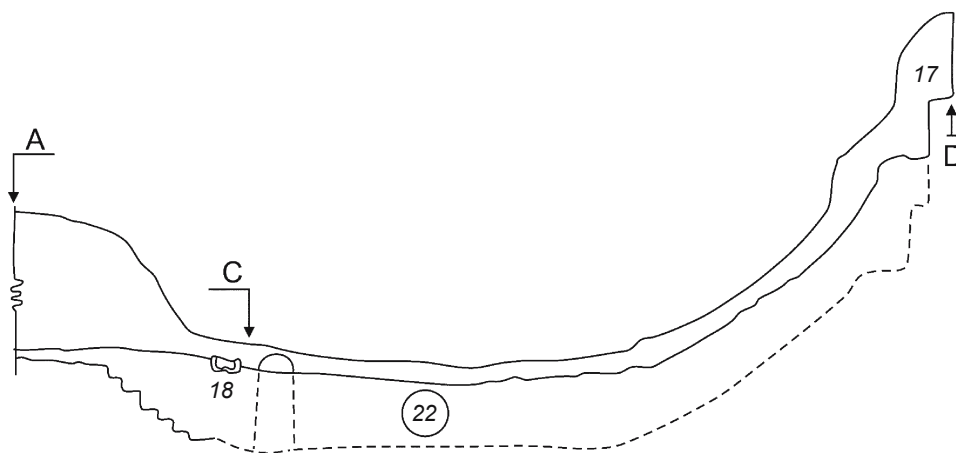

Рис. 6. Галерея, ведущая из нижних уровней пещер, к ходу-“трещине” – ответвлению соединительного коридора между древнерусской часовней с погребениями и кельеи Антония Печерского. Вертикальное сечение галереи по линии ACD. Усл. обозн. см. на рис. 4.

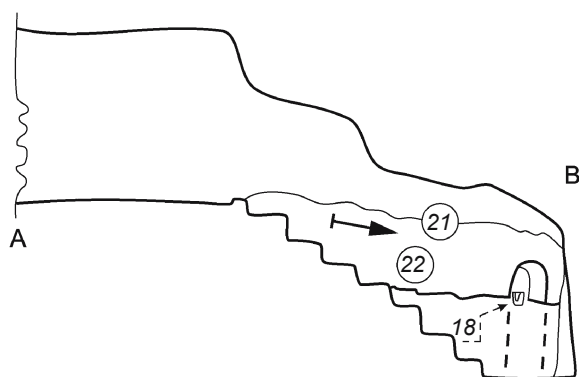

Рис. 7. Схема участка раскопок в 1970–1971 гг. Вертикальное сечение по линии АВ. Усл. обозн. см. на рис. 4. Сплошной стрелкой указано место обнаружения кирки XIV–XVII вв.

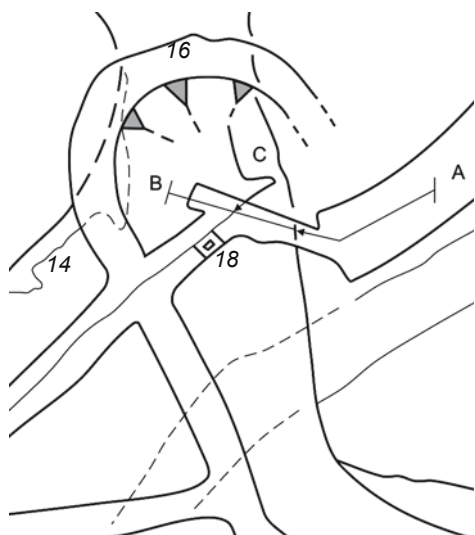

Рис. 8. Схема участка раскопок в 1970–1971 гг. Усл. обозн. см. на рис. 4. Сплошной стрелкой указано место находки кирки XIV–XVII вв.

помещения самого нижнего яруса пещер. Перекопанный и отброшенный еще в древности в эту галерею грунт проседал, заполняя пустоты. Неоднократный подъем грунтовых вод ослабил породу; из стен вываливались мощные глыбы-монолиты.

Повышенная влажность и прямое попадание водных потоков затягивали засыпку все глубже, делая ее все плотнее. Под сводами галерей кое-где оставалась часть пустого пространства. Здесь можно было передвигаться только ползком: копать “пушистый” грунт было довольно легко, но это приходилось делать лежа. Данный участок Ильинских пещер был прозван волчьими норами, поскольку в засыпке попадались клочья какой-то сбившейся шерсти – видимо, остатки сваленных войлочных изделий (таковые имелись в многочисленных монашеских погребениях на нижнем ярусе Ильинских пещер [Новік, 2000, с. 22–24]). Весь исследованный в 1970–1972 гг. участок находился “на ярус ниже”, чем самый нижний ярус (см. рис. 7, 8). Выемка земли была затруднена из-за тесноты. Здесь было обнаружено погребение новорожденного младенца в небольшом деревянном ящичке – гробике (см. рис. 4, 18; 6, 18; 7, 18; 8, 18). В длинной галерее, ведущей к самым глубоким коридорам, зафиксировано погребение пятилетнего ребенка (см. рис. 4, 19).

В настоящее время известна серия детских погребений в нижнем ярусе Ильинских пещер. Среди останков, позволяющих сделать половозрастные определения, отмечены костяки мальчиков [Там же, с. 22–24; Семенюк, 2000, с. 20]. Думается, смертельно больных детей, на выздоровление которых надежды не было, просто постригали в мантию: либо в малую схиму, либо в “полный ангельский образ”. Допустимо было и пострижение девочек с их последующим погребением в монастырских пеще-

рах. До 1499 г. даже знаменитая Введенская Оптина пустынь являлась совмещенным монастырем: здесь находились и монахи, и монахини [Христианство, 1994, т. 2, с. 245]. Возможно, этим “совмещенным статусом” Черниговского пещерного монастыря обусловлено присутствие среди материалов раскопок в Ильинских пещерах, хотя и малочисленных, “женских” украшений. Обломок стеклянного браслета обнаружен и в пещерном кимитирии (раскопки 1995 г.). Его наличие может объясняться и иначе: во времена высокого средневековья (XI–XIII вв.) “женские” вещи могли носить мужчины; в разные времена были свои представления о гендерных стилях, и наше мнение о соответствии конкретной одежды, аксессуаров определенному полу может не совпадать с мнением тех, кто жил 800 лет назад. “Женские” вещи могли быть маркерами, служить для обозначения имени погребенного (подобное отмечено в средневековых иноческих погребениях в Крыму [Шевченко, Харитонов, 2002, с. 249–256; Шевченко, 2002б, с. 325–334]. Они могли быть и “носителями имени” – по таким вещам опознавались костные останки инока, погребение которого через год либо через три после физической смерти и “первичного предания земле” вскрывалось для перемещения части праха (черепа и иногда вместе с ним длинных костей рук и ног) в храмовую монашескую усыпальницу (кимитирий).

Под найденными галереями, расположенными ниже нижнего яруса, вероятно, имеются и другие полости, поскольку первый поворот вправо (на север) в открывшейся системе уходил по спирали вниз, как винтовая лестница. В правой стене этого хода, ведущего вниз, отмечены круглые отверстия диаметром 5–7 см. Два отверстия, дно которых не прощупывалось на глубине 1,85 м (см. рис. 4, 16; 8, 16), уходили вниз под углом в 45°, до третьего дотянуться не удалось. Мне представляется, что эти отверстия были проделаны из купольного свода очень небольшой каплицы-ротонды, расположенной еще ниже, чем нижний ярус с галереями, которые сегодня считаются самыми глубокими. К данной предполагаемой часовне и могла вести эта спирально опускавшаяся галерея.

Еще одна, идущая прямо в новооткрытой системе, галерея, резко поднимаясь вверх, выводила к помещению (см. рис. 4, 17; 6, 17)*, расположенному гораздо выше и глубинных галерей, и всего нижнего яруса. Как выяснилось в ходе раскопок в 1992 г., именно к

этому помещению вел сужающийся ход-трещина*. Трещина шла из галереи верхнего яруса, идущей от древнерусской часовни с погребениями (см. рис. 4, 9; 9, 10), к келье Антония Печерского (см. рис. 4, 11). Куда-то на эти участки пещер должны были выводить галереи, идущие от иных входов с поверхности, в т.ч. того, где была обнаружена келья Иова (см. рис. 3, 9, 17).

С середины XII в. наблюдается новый этап в использовании пещерной кельи Иова с прилегающими галереями. В этой подземной келье, прямо на намытых водой делювиальных отложениях, отмечено до 15 хаотически расположенных человеческих костяков, которые были засыпаны мягкой, разрыхленной корнями деревьев (свисавшими здесь же в пещере) землей, осыпавшейся со свода. Земля скапливалась постепенно, по мере разрастания корневой системы растений (определено Т.Г. Новик). Под стенами пещерного помещения на уровне прочерченного на стене креста находилось 12 черепов [Новик, 1999, с. 9; Семенюк, 2000, с. 20]; один принадлежал мальчику 10–12 лет. По мнению В.Я. Руденка, ребенок погиб при обвале [1999, с. 13], но я считаю, что причина его смерти была иной. Обвал зафиксировал бы все на своих местах; при осыпании голова не могла быть отделена от туловища. Кстати, если бы ребенок задохнулся под осыпавшейся землей, то его тело находилось бы в специфической позе. Отделенный от костяка, но неповрежденный череп – свидетельство посмертного отчленения костей головы от остальной части скелета (после разложения мягких тканей). Речь в данном случае может идти о проявлении обряда, сопровождавшего создание подземного кимитирия. Так переносились части останков в монашеских коллективных погребениях. Согласно скитским правилам, во время подобных погребальных обрядов черепа обязательно обособлялись от прочих останков.

Проводившая раскопки Т.Г. Новик отмечает, “что черепа были расположены в основном под стенками кельи, как будто скатившиеся. Можно предположить, что эти мощи буквально засыпали через вход в костницу, а не влагали” [1999, с. 9–10]. В данном случае получила отражение тщательность соблюдения обряда, а не поспешность или торопливость, поскольку обрядовые нормы в монастырском мире средневековья отступлений не допускали в силу своей каноничности. Черепа размещались под стеной всегда в храмовом помещении. Прочие останки оставались на месте первичного погребения. Иногда перемещали все костные останки, при этом черепа несколько обособляли (как в данном случае). В раскопанном

* Свои зарисовки, сделанные в 1970–1971 гг., я передал в 1993 г. В.Я. Руденку, поэтому здесь пользуюсь “Полевым дневником” 1987 г., увы, уже покойной Татьяны Владимировны Бухариной, старшего научного сотрудника Черниговского государственного архитектурно-исторического заповедника (тогда назывался “Чернигов древний”), которая срисовала мои схемы для себя во время работы на раскопках в пещерах.

* Этот элемент планиметрии пещер отчетливо показан на опубликованной В.Я. Руденком [1992] схеме пещер (см. рис. 4, 17, D).

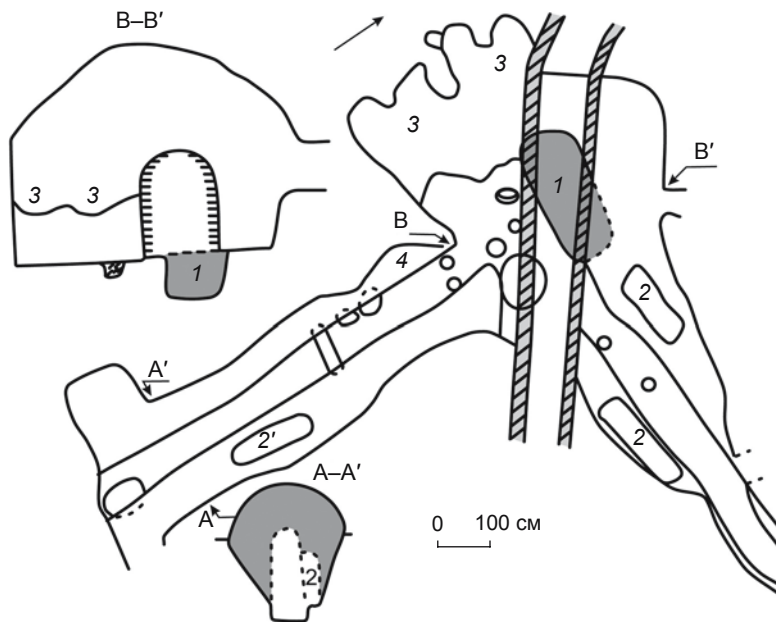

Рис. 9. Схема участка Антониевых пещер с раскопанной В.Я. Руденком в 1987–1992 гг. древнерусской часовней с погребениями.

1 – центральное погребение с деревянным каркасом, остатками плинфовой обкладки, обломками плит из сланца-пиррофиллита и фрагментарными останками трех погребенных; 2, 2' – погребения в нишах-аркасолиях; 3 – погребения в локулах; 4 – основание ниши-аркасолия. А, А' – сечение А-А'; В, В' – сечение В-В'.

Рис. 10. Вид на вход в древнерусскую подземную часовню (9) перед основанием ниши-аркасолия (14) в западной стене галереи, где было расположено погребение. Фото автора.

подземном кимитирии на месте кельи Иова обособленность черепов (которые положены отдельно под стенами) моделирована в том объеме костницы, в котором находились и прочие останки (мощи): помещение было сакрализовано и превращено в погребальную часовню. Аналогичное сочетание всех останков в одном храмовом объеме погребальной часовни (или погребального пещерного храма) отмечено в кимитириях Мангупа (Крым) VIII–XI вв. [Могаричев, 1997, с. 61, 66, 281, рис. 221]. Так же обособлены черепа в общей погребальной пещере лавры Саввы Освященного V–VIII вв.: они покоятся там, где и прочие останки, в т.ч. мощи Иоанна Дамаскина (Мансура), особо почитаемого и наиболее известного своими мистическими трудами святого [Путеводитель..., 1886, с. 228, 241, 246–247]. Аналогично группируются мощи в греческих обителях Святой горы Афон: отобранные черепа находятся на каменных полках под стенами [Старец Силуан..., 1991].

Точно так же группируются останки в подземном кимитирии VI–VII вв. под церковью Воскрешения Праведного Лазаря в Козифском монастыре в верховьях Дзамасского ущелья на Кавказе: черепа отнесены ближе к стене, а длинные кости конечностей и пр. находятся на приступках-лежанках ближе к краю*.

* О костнице-“раке” под этим храмом см.: <http://www.urbnis-ruisi.ge/ru/qozifa.html>.

Основание этой обители по времени связано с деятельностью в данном регионе преподобных Отцов-Сирийцев (середина VI – начало VII в.). Аналогично были структурированы общие монашеские погребения в кимитириях древнейших обителей Ближнего Востока, например в усыпальнице в Синайском монастыре св. Екатерины [Dr. Evangelos Papaivannon, s.a., p. 37]. Такой же вид имел кимитирий в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, впервые обследованный в ходе археологических изысканий в 1937–1938 гг. (в костнице были оставлены только черепа) и повторно изученный в 1977–1979 гг. [Мовчан, 1994, с. 152–160].

Обращает на себя внимание то, что в часовне-кимитирии, в который превратилась келья Иова в Ильинском подземном монастыре в Чернигове, находилось 12 черепов [Новік, 1999, с. 9–10; Семенюк, 2000, с. 20]. Числу 12 соответствует количество сподвижников преп. Антония (он был 13-м) в начальный период его пещерничества в Киеве; было 12 Отцов-Сирийцев в Иверии (Грузия) (во главе с 13-м – преп. Иоанном), 12 сподвижников преп. Нила Сорского в его Пустыни, наконец, 12 апостолов Христа. Из 12 “преданных и верных” состояла минимальная община – ядро киновии, ее основная ячейка, объединявшая ближайших учеников и сподвижников самого предстоятеля. Сакрализация подземного объема кельи и превращение усыпальницы в храмовое по-

мешение были возможны лишь в случае, если келья принадлежала местнотимому святому или тому, кто к нему приравнялся в глазах монашеской общины, например игумену. Статусу предстоятеля соответствуют найденные в черниговской келье-костнице фрагменты сравнительно дорогих вещей: обломки венчика сосуда с двусторонней поливой (не исключено, что это белоглиняная византийская керамика с желтой и желто-зеленой поливой), дно стеклянного бокала из неокрашенного стекла с прямыми стенками и стеклянной наклепной полоской сиреневого цвета, фрагменты бутыли в виде колбы с вертикально рифлеными стенками и горлом, обломок круглого браслета из бесцветного стекла. Т.Г. Новик нашла многочисленные аналоги стеклянной бутыли и атрибутировала данную находку как ритуальный предмет [Новик, 1999, с. 10]. Судя по описанию и аналогам, это была редко встречающаяся в древнерусских городах палестинская евлогия типа “ампулы Монцы” из числа тех, которые сменили в христианском обиходе ранние фляжки Абу Мины, получившие распространение в VI–IX вв. В XI–XIII вв. подобные фляжки-“ампулы”, в т.ч. “ампулы Монцы” (они заменили языческие фляжки-“слезницы”), наполненные драгоценным миром, в монастыри и скиты своих родных земель привозили паломники из Египта и Палестины [Wacha, 1995, p. 251–303; Schettini, 1967]. В VI–IX вв. эти украшенные рельефными сюжетными изображениями или покрытые росписью сосуды [Покровский, 2000, с. 271, рис. 87–89] со временем унифицировались; из орнаментики на них сохранились только следы рифления на горле и стенках. Возможно, такое опрощение было обусловлено массовым производством евлогий, спрос на которые возрастал по мере увеличения потоков паломников после Первого крестового похода (1096 г.) и появления на карте Ближнего Востока Иерусалимского королевства.

“Ампулы”, тип которых представлен в коллекциях соборов в городах Боббио и Монца (Италия), иногда встречаются в Великом Новгороде. Они появились на рубеже XI–XII вв. [Беляев, 2000, с. 69, прим. 66; с. 206, 301]. “Ампулы” получили распространение во всем христианском мире до потери христианами Иерусалимского королевства в Святой земле. У них рифленые венчики и стенки. Такие сосуды (“колбы”) делали из бесцветного стекла. Фрагмент бутыли из такого же стекла обнаружен и в Чернигове. Таким образом, обломки палестинской евлогии в пещерном кимитирии Антониевых пещер у Ильинской церкви в Чернигове – это след паломничества в Святую землю одного из монахов Ильинского подземного монастыря (уж не самого ли игумена Даниила?).

Давно высказаны предположения о Данииле как об одном из черниговских игуменов. Анализ его

“Хождения” как отражения пещерножительства позволяет утверждать, что Даниил был игуменом одного из пещерных монастырей. Текст “Хождения” игумена Даниила важен не только сам по себе, как средство, воздействовавшее на общественное сознание населения всей Древней Руси, но и как зеркало уже установившихся в этом сознании реалий. В “Хождении” освещаются в основном пещерные памятники. Именно на них автор ориентировал взгляд будущих читателей. Акцентирование внимания на описании пещерных памятников свидетельствует о том, что “игумен земли Русской” следовал определенной психологической установке, и подтверждает предположение о его принадлежности к числу русских пещерников.

Время написания преп. Нестором Летописцем и епископом Силивестром “Повести временных лет”, с которым связана рассматриваемая пилигримация, соответствует времени жизни учеников преподобных Антония и Феодосия Печерских. В данный период на Руси интерес к пещерам был невероятно велик. В “Хождении” игумена Даниила, относящемся именно к этому хронологическому отрезку, описываются или упоминаются 32 пещерные святыни Иерусалима и Святой земли, причем некоторые неоднократно. На страницах “Хождения” игумена Даниила имеется 47 упоминаний о ближневосточных пещерных святынях [1980, с. 24–115]. По сути это описание “Пещерного Иерусалима”, увиденного глазами “игумена земли Русской”. Так мог писать только игумен пещерного монастыря [Шевченко, 2005, с. 66–71].

То, что игумен Даниил был из Чернигова, а не из какого-либо другого русского города, свидетельствует не только его сравнение р. Иордани с р. Снов близ Чернигова. В его поминальной записи, оставленной в Святой земле и воспроизведенной в “Хождении”, первым помянут великий князь Руси (государь всей страны) Святополк (великий князь всей Руси), что естественно для человека, именовавшего себя “игуменом земли Русской”. Следующим должно следовать имя непосредственного сюзерена – владельца княжеского домена, в котором живет и ведет службу Божию сам Даниил. На этом месте в поминальнике Палестинского монастыря – имя великого Черниговского князя Давида Святославича, что доказывает принадлежность Даниила к Черниговскому духовенству. Таким образом, на втором месте после великого князя Руси строй средневековых вассальных отношений требовал поминания поместного суверена – великого князя, чьим вассалом непосредственно был отец Даниила. Им являлся Давид Святославич Черниговский. Даниилом в его поминовении было вписано также крестильное имя сына великого Черниговского князя Давида Святославича – Панкратия (Святослава Давидовича) – будущего преп. Николы Святоши. Это имя (крестильное, а не светское) мог знать либо тот,

в чьем присутствии проходило крещение, либо тот, в чьем присутствии проводилась запись Святослава Давидовича – Панкратия “на помин о здравии”. Такой информацией мог располагать только человек из духовных и только из Чернигова.

Принесенная паломником из Святой земли “ампула”, как и следует реликвиям, попала к его преемнику (по игуменству?) – пещернику Иову. Преемник палестинского паломника, обладатель палестинской евлогии – “ампулы” с елеем из Святой земли – носил имя Иова, написанное рядом с кельей над погребальной локулой, подобные которой в изобилии имеются и в пещерах Киево-Печерской лавры. Позднее мощи Черниговского игумена (?) Иова, согласно иерусалимскому монашескому чину, как и подобает удостоившемуся брату, были перенесены в пещерный кимитирий (общую монашескую усыпальницу), созданный прямо в его же келье.

Игумены, к которым, возможно, относился Иов, в Ильинском подземном монастыре XI–XIII вв., несомненно, были. Яркое тому свидетельство – найденный на площадке террасы перед входом, ведущим к келье Иова, серебряный перстень со знаком трезубца на щитке [Семенюк, 2002, с. 15]. Подобный перстень из золота [Рыбаков, 1940, рис. на с. 237] был в составе клада XII в., скрытого напротив Ильинского монастыря в ур. Святом, которое еще в XVII в. являлось загородной резиденцией архимандрита и/или викарного епископа из соседнего Елецкого Богородичного Успенского монастыря. По сравнению с княжескими знаками Олега (Михаила) Святославича (конец XI – начало XII в.) на щитках драгоценных перстней из Болоховской земли в Южном Побужье [Якубовский, 1975, с. 102–193, рис. 17, 18] знак на перстне из Ильинского монастыря и из клада в ур. Святом несколько более поздний и принадлежал он не Ольговичам, а параллельной княжеской ветви – например, Давидовичам, активизировавшимся в борьбе за Великий Киевский стол непосредственно после середины XII в. Подобные перстни могли иметь игумены “княжых монастырей”, в которых светские властители выступали основателями или покровителями (ктиторами) обители. Дата “игуменского” перстня из Ильинского монастыря соответствует времени (вероятно, после 1169 г.) возобновления работ на участке пещер с кельей Иова, в ходе которых келья была превращена в костницу (кимитирий).

Трезубец, начертанный на черниговских “игуменских” перстнях, по стилю наиболее близок трезубцу, изображенному на костяном навершии посоха (игуменского?) XI–XII вв. из Ростиславля [Алексеев, 1974, с. 87, рис. 28]. Он мог символизировать и светскую, и духовную власть.

Трезубец, аналогичный запечатленному на серебряниках св. Владимира, украшает плиту XI в. из пи-

рофиллитового сланца (овручский “шифер”) во Владимировском алтаре Софии Киевской. Как алтарное изображение он не связан с земной властью и является только символом сил горних. Абсолютно идентичен ему т.н. якорь Спасения; он изображен в мозаичном оконном витраже церкви Рождества Христова в Вифлееме, построенной еще равноапостольной августой Еленой и восстановленной в эпоху крестовых походов на рубеже XI–XII вв. И на алтаре Софии Киевской, и в витражах Рождественского храма в Вифлееме показан трезубец с опущенными вниз зубцами, символизирующий эманацию Троица Божества в наш дольний мир. Возобновление использования такой “тринитарной” символики в землях Палестины во время первого крестового похода (конец XI в.) могло инициировать активизацию ее применения в Древней Руси, где она распространялась “княжьими игуменами” (обозначая принадлежность к конкретному суверену) и паломниками, подобными игумену Даниилу. С этим могло быть связано появление подвесок с такой эмблемой [Рыбаков, 1940, с. 233; Новік, 2002, с. 141–142], функционально равнозначных нателным крестам или христианским иконкам, которые служили символами крещения (или оглашения). Трезубец на перстне был знаком овеществления небесной власти на земле в виде власти иерархов – игуменов, архимандритов, епископов – государственной Церкви в рамках того или иного великого княжества: такое “княжеское” подразделение Церкви соответствовало епархиальному делению. По статусу подобный “знаковый” перстень в более широком контексте точно соответствовал трезубцам на древнейших русских монетах – серебряниках Владимира. Это был знак божественности княжеской власти (после крещения), Церковью освящаемой. Обладание властью светской (княжеский знак на щитке перстня) и духовной (сам вид этого знака) характеризовало носителя “игуменского перстня”.

С паломничеством, которое открыла эра крестовых походов, следует связывать и специфическую подпрямоугольную планировку, характерную для ряда христианских пещерных памятников средневековой Руси и прилегающих регионов Восточной Европы. Именно так спланированы помещения в нижнем ярусе (восточная часть подземелий) Ильинских пещер в Чернигове (см. рис. 3, 12–15; 5). Их прототипом являлись активно посещавшиеся паломниками подземные святыни Иерусалимской округи – Гробницы Синедры, или Гробницы Судей, археологические исследования которых проводились с 1850 г. Фелисиеном де Сольси. Они имеют прямоугольную планировку и представляют собой систему четырехугольных подземных камер, соединенных подземными галереями. В камерах с нишами-лежанками находятся погребения I в. н.э. царицы г. Адиабены

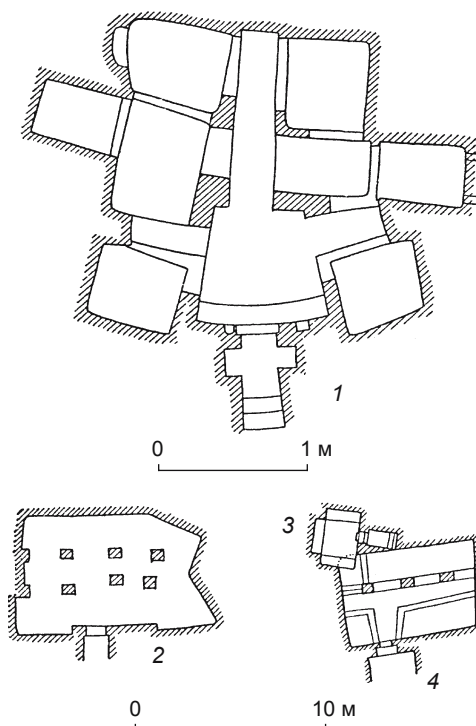

Рис. 11. План херсонесских склепов IV–VI вв. (по: [Якобсон, 1959]).
1 – склеп № 2814 у башни Зинова; 2 – склеп № 1663;
3, 4 – склепы № 2052, № 2053.

(Месопотамия) Елены и членов ее семьи; на саркофаге в нише-лежанке имеются надписи: Царица Цада и Царица Адиабены [Jirku, 1957, р. 156–157]. Этот объект, являвшийся местом постоянного паломничества еще во время путешествия римлянки Этерии (конец IV в.), оставался таковым при становлении Иерусалимского королевства. Он и ему подобные подземные святыни были прототипами пещерных сооружений в разных регионах христианского мира. По “типовому проекту” Гробниц Синедры или другого аналогичного ближневосточного комплекса спланированы крупные крымские склепы Херсонеса IV–VI вв. (склеп № 2814, у башни Зинова), ставшие уже в раннем средневековье подземными храмами (рис. 11, 1) [Якобсон, 1959, с. 254, рис. 132]. На том же планировочном модуле основана вся планиметрия нижнего яруса Ильинских пещер в Чернигове (см. рис. 5). Здесь примерно в середине XII в. в ходе оборудования пещер нижнего яруса середины XII столетия была смоделирована даже ниша над погребальной монашеской криптой в северо-восточной стене помещения, которое могло бы быть алтарем храма. Эта ниша-полка является не престолом храма, как подобные ниши-полки в пещерных святынях Ближнего Востока, а его имитацией: в ней отсутствует углубление – место для размещения закладных мощей, имевшихся в других раннесредневековых престолах, например, в углубле-

Рис. 12. Престол с выемкой для ларца-реликвария в алтаре пещерного храма у местечка Мотолла около г. Бари (Италия). Фото С.В. Харитонов, 2002 г.

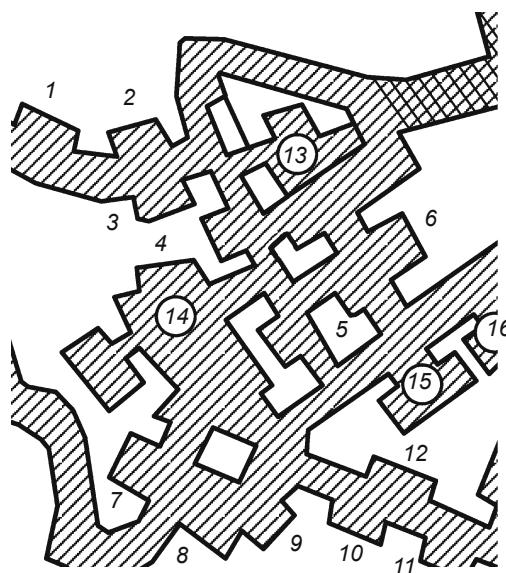

Рис. 13. Схема участка Дальних пещер Киево-Печерской лавры, примыкающего к погребению св. Евфросинии Полоцкой [Хведченя, 2001, с. 180–183] (нумерация автора).

1–12 – ниши-аркасоли: 1 – Евфросиния (Предислава), княжна Полоцкая; 2 – Агафон Чудотворец; 3 – Пимен Постник; 4 – Павел Послушливый; 5 – Геронтий, канонарх; 6 – Лонгин, вратарь Печерский; 7 – Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий; 8 – Захарий Постник; 9 – Меркурий Постник; 10 – Нестор Некнижный чудотворец; 11 – Ахилла, диакон; 12 – Паисий, инок; 13 – подземная церковь Рождества Христова (алтарь); 14 – подземная церковь преп. Феодосия Печерского; 15 – крипта мироточивых глав; 16 – келья преп. Феодосия Печерского.

нии престола пещерного храма св. Варвары в Гереме (Каппадокия, Турция) или в углублении-реликварии, устроенном в престоле пещерного храма (рис. 12) у местечка Мотолла возле г. Бари на Аппенинском полуострове (Италия). Подобные престола в пещерных

храмах Мотоллы, которые датируются IX–XII вв., вероятно, использовались в начальные периоды существования этих подземных комплексов наряду с переносными престолами, утвержденными энцикликой римских понтификов в начале VIII в. Однако практика использования Церковью (Восточной) древнего типа престолов (примыкающих к стене) документирована еще в IX в.: изображение Христа-Пантократора, аналогичное изображению над престолом пещерного храма Мотоллы, над подобным же, примыкающим к стене престолом в подземной крипте св. Цецилии в Римских катакомбах св. Каллиста, было выполнено византийскими иконописцами в IX в. [June, 1999, p. 24–25, fig].

Прямоугольную планировку, характерную для нижнего яруса Ильинских пещер в Чернигове (см. рис. 5), имеют Дальние пещеры Киево-Печерского монастыря на участке, где упокоены мощи княжны Евфросинии Полоцкой (рис. 13, 1), перенесенные из Иерусалима в 70-е гг. XII в. До переноса в киевские пещеры мощи Полоцкой княжны-инокини покоились в Иерусалиме, где она скончалась в лавре св. Феодосия Великого. Не исключено, что данный участок Дальних пещер Киевской лавры несет отпечаток планировки этого пещерного иерусалимского комплекса. По планировке пещерный кимитирий под центральным храмом Феодосиевской лавры в Иерусалиме имеет сходство с пещерами Рождества Христова под южными нефами Вифлеемского храма [Беляев, 2000, рис. на с. 51], которые повторяют планировочные особенности склепа, прозванного Гробницами Синедры.

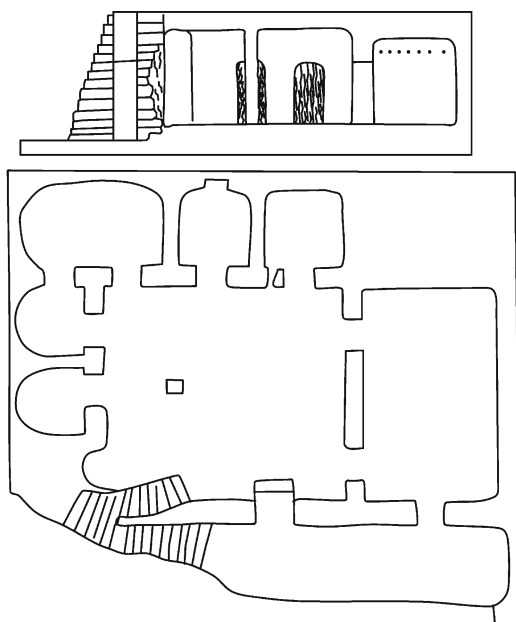

Рис. 14. План пещерных помещений в Барабан-Коба – монастыре на оконечности Тешик-Буран Мангула (по: [Могаричев, 1997, с. 279, 296]).

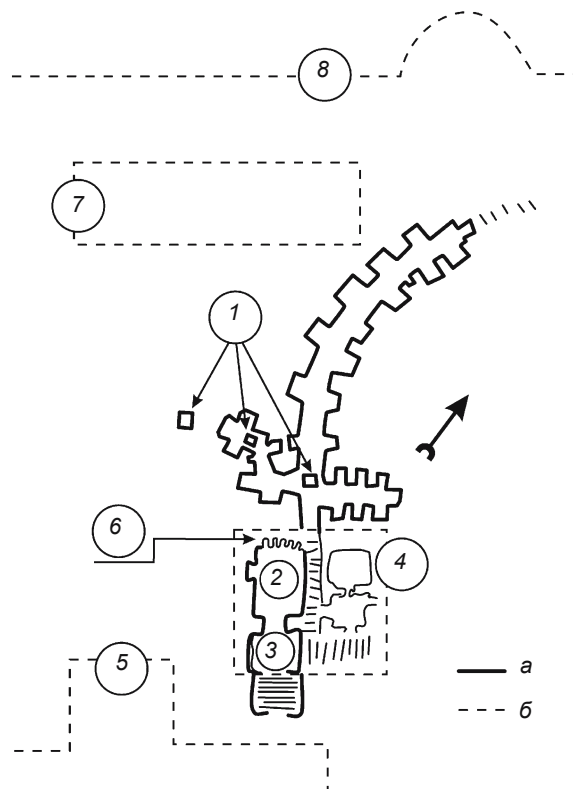

Рис. 15. Схема пещерного участка (подземная галерея с объемными нишами у подземного храма) Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря. Выполнена Ю.А. Кармановым.

а – древняя кладка (до 1672 г.); б – наземные постройки конца XVII – начала XVIII в.;

1 – выходы-“колодцы” – отдушины каналов-воздуховодов из пещер; 2 – наос подземного храма; 3 – алтарь подземного храма; 4 – корпус “на погребках”; 5 – корпус настоятеля (1657–1672 гг.); 6 – западная стена подземного храма с многочисленными нишами для мироточивых глав – черепов иноков; 7 – братский келейный корпус начала XIX в.; 8 – западное прясло монастырской крепостной стены.

По этой же схеме выполнены и многие другие гробницы, в т.ч. находящаяся на крупнейшем античном некрополе Кедронской долины под Иерусалимом, в которых в V–VI вв. функционировал христианский Онуфриев скит. Здесь, в подземных гробницах, разместились кельи, входы в которые, прорубленные из единого подземного помещения, на рубеже эр были погребальными камерами. Раннесредневековые иноки обитали в древних склепах до своей физической кончины и оставались в них после нее до тех пор, пока не находился преемник по подземному жилью; тогда останки бывшего насельника перемещались из кельи, опять ставшей склепом, в персональный аркасолий (если были нетленными) или занимали место в коллективной скитской усыпальнице – кимитирии.

По такой схеме построены раннесредневековые пещерные скиты в Крыму: из одного общего поме-

Рис. 16. Схема пещер Елецкого монастыря, выходящих в монастырский сад на южный склон террасы (I), разрез участков АВ (II) и CD (III). По зарисовке А.С. Саранчова, начало 20-х гг. XX в. (из архива автора).

1 – кромка стен юго-западного угла Успенского собора Елецкого монастыря (пристройка церкви Иакова – усыпальница Якова Лизогуба, 1698 г.); 2 – внутренняя часовня Похвалы Богородицы в древнем объеме (притворе) Успенского собора XI–XII вв.; 3 – двухъярусная подземная часовня под “покоем настоятеля” в Петропавловской “зимней” церкви с выложенным кирпичом киотом в восточной стене; 4 – помещение с отопительным кубом калорифера; 5 – контуры стен Петропавловской “зимней” церкви 1676–1678 гг.; 6 – южное входное помещение с крестообразной углубленной нишей в восточной стене; 7 – подземная часовня с кирпичным “киотом” для особо чтимой иконы и нишами-аркасолиями в северной и южной стенах; 8 – крупная подземная камера с нишами-аркасолиями в северной и южной стенах; 9 – юго-западное входное помещение, в 1910 г. было кельей странноприимного дома Елецкого монастыря (проем в восточной стене на лестницу, ведущую под землю, закрывала икона Георгия Победоносца); 10 – кирпичная фигурная ниша-киот для особо чтимой иконы; 11 – подземная камера верхнего яруса; 12 – отопительный куб калорифера; 13 – подземные галереи, по которым проложены отопительные трубы в подпол Петропавловской церкви; 14 – стыковка подземного коридора с кладкой фундамента “зимней” (теплой) церкви Петра и Павла; 15 – ниши-кельи; 16 – арки проемов в стенах пещерного коридора, ведущие в локулы, не обложенные кирпичом; 17 – ниши-аркасолии; 18 – опорные стены на террасах склона Елецкой горы и выходящая на поверхность кирпичная кладка XVII в.; 19 – обвалившаяся часть свода в подземном коридоре перед входом в пещерную часовню; 20 – ниши для икон и светильников (ламп); 21 – вентиляционные каналы-шахты, выходящие на поверхность; 22 – места обвала в подземных галереях.

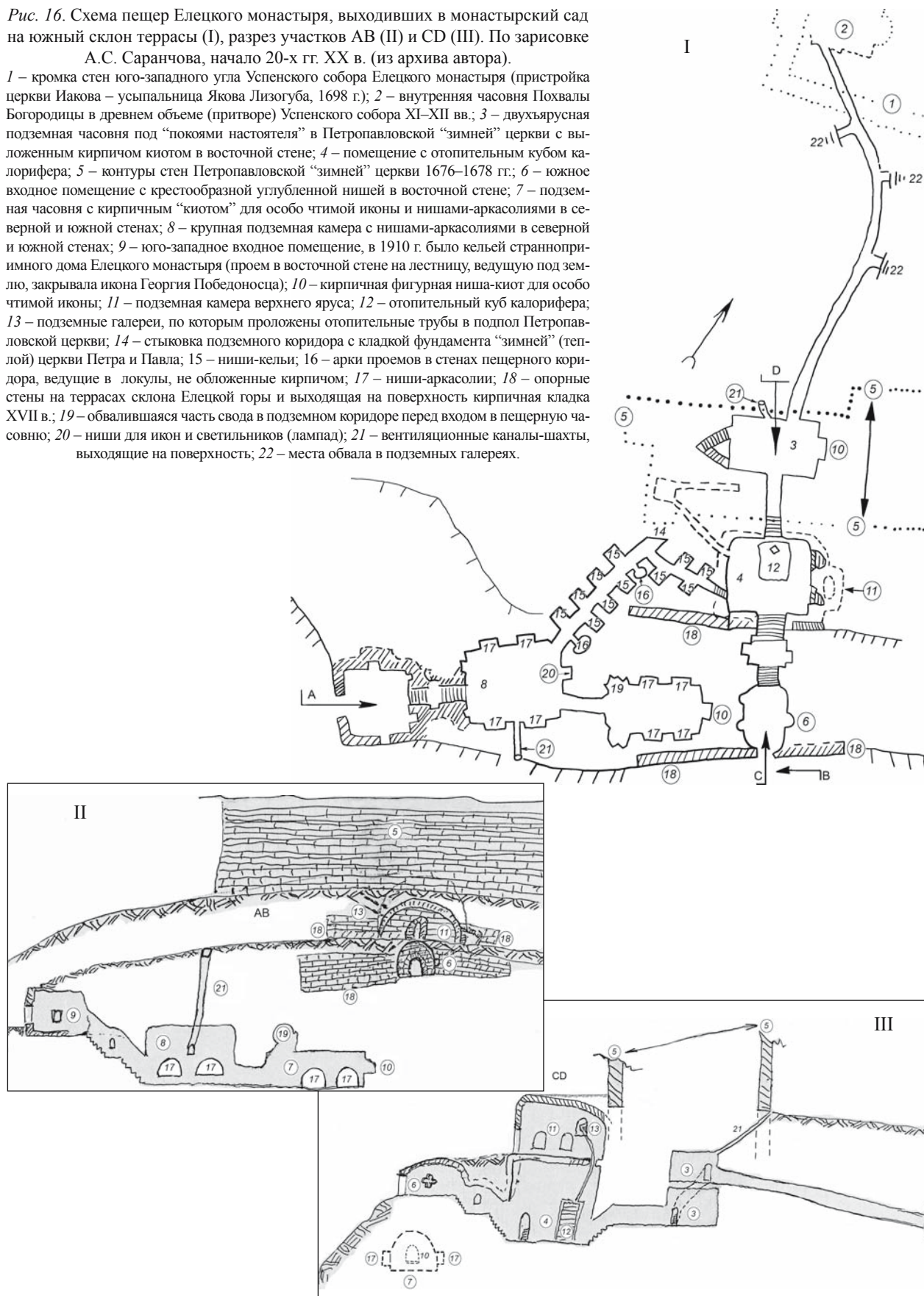

Рис. 17. Мыс террасы над поймой, в толще которого расположены пещеры Холковского подземного Свято-Троицкого скита. Над вершиной холма видны купола позднего наземного храма, расположенного над пещерными галереями и помещениями подземного скита.
Фото И.А. Агапова.

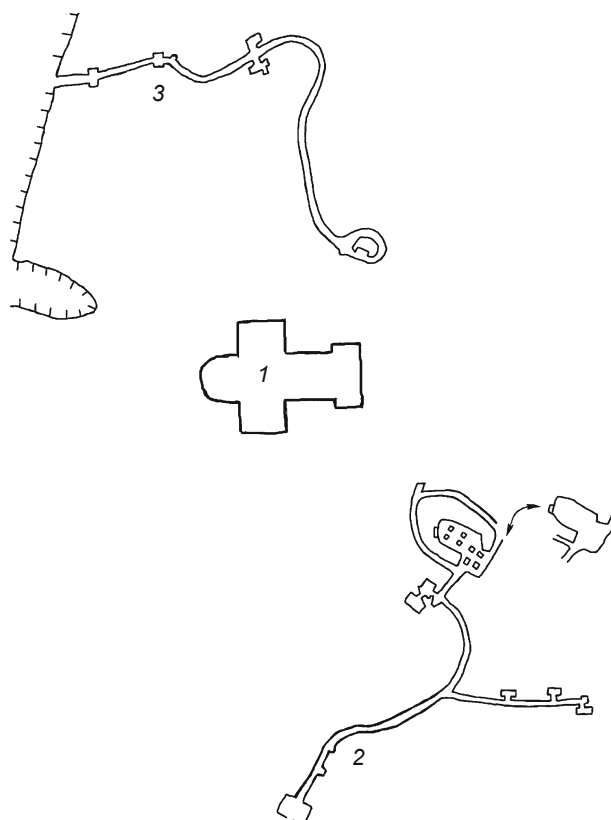

Рис. 18. Схема пещер Холковского подземного монастыря (по монастырскому плану послушника Н. Некрасова, срисованному в 2004 г. аспирантом Воронежского госуниверситета В.В. Степкиным [2004, с. 140–141, рис. 1, 2]).
1 – наземный храм; 2 – пещерный комплекс на аксонометрической проекции (по: [Плужников, 1985]); 3 – пещера, созданная Никитой Бычковым (1890–1920 гг.).

щения сделаны входы в келейные комнаты и часовни. Так спланирован комплекс пещерного скита Барабан-Коба на Мангупе (рис. 14) [Могаричев, 1997, с. 278, рис. 217], датированный по предметам, характерным для подобных пещерных структур, IX–XI вв. [Шевченко, Харитонов, 2002, с. 249–256; Шевченко, 2002б, с. 325–334].

Повторно принципы подобной планировки сгруппированных в келейный корпус жилых помещений были принесены в Восточную Европу исихастской волной XIV–XV вв. Они получили воплощение в организации келий пещерных скитов в виде расположенных рядом друг с другом крупногабаритных ниш, напоминающих обширные погребальные ниши-аркасолии. Данная планиметрия воплощена в Новом скальном монастыре в Бутученах (Молдова), относящемся к XV в. [Грек, Подруцкая, Чувакина, 2002, с. 170, рис. 6]. Такие же крупногабаритные ниши-кели имеют в подземных братских корпусах XVII в. (в галерее под Верхней крепостной стеной Киево-Печерской лавры), а также в подземном коридоре возле храма Софии Киевской [Толочко, 1971, с. 19, 35–40], в пещерном коридоре у подземного храма в Спасо-Преображенском монастыре Новгорода-Северского (рис. 15)*; аналогичные крупногабаритные ниши имеются в пещерах Елецкого монастыря в Чернигове (рис. 16, 15).

В первой половине синодального периода в истории Русской Церкви (XVIII в.) эти подземные келейные корпуса Елецкого монастыря оказались в запустении и были восстановлены уже в качестве монастырских погребов и подвалов в XIX в. Галерея с нишами-келиями в Новгороде-Северском примыкает к подземному храму, западная стена которого представляет собой т.н. кимитирий черепов (см. рис. 15, 8), выполненный по типу такого же кимитирия мироточивых глав в Гнилецком пещерном монастыре Киева. Ниши для мироточивых глав ориентированы прямо на алтарь Новгород-Северского подземного храма (см. рис. 15, 3). На алтарь пещерной Рождественской церкви сориентирована “крипта мироточивых глав” (см. рис. 13, 13, 15) и в Дальних пещерах Киево-Печерского монастыря.

Прямоугольная планировка нижнего яруса Ильинских пещер в Чернигове, аналогичная планировке подземных памятников Иерусалима и участков пещер Киево-Печерской лавры, где были оборудованы места

* Выражаю благодарность Юрию Карманову – секретарю наместника Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском, научному сотруднику Института археологии Национальной Академии наук Украины, автору натурных исследований в Новгороде-Северском, за любезно предоставленный материал и точно выполненный рисунок.

для мощей Евфросинии Полоцкой в Дальних пещерах Киевской лавры (вероятно, этим занимались ее иерусалимские сопровождающие) [Муравьев, 1990, с. 31–32], абсолютно не сходна с вышеупомянутыми позднесредневековыми планиметрическими схемами келейных корпусов, в которых кельями являются крупногабаритные ниши. Но по планировке нижний ярус пещерного монастыря у Ильинской церкви в Чернигове (см. рис. 5) и упомянутый участок Дальних пещер Киевской лавры (см. рис. 13) имеют сходство с раннесредневековыми подземными склепами Херсонеса (см. рис. 11, 1), буквально скопированными с иерусалимских погребальных пещер Гробниц Синедры. Сходство с большими склепами Херсонеса имеет и палестинский подземный храм “Темница Христа”. Три входа в подземное пространство, ставшее алтарем этого храма, соответствуют иерейскому, дьяконовскому и пономарскому выходам; они отвечают каноническим требованиям особого Святогробского чина, принятого Русской Православной Церковью только в XIV в. при митрополите Киприане под именем “Иерусалимского устава”. Колонны и спланированные под прямым углом переходы в алтарной части храма “Темница Христа” отражают ту же стереометрию, что и пещерные храмы-склепы Херсонеса.

Этой планировочной системе соответствуют и многие пещерные комплексы Подонья, сопряженные с наземными памятниками VIII–X вв. (поселения и городища салтовской культуры) и с городищем XI–XII вв. Для VIII–X вв. примером связи наземного жилого комплекса с подземным монастырем служит Маяцкое городище и пещеры Больших Див [Шевченко, 2004б, с. 196–201]; эта связь была установлена еще А.А. Спицыным [1909, с. 70–76]. Для в XI–XII вв. таковым является подземный Свято-Троицкий скит у с. Холок (Новооскольский р-н Белгородской обл.), называемый ныне Царев-Николаевским Свято-Троицким монастырем [Степкин, 2004, с. 139–142]. При входе в подземный коридор Холокского скита устроена наземная церковка; она расположена у отлогого склона меловой террасы поймы правого берега р. Оскол около городища древнерусского времени (рис. 17). Древняя часть пещерных сооружений вырублена внутри этой возвышенности, которую венчает поздний наземный храм (рис. 18, 1). Судя по аксонометрическому плану подземного монастыря (рис. 19), “келейный корпус” находился в боковой галерее и включал три “малых” подземных жилища (рис. 19, 3). Отдельная, более просторная (“двухместная”) келья (рис. 19, 2) расположена в непосредственной близости от Свято-Троицкого подземного храма (рис. 19, 1). Обитель была небольшим скитом, рассчитанным на трех – пятерых рясофорных монахов (“келейный корпус”) и настоятеля с келейником (келья возле пещерного храма предназначена для двоих).

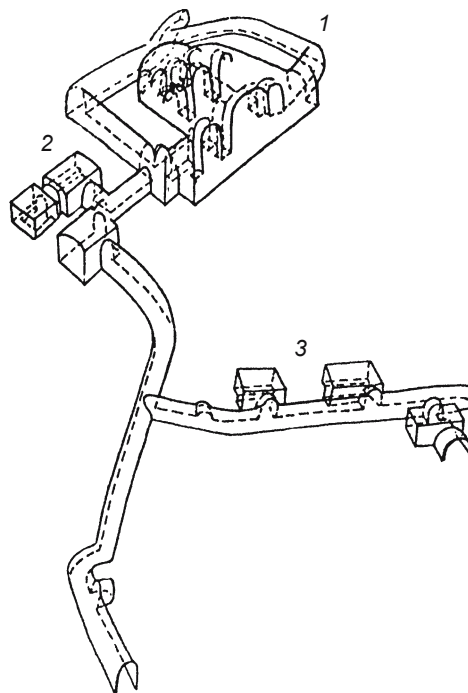

Рис. 19. Аксонометрическая проекция древнего Троицкого пещерного скита у с. Холок (по: [Плужников, 1985]).

1 – пещерный Свято-Троицкий храм; 2 – келья настоятеля и келейника; 3 – кельи пещерного “братского корпуса”.

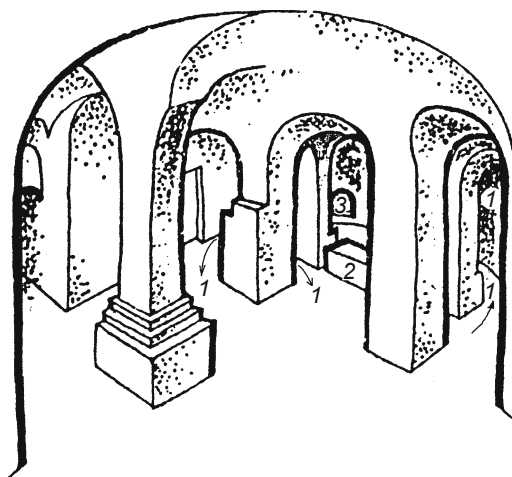

Рис. 20. Аксонометрическая проекция древнего Троицкого пещерного храма (по: [Плужников, 1985]).

1 – обводная галерея для совершения литургии вокруг престола по чину Василия Великого; 2 – престол храма; 3 – ниша жертвенника.

В помещении подземной Свято-Троицкой церкви (рис. 20) имеются опорные меловые столпы-останцы, между которыми находится алтарная преграда иконостаса. То, что пространство храма открывается в поперечный, а не в продольный неф, свидетельствует о создании храма из участков галерей,

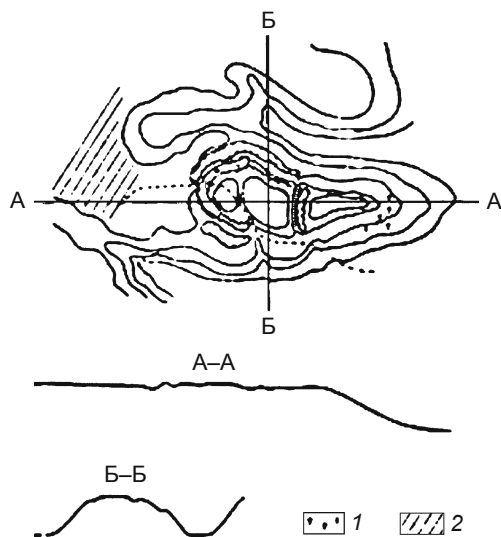

Рис. 21. План городища XI–XII вв. у с. Холок (по: [Плетнева, 1964, с. 22–24]).

1 – граница территории могильника XI–XII вв. на площадке городища; 2 – пашня (место расположения селища салтовской культуры VIII–X вв.).

смыкающихся под прямым углом. Подобный “прямоугольный стиль” планиметрии характерен и для других пещерных комплексов Подонья (Гороховская и Калачеевская пещеры, восточный сектор Белогорских пещер с Цветной комнатой* [Степкин, 2004, с. 93, рис. 27; с. 106, рис. 38; с. 120, рис. 49]). Этот стиль прямоугольной планировки близок планиметрическому решению нижнего яруса Ильинских пещер в Чернигове. Но в с. Холок, скорее всего, был скопирован более ранний комплекс подобной подземной церкви. Аналогично построены подземный храм не столь уж далекой Калачеевской пещеры** и шестистолпные подземные храмы в Больших и Малых Дивах [Плужников, 1985; Степкин, 2004, с. 55–62, 87–96, 104–111]. С использованием многочисленных колонн-останцев в эпоху средневековья строились пещерные храмы далекого Аксума (Эфиопия) [Bidder, 1958, p. 111–115, fig. 21].

В центральной нише апсиды Троицкого пещерного храма устроено горнее место с возвышающимся

* В восточной (алтарной) стене Цветной комнаты устроена ниша, выполнявшая функции престола. Ниша обрамлена двумя полуколоннами, которые увенчаны капителями, сохранившимися лишь частично. Точно так же организованы алтарное пространство и престол подземного иерусалимского храма “Темница Христова”.

** Подпрямоугольная планиметрия Калачеевской пещеры продиктована и условиями геологического залегания галерей; их проходка шла с использованием субвертикальных трещин, что “определило характерное направление при прокладке ходов и углы их пересечения” [Степкин, 2004, с. 176].

престолом (см. рис. 20, 2)*, примыкающим к внутренней поверхности апсиды, как в древнейших храмах [Струков, 1872, 1876, 1882], построенных задолго до середины IX в. [Шевченко, 2004б, с. 196–201], а справа над горним местом расположена ниша жертвенника (см. рис. 20, 3). Особенностью пещерного храма в с. Холок является обводная галерея (см. рис. 20, 1), созданная для литургических надобностей – совершения службы вокруг престола по чину Василия Великого. Такие обводные галереи имеются в криптах Константинополя V–VII вв. [Беляев, 2000, с. 10, 185 (прим. 30), 238 (прим. 52), 258, 291, 297 (прим. 17), 308 (прим. 80), 472 (прим. 17)]. Прямо под амфитеатром синтрона находится обводная галерея, окружающая престол в базилике св. Николая Мирликийского VIII в. (г. Мирах в Малой Азии). Опираясь на аналоги, можно считать, что оборудование пещерного храма в с. Холок происходило не позднее VIII – начала IX в.

Соотнесение планиграфии Маяцкого городища и христианского монастыря, в т.ч. его подземной части (пещеры Больших Див), сделанное А.А. Спицыным, открывает перспективу для еще одного соотнесения. Оно касается пещерного комплекса у с. Холок более раннего времени, чем городище на поверхности, но продолжавшего существовать в эпоху высокого средневековья (XI–XII вв.), когда над ним, на поверхности, появилось укрепление. Данный памятник С.А. Плетнева связывает с местным населением – потомками носителей салтовской культуры [1964, с. 24–33]. Размеры этого городища XI–XII вв., раскинувшегося на возвышении мыса, в толще которого высечены пещеры, с точки зрения С.А. Плетневой, чрезвычайно малы для укрепленного населенного пункта. Тем не менее могильник находится внутри крепостных укреплений на “жилой” поверхности городища (рис. 21), что, по мнению С.А. Плетневой, очень необычно для городищ. Отметим, что погосты часто размещались вблизи храмов, которые располагались внутри мо-

* Без специального осмотра невозможно определить точный литургический статус этого канонического архитектурного элемента. Он очень напоминает лежанки, которые со временем (когда объем кельи увеличивали, превращая ее в храм) становились престолами подземных церквей. Например, престолом тезоименного подземного храма стала лежанка в пещерной келье Антония Великого (Египетского); лежанка апостола стала престолом подземной церкви в пещере Иоанна Богослова на о-ве Патмос. Не исключено, что возвышение в нише алтарной апсиды Холковского пещерного храма изначально также было лежанкой в небольшой келье, со временем ее расширили и превратили в алтарь подземной церкви. Сохранившаяся в раннесредневековом храме лежанка-лавица (если она принадлежала основателю подземного скита, бывшего при жизни предстоятелем) могла выполнять функции престола.

настырских укреплений. Погребения, сгруппированные на восточном мысу городища, ориентированы по оси восток – запад; останки захоронены по всем правилам христианского погребального обряда. Если будет установлено, что обнаруженный в одном из погребений на городище у с. Холок синий витой стеклянный браслет сделан из т.н. кобальтового стекла, то памятник может быть отнесен не к XI–XII вв., как предполагает С.А. Плетнева, а к несколько более раннему времени [Кропоткин, 1957, с. 35–44]. Тем более что к югу от городища Холок (впритык, через балку) расположено салтовское селище VIII–X вв.

С.А. Плетнева считает городище Холок пограничной крепостью Черниговского княжества. Однако ничто (даже его размеры) не мешает воспринимать эту крепость как монастырь Черниговской епархии. Погребения на его территории только подтверждают характеристику данного пункта как монастыря. Однако на Холковском городище не выявлены следы каких-либо монументальных строений поры раннего и высокого средневековья, наземных храмов того времени. Это значит, что ядром кладбища-погоста XI–XII вв. был подземный храм, вероятно, построенный намного ранее. Престол, имеющийся в этом храме, сооружался в те времена, когда служба проходила перед престолом, по чину “Двенадцати апостолов” (I–II вв.), а храм мог быть построен и до финала VII в. Введение в конце VII в. литургии, проводившейся вокруг престола, по чину Василия Великого, заставило создать в алтаре Холковского пещерного храма обводную галерею. Учитывая дату престола в Свято-Троицком Холковском подземном храме, можно предположить, что обводная галерея была проложена до середины IX в. [Шевченко, 2004б, с. 197], скорее всего, после 692 г., когда VI Вселенский (Трулльский) собор признал обязательной службу литургии по чину Василия Великого (вокруг престола), правда, только на праздник Благовещения [Струков, 1872, с. 5 (прим. 8); 1876, с. 51; 1882, с. 72]. Этому каноническому требованию соответствует обводная галерея в Холковском пещерном храме, позволявшая вести службу по чину Василия Великого.

История появления Холковского погоста, возможно, сравнима с историей возникновения Ильинского пещерного монастыря в Чернигове: только существованием подземного христианского монастыря, имевшего подземный храм (или храмы), можно объяснить развитие наземного Болдиногорского христианского некрополя – погоста при пещерном храме этого монастыря. Подземный храм Холковского монастыря мог служить таким же организующим центром, с которым связан погост на поверхности городища и весь его наземный комплекс XI–XII вв. Но, судя по размещению канонических элементов в пространственной композиции алтаря и их аналогов, Холков-

ский пещерный храм намного древнее (VIII–IX вв.) пещерных святынь Ильинской обители в Чернигове.

Выше отмечались характерная для всего “храмового участка” Холковской пещеры “прямоугольная структура с материковыми останцами” в виде столпов подземного храма и ее аналоги. В XI–XII вв., в период функционирования Холковского городища (и связанного с ним пещерного монастыря), близкая по структуре подземная церковь в Херсонесе, переоборудованная из более ранних христианских склепов, видимо, уже не использовалась. Но во время создания Холковского пещерного скита образцом для его планиметрии могли служить херсонесские подземные храмы. В более поздний период, когда создавался нижний ярус Ильинских пещер в Чернигове; таковыми могли быть только подземные святыни Палестины. Появление таких планиметрических решений было связано с паломничеством в Святую землю. В Ильинских пещерах в Чернигове найдена вещь, свидетельствующая о паломничестве черниговских иноков в Палестину. Вероятно, стремление скопировать такие прямоугольно спланированные пещерные комплексы возрастало с увеличением потока паломников в Святую землю со времен образования Иерусалимского королевства (1096 г.). К этому периоду относится проведение ремонтных работ, затронувших пещерные святыни Иерусалима (и окрестностей), о чем между 1104–1106 гг. сообщал игумен Даниила.

До середины IX в., когда еще сооружались престолы, примыкающие к алтарной стене апсиды, прообразом пещерных храмов Подонья могли быть и подземные церкви Херсонеса, имеющие такой же архитектурно-канонический элемент. Это вполне вероятно, учитывая, что путешествие в 860 г. Константина Философа (св. равноап. Кирилл) в Хазарию охватило Крым (остановка в Херсонесе) и Дон.

Список литературы

- Алексеев Л.В.** Древний Ростиславль // КСИА. – 1974. – Вып. 139. – С. 81–92.
- Артамонова О.А.** Могилиник Саркела – Белой Вежи // Тр. Волго-Донской археол. экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 3. – С. 9–215. – (МИА; № 109).
- Байбури А.К.** Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
- Беляев Л.А.** Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. – СПб.: Алетей, 2000. – 576 с.
- Беляев Л.А.** Пространство как реликвия: о назначении и символике каменных иконок Гроба Господня // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. – М.: Прогресс – Традиция, 2003. – С. 482–512.
- Василенко А.** “Печера схимника” Чернігівського Іллінського монастиря // Чернігівський Троїцько-Іллінський

монастир: історія та сучасність: Тези наукових читань. – Чернігів: Сіверянська думка, 1999. – С. 8–9.

Верзилов А. Раскопки, производимые на соборной площади в Чернигове // Чернигов. губ. вед. – 1889. – № 52. – С. 3–4.

Висоцький С.О. Епіграфічна знахідка з Чернігова // Археологія. – 1984. – Вип. 48. – С. 92–96.

Грек И.О., Подруцкая Н.Б., Чувакина А.В. Некоторые сведения об искусственных пещерах на территории Молдавии // Спелестологический ежегодник Рус. об-ва спелестологич. исслед., 2001. – М.: Рус. об-во спелестологич. исслед., 2002. – Вип. 3. – С. 163–172.

Деоник (Ковалевская) В.Б. Классификация и хронология аланских украшений // Тр. Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2: Средневековые памятники Северной Осетии. – С. 122–147. – (МИА; № 114).

Долгаленко М. Перламутр и жемчуг (биологический аспект истории промысла) // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников девятого и десятого коллоквиумов в Гос. Эрмитаже, 10–14 октября 2000 г. и 9–14 апреля 2001 г. – СПб., 2002. – С. 12–15.

Долгаленко М. Символ паломничества // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников двенадцатого коллоквиума в Гос. Эрмитаже, 3–10 апреля 2003 г. – СПб., 2003. – С. 24–26.

Иоанниисян О.М. К вопросу о происхождении черниговской плитки конца XI–XII века и равнослойной техники кладки на Руси // Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы: Материалы засед. 14–15 мая 2002 г. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 20–34.

Казаков А.Л. О локальных группах погребений Черниговского некрополя // Проблемы археологии Сумщины: Тез. докл. обл. науч.-практич. конф., апрель 1989 г. – Сумы, 1989. – С. 86–87.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. К вопросу об эволюции трехрогих пельтивидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // Петербург. археол. вестн. – 1993. – Вип. 7. – С. 113–122.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности: Северный Кавказ в X–XIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 83–96, 224–228. – (Сер. “Археология СССР”).

Кропоткин В.В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. – 1957. – Вип. 68. – С. 35–44.

Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 2. – С. 307–332. – (МИА; № 75).

Мезенцев В.И. Про формування міської території давнього Чернігова // Археологія. – 1980. – Вип. 34. – С. 53–64.

Мовчан І.І. Ближні печери Печерського монастиря в Києві // Старожитності України-Русі: Збірник наукових праць (до 70-річчя Михайла Юліановича Брайчевського). – Київ: Наук. думка, 1994. – С. 152–160.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997. – 384 с.

Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам Русским. – Репр. воспр. текста изд. 1846 г. – М.: Книга-Внешиберика, 1990. – Ч. 2. – 384 с.

Новік Т. Давньоруська келія біля Антонієвих печер у Чернігові // Чернігівський Троїцько-Іллінський монастир: історія та сучасність: Тези наукових читань. – Чернігів, 1999. – С. 9–11.

Новік Т. Деталі чернечого вбрання з поховань Троїцько-Іллінського монастиря // Чернігівські старожитності. Перші наукові читання: Некрополі Чернігівщини: Тези доповідей міжнародної наукової конференції. – Чернігів, 2000. – С. 22–24.

Новик Т.Г. Подвеска из Чернигова со знаком Рюриковичей // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников девятого и десятого коллоквиумов в Гос. Эрмитаже, 10–14 октября 2000 г. и 9–14 апреля 2001 г. – СПб., 2002. – С. 141–142.

Плетнева С.А. О юго-восточной окраине Русских земель в домонгольское время // КСИА. – 1964. – Вип. 99. – С. 24–33.

Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. – М.: Архитектура, 1985. – С. 93–111.

Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. – 2-е изд. – СПб.: Лига-Плюс, 2000. – 412 с.

Путеводитель по Святой земле. – Одесса: [Б.и.], 1886. – 432 с.

Руденко В.Я. Нововідкритий підземний храм в Антонієвих печерах в Чернігові // Чернігівська старовина: Збірник наукових праць, присвячених 1300-річчю Чернігова. – Чернігів, 1992. – С. 42–49.

Руденко В.Я. Тайны монастырских подземелий. История подземелий Черниговского Троицкого Ильинского монастыря. – Чернигов: [Б.и.], 1999. – 34 с.

Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. // САИ. – 1966. – Вип. Е-І-24. – 47 с., 12 ил. + карт.

Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XIII вв. // Археология СССР. – 1940. – Вип. 6. – С. 227–257.

Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. – 1949. – № 11. – С. 3–146.

Семенюк Н. Болдиногорський некрополь (з історії археологічного вивчення) // Чернігівські старожитності. Перші наукові читання: Некрополі Чернігівщини: Тези доповідей міжнародної наукової конференції. – Чернігів, 2000. – С. 18–22.

Семенюк Н. Давньоруський художній метал культового призначення з археологічних досліджень Троїцько-Іллінського комплексу // Пам'ятки християнської культури Чернігівщини: Матеріали наук. конф. – Чернігів, 2002. – С. 12–16.

Сохацкий В.В., Валькова Т.П. Бусы Черниговского грунтового некрополя // Археологічні старожитності Подесення: Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 70-річчю від дня народження Г.О. Кузнецова. – Чернігів, 1995. – С. 140–143.

Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. Ч. 1: Исконные обитатели Дона и Донца // Журн. Мин-ва народ. просвещ. – 1909. – Янв. – С. 70–156.

Старец Силуан: Жизнь и поучения. – Минск: Православная община, 1991. – 248 с.

Степкин В.В. Культовые пещеры Среднего Дона и Оскола // Культовые пещеры Среднего Дона. – М.: Рус. об-во

спелестологич. исслед., 2004. – С. 18–197. – (Спелестологич. исслед.; Вып. 4.).

Струков Д.М. О древнехристианских памятниках в Крыму. Опыт археологических изысканий. – М.: [Печатня С.П. Яковлева], 1872. – 14 с.

Струков Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. – М.: [Университ. тип.], 1876. – 51 с.

Струков Д.М. Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. – 2-е изд. – М.: [Тип. М.Н. Лаврова и К°], 1882. – 72 с.

Толочко П.П. Тайны Киевских подземелий. – Киев: Наук. думка, 1971. – 128 с.

Хведченя С. Святые и святыне Киево-Печерской лавры. – Киев: Географика, 2001. – 189 с.

[“Хожделение” игумена Даниила] Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли / Подгот. текста, пер. и коммент. Г.М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси. XII век / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 24–115.

Христианство // Энцикл. словарь. – М.: Большая рос. энцикл., 1994. – Т. 2. – С. 245.

Черненко О. Матеріали з реліктопек Д.Я. Самокасо-ва 1908 р. на Болдиних Горах у фондах ЧОІМ // Некрополі Чернігівщини: Тез. докл. Міжнародної наукової конференції. Сер. “Чернігівські старожитності”. – Чернігів, 2000. – С. 10–12.

Шевченко Ю.Ю. Видения в пещерном храме (глава историко-этнографических очерков “Из древней тьмы”) // Наука и религия. – 1993. – № 12. – С. 44–47.

Шевченко Ю.Ю. Княжна-амазонка в парном погребении Черной Могилы // Сб. МАЭ. – 1999. – Вып. 57: Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. – С. 9–22.

Шевченко Ю.Ю. “Белые пятна” в топографии находок престижных предметов – святыне локусы материализованных памятников духовной культуры на территории древнерусского Чернигова // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематич. научн. конф. – СПб., 2002а. – С. 95–105.

Шевченко Ю.Ю. Пещерные христианские комплексы Крыма: время возникновения по погребальному инвентарю // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: Материалы Междунар. научн. конф. – СПб., 2002б. – Ч. 2. – С. 325–334.

Шевченко Ю.Ю. Русское подземножителство и черниговский период в Житии преп. Антония (Великого) Печерского // Христианство в регионах мира / Отв. ред. Т.А. Бернштам. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2002в. – С. 110–139.

Шевченко Ю.Ю. В зоне славянского этногенеза: Палеодемоэкология в низовьях Десны в первом тысячелетии нашей эры. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2002г. – 380 с., 73 ил.

Шевченко Ю.Ю. О времени возникновения христианского пещерного монастыря в Чернигове в свете палеоэтно-

нографического контекста его округа // Радловские чтения, 2004: Тез. докл. – СПб., 2004а. – С. 158–160.

Шевченко Ю.Ю. Пещерные христианские монастыри Подонья: начало традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: Материалы тематич. конф. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004б. – С. 196–201.

Шевченко Ю.Ю. “Пещерный” Иерусалим глазами “Русской земли игумена” // Радловские чтения, 2005 / Отв. ред. Ю.К. Чистов. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2005. – С. 66–71.

Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г. Дохристианское святилище Чернигова // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов / Отв. ред. Г.С. Лебедев. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2003. – С. 241–260.

Шевченко Ю.Ю., Харитонов С.В. Пещерные монастыри Крыма: возможное время возникновения на примере храмово-погребальных комплексов Эски-Кермена // Спелестологич. ежегодник Рус. об-ва спелестологич. исслед., 2001. – М., 2002. – Вып. 3. – С. 249–256.

Шкропил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях 1903 г. // Имп. археол. комиссия. – 1905. – Вып. 17. – С. 10–39.

Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгород. археол. экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 1. – С. 165–179. – (МИА; № 55).

Щапов Я.Н. Проблема существования Черниговской митрополии // 1000 років Чернігівській єпархії: Тез. докл. церковно-історичної конференції, Чернігів, 22–24 вересня 1992. г. – Чернігів, 1992. – С. 17–21.

Якобсон В.Л. Раннесредневековый Херсонес. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 364 с. – (МИА; № 63).

Якубовський В.І. Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області // Археологія. – 1975. – Вип. 16. – С. 102–193.

Bidder J. Lalibela. The Monolithic Churches of Ethiopia. – Cologne: [M. Dument Schauberg], 1958. – 220 p.

June H. Pilgrimage. A Chronicle of Christianity Through the Churches of Rome. – L.: Weidenfeld & Nicolson, 1999. – 224 p.

Jirku A. Die Welt der Bibel fünf Jahrtausende in Palastina und Syrien. – Stuttgart: Europäische Bildungsgemeinschaft O.J., 1957. – 257 S.

Mango C. Byzantine Architecture. History of World Architecture. – N.Y.: Harry N. Abrams, 1975. – 392 p.

Schettini F. La Basilica di San Nicola di Bari. – Bari: Laterza, 1967. – 202 p., ill. 22–196.

Dr. Evangelos Papaioannon. The Monastery of St. Catherine. Sinai / Ed. by St. Catherines Monastery. – [S.l., s.a.]. – 46 p.

Wacha G. Die Mittelalterliche Plattflasche aus Zinn, gefunden in Fedkirchen (Karmen) // Carinthia I. Klagenfurt – 1995. – Vol. 185. – P. 251–303.

Матеріал поступил в редколлегию 28.02.05 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

О.В. Ковалева

*Минусинский региональный краеведческий музей
ул. Ленина, 60, Минусинск, 662608, Россия
E-mail: kovalevahmk@mail.ru*

ПЕТРОГЛИФЫ КУРГАНА БАРСУЧИЙ ЛОГ

Введение

Искусство как феномен человеческой культуры находится вне хронологических рамок. Оно переживает своих творцов на века и тысячелетия.

Художественные образы, появляясь в определенных моменты истории, становятся ярким выражением духовных потребностей эпохи. Запечатлевшись в памяти людей и отвечая их мировоззрению, они, с незначительными вариациями, воспроизводятся и дублируются. Так рождаются стиль и канон – своеобразные маркеры культуры. В рамках целой эпохи становятся заметными поэтапные изменения образов и технических средств их воспроизводства, взаимодополняются и исключаются различные художественные элементы. При этом неизменной остается лишь внутренняя суть искусства, выраженная в своеобразном, неповторимом стиле эпохи.

Только в условиях смены парадигмы целенаправленно отвергаются идеалы прошлого, трансформируется стиль, формируются новые образы. Именно эта смена определяет границу, которая разделяет все аспекты культуры на два временных периода – до и после. Неоценимыми хронологическими индикаторами могут служить памятники, запечатлевшие в себе черты этого антагонизма.

Характеристика объектов

В Хакасско-Минусинской котловине встречается много памятников с вторично использованными плитами. Особое значение приобретает изучение погребений с рисунками на плитах, ставших строительным материалом. Наиболее часто их использова-

ли при сооружении элитных комплексов в скифское время, чтобы подчеркнуть величие возводимой конструкции. Нередко в тех же целях использовались испещренные изображениями плиты песчаника более ранних эпох.

Одним из таких интереснейших памятников является курган Барсучий Лог, комплексно исследованный в 2004–2005 гг. совместной Российско-германской (Германский археологический институт – Хакасский государственный университет) археологической экспедицией*.

Курган Барсучий Лог – одно из самых крупных раскопанных захоронений скифской эпохи в Хакасско-Минусинской котловине (Усть-Абаканский р-н Республики Хакасии). Время сооружения, определенное по вещественным находкам и конструктивным особенностям, соответствует сарагашенскому этапу тагарской культуры (IV–III вв. до н.э., по хронологии Э.Б. Вадецкой)**.

Курган окружала хорошо сохранившаяся ограда квадратной формы размерами: 54×54 м. Она сложена из горизонтально положенных плит (рис. 1). В качестве облицовки использовались поставленные на ребро массивные плиты песчаника. Ограда разделена на секторы, отделенные друг от друга промежуточными стелами. Тщательное исследование конструктивных особенностей кургана позволило установить,

* Приношу искреннюю благодарность Г. Парцингеру, А. Наглеру, А.И. Готлибу за возможность опубликовать результаты исследований.

** Дата условна, в ходе радиоуглеродного датирования она может измениться в сторону удревнения, в этом случае придется пересмотреть хронологические определения для плит, использованных вторично.

что большая часть плит облицовки ограды – использованные вторично стелы. Они имеют характерную форму, сглаженную поверхность, следы заветренности на торцах, на некоторых из них – неправильно ориентированные изображения людей и животных.

Исследование кургана продолжается; на данный момент найдены 28 плит и вертикальных стел с петроглифами. На восточной стенке насчитывается девять, на южной – 11, на западной – три, на северной – пять плит (рис. 2). Все плиты ограды, поставленные на ребро, для прочности были укреплены контрфорсами.

Тщательный анализ изображений дал интереснейшие результаты и позволил поставить ряд проблем, касающихся происхождения плит с рисунками.

На территории Минусинской котловины встречается довольно много монументальных памятников окуневского искусства. Каменные стелы с фантастическими личинами были неотъемлемой частью местного ландшафта. Учеными было доказано, что эти памятники имели самостоятельное культовое значение и возводились в соответствии с обрядовой практикой, связанной с солнечными и лунными циклами [Leont'ev, Kapel'ko, 2002]. Однако большая часть известных нам окуневских изваяний была найдена в составе памятников более поздних эпох.

Наиболее часто они встречаются в качестве угловых и промежуточных стел в курганах тагарского времени и на памятниках эпохи чаатас. Таким образом, культовые окуневские стелы часто использовались как строительный материал носителями инокультурных традиций.

Считается, что с исчезновением окуневцев традиция возведения монументальных изобразительных памятников прервалась. Ближайшие их аналоги (оленьи камни) появились на территории Монголии, Тувы и Алтая уже в предскифское время [Волков, 2002, с. 21–23]. Считается также, что в Минусинской котловине ничего подобного не было. Однако огромное количество уже использованных стел в ограде кургана Барсучий Лог наводит на определенные размышления. Непонятно, где создатели кургана могли взять такое количество плит с рисунками? Опираясь на доступный исследовательский материал и на собственные наблюдения, можно сделать два предположения. Первое: строители кургана намеренно разрушили более ранние захоронения, относящиеся к эпохе поздней бронзы и раннему этапу тагарской культуры. Памятники подвергались разграблению и частичному раз-

Рис. 1. Фрагмент ограды кургана Барсучий Лог.

рушению. Все пригодные для строительства материалы были вторично использованы при возведении конструкции. В их число могли попасть и плиты с рисунками. Второе: при строительстве были использованы существовавшие ранее стелы. В этом случае изобразительные памятники эпохи поздней бронзы и раннего железного века постигла судьба окуневских каменных изваяний. Подтверждением этой гипотезы служит форма поставленных на ребро плит. Их ниж-

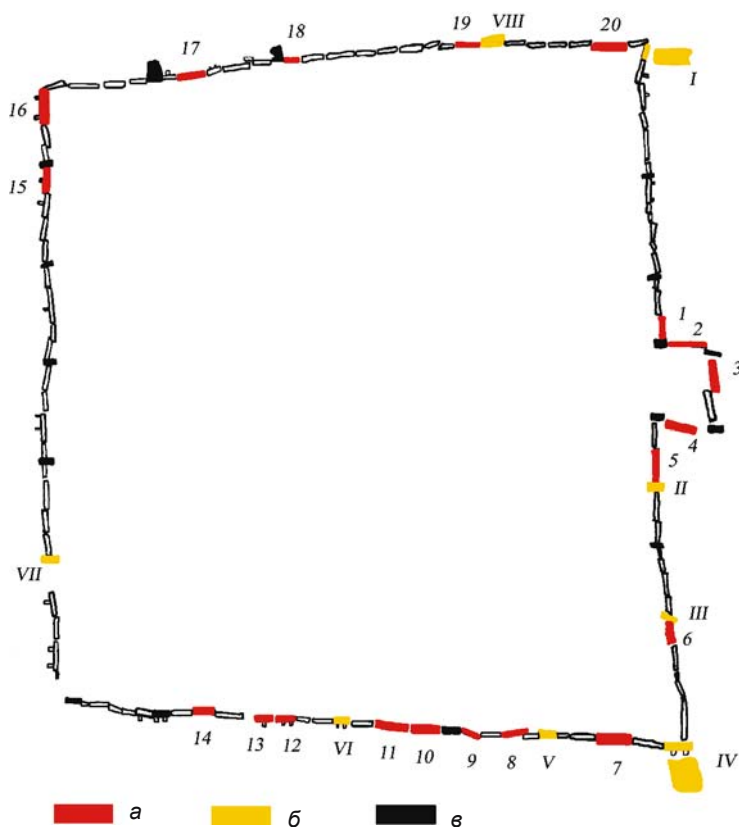

Рис. 2. План ограды кургана Барсучий Лог.

а – плиты с петроглифами; *б* – стелы с петроглифами; *в* – стелы без петроглифов.

няя часть намного уже, чем верхняя и средняя. Она, как правило, не заполнена изображениями. Первоначальное назначение стел остается загадкой, но ясно одно – их не помещали в погребальные памятники: ни в одном из захоронений эпохи поздней бронзы не встречаются стелы подходящего размера (да и вообще вертикальные стелы), исключительно редки они и в раннескифских курганах.

В связи с последним предположением уместно познакомить с собственными наблюдениями, сделанными на нераспаханных землях в Хакасии (падь Чазы-Похаях, в 7 км к северо-востоку от улуса Чарков). Там, в предгорьях, цепочкой с запада на восток на расстоянии ок. 1 км друг от друга тянутся одиночные каменные стелы без рисунков. Высокие плоские плиты специфической формы вкопаны в землю и усилены контрфорсами. Дата их не определена, но по косвенным признакам (форма, наличие контрфорсов, появившихся как конструктивная особенность только в конце эпохи поздней бронзы, на каменоложском этапе) их можно отнести к рубежу эпох поздней бронзы и раннего железа. Расположение стел на неосвоенных в хозяйственном отношении землях позволяет предположить, что традиция возведения такого рода монументальных памятников не исчезла после угасания окуневской культуры, а продолжала существовать в несколько измененном виде. На подобные стелы, но уже с рисунками, указывал еще И. Аспелин (см.: [Appelgren-Kivalo, 1931, Add. 110, 217]). Вполне вероятно, что некоторые плиты-стелы в ограде кургана Барсучий Лог такие же по происхождению.

Обращает на себя внимание характер сюжетов и образов, изображенных на плитах. Люди в грибовидных головных уборах, олени с подогнутыми ногами, козлик в аржано-майэмирском стиле – все это свидетельства сильного влияния центрально-азиатских традиций. Барсучий Лог, пожалуй, один из немногих памятников, на которых собрано столько изобразительных вариантов, не типичных для Минусинской котловины. В этой связи уместно упомянуть оленные камни. В литературе неоднократно отмечались выявленные в Минусинской котловине изображения, близкие по стилю к рисункам на оленных камнях [Савинов, 1976, с. 60–61; 1993, с. 69]. Содержательные элементы стиля, по мнению Д.Г. Савинова, реализовались здесь на памятниках, отличающихся по облику от плиты с изображениями эпохи поздней бронзы [Савинов, 1993, с. 69]. В свете новых данных можно с большей долей уверенности говорить о существовании традиции, очень близкой к традиции возведения оленных камней. Массивные, использовавшиеся вторично стелы кургана Барсучий Лог являются подтверждением этого.

В сюжетном отношении оленные камни можно разделить по наличию двух основных содержатель-

ных элементов: один из них – образ мужчины-воина, воплощенный в схематичном объемном изображении, другой – тщательно проработанный образ животного, копытного или хищника. Эти образы запечатлены и на некоторых плитах кургана Барсучий Лог. Но здесь схематичные фигуры мужчин не объемные, а плоские, копытные показаны в более реалистичной манере и занимают ведущее место в структуре композиции.

Хронологические рамки изобразительных памятников элитного скифского захоронения довольно широкие: от эпохи поздней бронзы до гунно-сарматского времени и средневековья. Самые поздние петроглифы, очевидно, появились после возведения кургана. Наиболее информативными, на мой взгляд, являются памятники, элементы которого несут следы вторичного использования. Именно они позволяют точно определить верхнюю хронологическую границу.

Среди таких элементов следует выделить несколько плит, представляющих исключительный интерес. На одной простеночной плите с признаками вторичного использования (перевернутые фигуры животных, стелообразная форма и т.д.) имеются стилистически разнородные изображения. Среди них наиболее ранней выглядит центральная фигура огромного барана. Ее отличают глубокий прошлифованный контур, проработанность деталей и статичность позы животного. Тщательность, с какой выполнено это крупное изображение, свидетельствует о значимости рисунка. По своим стилистическим параметрам его трудно отнести к конкретному, хронологически определенному варианту. Изображение явно соответствует не раннему этапу эпохи поздней бронзы, а скорее раннескифскому времени. Однако некоторые особенности не позволяют однозначно определить хронологическую принадлежность рисунка. Крупный размер, прошлифовка контура, статичность позы, отсутствие декоративных элементов в оформлении корпуса и т.д. – все это больше характерно для периода зарождения традиции скифского искусства. Неустойчивость “иконографического стандарта” всегда сопровождала переломные и “пограничные” эпохи. В данном случае представлен, вероятно, последний этап эпохи поздней бронзы.

Внутри туловища большого копытного показана маленькая фигурка “детеныша” с поджатыми под живот ножками. Положение конечностей здесь следует трактовать не как стилистический, а как семантический признак, подразумевающий положение эмбриона в утробе матери. В свободное пространство под корпусом центральной фигуры вписано небольшое аккуратное изображение козлика с элементами волютообразной декоративной отделки круп животного. Рисунок полностью соответствует кано-

Рис. 3. Зооморфные изображения конца эпохи поздней бронзы.
1 – Бычиха [Советова, Миклашевич, 1999, с. 61, табл. 4]; 2 – Лисичья [Ковалева, 2005, рис. 3]; 3 – Барсучий Лог.

нам раннескифского искусства и выполнен в аржано-майэмирских традициях [Савинов, 1998, с. 135–136]. Изображение козлика нанесено на плиту гораздо позже, чем центральная фигура. Об этом свидетельствуют четкая стилистически определяемая дата и пространственная подчиненность фигуры главному изображению барана.

Такие же выводы можно сделать и относительно верхних изображений лошади и оленей. Силуэты этих животных менее рельефные. Они еле различимы на поверхности. Рисунки выполнены в “развитой” скифской манере, датируемой некоторыми исследователями VI–IV вв. до н.э. [Шер, 1980, с. 250–251]. Характерная постановка ног (“поза внезапной остановки”, или поджатые под туловище конечности), абрис корпуса, стилизация фигур – особенности определенного изобразительного канона, характерного для сложившегося стиля тагарской культуры Минусинской котловины.

Антропоморфные фигуры различаются по технике изображения и стилистике, но их объединяет предельная простота передачи образа человека. Та же идея схематизации реализована и на оленных камнях.

Таким образом, на стеле в ограде кургана Барсучий Лог, использованной вторично, представлено, по меньшей мере три группы рисунков, разных по хронологической принадлежности. Наиболее ранние петроглифы, не подлежащие однозначной датировке в пределах скифской эпохи, следует отнести, вероятно, к каменоложскому этапу карасукской культуры. Логично было бы предположить, что именно на данном этапе зарождаются традиции, на базе которых позже возникло скифское искусство. Именно в это время появляются бронзовые изделия с зооморфными навершиями, новые конструктивные особенности погребальных сооружений (более массивная ограда, применение контрфорсов), а также изображения, выбивающиеся за рамки варчинского стиля. Как правило, такие петроглифы исследователи относят то к карасукскому, то к раннескифскому искусству, отмечая при этом недооформленность классического стиля [Савинов, 1998, с. 135]. Подобные рисун-

ки имеют свои характерные черты. Они выполнены в более реалистичной манере и этим отличаются от стилизованных тагарских и схематичных карасукских. Животные на рисунках каменоложского этапа выделяются длинными конечностями и объемным подпрямоугольным корпусом. Такие изображения, как правило, демонстрируют влияние варчинской изобразительной традиции; оно выражается в некоторой угловатости и геометризации форм. К такому типу изображений относится, вероятно, выделенная О.С. Советовой и Е.А. Миклашевич четвертая группа карасукских петроглифов на г. Бычиха [Советова, Миклашевич, 1999, с. 61, табл. 4]. Исследователи отмечают определенные черты сходства некоторых фигур с изображениями на оленных камнях [Миклашевич, 2004, с. 20]. В эту же группу следует включить, вероятно, фигуры быков в композиции с предметами неизвестного назначения на г. Лисичья [Ковалева, 2005, с. 127, рис. 3].

Изображение крупного копытного на плите ограды, окружавшей курган Барсучий Лог, относится к этому же типу (рис. 3). Она является особым памятником творчества людей разных эпох. Отсутствие на ней следов наложения друг на друга изображений животного позволяет выдвинуть предположение о культурной преемственности их создателей. Очевидно, в течение длительного времени культово-значимые стелы подновлялись с учетом первоначального замысла. На сарагашенском этапе тагарской культуры (т.е. на момент строительства кургана) стела была выдернута из земли и использована в качестве строительного материала. Ее перевернули, поставили на ребро, подперли контрфорсами и превратили в плиту ограды кургана.

Многочисленность плит с изображениями на памятнике Барсучий Лог безусловно свидетельствует о том, что создатели кургана придавали этим строительным элементам какое-то значение. Неправильная ориентация плит указывает скорее на уничижительное отношение к ним. Большинство плит с изображениями было изготовлено задолго до строительства кургана и не предназначалось для использования в

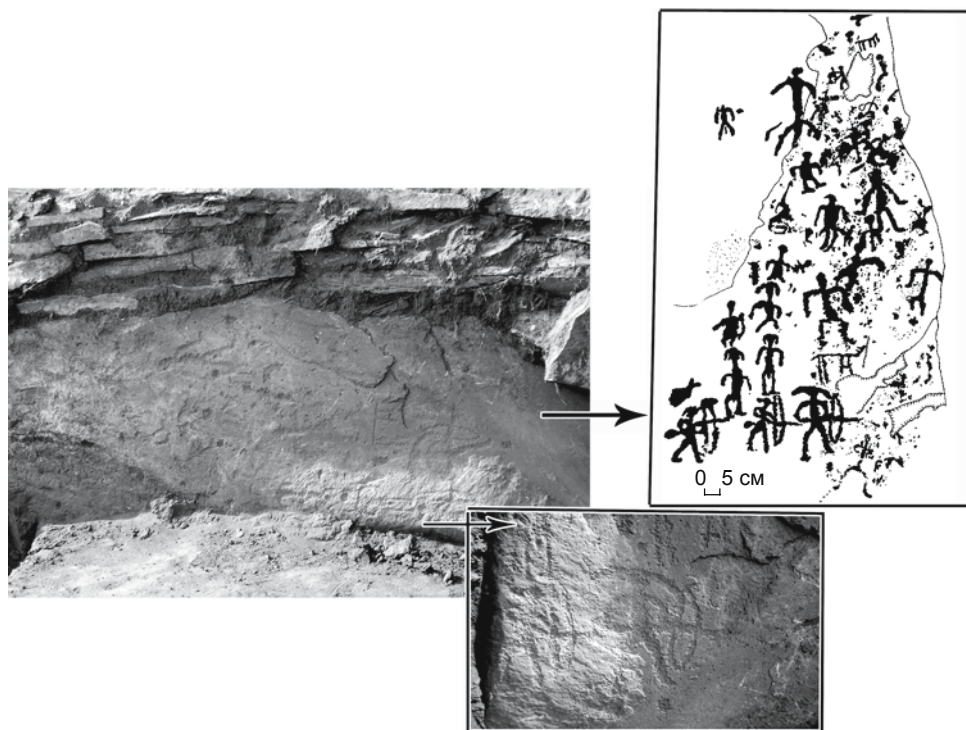

Рис. 4. Плита в южной части ограды кургана Барсучий Лог с изображением людей в грибовидных головных уборах.

погребальном ритуале. Вероятно, при строительстве памятника целенаправленно велись поиски плит с рисунками для оформления фасада ограды. Ограду кургана подпирают контрфорсы; если на плите имеются изображения, то между ней и контрфорсом проложены небольшие тонкие плиточки, предотвращающие повреждение петроглифов.

В ходе поиска плит с изображениями строениям кургана нередко попадались стелы с рисунками, хронологически выпадающими за пределы скифской эпохи. Одна такая плита находилась в составе южной стенки ограды. На плите сохранился лишь фрагмент композиции, остальная часть поверхности бессистемно забита точками, а поверх них нанесено антропоморфное изображение в тагарском стиле (рис. 4). Плита имеет признаки вторичного использования. Среди сохранившихся рисунков следует выделить фигуры

лучников в грибовидных головных уборах. Поражает их полное соответствие центрально-азиатским образцам, получившим широкое распространение в эпоху поздней бронзы [Дэвлет, 2004, с. 28]. На территории Минусинской котловины изображения людей в грибовидных шляпах встречаются очень редко. Единичные изображения выявлены только в крупнейших местонахождениях петроглифов на среднем Енисее, таких как Оглахты III, Усть-Туба III, Бояры-Абакано-Перевоз [Русакова, 2005, с. 189]. В отличие от большинства центрально-азиатских изображений, на местных нет ни палиц, ни кожаных сумок, ни каких-либо других атрибутов. Кроме того, головной убор сравнительно небольших размеров [Там же]. Петроглифы на плитах ограды кургана Барсучий Лог – пока единственные, полностью соответствующие центрально-азиатским образцам (рис. 5). Найденные здесь изображения луч-

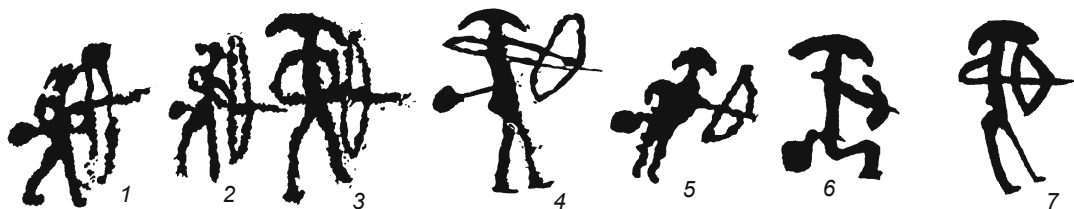

Рис. 5. Изображения лучников в грибовидных шляпах.

1–3 – Барсучий Лог; 4, 5 – Монголия (по: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 489, 1165]); 6, 7 – Тува (по: [Дэвлет, 2004, рис. 12]).

Рис. 6. Антропоморфные изображения на плите в южной части ограды кургана (прорисовка).

ников в грибовидных шляпах маркируют самую северную часть ареала этого канонического образа.

На плите имеется также четкое изображение животного в варчинском стиле. Данная изобразительная традиция характерна для петроглифического искусства эпохи поздней бронзы. Условно ее принято соотносить с карасукской культурой среднего Енисея [Леонтьев, 1980, с. 69–73; Савинов, 1993, с. 69–70]. Зооморфные фигуры, выполненные в соответствии с этой традицией, предельно схематичны, туловище изображено одной линией. Особенность данных изображений – вскинутая кверху голова с двумя небольшими черточками-ушками. По технике исполнения фигура аналогична антропоморфным изображениям в грибовидных шляпах. Это подтверждает версию о принадлежности последних к эпохе поздней бронзы, конкретнее – к карасукскому времени.

На плите имеются и тагарские антропоморфные изображения. Они выделяются по стилю и технике исполнения. Одни фигуры предельно схематичные, утонченные, другие более грубые и грузные, не детализированные, нанесены поверх забитой части плиты.

Подобные фигуры вперемешку с более ранними выявлены на еще одной плите южной стенки (рис. 6). Ее поверхность испещрена различными рисунками. Самыми ранними являются многочисленные гравировки, не объединенные по содержанию. Поверх них выбито огромное количество антропоморфных изображений, образующих причудливые цепочки. Фигуры людей не отделены друг от друга. Располагаясь одна под другой, они сливаются в единые древовидные структуры. Изображения стилистически не однородны. Среди них есть, вероятно, более ранние,

передающие фигуры людей с подтреугольным туловищем и широко расставленными прямыми ногами. Несколько еле заметных фигурок со ступнями, повернутыми в одну сторону, также появилось здесь, скорее всего, несколько раньше остальных. Эти петроглифы стилистически резко отличаются от всех прочих на данной плите; они более близки к изображениям на плите карасукского времени.

По хронологической неоднородности изображений курган Барсучий Лог является уникальным памятником. Его “галерея” рисунков поражает разнообразием стилей. В этом смысле памятник можно сравнивать лишь с крупными культовыми комплексами петроглифов на высоких горах, таких как горы Оглахты, Лисичья, Бояры и т.д. На кургане, в отличие от других памятников на территории Хакасско-Минусинской котловины, локализовано большое количество изображений, отмеченных прямым влиянием центрально-азиатских традиций.

На северной и южной плитах у восточного входа изображены сцены, главным персонажем которых является благородный олень. Рисунки запечатлены на внутренней стороне плит входа и расположены друг напротив друга. Животное на северной плите входа показано в соответствии со скифской традицией с подогнутыми под брюхо ногами. Контурный рисунок

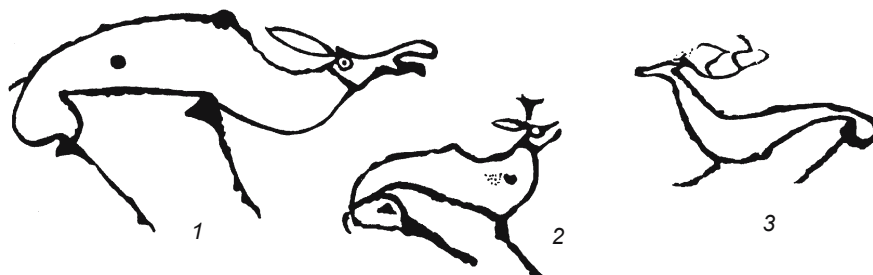

Рис. 7. Стилистические аналоги изображению оленя на южной плите входа в ограду кургана Барсучий Лог.

1, 2 – Монголия [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 976]; 3 – Барсучий Лог.

отличается вычурностью. Корпус животного украшен спиральным завитком, голова увенчана большими ветвистыми рогами. Показаны треугольное ухо и глаз. Характерная поза, декоративные элементы позволяют сопоставить изображение с бронзовыми оленными бляхами, получившими широкое распространение в период расцвета тагарской культуры. Прямые аналоги этому изображению оленя на территории Хакасско-Минусинской котловины пока не выявлены. Особая вычурность рисунка, наличие завитка на крупе, тщательность проработки деталей характерны скорее для центрально-азиатских традиций. Исследователи неоднократно отмечали влияние на тагарские образы скифского искусства племен Монголии и Алтая [Советова, Миклашевич, 1999, с. 63]. Это влияние демонстрирует также изображение оленя, выполненное на южной плите входа. По стилю оно близко к монгольским рисункам (рис. 7). Его аналоги можно искать среди бага-ойгурских изображений копытных [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, p. 384, fig. 976]. Тот же иконографический канон и теми же изобразительными средствами реализован на оленных камнях в Центральной Азии.

Оба изображения оленя на плитах Барсучьего Лога выполнены в чуждых для территории Минусинской котловины традициях. Они представляют две совершенно разные фигуры, отличающиеся друг от друга стилистически. Манера их исполнения характерна не для финала, а скорее для периода расцвета тагарской культуры. Следовательно, рисунки появились не одновременно. Поскольку плиты расположены друг против друга на входе ограды погребальной конструкции, они, безусловно, несут особую семантическую нагрузку и появились здесь неслучайно. Можно предположить, что сначала была найдена только одна плита с изображением оленя, а позже на другой плите соответствующих размеров из “любви к симметрии” была выбита еще одна фигура оленя. Она перекрывает одно антропоморфное изображение и частично заходит на другое. На плите есть и другие петроглифы людей и животных, резко отличающиеся от фигуры оленя и выбитые, возможно раньше.

Заключение

Курган Барсучий Лог интересен не только описанными памятниками искусства; он содержит также достаточно интересные изобразительные объекты, нуждающиеся в подробном описании и анализе. Многочисленность плит с петроглифами позволяет говорить о своеобразном феномене кургана Барсучий Лог. До сих пор всестороннее изучение изобразительного материала элитных захоронений скифского времени не проводилось. Пример анализа

выявленных находок показывает перспективность такого исследования.

Список литературы

- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Науч. мир, 2002. – 248 с.
- Дэвлет М.А.** Каменный “компас” в Саянском каньоне Енисея (камень с изображением “дороги” у подножья горы Устю-Мозага). – М.: Науч. мир, 2004. – 88 с.
- Ковалева О.В.** Петроглифы горы Лисичья // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. – М., 2005. – С. 125–128.
- Леонтьев Н.В.** Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан: Изд-во ХакНИИЯЛИ, 1980. – С. 65–81.
- Миклашевич Е.А.** Памятники Минусинской котловины // Памятники наскального искусства Центральной Азии: Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: ИОНЕСКО; Респ. науч.-исслед. и проектн. ин-т памятников материальн. культуры Мин-ва культуры Казахстана, 2004. – С. 15–28.
- Русакова И.Д.** Петроглифы эпохи поздней бронзы петроглифического комплекса Бояры-Абакано-Перевоз // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 188–189.
- Савинов Д.Г.** К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1976. – С. 52–72.
- Савинов Д.Г.** Изображения эпохи бронзы на плитах из курганов юга Минусинской котловины // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1993. – С. 61–87.
- Савинов Д.Г.** Карасукская традиция и “аржано-майэмирский” стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А.Д. Грача. – СПб., 1998. – С. 132–136.
- Советова О.С., Миклашевич Е.А.** Хронологические и семантические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южно-сибирской археологической экспедиции КеМГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Никалс, 1999. – С. 47–74.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Appelgren-Kivalo J.** Altaische Kunstdenkmäler. – Helsinki: Helsingfors K.F. Puomies Buchdruckerei A.G., 1931. – 72 S.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D.** Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Slaa/Baga Oigor: en 2 t. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p., 1318 figs. – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; № 6).
- Leont'ev N.V., Kapel'ko V. F.** Steinstelen der Okunev-Kultur. – Mainz: von Zabern, 2002. – 238 S. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 13).

Материал поступил в редколлегию 10.11.05 г.

УДК 903.04

**Г.П. Визгалов¹, С.Г. Пархимович¹,
Т.Н. Глушкова², Е.В. Киреева², А.В. Сутула²**

¹НПО “Северная археология”
а/я 398, Нефтеюганск-5, Россия
E-mail: chistory@mail.ru

²Сургутский государственный педагогический университет
ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Сургут, 628417, Россия
E-mail: surgpi@surguttel.ru

ТЕКСТИЛЬ МАНГАЗЕИ (начало XVII века)

В Западной Сибири наиболее представительные коллекции образцов тканей XVII в. собраны на памятниках Томско-Нарымского Приобья [Глушкова, 2002] и Омского Прииртышья, раскопанных В.Б. Мельниковым, С.Ф. Татауровым, С.Н. Тихоновым и др. [Глушкова, 1995; Богомолов, 1996]. Новые текстильные материалы получены при раскопках Мангазеи. Археологический памятник конца XVI–XVII в. впервые исследовался в 1968–1970 гг. экспедицией под руководством М.И. Белова, О.В. Овсянникова, В.Ф. Старкова. Однако в вышедшей по итогам работ публикации текстиль специально не рассматривался [Белов, Овсянников, Старков, 1980, 1981].

В 2001–2003 гг. раскопки Мангазеи первой трети XVII в. продолжило Научно-производственное объединение “Северная археология” под руководством Г.П. Визгалова, С.Г. Пархимовича. Вскрытая площадь памятника составила 259 м². Было обнаружено огромное количество археологического материала, в т.ч. органических остатков, сохранившихся благодаря мерзлоте [Визгалов, 2004; Пархимович, 2004]. Среди уникальных находок, без сомнения, можно выделить ткани XVII в.

Текстильные материалы из раскопок НПО “Северная археология” исследовались в Лаборатории систем жизнеобеспечения народов Севера Сургутского педагогического института в 2004/05 уч. г. Часть из них – фрагменты с утратами, которые затрудняют выяснение технологических характеристик ткани, например, образцы, где нити сильно истерты, разорваны, деформированы со сдвигом в структуре

тканого полотна. Однако количество пригодных для анализа экземпляров достаточно, чтобы составить качественную технологическую характеристику всей коллекции.

Было отобрано необходимое число типовых фрагментов. Это оказалось возможным, т.к. материал серийный. Рассматривались 87 образцов текстиля полотняного переплетения, 26 – саржевого, 38 фрагментов поясов и тесемок ручного изготовления, нашивок из тканей, 6 целых рукавиц и фрагменты вязаного текстиля (рукавицы, стельки).

Весь комплекс текстильных материалов был подвергнут специальному материаловедческому и структурному анализу. С помощью органолептических методов определялось сырье и описывалась пряжа, их параметры уточнялись при микроскопическом исследовании. Основные характеристики нитей – тонина и крутка (направление, в ряде случаев – величина крутки). Не менее важно распределение волокон в нитях, но оно не изучалось, т.к. это исследование требует значительного времени и планируется в будущем. Не проводилось также тестирование на красители по причине отсутствия в лаборатории соответствующих специалистов.

Структурный анализ текстиля предполагает фиксацию следующих параметров: плотности нитей основы и утка, способа переплетения нитей в полотне ткани (полотняное, саржевое и т.д.), соотношения крутки нитей в основе и утке. Эти характеристики, а также параметры фактуры полотна (открытая или закрытая поверхность) позволили атрибутировать изучаемый материал (см. таблицу).

Ткани Мангазеи (XVII–XVIII вв.)*

Номер образца	Переплетение	Основа		Уток		Плотность (число нитей на 1 см)		Примечания
		Тонина, мм	Крутка	Тонина, мм	Крутка	по основе	по утку	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
МГ-03/2	Плотняное	0,7	S	0,8	S	14	11	Плотная ткань хорошего качества, темно-коричневого цвета. С одной стороны плотный настил. Сукно (?). Фланель (?)
МГ-03/3	»	0,5–0,7	Z	0,7	S	16	14	Ткань красно-коричневого цвета. Настил был с двух сторон, с одной выношен, остался в швах
МГ-03/6	»	0,6–0,7	Z	0,6–0,7	S	10	10	Ткань красно-коричневого цвета. Натяжение нитей равномерное
МГ-03/7	»	0,7	S	0,8	S	14	11	Плотная, хорошего качества ткань темно-коричневого цвета, с очень ровными нитями. С одной стороны плотный настил
МГ-03/11	Саржа 2/1	0,9–1	Z	0,9–1	Z	10	8	Светлая ткань буро-коричневого цвета с темными пятнами
МГ-03/14	Плотняное	4	S	3	Z	3–4	3	Толстое полотно пояса темно-коричневого цвета. Фактура ребристая. Вдоль кромок темные полосы из двух нитей основы
МГ-03/15	»	0,5–1	Z	0,5	Z	5	6	Редкая ткань
МГ-03/16	»	0,8	S	0,9–1	S	14	8	Ткань иссиня-черного цвета. С одной стороны настил. Фланель (?)
МГ-03/18	»	2–3	S	2	S	4	4–5	Толстое плотное полотно пояса темно-коричневого цвета, с настилом. Сукно (?), на полотне имеются дыры (механическое воздействие или следы блых ??)
МГ-03/19	»	2–3	S	2	Z	7	5	Толстое плотное полотно пояса. Кромок нет. Местами есть настил
МГ-03/19А	»	0,5	Z	0,5–0,6	S	14	16	Ткань красно-коричневого цвета. Настил с двух сторон. Сукно
МГ-03/22	Саржа 2/1	1	Z	1–1,2	Z	8	7	Толстая рыхлая ткань буро-коричневого цвета, с ошибками в структуре полотна
МГ-03/24	Плотняное	1	Z	0,5–1	S	8	8–9	Тонкое, но объемное из-за настила, плотное полотно пояса светло-коричневого цвета. Хорошо сохранилось. Возможно, ткань фабричного изготовления
МГ-03/25	»	0,8	S	0,8	S	10	10	Ткань иссиня-черного цвета. Местами есть настил. Сукно
МГ-03/26	»	2	S	?	?	7	5	Толстое плотное полотно тесемки (пояса?) бордового цвета. Плохо сохранилось. Плотный настил. Две кромки
МГ-03/32	»	0,7–0,8	Z	0,7–0,8	S	11–12	11	Плотная ткань табачного цвета. Сукно без настила
МГ-03/38	»	2	Z	1	Z	5–6	6–7	Плотное толстое полотно пояса. Настил с двух сторон. Кромки (?)
МГ-03/39	»	0,7–0,8	Z	0,8–0,9	S	8	8	Несколько фрагментов ткани красно-коричневого цвета. С одной стороны настил (возможно, вследствие длительного использования)
МГ-03/42	Саржа 2/2	0,5–0,8	Z	1	Z	11	10	Толстое плотное полотно пояса светло-коричневого цвета. Ошибка в переплетении – нечеткий перевод нитей основы
МГ-03/44	Плотняное	0,7–0,8	S	1	S	11	9	Толстое плотное полотно темно-коричневого цвета, с настилом. Сукно (?). Фланель (?)
МГ-03/49	»	1	Z	1	Z	5	7	Толстое полотно тесемки (пояса?) из ткани темно-коричневого естественного цвета. Хорошо сохранилось. Имеется легкий настил, плохо видны нити
МГ-03/54	Саржа 2/2	0,6–0,7	Z	0,7–0,8	Z	10	9	Плотная однородная ткань буро-коричневого цвета, выношена, с утратами

1	2	3	4	5	6	7	8	9
МГ-03/63	Плотняное	0,5	Z	0,5-1	Z двойной S-звучки	9-10	12-14	Плотное полосатое полотно пояса. Хорошо сохранилось, но выношено. Имеется настил, с одной стороны он плотнее. Сукно со сложной структурой
МГ-03/64	»	0,6-0,7	Z	0,7-0,8	S	8	9	Ткань иссиня-коричневого цвета, достаточно тонкая и плотная
МГ-03/68	»	0,5	S	0,8	S	11-12	10-12	Ткань серо-зеленого цвета. Ткацкая ошибка – “двойной уток”
МГ-03/71	»	0,5-1	S	1	S	7-8	8	Плотное полотно пояса черновато-коричневого цвета, выношенное. Фланель (?)
МГ-03/75	»	1	S	0,8-1,2	S (?)	9	7-8	Толстое полотно пояса (?) темного цвета. Узкий конец пояса расширяется к середине. Фланель (?)
МГ-03/76	»	1	S	0,5-1	S	8-9	7-8	Плотное полотно пояса или тесемки, вырезанной из ткани черновато-коричневого цвета. Фланель (?)
МГ-03/77	»	0,7-0,8	S	0,9	S	9	7	Ткань иссиня-черного цвета, с легким настилом, который местами вытерся в процессе использования. Сукно (?) Фланель (?)
МГ-03/80	Саржа 2/2	1	Z	1	Z	6-7	4-5	Плотная толстая ткань
МГ-03/84	»	0,5	Z	0,7	S	11-12	11-12	Тонкая плотная ткань с равномерным натяжением нитей. Цвет коричневый (с зеленым оттенком), Сукно без настила
МГ-03/91	»	0,7-0,8 (до 1)	Z	0,9-1	Z	11	8	Плотная ткань с хорошо видимыми диагональными полосками буро-коричневого цвета
МГ-03/92	Плотняное	0,4-0,6	Z	0,6	S	13	10-11	Плотная тонкая ткань хорошего качества, плохой сохранности. Настил сохранился с одной стороны и в швах. Сукно (?)
МГ-03/93	»	0,7-0,8	Z	0,7-1	Z	10	6-7	Плотная грубая ткань темно-табачного цвета, без настила
МГ-03/94	Саржа 2/2	0,9-1 (до 1,1)	Z	0,9-1 (до 1,2)	Z	9	7	Плотная ткань светло-коричнево-бурого цвета. Нити основы и утка одинаковые
МГ-03/97	Плотняное	0,7-0,9	Z	0,8-0,9	S	10-12	6	Ткань серо-коричневого цвета. Присутствует ткацкая ошибка – двойная нить основы, полученная при сновании нити
МГ-03/99	»	0,5-1	Z	1-1,5	S	6	4	Толстое полотно пояса зеленовато-бурого цвета. Легкий настил. С одной стороны пояса кромка. Сукно
МГ-03/101	»	0,5-0,6	Z	0,6	S	12	10	Плотная ткань очень хорошего качества, иссиня-коричневого цвета. Настил с одной стороны. Сукно
МГ-03/108	»	0,7-0,8	Z	0,8-0,9	Z	11	8-9	Ткань зелено-коричневого цвета. С одной стороны настил средней плотности
МГ-03/111	»	0,7	S	0,9	S	10	11	Ткань коричневого цвета. С одной стороны настил. Фланель (?)
МГ-03/114	»	0,8	S	0,9-1	S	14	8-9	Ткань серо-черного цвета. Настил с одной стороны. Фланель (?)
МГ-03/115	»	0,5-0,9	Z	0,5-0,9	Z	11-12	10-11	Плотная ткань табачного цвета
МГ-03/117	»	0,8-0,9	Z	0,8-1,1	S	9	8	Зелено-коричневая ткань с достаточно равномерным натяжением нитей
МГ-03/124	Саржа 2/2	0,8-1	Z	0,8-1	Z	10	10	Плотная ткань. Сверху светло-, внутри темно-коричневого цвета. Нити основы и утка одинаковые
МГ-03/125	Плотняное	0,5-1	Z	0,5-1	S	6	8	Тонкая редкая ткань с открытой поверхностью
МГ-03/128, 176	»	1	Z	2,5-3	S	12	3	Два узких фрагмента плотной ткани (пояса?) темно-коричневого цвета с продольными полосками. Хорошо сохранились. Настил с одной стороны. Основный репс
МГ-03/134	Саржа 2/2	2	Z	1	Z	9	7	Толстое плотное полотно пояса светлого-коричневого цвета. Хорошо сохранилось

1	2	3	4	5	6	7	8	9
МГ-03/136	Саржа 2/2	0,8–0,9	Z	1	Z	9	8	Толстая ткань светло-коричневого цвета
МГ-03/145	Плотняное	0,5	Z	1–1,2	S	12	6	Ткань серо-коричневого цвета. Стелька
МГ-03/146	»	0,5–0,6	Z	0,6–0,8 (до 1,2)	Z	11	7–8	Ткань коричнево-зеленого цвета, с утратами
МГ-03/149	»	0,6–0,7	Z	0,8–0,9	S	14	6	Ткань коричнево-зеленого цвета. Местами есть настил, неваляная ткань. Две кромки. Пояс
МГ-03/156	»	2–2,3	Z	2–2,5	Z	4–6	2,5–3	Толстое грубое жесткое полотно, имеются две кромки (портянка?). Ткацкие ошибки – уток перекрывает по три нити основы на протяжении нескольких рядов, затем структура восстанавливается
МГ-03/157	Саржа 2/2	0,8–1	Z	0,7–1 (до 1,2)	Z более слабой крутки	9–10	8	Однородная ткань светло-коричневого цвета с темным оттенком
МГ-03/160	»	0,8–1	Z	0,8–1	Z	11	10	Сильно выношенная рыхлая ткань темно-коричневого цвета
МГ-03/161	Плотняное	0,5–1	Z	0,5–1	Z	10–11	8	Тонкое плотное полотно пояса темно-коричневого цвета. Хорошо сохранилось
МГ-03/163	»	0,5–1	Z	1–1,5	Z	10	7	Тонкое рыхлое полотно пояса темно-коричневого цвета, с утратами
МГ-03/168	»	0,8–1	S	0,9–1,1	S	8	7	Плотная ткань иссиня-черного цвета
МГ-03/174	Саржа 2/2	0,8–1,1	Z	0,9–1,2	Z	10	8	Ткань буро-коричневого цвета, выношена. Структура однородная. Ткацкая ошибка – уток перекрывает по одной и по три нити основы
МГ-03/175	Плотняное	1	S	1	Z	8	6	Толстое полотно тканой нашивки на пояс
МГ-03/182	»	1	Z	0,5–0,8	S	7–8	10	Тонкое полшерстяное полотно пояса. Плохо сохранилось. Фактура однородная
МГ-03/187, 188	Саржа 2/2	0,8–1	Z	1	Z	10	9	Плотная ткань с хорошо различной диагональной полоской буро-коричневого цвета
МГ-03/189	»	0,8–1	Z	0,8–1	Z	9	8	То же
МГ-03/191	Саржа 2/1	0,7–1	Z	0,7–1	Z	10	7	Толстая ткань с хорошо различной диагональной полоской
МГ-03/192	Плотняное	0,7	Z	0,7	S	7	10	Ткань очень плохой сохранности
МГ-03/193	»	2–3	S	2	S	7	5	Рыхлое полотно пояса. Кромки нет. Сохранность хорошая
МГ-03/194	»	0,6	Z	0,7–0,8	S	10	9	Ткань черно-зеленого цвета. Местами легкий настил. Сукно
МГ-03/197	»	0,8–1	S	0,8–1,1	S	8	8	Ткань черно-коричневого цвета, с открытой поверхностью
МГ-03/198	»	0,8	S	0,7–1,1	S	9–10	7	Плотная грубая ткань черно-серого цвета
МГ-03/199	Саржа 2/2	0,9–1	Z	0,9–1	Z	10	9	Мягкая рыхлая ткань буро-коричневого цвета
МГ-03/202	Плотняное	0,7	Z	0,8	S	8	5	Рыхлая ткань коричнево-зеленого цвета, с утратами. С двух сторон настил
МГ-03/204	»	0,6–0,8	S	0,8–0,9	S	10	6	Ткань зелено-коричневого цвета. Настил с одной стороны на поверхности, с обеих – в швах. Фланель
МГ-03/205	»	1–2	Z	1–2	S	8	7	Толстое сукно красного цвета
МГ-03/212	»	0,8–0,9	S	0,8–0,9	S	7	7	Ткань серо-зеленого цвета. Легкий настил с одной стороны. Фланель (?)
МГ-03/213	»	0,6–0,7	Z	0,8–0,9	S	10	6	Рыхлая ткань иссиня-коричневого цвета, с открытой поверхностью. Сохранность плохая

1	2	3	4	5	6	7	8	9
МГ-03/215	Саржа 2/2	0,9–1	Z	0,9–1	Z	7–8	7	Тонкая рыхлая ткань светло-коричневого цвета. Ткацкая ошибка – уток в каждом четвертом ряду перебивает по четыре нити основы
МГ-03/216	Плотняное	0,5–0,9	S	0,5–0,9	S	9	7	Черно-зеленая ткань плохой сохранности. Легкий настил с одной стороны
МГ-03/217	»	0,5–0,7	Z	0,7–0,9	S	9–10 (?)	6 (?)	Грубая толстая ткань серо-зеленого цвета. Сохранность плохая
МГ-03/218	»	0,8–0,9	S	0,8–1	S	10	8	Серо-зеленая ткань без настила
МГ-03/219	»	0,8	S	0,9	S	7	6	Плотная толстая ткань иссиня-черного цвета. Плотный настил с двух сторон. Фланель (?)
МГ-03/222	»	0,4–0,6	Z	0,5–0,9	S	14	14–16	Тонкая ткань темно-табачного цвета, хорошего качества, с равномерным натяжением нитей
МГ-03/229	Саржа 2/2	0,8–0,9 (до 1)	Z	0,8–1	Z	9	9	Толстая плотная ткань с однородной фактурой
МГ-03/230	»	0,5	Z	0,5–0,8	Z	11	9	Тонкое плотное полотно пояса светло-коричневого цвета. Хорошо сохранилось
МГ-03/233	Плотняное	0,6	Z	0,8–0,9	S	13	9	Достаточно плотная ткань красно-коричневого цвета
МГ-03/234	»	0,6	Z	0,8–0,9	S	13	9	То же
МГ-03/235	»	1–2	Z	1	Z	6	7–8	Плотное толстое полотно пояса. Хорошо сохранилось. На полотне просматриваются следы, похожие на проколы от иглы. Возможно, данное изделие использовалось как декоративное (было продольно сложено пополам)
МГ-03/240	»	1–1,5 (до 3)	Z	0,7–0,9	Одинарные Z, двойные S	8–9	9	Толстое плотное полотно пояса с полосато-пестрым узором. Две кромки. С одной стороны легкий настил
МГ-03/241	»	0,6–0,7	Z	0,7–0,9	Z	11	9	Ткань зеленого цвета. Настил с одной стороны
МГ-03/242	»	0,6–0,7	Z	0,7	S	15	15	Тонкая, очень плотная ткань темно-коричневого цвета, с настилом, местами он утрачен. Сукно
МГ-03/244	Саржа 2/1	0,5–1	Z	0,5–1	Z	6	10	Тонкое плотное полотно зеленовато-коричневого цвета. Хорошо сохранилось. Нити неравномерные, одинаковые в основе и утке
МГ-03/249	Плотняное	0,8–0,9	S	0,9–1	S	8	8	Грубая рыхлая ткань иссиня-черного цвета
МГ-03/250	»	0,8–1	S	0,8–1	S	7–8	5	Грубая толстая ткань иссиня-черного цвета. Сохранность плохая
МГ-03/257	»	0,8–0,9	S	0,9–1,1	S	8	7	Плотная толстая ткань черно-коричневого цвета. С одной стороны настил средней плотности. Ткацкая ошибка – двойной уток. Фланель (?)
МГ-03/259	Саржа 2/2	0,5–0,7	S	0,7–1	S	10	8	Толстая плотная ткань темно-синего цвета, почти черного (неустойчивые красители)
МГ-03/267	Плотняное	0,5–0,6	Z	0,6	S	12	10	Ткань серо-коричневого цвета. Настил с одной стороны. Сукно (?)
МГ-03/268	»	0,7–0,8 (до 1)	S	0,8–0,9 (до 1,2)	S	9	8	Ткань иссиня-черного цвета
МГ-03/270	»	0,7–0,8 (до 1)	S	0,8–0,9 (до 1,2)	S	9	8	То же
МГ-03/272	Плотняное (репс)	2–3	Z	2–3	S	7	3	Толстое плотное полотно пояса темно-коричневого цвета
МГ-03/277	Плотняное	0,7–0,9 (до 1)	Z	0,9 (до 1,2)	S	8	8	Ткань иссиня-черного цвета, сильно загрязнена

1	2	3	4	5	6	7	8	9
МГ-03/278	Саржа 2/2	0,7–0,9	Z	0,7–1,0 (до 1,1)	Z	10	9	Ткань буро-рыжего цвета. Ошибка в переплетении – уток через каждые три ряда перекрывает по четыре нити основы
МГ-03/281	»	0,8–1	Z	0,8–1	Z	10	9	Плотная ткань светло-буро-коричневого цвета. Нити основы и утка практически одинаковые
МГ-03/287	Плотняное	?	Z	?	?	?	?	Плотная ткань с очень плотным настилом (с двух сторон), поэтому параметры нитей и плотность не измеряются. Сукно
МГ-03/288	»	0,6–0,8	Z	0,6–1	S	14	5–6	Рыхлая ткань черно-зеленого цвета, с многочисленными утратами и легким настилом
МГ-03/289	Саржа 2/2	0,8–1 (до 1,1)	Z	0,9–1	Z	10	8	Ткань темно-коричневого цвета. Нестандартные кромки, уток перекрывает по четыре – шесть нитей основы
МГ-03/292	Саржа 2/1	0,8–0,9	Z	0,8–1 (до 1,3)	Z	6–7	10	Светло-бурая ткань с рельефной поверхностью
МГ-03/293	Плотняное	0,8	Z	0,8–0,9	Z	9–10	8	Коричнево-синяя ткань плохой сохранности
МГ-03/294	»	0,8–0,9	S	0,9	S	9	7	Ткань коричнево-красного цвета. Легкий настил. Сохранность плохая
МГ-03/295	»	0,8–1	S	0,9–1,1	S	9	7	Ткань красно-коричневого цвета
МГ-03/300	»	0,7	S	0,8	S	10	8	Ткань зелено-коричневого цвета. Настил средней плотности с двух сторон. Фланель (?)
МГ-03/301	»	0,7	S	0,8	S	10	8	То же
МГ-03/306	»	2	S	1	Z	7	5–6	Плотное толстое полотно пояса, плетение хорошо сохранилось. С двух сторон кромки
МГ-03/309	Саржа	1	Z	1	Z	9	7–8	Толстое плотное полотно пояса светло-коричневого цвета
МГ-03/312	Саржа 2/2	0,5–1	Z	0,5–1	Z	10	8–9	Однородная ткань с утратами, сильно загрязненная, светло-коричневого цвета
МГ-03/316	»	1–2	Z	1	Z	5–6	7	Толстая плотная ткань
МГ-03/320	Плотняное	0,9–1	S	1–1,1	S	9	8	Плотная толстая ткань с плотным настилом с одной стороны. Фланель (?)
МГ-03/322	»	0,5–1	Z	0,5–1,8	S	9–10	7–8	Тонкое полотно пояса светло-коричневого цвета. Поверхность ребристая
МГ-03/324	»	0,3–0,5	Z	0,4	S	13–14	14–15	Толстое сукно красного цвета
МГ-03/325	»	0,6	Z	0,8	S	16	16	Плотная ткань хорошего качества. Цвет красно-коричневый. Тонкое сукно фабричного производства
МГ-03/328	»	0,7–0,8	Z	0,8–0,9	S	11	9	Ткань коричнево-синего цвета, загрязнена
МГ-03/329	»	0,7–0,8	Z	0,8–0,9	S	9	10	Ткань коричнево-зеленого цвета, плохой сохранности
МГ-03/331	»	0,7–0,8	S	0,8	S	6	6–7	Ткань черного цвета (с зеленым оттенком), Легкий настил. Фланель (?)
МГ-03/332	»	0,7–0,8	S	0,8	S	6	6–7	То же
МГ-03/333	Саржа 2/2	1	Z	1–2	Z	12	10	Толстое плотное полотно пояса темно-коричневого цвета. Нити утка неравномерные
МГ-03/334	Плотняное	0,6	S	0,6–0,7	S	10	9	Плотная тонкая ткань болотного цвета
МГ-03/335	»	0,6–0,7	S	0,7–0,8	S	10–11	8–9	Плотная толстая ткань зелено-коричневого цвета
МГ-03/338	»	1	S	0,5–1	S	11	10	Тонкое плотное полотно темно-зеленовато-коричневого цвета. Плохо сохранилось
МГ-03/339	»	0,7–0,8	Z	0,7–0,8	S	8	7	Ткань иссиня-черного цвета
МГ-03/340	»	0,8–0,9	Z	0,8–1	S	8	7	То же

1	2	3	4	5	6	7	8	9
МГ-03/347	Плотняное	0,8	Z	0,9	S	9	6	Ткань болотного цвета в форме полоски с узлом на конце, очень грязная
МГ-03/348	»	0,6–0,9	S	0,8–1	S	8	6	Рыхлая ткань иссиня-черного цвета
МГ-03/349	»	0,7–0,9	S	0,8–1	S	8	5	Ткань иссиня-черного цвета
МГ-03/351	Саржа 2/1	1	Z	1–1,2	Z	8	8	Плотная ткань буро-коричневого цвета
МГ-03/353	Плотняное	0,7	Z	0,7	S	10–11	13	Ткань имеет плотный настил с одной стороны, с другой он сохранился в швах. Сукно высокого качества, коричнево-зеленого цвета
МГ-03/355	»	0,7	Z	0,7	S	10–11	13	То же
МГ-03/356	»	0,7	Z	0,7	S	10–11	13	То же, но коричнево-бурого цвета
МГ-03/358	»	0,3–0,5	Z	0,3–0,5	S	10	8	Толстое сукно, выношено с лицевой стороны
МГ-03/359	»	1	S (?)	1	S	3–4	5	Толстое плотное полотно пояса (?) сине-зеленого цвета. Плохо сохранилось
МГ-03/360	»	0,7	Z	7	S	10–11	12–13	Плотная, хорошего качества ткань кустарного производства. Цвет темно-коричневый. Настил был с двух сторон, с одной сохранился только в швах
МГ-03/361	»	0,7	Z	0,7	S	10–11	13	Ткань имеет плотный настил с одной стороны, на другой он сохранился в швах. Сукно хорошего качества, коричнево-бурого цвета
МГ-03/363	»	0,7	Z	0,7	S	10–11	13	Ткань имеет плотный настил с одной стороны. Сукно хорошего качества, коричнево-зеленого цвета
МГ-03/367	»	0,5–1	Z	1	S	12	10	Тонкое плотное полотно пояса бордового цвета. Легкий настил. Сукно без кромки
МГ-03/371	Саржа 2/2	1–1,5	Z	1	Z	11	10	Толстая плотная ткань светло-коричневого цвета, сложенная пополам в форме пояса
МГ-03/384	Плотняное	0,7	S	0,8	Z	8–10	6	Ткань табачного цвета
МГ-03/387	»	0,5–0,8	Z	0,6–1	S	10	5	Ткань коричневого цвета с зеленым оттенком
МГ-03/388	»	0,5–0,8	Z	0,6–1	S	10	5	То же
МГ-03/395	»	0,7	Z	0,7–0,9	S	9 (?)	11 (?)	Достаточно плотная тонкая ткань коричнево-зеленого цвета
МГ-03/397	»	0,5–0,6	S	0,7–0,8	S	10	8	Ткань черного цвета
МГ-03/399	»	1	Z	2	Z	6–7	6	Плотное полотно пояса. С одной стороны легкий настил. Кромки нет
МГ-03/401	Саржа 2/2	0,9–1	Z	0,9–1	Z	9	8	Плотная ткань светло-коричневого цвета с темными пятнами. Нити основы и утка одинаковые
МГ-03/402	Плотняное	0,7–0,8	S	0,8–0,9	S	10	8	Ткань иссиня-черного цвета. Настил средней плотности с двух сторон. Фланель (?)
МГ-03/407	»	0,7	Z	0,7	S	9	9	Коричнево-зеленая ткань с равномерным натяжением нитей. С одной стороны плотный настил. Сукно
МГ-03/2335	»	1,5 (двойные)	Одинарные S-крутки, двойные Z-крутки	0,7–0,8	S	6	8	Всего 33 нити, в основе чередуются темные и светлые. Кромки нет

* Все ткани изготовлены из шерсти, за исключением образца М-03/182, где основа – шерсть, уток – растительное волокно.

В исследовании использовалась общепринятая классификация текстиля по сырью (растительное, шерсть). Внутри выделенных групп материал подразделялся по способу переплетения – полотняное, саржевое (другие варианты переплетения отсутствуют), затем – по фактуре поверхности (открытая, закрытая настилом).

Если в образце были кромки или ткацкие ошибки, им уделялось особое внимание, т.к. они имеют большое значение для реконструкции приспособлений, на которых изготавливался текстиль.

При отсутствии кромки в полотне тканей, относящихся ко времени после XIII–XIV вв., как правило, основой считают более тонкие и круто свитые нити, утком – более толстые и менее круто свитые [Нахлик, 1963]. Эти параметры приняты и в нашем исследовании.

Технологические характеристики, выделенные в процессе изучения образцов текстиля, позволяют провести сравнительный анализ материала как в диахронном, так и в синхронном аспекте.

Ткани полотняного переплетения

О характеристиках текстиля со структурой полотняного переплетения можно судить на основе изучения 82 фрагментов. Все рассмотренные образцы ткани этого вида шерстяные. По фактуре они подразделяются на две подгруппы: с открытой поверхностью и с закрытой (т.е. имеющие на поверхности настил с одной или двух сторон).

Ткани полотняного переплетения с открытой поверхностью представлены 35 образцами. Сохран-

ность фрагментов различная, как и степень загрязнения. Цветовая гамма, представленная в текстильных материалах, обширна, основные цвета – коричневый, черный, синий, зеленый и красный (рис. 1, 2).

Эти ткани можно разделить на три группы в зависимости от крутки нитей основы и утка.

Группа I – нити одинаковой Z-крутки (Z/Z) и, как правило, средней тонины: от 0,6–0,8 до 1 мм (основные незначительно тоньше уточных). Часто плотность по одной структуре нитей значительно превышает плотность по другой.

Группа II – разнонаправленно скрученные нити (Z/S). В основе (?) их тонина от 0,5 до 0,8–1 мм, в утке (?) – от 0,7 до 0,8–1 мм. В этой группе выделяются ткани с равномерной и неравномерной плотностью. В зависимости от размера промежутков между нитями в основе и утке различаются плотные ткани и более редкие.

Группа III – нити одинаковой S-крутки (S/S). В основе (?) они имеют тонину от 0,6 до 0,8 мм, в утке (?) – от 0,7 до 0,8–0,9 мм. Часто основа и уток практически одинаковы. Плотность ткани находится в прямой зависимости от тонины нитей. Средние показатели: 10 нитей на 1 см по одной структуре, 9 нитей на 1 см – по другой.

Ткани полотняного переплетения с закрытой поверхностью представлены 47 образцами, имеющими настил либо только с одной стороны, либо с обеих (рис. 3–5). Он может быть сплошным с двух сторон или местами. Зачастую плотность настила (легкий, средней плотности, очень плотный) и характер расположения на поверхности (сплошной или местами) не дают полного представления об его происхождении. Можно предполагать, что в некоторых случаях настил

Рис. 1. Фрагмент тонкой редкой ткани полотняного переплетения (обр. МГ-03/125).

Рис. 2. Фрагмент редкой ткани полотняного переплетения (обр. МГ-03/15).

Рис. 3. Фрагмент тонкой прочной суконной ткани фабричного изготовления (обр. МГ-03/358).

Рис. 4. Фрагмент тонкой суконной ткани (выношена с лицевой стороны) фабричного изготовления (обр. МГ-03/324).

Рис. 5. Фрагмент красной суконной ткани фабричного изготовления (обр. МГ-03/205).

небольшой и средней плотности только с одной стороны ткани полотняного переплетения связан с долговременным использованием (ноской) текстильного изделия (как правило, он появляется с изнанки). Изначально плотный настил, характерный для текстиля определенного типа (сукно, шерстяная фланель, шерстяная байка), мог быть утрачен в процессе длительной носки. В этом случае он сохраняется в швах.

Ткани полотняного переплетения с настилом на поверхности делятся по направлению крутки нитей основы и утка на две группы.

Группа I – разнонаправленно скрученные нити (Z/S). Особенность этого текстиля – высокая плотность: по основе – от 9 до 16 нитей на 1 см, по утку – от 9 до 14. Тонина основы 0,5–0,8 мм, утка – от 0,6 до 1 мм.

Группа II – нити одинаковой S-крутки (S/S). По плотности ткани выделяются две подгруппы:

1) с примерно одинаковой плотностью по основе (от 6 до 10 нитей на 1 см) и утку (от 7 до 11) при тонины основных нитей 0,5–0,8 мм, уточных – 0,7–1 мм;

2) с менее равномерной плотностью: по основе – от 10 до 14 нитей на 1 см, по утку – от 6 до 8. Тонина основных нитей 0,8–0,9 мм, уточных – 0,9–1 мм.

Образцы группы II, как правило, имеют настил с одной стороны.

На основании технологических характеристик можно предположить, что ткани с открытой поверхностью, равномерной плотностью, разнонаправленно скрученными нитями (Z/S) и ткани с настилом, имеющие нити такой же крутки, – это сукно, а образцы с закрытой поверхностью, относящиеся к 1-й подгруппе II группы, – фланель или байка. По всей видимости, данные ткани были изготовлены на горизонтальном ткацком станке с педалями и развитым ремизным аппаратом, о чем свидетельствуют сле-

дующие признаки: равномерное натяжение нитей, равномерная плотность по основе и утку, “плоские” кромки, ткацкие ошибки, характерные для приспособлений такого типа (“двойной уток”).

Аналоги прежде всего суконных тканей имеются в материалах могильников XVII в. в Томско-Нарымском Приобье (Бедеревский Бор, Мигалка, Лукьяновский) [Глушкова, 2002, табл. 16–18], а также в более ранних комплексах: из Тискинского могильника XIV – начала XV в. [Там же, табл. 12] и памятников XIV–XVI вв. в Сургутском Приобье [Там же, табл. 24].

Ткани саржевого переплетения

Специально исследовались 23 образца тканей саржевого переплетения (общее количество 123 экз.). Были выбраны типовые фрагменты, отражающие общие характеристики текстиля этого вида, представленного в коллекции (рис. 6–8). Образцы саржевых тканей в основном имеют светло- или темно-коричневый цвет, который появляется в результате загрязнения при длительном нахождении в земле.

Органолептическими методами установлено, что во всех рассмотренных случаях сырье – шерсть.

В полотне ткани не всегда можно определить нити основы и утка. Они имеют одинаковое направление крутки (Z) и примерно одинаковую ее величину (количество оборотов в нити на 1 см). Тонина колеблется от 0,7–0,8 до 1 мм, причем нити одной структуры (предположительно утка), как правило, тоньше, чем другой.

Плотность ткани довольно равномерная и находится в прямой зависимости от тонины основы и утка (при использовании толстых нитей плотность ниже, и наоборот). Что касается структуры, то в коллекции

Рис. 6. Фрагмент толстой плотной ткани саржевого переплетения (обр. МГ-03/259).

преобладает саржа 2/2 (двусторонняя) и значительно меньше образцов саржи 2/1.

Как правило, ткани саржевого переплетения имеют открытую поверхность.

Приспособления для изготовления такого текстиля реконструируются по ткацким ошибкам, характеру кромок, признакам фактуры полотна. Обнаружены следующие ткацкие ошибки:

1) ошибка при сновании нитей основы на станке, в результате которой уток перекрывает по четыре нити основы (а не по две, как это должно быть) через каждые три ряда;

2) нечеткий перевод нитей основы при смене ткацкого зева – уток в единичных случаях перекрывает по одной или по три нити основы (должен перекрывать по две) – свидетельство несовершенного ремизного аппарата.

Представленные в образцах кромки можно описать как “плоские” – они имеют такой же вид, как и остальное полотно, но отличаются большей плотностью. Кромки этого типа являются признаком изготовления ткани на горизонтальном станке [Нахлик, 1963]. С таким станком, как правило, соотносится использование берда. О его применении могут свидетельствовать стандартные показатели плотности по основе (10 нитей на 1 см) в подавляющем большинстве случаев. Аналогичные показатели характерны и для многих образцов тканей полотняного переплетения.

В качестве предварительной гипотезы можно предположить, что ткани саржевого переплетения из мангазейской коллекции были изготовлены на горизонтальном ткацком станке с четырьмя или тремя нитченками и педалями. Однако нельзя полностью исключить вариант использования вертикального ткацкого станка с нитченками.

Шерстяные ткани саржевого переплетения из коллекции Мангазеи – массовый серийный материал. Их технологические характеристики описываются устойчивыми, близкими по значению для всех образцов признаками. Особенно стабильны такие признаки, как тонина основы и утка, соотношение их крутки, величины крутки, плотности и способ переплетения нитей. Это является свидетельством одинаковой (единообразной) технологии изготовления текстиля на однотипных приспособлениях.

Использование толстых, довольно неравномерно пропряденных нитей, наличие вышеописанных ткацких ошибок свидетельствуют о кустарном (нефабричном) изготовлении текстиля саржевого переплетения. Возможно, это было домашнее производство с использованием простых стандартных приспособлений.

Устойчивая технология изготовления текстиля саржевого переплетения соотносима с общесибирской традицией, бытовавшей здесь с раннего железного

Рис. 7. Фрагмент толстой плотной ткани саржевого переплетения (саржа 2/2) (обр. МГ-03/316).

Рис. 8. Фрагмент плотной толстой ткани саржевого переплетения (обр. МГ-03/80).

века (могильник Алдыган в Томско-Нарымском Приобье) до начала XIX в. (памятники Томско-Нарымского Приобья, Чулыма) [Там же]. Это и определяет сходство текстильных материалов из Мангазеи с тканями Западной Сибири IX – начала XIX в. Традиционная технология изготовления текстиля саржевого переплетения известна также по публикациям материалов раскопок в Новгороде (XII–XVI вв.) [Нахлик, 1963], финно-угорских могильников Приуралья [Ефимова, 1966] и других памятников Европейской России.

Тканые пояса, тесемки, нашивки из ткани

Было исследовано 37 образцов. Среди них выделены фрагменты тканых поясов ручного изготовления (7 экз.), нашивок из ткани (19) и тесемок/опоясок, ширина которых меньше 3 см (11 экз.).

Тканые пояса – толстые, плотные или на кожаной (берестяной) основе – описаны в этнографической литературе. Н.В. Лукина отмечает, что тканые опояски были очень хорошо известны у хантов, которые в начале XX в. сами их ткали, но с ввозом готовых изделий эта традиция прервалась [1985, с. 198]. Автор дает описание одного такого пояса: выткан из красной и темно-синей шерсти, концы обмотаны шерстяными нитками и к ним прикреплены полоски ткани, расшитые бисером. Н.В. Лукина также указывает, что носили и кожаные пояса, которые нередко обшивались сукном [Там же, с. 50], и упоминает о тканях-нашивках. На пояса нашивали продольные полосы или квадраты ткани, которые украшали бисером, иногда пуговицами-бляшками (отсюда дырочки на ткани). Со временем от частичного покрытия поясов тканью перешли к полному, а затем их стали изготавливать вообще без кожаной основы, из одного лишь сукна (западные ханты, манси) [Там же, с. 200]. О тканых поясах также упоминают Е.Г. Федорова [2000, с. 144] и Н.Ф. Прыткова [1953, с. 159, 195]. Плетеные пояса из разноцветной шерсти имели широкое распространение у северных хантов [Там же, с. 195].

Важная характеристика тканых поясов – прочность. Поэтому для их изготовления использовались толстые нитки, иногда двойные. Прочность ткани также усиливал настил на одной или обеих сторонах полотна.

Пояса, представленные исследованными фрагментами, изготовлены из шерсти, что, вероятно, связано со свойствами этого материала (прочность, мягкость, легкость окраски и т.д.), его доступностью, а также, возможно, с особым значением данного сырья. Для рассмотренных образцов характерен коричневый цвет (от светло- до темно-коричневых тонов). Сибирские народы в основном получали его путем окраски в отваре лиственничной коры (дает светло-

коричневый цвет) или черемуховой (темно-коричневый) [Шатилов, 2000, с. 92].

Наличие утрат и дыр, расположенных продольно посередине полотна поясов, свидетельствует о том, что на них нашивались пуговицы или, возможно, металлические бляшки. Многие пояса сильно поношены, на это указывают разрывы в полотне, истертый настил с одной стороны, скатанные нити и т.д. Однако общее состояние фрагментов позволяет провести их технологический, материаловедческий и структурный анализ.

Технологическая характеристика тканых поясов ручного изготовления (рис. 9, 10). Часто встречающийся прием увеличения прочности полотна – использование двойных нитей основы, чаще всего S-крутки, состоящих из двух одинарных Z- или S-крутки (соответственно Z2S и S2S). Уток более тонкий, нити как Z-, так и S-крутки. По-видимому, в ряде случаев в утке использовалась пряжа растительного происхождения, которая хранится в земле хуже, чем шерстяная. Из-за этого полотно распадается на отдельные нити основы или их группы, что делает невозможным или затруднительным проведение технологического анализа утка.

Средняя тонина основных нитей 1–2 мм, уточных – 1–1,5 мм. Плотность ткани по основе составляет от 3 до 10 нитей на 1 см, по утку – от 3 до 8–9. Наиболее часто встречается полотняное переплетение. В ряде случаев на поверхности изделия имеется настил, образованный спутыванием волокон основы и утка.

Технологическая особенность тканых поясов – использование разнонаправленно скрученных нитей основы и утка. Некоторые фрагменты имеют рябчатый рисунок или продольные полосы (рис. 9, 10). В образцах с рябчатым рисунком в основе нити только одного цвета, а уток двухцветный (светлая и темная пряжа). Чередование уточных нитей разного цвета на протяжении двух – четырех рядов при одноцветной основе создает поперечно-полосатый узор. Во фрагментах полотна с продольными полосами в основе нити двух цветов, а уток одноцветный. Такие пояса ручного изготовления по внешнему виду напоминают продольно отрезанные куски вышеописанной ткани полотняного переплетения с открытой поверхностью. Это своеобразное подражание. По всей видимости, для изготовления поясов использовались окрашенные нити, готовые изделия не подвергались окраске.

Как отмечает А.А. Попов, у хантов и манси существовали только два способа производства поясов – ручной и при помощи берда [1955, с. 133]. Это подтверждается сведениями У. Сирелиуса [1905]. Все изученные фрагменты тканых поясов имеют полотняное переплетение и, скорее всего, изготовлены при помощи берда. Оно представляло собой вертикальную прямоугольную доску с узкими прорезями во всю длину и круг-

Рис. 9. Фрагмент толстого тканого пояса полотняного переплетения с открытой поверхностью (без настила) ручного изготовления (обр. МГ-03/14).

Рис. 10. Фрагмент толстого тканого полосатого пояса полотняного переплетения ручного изготовления (обр. МГ-03/306).

лыми отверстиями в промежутках между ними по поперечной оси доски. Одни нити основы пропускались через прорезы, другие – через отверстия. При тканье зев перемещался подниманием и опусканием берда [Попов, 1955, с. 134]. Этот вид берда имеет сходство с бердечком восточных славян, которое описала Н.И. Лебедева [1956, с. 459]. Она, в отличие от А.А. Попова, относит данный способ изготовления поясов не к плетению, а к примитивному тканью, т.к. здесь налицо два признака: 1) разделение ниток на две группы – основу и уток; 2) механическое перемещение зева.

Технологическая характеристика тканых тесемок/опоясок. Все изученные образцы из шерстяного сырья. Уточные нити одного фрагмента, по всей видимости, были растительного происхождения и поэтому не сохранились. Эти изделия отличаются толщиной полотна и шириной (2–3 см). Для них больше, чем для тканых поясов, характерно использование двойных нитей основы, чаще всего Z-крутки (Z/S). Уток более тонкий, преимущественно S-крутки.

Средняя тонины основы в тканых тесемках/опоясках 2 мм, утка – 1–2 мм. Плотность по основе составляет от 5 до 8 нитей на 1 см, по утку – от 4 до 10. Переплетение у всех фрагментов полотняное. В случаях, когда основные нити толстые, а уточные тонкие, плотность по одной структуре (основе/утку) превышает плотность по другой в 2–3 раза, в результате полотно имеет репсовое переплетение нитей (основной репс/уточный репс). Большинство тканых тесемок имеет настил.

Технологическая особенность изделий этого вида – использование разнонаправленно скрученных нитей основы и утка. Полотно однотонное, без узора.

Рис. 11. Фрагмент толстой плотной ткани полотняного переплетения (нашивка на пояс) (обр. МГ-03/2335).

Тканые тесемки/опояски могли быть изготовлены как ручным способом, так и при помощи берда по такому же принципу, что и тканые пояса.

Технологическая характеристика тканей – нашивок на пояс (рис. 11–13). Они представлены более тонким плотным полотном из шерстяного сырья. Имеются два вида переплетения: полотняное и саржевое. У большинства фрагментов уточные нити толще основных: средняя тонины соответственно 1 мм и 0,5–1 мм. Плотность ткани по основе составляет от 6 до 11 нитей на 1 см, по утку – от 7 до 10. Встречаются полотна тканей как с открытой поверхностью (см. рис. 12), так и с закрытой (см. рис. 11, 13).

Рис. 12. Фрагмент тканой нашивки на пояс (полосатая ткань полотняного переплетения) (обр. МГ-03/176).

Рис. 13. Фрагмент тканой нашивки на пояс полотняного переплетения фабричного изготовления (обр. МГ-03/367).

Рис. 14. Фрагмент вязаной рукавицы (обр. МГ-03/400).

Настил на некоторых фрагментах позволяет предположить, что это сукно.

Технологическая особенность изделий этого вида – использование, как правило, тонких однотонных нитей.

Технология изготовления данных тканей связана с простыми приспособлениями для ткачества типа вертикального или примитивного горизонтального станка [Глушкова, 2002, с. 113, 114].

Рукавицы

Рукавицы представлены образцами изделий из ткани (как правило, саржевого переплетения, из растительного (?) и шерстяного сырья) и вязаных (рис. 14).

Вязаные рукавицы (пять целых и фрагменты) имеют общие характеристики: вязаное полотно из двойных нитей; части рукавиц, закрывающие кисть, как правило, связаны более плотно и аккуратно, чем “раструб”, начинающийся от запястья.

Сырье – шерсть. Двойные нити S-крутки состоят из одинарных Z-крутки (Z/S). Кручение двойных нитей, как правило, слабое, а кручение одинарных Z-крутки в обратном направлении при сучении по схеме S-крутки приводит к уменьшению первоначальной величины крутки в этих нитях, пряжа получается более мягкая, рыхлая и объемная.

На поверхности вязаного полотна полосы в виде “елочки”. Структура полотна образована круглыми взаимопроницающими петлями. Шаг стежка составляет от 0,8 до 1 мм, в разреженном полотне – 1,5 мм.

Технология изготовления – вязание одной иглой по принципу зацепления нитей. Его схема представлена в работе А. Нахлика, который, в свою очередь, использует реконструкцию вязания М. Хальд по материалам из Скандинавии, где подобная техника была известна с начала нашей эры до начала XV в., в некоторых странах – по настоящий день [Нахлик, 1963].

Выводы

В коллекции текстильных материалов Мангазеи начала XVII в. выделяются комплексы предположительно местных и импортных тканей. К первым, по всей видимости, относятся саржа и ткани полотняного переплетения с открытой поверхностью, незначительной плотностью и неравномерно пропряденными нитями. Они могли производиться в рамках домашнего ткачества на горизонтальном ткацком станке, хорошо известном русскому населению еще в XIII–XIV вв. Также местными можно считать пояса ручного изготовления, тесемки и вязанные рукавицы.

К импортным, вероятно, можно отнести ткани хорошего качества, с равномерно пропряденными нитями, равномерным их натяжением, высокой плотностью, с настилом или без него. Их производили по устоявшейся технологии в развитых текстильных центрах прежде всего Западной и Восточной Европы. Наличие цветных нитей в кромке, что встречается в образцах из Мангазеи, также является свидетельством принадлежности тканей к определенным европейским ткацким центрам [Нахлик, 1963]. Полосатые ткани хорошего качества (сукно без настила?), небольшие продольно раскроенные куски которых использовались в Мангазее как нашивки на пояса, известны по материалам XV в. из Новгорода и атрибутированы А. Нахликом как импортные.

Во Фландрии, Англии, Голландии с XIII–XIV вв. сложились развитые текстильные центры, где производились качественные сукна, фланели, другие шерстяные ткани. Однако описанные импортные ткани не самого высокого качества. По классификации А. Нахлика, они относятся к 4-му и 3-му сорту, которые характеризуются плотностью ткани не выше 14–16 нитей на 1 см при средних и толстых нитях. В мангазейской коллекции отсутствует текстиль со сложной структурой переплетения или высокими (более 22 нитей на 1 см) показателями плотности.

Сделанные выводы носят предварительный характер. Для выяснения всех технологических особенностей текстиля требуются дополнительные исследования

сырья, красителей, более тщательное сопоставление с уже опубликованными материалами.

Список литературы

- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.** Мангазея. – Л.: Гидрометеиздат, 1980. – Ч. 1: Мангазейский морской ход. – 164 с.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.** Мангазея. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – 148 с.
- Богомолов В.Б.** Ткани XVII в. тюрокского населения бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 1. – С. 112–116.
- Визгалов Г.П.** Русское посадское домостроение на севере Западной Сибири в XVII веке (по материалам новых исследований Мангазеи) // Русские: Материалы VII Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск, 2004. – С. 19–25.
- Глушкова Т.Н.** Сибирские текстильные материалы XVII в. // Средневековые древности Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1995. – С. 124–129.
- Глушкова Т.Н.** Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут: Изд-во Сургут. гос. пед. ин-та, 2002. – 206 с.
- Ефимова Л.В.** Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. – 1966. – № 107. – С. 127–134.
- Лебедева Н.И.** Прядение и ткачество восточных славян // ТИЭ. – 1956. – Т. 21. – С. 459–540.
- Лукина Н.В.** Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – 364 с.
- Нахлик А.** Ткани Новгорода // МИА. – 1963. – № 123. – С. 228–253.
- Пархимович С.Г.** Магические строительные обряды в Мангазее // Русские: Материалы VII Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск, 2004. – С. 47–53.
- Попов А.А.** Прядение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сб. МАЭ. – 1955. – Т. 16. – С. 41–146.
- Прыткова Н.Ф.** Одежда хантов // Сб. МАЭ. – 1953. – Т. 15. – С. 123–233.
- Сирелиус У.Т.** Домашние ремесла остяков и вогулов: Пер. с нем. // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1905. – Вып. 15. – С. 1–40.
- Федорова Е.Г.** Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблема формирования культуры хантов и манси. – СПб.: Европейский дом, 2000. – 367 с.
- Шатилов М.Б.** Ваховские остяки: Этнографические очерки. – Тюмень: Мандрюки, 2000. – 288 с.

Материал поступил в редколлегию 07.06.05 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ: ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

ЗИМА.

ИСТОРИЯ ТУРАТИНСКИХ КАЗАХОВ

По данным переписи 2002 г., численность казахов Республики Алтай составила 12 108 чел. (6 % от народонаселения); из них 11 125 чел. проживали в сельской местности, в т.ч. в пограничных Кош-Агачском и Улаганском районах – 9 517 и 517 соответственно, в Усть-Канском – 583 чел.; 11 153 казаха назвали родным язык своей национальности.

История формирования этого регионального сообщества начиналась в XIX в.; ее предопределили процессы демаркации границ и геополитические стратегии центрально-азиатских держав, административные и земельные реформы в Российской империи XVIII – середины XIX в. Этнополитическая карта макрорегиона в данный период имела сложную динамическую структуру. Только в конце XVIII – начале XIX в. стало фиксированным понятие “государственная граница”; именно тогда возникла проблема делимитации и демаркации восточных рубежей России.

К XVIII в. Саяно-Алтайский регион превратился в центрально-азиатский форпост Российской империи. В стратегии государственного администрирования пограничные территории, их богатства и народонаселение стали рассматриваться как один из важнейших ресурсов в развитии государства.

Окончательное оформление российской границы в Центральной Азии произошло после подписания Маргеланского договора 1894 г., который вслед за Кульджинским (1851), Пекинским (1860), Чугучакским (1864) и Петербургским (1881) создал для этого фундаментальную договорно-правовую основу. Впервые в рамках Чугучакского протокола был поставлен вопрос о закреплении народонаселения пограничных территорий. Тогда в состав русских пределов вошла значительная (ок. 25 960 кв. верст) территория с 64 тыс. душ кочевого населения. И хотя новая граница вызывала множество вопросов, тем не менее подписание договора имело огромное значение, т.к. устраняло разногласия по территориальным проблемам и способствовало прекращению локальных конфликтов на “ничейной” земле.

Еще до того как произошла разметка границы, российские власти разрешили переселение на Алтай. Совпавшая с демаркацией массовая миграция во

многом определяла содержание этнополитических процессов в сибирских пограничных регионах; одной из ее составляющих стал казахский вектор.

К концу XVIII в. казахам было дано право свободных перекочевов в Сибири при отсутствии у них административного устройства и фискальных повинностей. Постепенно казахи Среднего жуза заняли степные пространства в Прииртышье, позднее – Кулундинскую степь; в это же время они активно осваивали Бухтарминский край, проникая в пограничные пределы Горного Алтая. В начале XIX в. в ряде районов юга Западной Сибири началось образование локальных групп казахского этноса.

К середине XIX в. казахские кочевья занимали уже всю юго-западную часть Алтайского горного круга. С 1850-х гг. казахи особенно активно стали осваивать северо-западные районы Горного Алтая, имевшие по долине р. Чарыш выходы в пределы казахских станиц степного Алтая. Процесс их продвижения на территорию земледельческого пояса усиливался. Уже в начале XIX в. вдоль казахских линий, в предгорных районах Алтая на границах кочевой и земледельческой культур формировалась буферная зона. В 1835 г. здесь возникли новые податные единицы – оседлые инородческие управы: Сарасинская, Быстрянская и Кокшинская. Анализ документальных материалов свидетельствует, что они носили полиэтничный характер.

В формировании Сарасинской инородческой управы заметную роль играли казахи. Эта управа административно выделилась из Смоленской крестьянской волости после переписи 1816 г. Согласно устной традиции, в начале XIX в. во время голода в степи с Иртыша откочевали казахи рода “копёк”, которые стали оседать в крестьянских волостях Алтайского округа. В 1830 г. в с. Сарасинском насчитывалось 129 чел. К концу XIX в. в Сарасинской инородческой управе числилась 281 ревизская душа. В это время здесь было 20 деревень и сел, среди которых наиболее значимыми в истории освоения региона являлись Мыюта, Чепош, Анос, Чемал, Едиган, Большая Черга, Манжерок, Абай. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., Сарасинская управа сохраняла полиэтничный характер; казахскими в с. Сара-

синском были 66 домохозяйств из 257; в с. Большая Кыркыле – 17 из 26; в с. Малая Кыркыле – 11 из 33.

Сарасинские крещенные казахи жили смешанно с русскими, телеутами, кумандинцами; ориентировались на сельскохозяйственную (комплексную) экономику: наделы включали пашню и покосы, в стаде преобладали крупный рогатый скот и лошади, были свиньи и в незначительных количествах овцы; широкое распространение получили пчеловодство и извозный промысел. Наиболее распространенными фамилиями среди сарасинских казахов были: Ивановы, Бухарины, Коптеловы, Амеляновы, Коровниковы, Жаврины, Никитины, Романовы, Старковы, Егоровы, Голых и т.д. Существовая в рамках крестьянской православной культуры, казахи сохраняли самосознание, выраженное в самоназвании и подтвержденное особым статусом приписных “оседлых инородцев”.

Дальнейшая история Сарасы была связана с утратой этнического своеобразия населения; к середине XX в. казахи растворились среди русскоязычного большинства. Но в середине XIX в. Сараса дала начало анклаву казахов, который возник в Северо-Западном Алтае на границе русского земледельческого и алтайского кочевого этнокультурных ареалов.

В 1820–1830-х гг. казахи, не имея разрешения военных властей и администрации Горного округа, осваивали степи от Бийского округа и земель линейного казачьего войска на Бухтарме до г. Петропавловска. Несмотря на все усилия, практика их выдворения за пределы горного округа была неэффективной; в 1835 г., согласно официальной статистике, на его территории кочевало 8 605 казахов; по сведениям на 1849 г., только станичных казахов, проживавших на землях Сибирского казачьего войска, было 16 тыс.

В 1850-х гг. был вновь поставлен вопрос о выселении казахов за пределы Алтайского горного округа. Именно в этот период началось их продвижение в глубь Алтая, в зону расселения “кочевых инородцев”. С середины XIX в. урочища по рекам Черге и Турате, впадающим в р. Ануй (вдоль которой ниже по течению располагались казачьи станицы степного Алтая), стали местом формирования локальной группы казахов. Согласно народной традиции, первыми появились в долине Черги беглые казахи, искавшие земли и воли. В результате крещения из фискальных списков исчезали казахские имена, появлялись Коптеловы, Амеляновы, Романовы, Угрюмовы, Задонцевы, Кусковы, Мокины – эти фамилии были распространены среди крещенных казахов, а также в казачьих станицах по рекам Аную и Чарышу.

Анализ родовой структуры современных казахов Черного Анuya позволяет выявить более 20 генеалогических подразделений, большая часть которых

относится к племенным объединениям найманов (ок. 70 %) и кереев (20 %) Среднего жуза. Казахские родовые структуры по аналогии с алтайскими называются сеоками; это – бура, терткара, джарымбет, саржомарт, тырыс-тамба, керей, керей-ажы, архын, матай-тёлёс, даулет, керей-сейбан, керей-куттубай, джанбек, матай-кудас, уак, тёртол, конек, самай, керей-так, саргалдак, сары-дюмур, туранбай, шершент и др. В ходе дисперсного переселения казахов принцип родовой солидарности был в значительной степени сnivelирован, но родовое имя осталось символом самоопределения.

Этносоциальная структура черноануйских казахов начала складываться в середине XIX в. Группа формировалась в результате миграции, вызванной административно-территориальными преобразованиями в казахских кочевьях вслед за принятием “Устава о сибирских киргизах” (т.е. казахах) в 1822 г. В это время переселение казахов имело наиболее интенсивный характер. Переселенцы оседали в станах Алтайской духовной миссии; ее Черноануйское отделение было создано к 1848 г.

Первые записи о крещении казахов с. Черный Ануй сохранились в метрических книгах Улалинской Спасской церкви 1855–1870 гг. Позже регистрация велась в Черноануйской Свято-Троицкой церкви во имя Св. Живоначальной Троицы; храм был построен и освящен в 1885–1886 гг. на средства чиновника Федора Голубева.

Согласно метрическим записям, первыми жителями миссионерского стана стали выходцы из Кокпектинского внешнего округа, созданного в 1844 г. и ликвидированного в ходе дальнейших преобразований. Миграции казахов совпали с открытием и разработкой золотых месторождений в границах округа в 1830–1860 гг. По данным церковных книг, среди казахов Черного Анuya преобладали представители Сибан-Кереевской волости (керей); Терестамгалы-Найманской, Бура-Найманской, Сары-Жомарт-Найманской (найманы); а также представители уаков (без волостного, т.е. родового, обозначения).

В 1877 г. в Черноануйском отделении насчитывалось 1 252 души обоего пола. В 1881 г. численность жителей селений Черноануйского стана составляла 1 937 чел., из них 1 389 казахов и алтайцев, остальные – русские. В рамках православной традиции в зоне границы происходил активный процесс культурного обмена. Православие и ориентированный на комплексную крестьянскую экономику стандарт при сохранении языка и самосознания стали фактом существования казахов, проживавших по рекам Черге и Аную.

Черноануйские казахи мало занимались земледелием; в их руках находился извозный промысел Уймонского тракта, проходившего от Бийска через с. Черный Ануй в сторону сел Усть-Кан и Теньга.

В конце XIX – начале XX в. Черный Ануй славился как один из кумысных курортов Алтая. “В селении теперь 130 дворов, – указывалось в историко-статистическом сборнике по Алтаю за 1890 г., – из них 20 русских; есть церковь и школа. Жители новокрещенные киргизы (казахи – **И.О.**) мало занимаются хлебопашеством, главное занятие их скотоводство; русские же хлебопашцы... Здесь кумысники могут дешево, за 1–3 рубля в месяц, нанять отдельный дом (киргизские дома по летам пустуют), покупать от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. за ведро кумыса (или 10 коп. бутылка), молоко (3 коп. горшок), яйца 1 руб. за сотню, масло до 50 коп. безмен, хлеб и баранов (от 2 до 2 руб. 50 коп. штука). <...> Лучшим приготовителем кумыса считается киргиз (казах – **И.О.**) Машик (Истомин Машик Иванович. – **И.О.**), который делает кумыс различной крепости и вкуса”.

Среди жителей Черного Ануя и окрестностей было немало состоятельных людей. К числу крепких домохозяев принадлежали казахские семьи Акатьевых, Емельяновых, Истоминных, Соколовых, Кусковых, Ивановых, Тугамбаевых. Так, в 1917 г. Истомин Иван Клементьевич (78 лет), имея семью из 10 чел., владел табуном в 210 лошадей, гуртом из 92 коров, отарой овец и коз в 40 голов; усадьбой в 2 дес., пашней в 21 дес., покосом в 75 дес.; имел два плуга, десять железных борон, косилку, веялку, конные грабли, две телеги на железном ходу и пять – на деревянном.

Отгонное скотоводство с преобладанием коневодства и производство кумыса, которое практиковали казахи, являлось основой самосохранения и экономического благополучия этноса. Условием стабильности локального сообщества был принцип взаимодействия казахской, алтайской и русской культур на основе конфессионального единства. Усилия Алтайской духовной миссии, направленные на формирование единого социокультурного стандарта, обеспечивали возможности взаимодействия в рамках полиэтнического сообщества. Известно, например, что при Черноануйском стане уже в 1880-х гг. существовал один из лучших хоров православного Алтая, пользовавшийся особой поддержкой миссии. В результате освоения традиций русского церковного пения у казахов Черного Ануя сформировалась уникальная практика лирического многоголосья. До сих пор звучат в селе протяжные казахские песни.

Активное межкультурное взаимодействие, которое контролировала православная церковь, предполагало тенденцию к ассимиляции по схеме русификации. Но в Черноануйском отделении, где каждая этническая группа сохраняла языковое своеобразие и собственную культурно-хозяйственную нишу, происходило формирование поликультурной модели,

отличающейся большой проницаемостью признаков в бытовой и обрядовой сферах и терпимостью по отношению к иным традициям.

Ситуация изменилась в конце XIX в. с началом переселенческого движения на Алтай. С 1870-х гг. в долине Черги появились переселенцы из Томской, Тобольской, Пермской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Вятской, Рязанской, Самарской, Орловской, Ковенской и других губерний. Являясь фактическим собственником земли, Кабинет в пореформенное время делал основную ставку на получение доходов от земельной ренты и организации арендного хозяйства. Однако с начала активного переселения на Алтай прибывало зачастую малообеспеченное неплатежеспособное население; кроме того, возможности степного и предгорного Алтая по приему новоселов вскоре были исчерпаны.

“Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Е.И.В.” 1899 г. узаконило новые принципы перераспределения земли на основе подушного надела (15 дес.). Широкие землеустроительные работы начались в 1901 г. В 1906 г. сельским сходом Черноануйского миссионерского селения (“инородцами” 4-й алтайской дючины) было принято решение о “причислении в оседлость” с образованием инородческой управы им. Великого князя Алексея с отводом земель отдельно от русских крестьян. Документ, составленный от имени 240 душ мужского населения в присутствии сельского старосты Ивана Истомина и кандидата Василия Холуева, подтвердили своими фамилиями ок. 150 домохозяев: Угрюмовы, Истомины, Емельяновы, Соколовы, Романовские, Волковы, Смирновы, Кусковы, Акатьевы, Евтифеевы, Задонцевы, Холуевы и т.д. – те, кто когда-то покинул казахскую степь и, завоевывая право на новую родину, принял православие.

Интенсивное переселение на Алтай дестабилизировало ситуацию. Конфликт в с. Черный Ануй развивался, принимая порой жесткие формы. Его причина коренилась в земельном переделе и неприятии переселенцами “киргизской” (казахской) церкви, где службы велись и на казахском языке. Этнокультурные противоречия и растущая конкуренция за владение землей стали факторами роста этнического самосознания. Разделение “своего” и “чужого” для казахов соединялось с поисками самобытности. Манифест о свободе совести 1905 г. стал поводом для возврата к исламу – вере, играющей для маргинального поликультурного сообщества дифференцирующую роль. Развитие ситуации привело в 1905–1910 гг. к выделению казахского с. Турата.

Дальнейшая судьба группы черноануйских/туратинских казахов, разделившей судьбу страны, оказа-

лась трагичной. Годы гражданской войны и коллективизации привели к социальной конфронтации и подорвали традиционную экономику. Последовавшие затем политические репрессии 1930-х гг. уничтожили национальную элиту – лидеров казахского возрождения начала XX в. По обвинению в причастности к “контрреволюционной националистической организации” на Алтае подверглись преследованиям десятки людей; им инкриминировали развал советского строя и коммунистической идеологии, японский и английский шпионаж, сотрудничество с казахской контрреволюционной организацией “Алаш-Орда”, пропаганду идей ойротского великодержавия и религиозную агитацию.

В Черном Ануе и Турате было арестовано ок. 70 мужчин. В число репрессированных попал и первый председатель национального казахского колхоза Саду Кусков; он был приговорен к высшей мере наказания, но, как и многие, реабилитирован в 1950-х гг. из-за отсутствия состава преступления. В годы Великой Отечественной войны на фронт ушли более 100 чел.; лишь немногие вернулись. Над Туратой и Черным Ануем зазвучали печальные песни:

Через вершину Тураты перевалю я-оу!
Траву ее потопчу я.
Ау, сыновья мои безвременно ушли-оу!
Плача, я петь буду.
Как почка таволги-оу!
Как голос серого гуся.
Жаль, жизнь моя в горе прошла-оу!
Теперь почему уходить мне?!

(Фольклор туратинских казахов.
Перевод Е.В. Николиной)

Социальные потрясения сделали несущественными былые межэтнические противоречия. Потеряв значительную часть жителей – русских, алтайцев, казахов, – в годы Великой Отечественной войны села Черный Ануи и Турата прославились как родина героев. Четыре Героя Советского Союза вышли из этих мест: Елеусов Джанибек Акатович, Тугамбаев Кыдран Александрович, Уфимцев Сергей Кириллович и Шуклин Илья Захарович.

И хотя в 1920–1940-х гг. казахскому сообществу Северо-Западного Алтая был нанесен серьезный урон (подорвана эндогамность группы, трансформировались демографические структуры, усилилась метисация и т.д.), основное ядро черноануйских/туратинских казахов продолжало сохранять обычаи, язык, имя, самосознание. Их потомки и по сей день живут в Турате и Черном Ануе Усть-Канского р-на Республики Алтай. Из 1 130 чел., ныне живущих в Черноануйском сельсовете (Турата – 265 чел., Каракол – 155, Черный Ануи – 710 чел.), ок. 40 % – казахи, 40 % – русские, 20 % – алтайцы; хотя давно уже смешались в деревнях и семьи, и традиции.

Современный мир диктует свои законы. Меняется архитектура. Ветшают купеческие особняки на улицах Черного Ануя. Нет больше Свято-Троицкой церкви. Доживают свой век в Турате маленькие избушки, которые возводились по традиции, заложенной Алтайской миссией в конце XIX в. В них с огромными глинобитными печами соседствовали маленькие железные “буржуйки” и, по казахскому обычаю, на печке всегда стоял горячий чай.

Уходит в прошлое традиционная бытовая культура кочевников. Но остаются традиционные формы хозяйства, основу которого составляло отгонное пастбищное скотоводство с преобладанием коневодства. Меняются одежда и утварь, но сохраняются вещи, имеющие для казахов характер культурных символов. Еще живут в Турате мастерицы, продолжающие шить мозаичные ковры и стеганые одеяла из шерсти; по-прежнему сохраняют в домах старые зыбки и дедовские плети. Как и прежде, казахи соблюдают многие нормативные предписания; строго исполняют ритуалы, отмечающие появление человека на свет и его уход из жизни, – обряды укладывания в колыбель и погребально-поминальные церемонии, соединяющие людей в единое целое.

И хотя в начале XXI в. свободно владеют родным казахским языком (туратинским диалектом) только люди среднего и старшего возраста, а молодежь до 30 лет имеет лишь элементарные разговорные навыки, по-прежнему читают в Черном Ануе и Турате суры Корана, и по-прежнему звучат на свадьбах и праздниках казахские песни.

Надеждой на будущее становится для черноануйских/туратинских казахов их вера. Местные религиозные практики характеризует явление синкретизма – сложное переплетение элементов народных верований, ислама и православия. В последние годы предпринимаются попытки возрождения ислама. Одновременно в Черном Ануе идет строительство нового православного храма. Веротерпимость является одним из условий существования полиэтнического локального сообщества, частью которого стали потомки тех, кто когда-то покинул казахскую степь в поисках лучшей доли.

Сегодня казахи Северо-Западного Алтая включаются в систему контактов с казахскими сообществами Алтая, Монголии и Казахстана. Расширение связей ведет к росту этнического самосознания. В июле 2001 г. в Кош-Агачском р-не Республики Алтай состоялся Малый курултай казахов России, собравший гостей из Алтайского края, Москвы, Монголии, Китая, а также представителей Казахстана, членов Всемирной ассоциации казахов. Этот съезд обозначил диаспоральную доминанту в самоопределении казахов Алтая, которая явилась итогом длительного процесса этнического развития локального сообщества.

Нынешнее существование черноануйских/туратинских казахов не дает права на пессимистический прогноз. Республика Алтай, в 1991 г. провозгласившая суверенитет в территориальных границах Горно-Алтайской автономной области, декларировала “национальную государственность”, выразившую интересы и волю проживающих на этой территории народов к самоопределению, социально-экономическому прогрессу, культурному и духовному возрождению. В рамках алтайской государственности казахи, обладающие языковой, культурной самобытностью и единым самосознанием, как и все народы республики, получили подтверждение культурного и языкового суверенитета.

Благодарности

Дирекция Института археологии и этнографии СО РАН, руководство научно-исследовательского стационара «Денисова пещера», все участники фотопроекта выражают благодарность администрации Усть-Канского района Республики Алтай, черноануйской сельской администрации, педагогическим коллективам школ сел Черный Ануй и Турата, жителям Черного Анuya, Тураты и Каракола за поддержку и плодотворное сотрудничество.

И.В. Октябрьская

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
SIEM405@yandex.ru*

* * *

Фоторепортаж подготовлен А. Кузнецовым (г. Красноярск) и В. Кламмом (г. Новосибирск).

Александр Кузнецов родился в 1957 г. в пос. Новоселовском Красноярского края. Окончил Красноярский государственный технический университет. Мастер спорта по альпинизму, двукратный чемпион страны. Участник экспедиций на Эверест 1995, 1996, 1998 гг. С 1991 г. работает фотожурналистом в старейшей краевой газете “Красноярский рабочий” (издается с 1905 г.). Персональные выставки прошли в Москве, Санкт-Петербурге (1981–2002 гг.), Шотландии (1989), Индии (1990), Новой Зеландии (1991), Австралии, США, Франции (1992), Германии (1993, 1999). Лауреат конкурса “Горизонты Красноярья” (2001, 2002, 2003 гг.). В 2002–2005 гг. являлся участником международных экспедиционных и выставочных фотопроектов: “Люди на границах”, “Навстречу Нансену”, “Ворота Азии. Иртыш Черный и Белый”,

“М52. Чуйский Тракт”, “Северо-Западный Алтай: четыре времени года”. Один из авторов фотоальбома “Новосибирская область”, в 2005 г. отмеченного премией губернатора Новосибирской обл. Является обладателем золотой медали за победу в Третьем международном фотосалоне “Сибирь-2004”.

Валерий Кламм родился в 1961 г. в г. Новосибирске. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт. В настоящее время – президент Фонда им. Ю. Кондратюка и фонда “Фототекст” (г. Новосибирск). В 2002–2004 гг. являлся руководителем и участником фотопроектов: “Люди на границе”, “Енисей: река истории – истории реки”, “М52. Чуйский тракт”, “Ворота Азии. Иртыш Черный и Белый”. Авторские фотоработы были представлены на выставках “М52. Чуйский тракт” (Москва, Бийск) и “Ворота Азии. Иртыш Черный и Белый” (Москва, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар, Омск).

1. А. Кузнецов. Село Черный Ануй. Утро воскресного дня.

Более полутора столетий прошло с тех пор, как на старом Уймонском тракте возникло село Черный Ануй. Первопоселенцами в долине Черги стали крещеные казахи, телеуты, алтайцы, казаки. Когда-то Черный Ануй был знаменит Свято-Троицкой церковью и кумысными фермами; славился своими ямщиками, купцами, конезаводчиками. Шло время. Менялось село.

В конце XX в. на избах появились спутниковые антенны, а в школе – компьютеры. Изменилась культура и нравы, но остались прежние ценности. Сегодня, как и когда-то, достаток по-прежнему измеряется численностью отар и конских табунов. И по-прежнему вьются над зимним Черным Ануем печные дымки, рождая ощущение домашнего тепла и покоя.

2. А. Кузнецов. Сельская улица в с. Черный Ануй.

3. А. Кузнецов. Свадьба Татьяны и Азамата Дюсембаевых в клубе с. Черный Ануй.

В один из морозных февральских дней 2005 г. в с. Черный Ануй Усть-Канского р-на Республики Алтай казахские семьи Акатьевых и Дюсембаевых играли свадьбу. На торжественную регистрацию в клубе собрались несколько сотен человек – казахи, русские, алтайцы – жители села, чья жизнь, судьба, прошлое и будущее переплелись в единое целое; так сплетаются корни деревьев или стежки узорных войлочных ковров, создавая основу бытия.

4. А. Кузнецов. Свадьба Татьяны и Азамата Дюсембаевых. Праздничное застолье. Свадебный каравай преподносят старейшим женщинам рода – бабушке невесты Көштөк-апа и бабушке со стороны жениха Чарбике-апа.

5. **В. Кламм.** Свадьба Татьяны и Азамата Дюсембаевых. Начало церемонии.

Изольда и Гайдар познакомились во время учебы в пединституте Горно-Алтайска. Гайдар был родом из джазоторских/кош-агачских казахов. Изольда по отцовской линии принадлежала к роду Истоминных – в прошлом одному из самых богатых казахских родов Черного Ануя. Их сын Азамат Дюсембаев выбрал в жены односельчанку – Таню из многочисленной семьи Акатьевых.

На свадьбе встретились две ветви казахов Алтая – кош-агачские и черноануйские родственники. Начиная торжество, домбрист из кош-агачских гостей исполнил традиционный “Бет ашар” и концом грифа поднял край фаты, открыв лицо невесты для новой родни и всего белого света.

6. **В. Кламм.** Подготовка к свадьбе Татьяны и Азамата Дюсембаевых. Исполнитель “Бет ашар”.

7. А. Кузнецов. В доме Сергея и Тамары Акатьевых. Бабушка невесты Кёштёк-апа готовится к выкупу.

Бабушки и внуки связаны особыми отношениями. До поры до времени они живут общими заботами, говорят на одном языке. Потом о бабушках вспоминают в дни торжеств: им уступают самые почетные места за свадебным столом, бабушкой пытаются подменить невесту. От детства до старости проходит долгая жизнь. И все повторяется снова и снова. Дети женятся, бабушки воспитывают внуков.

8. А. Кузнецов. В доме Татьяны Куатбековны Елеусовой – учителя истории средней школы им. Героя Советского Союза К.А. Тугамбаева в с. Черный Ануй.

9. В. Кламм. Аркен-ага. Аркен Ефимович Смирнов (1929 г.р.) – старейший мулла с. Турата.

“По казахскому обычаю, если ребенка в зыбку кладут, барана по-человечьи должны заколоть, чтобы все косточки по суставам были разобраны. Только шею варят целиком; собравшиеся должны обглодать ее дочиста, чтобы шея и жизнь ребенка были крепкими; для этого вставляют в позвонки палку и прячут в надежном месте...” – так начинают в Черном Ануе рассказ про старый обычай укладывания младенца в колыбель. Его по сей день чтут в казахских семьях. До сих пор хранят в домах старые зыбки, в которых выросло не одно поколение малышей. Зыбки стареют, а дети растут, наследуя традиции дедов.

10. В. Кламм. В доме Алены и Евгения Минаковых. В зыбке Дима Минаков – маленький полноправный гражданин с. Черный Ануй.

11. **В. Кламм.** В доме Марии Николаевны Таксановой – учителя с 40-летним стажем, в недавнем прошлом директора Туратинской начальной школы.

Мария Николаевна Таксанова – отличник народного просвещения, более 40 лет работала учителем, долгие годы была директором Туратинской начальной школы, где всегда преподавали и сегодня по-прежнему преподают казахский язык. Школьные реформы проходили одна за другой, менялись программы и идеологические концепции; но при всех переменах здешние учителя, как и все люди старшего поколения, пытались сберечь родную речь и обычаи родного народа. Еще недавно лишь немногие старики в Турате и Черном Ануе читали суры Корана, теперь их знают многие молодые; и во время ритуальных застолий ладони раскрывают все, кто слышит священные слова: и молодые, и старые; и казахи, и русские, и алтайцы. Таков обычай.

12. **В. Кламм.** Застолье в доме Аркена Ефимовича Смирнова. Благословение – бата.

13. **А. Кузнецов.** На маральнике в с. Каракол.

Зима приходит на стоянки и фермы в окрестностях Тураты, Черного Ануя и Каракола, объединенных в одну сельскую администрацию, с обычными заботами: как прокормить скот, как уберечь от падежа и волков, как сохранить приплод. А для семьи Олега Задонцева есть еще одна проблема – как справиться со строптивой Люсей. Маленькую ишачиху Люсю Олег купил для своего пятилетнего сына Кудайбергена. Мальчику уже 10 лет. Люся тоже выросла, стала хозяйкой на стоянке и теперь гоняет коней.

14. **А. Кузнецов.** На зимней стоянке Олега Задонцева.

15. А. Кузнецов. Подготовка к застолью в доме Далабая Акатьева.

Ирина и Далабай Акатьевы, имея хорошо обустроенный дом в Черном Ануе, большую часть времени проводят на стоянке рядом с пастбищами, где тебенюет скот ассоциации "Ануи". Здесь их работа. В выходные дни и на каникулах к ним приезжают дети. В пространстве "кочевого" дома легко уживаются потрескивающая дровами печка, телевизор, благодаря спутниковой антенне вещающий на 23 каналах, календарь православных праздников и казахская плетель, защищающая семью от злых сил и недобрых глаз. Знаками гостеприимства дома становятся чай с молоком, дымящийся в тиграх, и почетное угощение казы – колбаса из конской брюшины, выложенная на блюдо с добрыми пожеланиями.

16. А. Кузнецов. Ирина, Далабай и Марина Акатьевы в доме на зимней стоянке.

КРАНИОСКОПИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ*

Введение

Проблемы формирования и последующей эволюции носителей ряда родственных культур, относящихся к т.н. скифо-сибирской этнокультурной общности, являются одними из ключевых для понимания этнических процессов, происходивших на территории степной зоны Северной Евразии на протяжении большей части I тыс. до н.э. К сожалению, для их решения из всех возможных при изучении палеоантропологического материала систем признаков активно использовалась лишь краниометрия.

Цель работы – введение в научный оборот и сопоставление данных по ряду групп населения Западной и Южной Сибири скифского времени, которые были изучены автором по краниоскопической программе, предложенной А.Г. Козинцевым [Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992]. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Т.А. Чикишеву, Д.В. Позднякова и М.П. Рыкун за предоставленную мне возможность работать с краниологическими коллекциями Института археологии и этнографии СО РАН и Томского государственного университета, а также за оказанную практическую помощь.

Краниоскопические особенности изученных групп

Четыре из шести изученных признаков, а именно ЗИ, ЗСШ, ИПНШ и НО, являются значимыми для диффе-

ренциации современных европеоидных и монголоидных популяций (табл. 1). Для европеоидов характерны низкие частоты ЗИ, ЗСШ, НО и высокие частоты ИПНШ, для монголоидов – наоборот. Два признака – КВШ и ПГУ II – эффективно выделяют обско-угорские и самодийские группы, которые характеризуются сочетанием низкой частоты КВШ и высокой – ПГУ II.

Большинству исследованных групп скифского времени при сравнении со сборными сериями, представляющими европеоидов и монголоидов, соответствуют частоты ЗИ, ЗСШ и ИПНШ, присущие европеоидам (рис. 1). Устойчивый сдвиг в “восточном” направлении демонстрирует только серия из т.н. царского кургана Аржан-2. Вместе с тем среднее значение частот НО для сборных серий, кроме погребенных в Аржане-2, пазырыкцев и тагарцев (Кузнецкая котловина) превышает данный показатель для современных монголоидов. Повышенные, хотя и не столь сильно, как в данном случае, частоты НО характерны также для ряда популяций бронзового века с территории степной и лесостепной зон Западной и Южной Сибири [Громов, Моисеев, 2004]. Учитывая это, а также отсутствие заметной “восточной” тенденции по другим признакам у пазырыкцев и тагарцев Кузнецкой котловины, считаю, что говорить о значительном участии монголоидных групп в генезисе данных популяций преждевременно. Однако эту особенность можно рассматривать как следствие родственных связей указанных групп с европеоидами Южной Сибири эпохи бронзы. Предположение об участии монголоидов в формировании группы из Аржана-2 имеет под собой больше оснований, поскольку она, как уже отмечалось, демонстрирует устойчивую “восточную” тенденцию практически по всем признакам,

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”.

Таблица 1. Частоты краниоскопических признаков в краниологических сериях скифского времени из Западной и Южной Сибири, %

№ п/п	Серия	ЗИ	КВШ	ЗСШ	ПГУ II	ИПНШ	НО
1	Тагарская культура (Кузнецкая котловина)	4,0*(31)	19,9*(61)	11,9 (42)	65,5 (29)	81,4 (43)	63,2 (57)
2	Тагарская культура (Аскиз-2)	22,4*(51)	28,6 (131)	14,7 (75)	61,3 (62)	74,0 (73)	37,7 (114)
3	Камень-2	14,6*(37)	21,2 (108)	8,5 (71)	75,0 (52)	64,6 (48)	35,7 (84)
4	Быстровка-1–3	12,5 (114)	23,1 (216)	10,7 (150)	60,2 (88)	61,6 (125)	34,6 (240)
5	Саргатская культура	0,0 (77)	16,9 (195)	7,8 (115)	69,1 (55)	66,7 (114)	37,9 (198)
6	Пазырыкская культура	11,5 (114)	21,6 (283)	11,1 (135)	50,5 (107)	68,0 (150)	57,4 (197)
7	Аржан-2	54,0*(29)	20,3 (36)	26,1 (23)	85,0 (20)	52,2 (23)	68,8 (32)

Примечание. Здесь и далее: ЗИ – затылочный индекс, КВШ – клиновидно-верхнечелюстной шов, ЗСШ – заднескуловой шов, ПГУ II – подглазничный узор типа II, ИПНШ – индекс поперечного небного шва, НО – надглазничные отверстия. В скобках указана общая численность наблюдений.

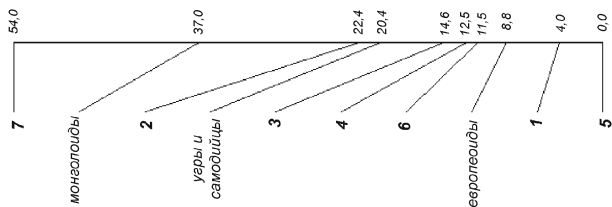
* Величины, вычисленные по уравнению регрессии.

значимым для дифференциации современных европеоидных и монголоидных популяций. Следует, правда, иметь в виду, что крайние значения частот, характеризующие серию, могут быть обусловлены малочисленностью группы. Необходимо также учитывать возможные родственные отношения между

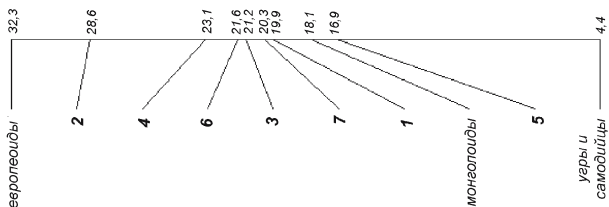
индивидуумами, погребенными в данном могильнике, который представлял собой родовую усыпальницу верхушки раннескифского общества.

Полученные результаты как будто подтверждаются краниометрическими данными. Согласно предварительному заключению Т.А. Чижишевой, среди

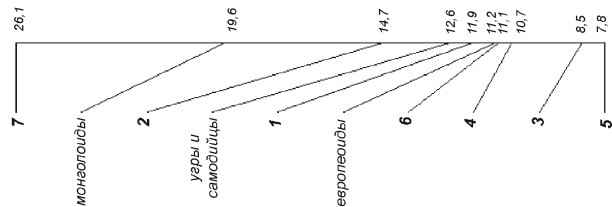
ЗИ

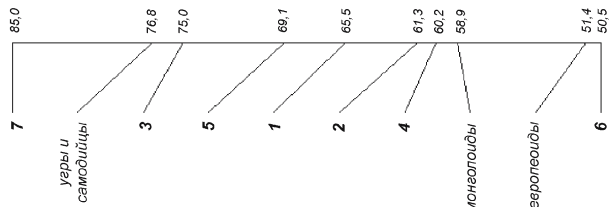
КВШ

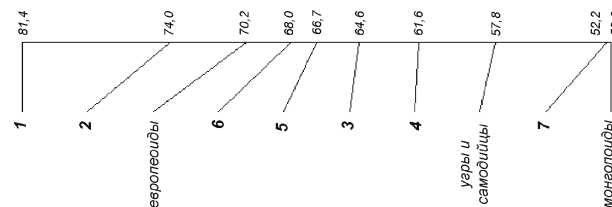
ЗСШ

ПГУ II

ИПНШ

НО

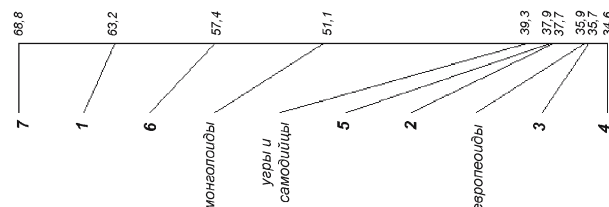

Рис. 1. Частоты шести краниоскопических признаков в изученных сборных сериях с территории Европы и Азии, а также у обских угров и самодийцев. Номера групп и усл. обозн. см. в табл. 1.

серий скифского времени с территории Тувы наиболее однородной является серия из кургана Аржан-2. Исследовательница отмечает “восточное” уклонение группы по углам горизонтальной профилировки лица, которые больше, чем “типичные для групп метисного европеоидно-монголоидного происхождения, но не достигают величин, характерных для представителей известных антропологических вариантов северных континентальных монголоидов” [Чижишева, 2004, с. 120].

Частоты КВШ в анализируемых сериях существенно выше показателей, характерных для современных обско-угорских и самодийских групп. Наиболее низкая частота данного признака соответствует сборной серии саргатской культуры. Самой высокой частотой ПГУ II отличается серия из Аржана-2. Последнее, однако, не позволяет говорить о специфически “уральском” сдвиге серии из Аржана-2, поскольку частота КВШ в ней заметно превышает уровень, характерный для уралоязычных популяций. Подобное сочетание – высокая частота ПГУ II и КВШ – соответствует современным центрально-азиатским популяциям. Данная комбинация признаков у этих групп сочетается с выраженной “восточной” тенденцией, что демонстрирует серия из Аржана-2.

Сравнительный анализ

В качестве сравнительного материала были использованы сборные данные современных групп из Восточной Европы, Сибири, Средней и Центральной Азии, а также древних серий из Сибири и Центральной Азии эпох неолита, бронзы и раннего железа (табл. 2). Статистическое сопоставление проводилось с использованием методов главных компонент и кластерного анализа. С целью стабилизации дисперсий частоты признаков предварительно преобразовывались в радианы.

На долю первой главной компоненты (I ГК) приходится 42 % общей дисперсии (табл. 3, рис. 2, 3). Она дифференцирует группы вдоль оси “запад – восток”. На “западном полюсе” располагается большинство древних групп эпохи бронзы; крайнее положение занимает близкая к современности

сборная серия с территории Восточной Европы. На “восточном полюсе” находятся близкие к современности сборные серии из Центральной Азии и Восточной Сибири, крайнее же положение занимает серия из Аржана-2. Последнее неудивительно, т.к. данная группа, как было показано выше, занимает крайнее место по нескольким исходным признакам, значимым для дифференциации европеоидных и монголоидных популяций.

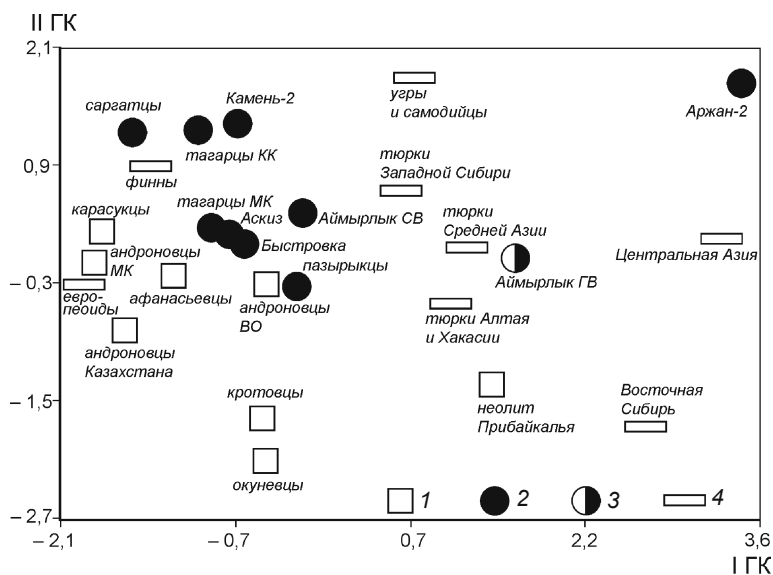

Рис. 2. Расположение групп в пространстве I и II ГК.

1 – эпоха неолита и бронзы; 2 – скифское время; 3 – гуннское время; 4 – близкие к современности группы. МК – Минусинская котловина, КК – Кузнецкая котловина, ВО – верхняя Обь, СВ – скифское время, ГВ – гуннское время.

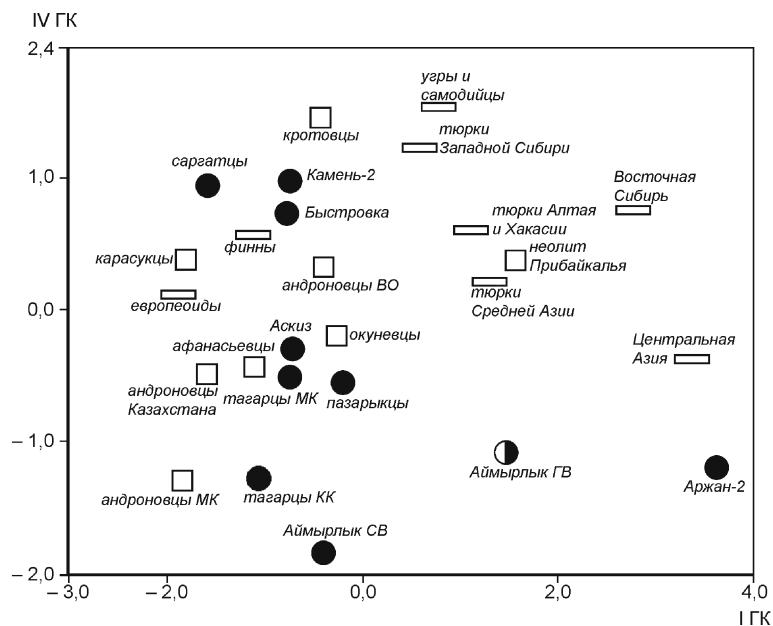

Рис. 3. Расположение групп в пространстве I и IV ГК.

Усл. обозн. и расшифровку сокращений см. на рис. 2.

Таблица 2. Сведения о сериях, использованных для многомерного анализа

№ п/п	Серии	Источники
<i>Древние серии</i>		
1	Неолит Прибайкалья	Kozintsev, 1992
2	Афанасьевская культура	Громов, 1997
3	Окуневская культура	То же
4	Кротовская культура (Сопка-2)	»
5	Андроновская культура (Минусинская котловина)	»
6	Андроновская культура (Казахстан)	»
7	Андроновская культура (верхняя Обь)	»
8	Карасукская культура	»
9	Тагарская культура (Минусинская котловина)	Kozintsev, 1992
10	Аймырлык (скифское время)	Ibid
11	Аймырлык (гуннское время)	»
12	Тагарская культура (Кузнецкая котловина)	См. табл. 1. в данной статье
13	Тагарская культура (Аскиз)	То же
14	Камень-2	»
15	Быстровка-1–3	»
16	Саргатская культура	»
17	Пазырыкская культура	»
18	Аржан-2	»
<i>Близкие к современности суммарные серии</i>		
19	Угры и самодийцы	Kozintsev, 1992; Моисеев, 1999
20	Поволжские и прибалтийские финны	То же
21	Тюрки Западной Сибири	Моисеев, 1999
22	Тюрки Средней Азии	Kozintsev, 1992
23	Тюрки Алтая и Хакасии	Kozintsev, 1992; Моисеев, 1999
24	Центрально-азиатские группы	Kozintsev, 1992
25	Восточно-сибирские группы	Ibid
26	Группы с территории Восточной Европы и Кавказа	»

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между исходными признаками и значениями первых четырех главных компонент

Признак	Главные компоненты			
	I	II	III	IV
ЗИ	0,79	–0,36	0,33	0,06
КВШ	–0,49	–0,24	0,50	0,66
ЗСШ	0,87	0,13	–0,16	0,14
ПГУ II	0,08	0,91	0,39	0,09
ИПНШ	–0,70	0,11	–0,50	0,28
НО	0,64	0,09	–0,41	0,55
Собственное число	2,51	1,05	0,96	0,84
Доля общей изменчивости, %	41,8	17,5	16,1	14,0

Еще раз подчеркну, что, хотя оценка величины “восточного” сдвига серии из Аржана-2 не может считаться достаточно надежной вследствие малочисленности серии, сам факт такого сдвига не вы-

зывает сомнений, тем более что группа уклоняется в “восточном” направлении по двум системам признаков – краниоскопии и краниометрии. Краниоскопически аржанская серия ближе всего к современной

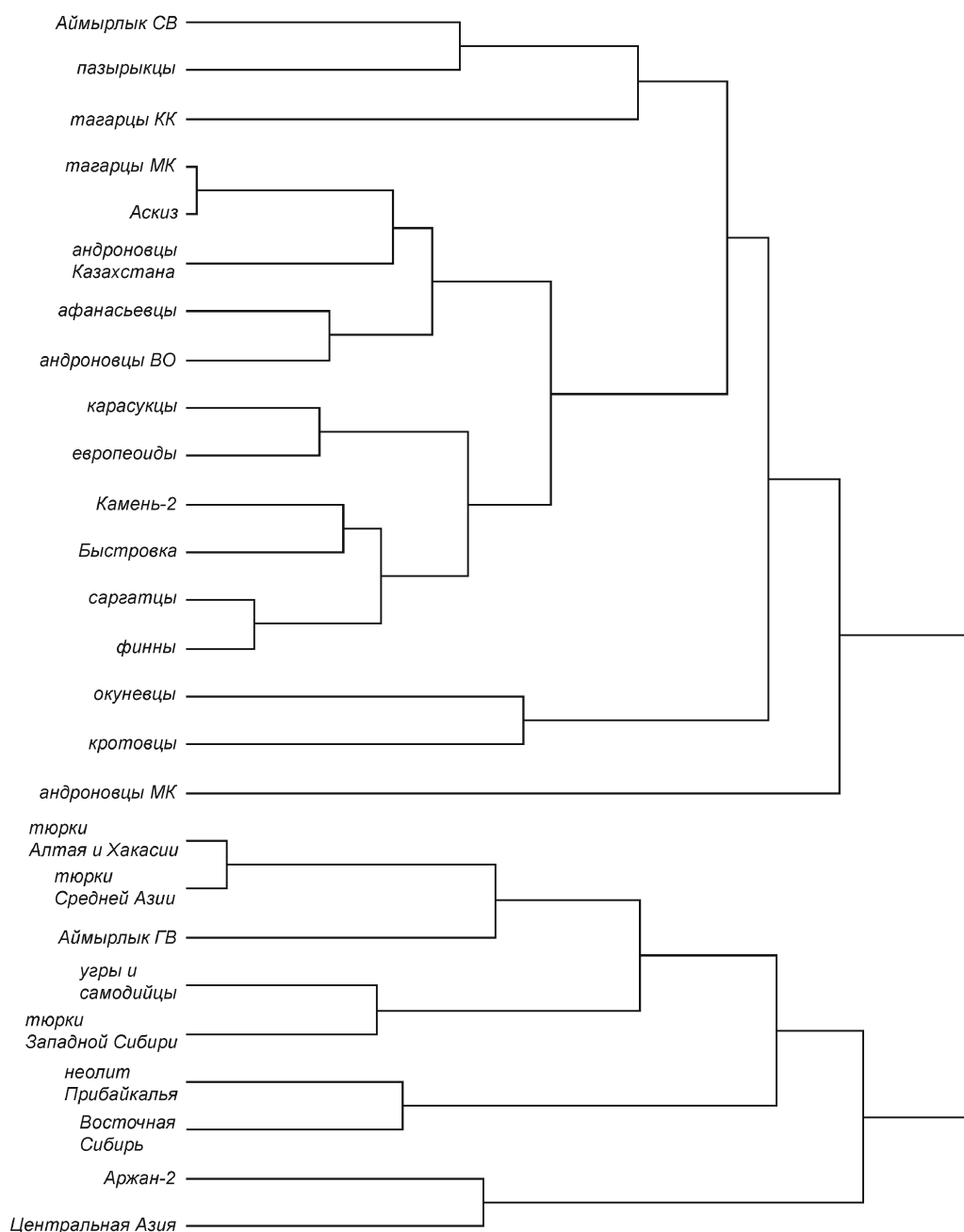

Рис. 4. Результаты кластеризации матрицы евклидовых расстояний.

центрально-азиатской монголоидной, что отражено в результатах анализа главных компонент и кластерного анализа (см. рис. 2–4). Ввиду малочисленности серии к интерпретации данного результата следует подходить осторожно, а поскольку Аржан-2 представляет собой полностью исследованный памятник, проверить полученный вывод можно будет лишь с помощью иных систем признаков.

Выраженная “восточная” тенденция также отмечена для группы скифского времени из Аймырлыка и носителей пазырыкской культуры. Однако проме-

жуточное положение этих серий не является веским основанием для признания их метисности, поскольку оно может быть следствием сохранения протоморфных черт. В этом случае следует ожидать, что среднее положение по признакам, разграничивающим европеоидов и монголоидов, будет сопровождаться “своеобразными” сочетаниями иных показателей; подобное характерно для уралоязычных популяций [Моисеев, 1999; Козинцев, 2004].

Именно такое специфическое сочетание признаков описывается II и IV ГК (18 и 14 % общей измен-

чивости соответственно, см. табл. 3). Оба вектора дифференцируют уральские группы от всех прочих. При этом II ГК почти полностью определяется одним признаком – ПГУ II, в дифференциации же групп вдоль IV ГК основную роль играют КВШ и НО (см. табл. 3). Третья ГК не несет сколько-нибудь значимой информации. Она отделяет тагарцев Кузнецкой котловины от всех остальных групп, причем на серию носителей тагарской культуры приходится около четверти общего размаха вектора. При исключении кузнецкой серии из анализа это направление изменчивости полностью исчезает, тогда как все остальные векторы сохраняют или даже усиливают свою значимость. Последнее справедливо, в частности, в отношении вектора, сходного с IV ГК в предыдущем анализе; теперь он становится третьим по значению. Исходя из этого, можно предположить, что в эволюционной истории тагарской популяции Кузнецкой котловины важную роль играли изоляция и связанные с ней стохастические факторы. Вместе с тем по уровню европеоидности эта группа не обнаруживает достоверных отличий от прочих тагарских серий (сборная серия из Минусинской котловины и серии из Аскиза).

Как уже отмечалось, для уралоязычных популяций характерно сочетание низких частот КВШ и высоких – ПГУ II. При достаточном числе краниоскопически “уральских” групп именно такая комбинация обычно определяет один из первых векторов. Для большинства же древних серий данное сочетание нехарактерно; этим и обусловлено отсутствие значимой межгрупповой корреляции между вышеуказанными признаками и, как следствие, выделение двух независимых направлений изменчивости, определяющихся КВШ и ПГУ II по отдельности.

Между тем уверенно говорить об “уральской” тенденции можно лишь при условии, что таковая проявляется по обоим этим признакам, как это наблюдается, в частности, не только у современных финно-угров и самодийцев, но и у тюркоязычных групп Западной Сибири, сложившихся в результате ассимиляции тюрками уралоязычного населения. Серия же из Аржана-2 и тагарская группа из Кузнецкой котловины, характеризуясь высокой частотой ПГУ II, проявляют “уральскую” тенденцию по II ГК, однако находятся на противоположном уральцам “полюсе” по IV ГК. Следовательно, говорить об их родстве с уральцами нет оснований. Аналогичная по сути, но противоположная по соотношению “уральской” тенденции по II и IV ГК ситуация фиксируется для серии кротовской культуры из могильника Сопка-2.

Что касается пазырыкцев, то они не проявляют сколько-либо заметного “уральского” сдвига ни по

одному из рассматриваемых векторов (см. рис. 2, 3). Поэтому если в состав носителей пазырыкской культуры и вошли какие-то самодийские или угорские группы (именно такой сценарий предлагается группой новосибирских генетиков на основании изучения остатков древней мтДНК [Воевода и др., 2003]), то по удельному весу они были, видимо, незначительны. Мнение о принадлежности носителей пазырыкской культуры к протосамодийцам [Молодин, 2003] не находит подтверждения в краниоскопических данных. Но это не закрывает тему участия протоморфных групп в происхождении пазырыкцев, поскольку уральцы представляют собой лишь один из примеров популяций, сохранивших в своем фенотипе протоморфные особенности (см., напр.: [Козинцев, 2004]). Есть веские основания полагать, что протоморфные группы, не обязательно сходные с уральцами и между собой, обитали на территории Сибири до эпохи бронзы. Существенная роль таких групп в сложении различных древних популяций признается сегодня большинством антропологов, работающих с материалами из Западной и Южной Сибири (см., напр.: [Чикишева, 2003, с. 100–103]).

Согласно результатам интеграционного анализа краниометрических и краниоскопических данных [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999; Козинцев, Громов, Моисеев, 2003], у ряда групп эпохи бронзы сохранились протоморфные признаки (см.: [Козинцев, 2004]). Среди серий, рассматриваемых в настоящей работе, такими чертами характеризуются представители окуневской и кротовской культур. Обе эти группы, демонстрируя выраженную краниоскопическую специфику, формируют один из “полюсов” II ГК, противоположный “уральскому полюсу” (см. рис. 2). Именно эта специфичность не позволяет интерпретировать их “восточный” сдвиг относительно других групп бронзового века как следствие процесса метисации европеоидных и монголоидных популяций, поскольку и европеоиды, и монголоиды характеризуются в основном нейтральными значениями данной ГК. Такие же нейтральные значения отмечены и для пазырыкцев. Поэтому, даже если в состав популяции пазырыкцев и вошел какой-то компонент, сохранивший протоморфные особенности, что, на мой взгляд, не исключено (на это может указывать относительно невысокая частота ПГУ II), его роль была не очень велика.

Ни одна из прочих серий скифского времени также не проявляет сколько-нибудь выраженного сдвига в сторону окуневцев и кротовцев. Это позволяет предположить, что именно в скифский период древние протоморфные группы автохтонного населения Южной Сибири окончательно растворились в среде численно преобладавших групп мигрантов, в основном западного происхождения. Таким об-

разом, основу пазырыкцев составили древние европеоидные группы Южной Сибири. Незначительные проявления “восточной” тенденции объясняются, скорее всего, небольшой монголоидной примесью, что ранее предположил Г.Ф. Дебец [1948]. Участие древних протоморфных групп в сложении пазырыкцев на данном этапе исследования достоверно не фиксируется.

В Западной Сибири ситуация была иной. Анализом выявлено устойчивое уклонение двух западно-сибирских серий скифского времени – серии большереченской (каменской) культуры из могильника Камень-2 и сборной серии из могильников саргатской культуры – в направлении уралоязычных групп по обоим векторам (II и IV ГК), маркирующим специфичность уральцев. Значимость данного результата в том, что он касается пока что единственных древних серий, демонстрирующих отчетливую “уральскую” тенденцию. По величине “уральского” сдвига обе серии превосходят сборную группу, составленную из близких к современности финноязычных популяций. Они наиболее близки по сумме показателей к данной сборной группе и к серии из могильника большереченской (каменской) культуры Быстровка (см. рис. 4). Все названные группы наряду с выраженным “уральским” сдвигом характеризуются достаточно высоким уровнем европеоидности.

Этого нельзя сказать о современных азиатских уральцах – уграх и самодийцах, которые занимают практически нейтральное положение на векторе, дифференцирующем европеоидов и монголоидов (I ГК) при одновременно более высоком уровне специфичности по II и IV ГК. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в состав обсуждаемых групп скифского времени наряду с “уральскими” вошли также древние европеоидные популяции. Предположение А.Н. Багашева [2000] о том, что источником европеоидного компонента в составе саргатцев были андроновцы (федоровцы), представляется вполне обоснованным. Результаты, свидетельствующие о присутствии древнеуральского компонента в составе саргатского населения, подтверждаются мнением ряда исследователей о принадлежности саргатской культуры протомадьярам [Могильников, 1983, 1994; Корякова, 1988].

Заключение

Проведенный анализ краниоскопических признаков позволяет определить основные направления межпопуляционных связей населения Западной и Южной Сибири в скифский период. Основу населения обеих территорий составили древние европеоидные популяции эпох энеолита и бронзы. К этому времени

была, вероятно, в основном закончена ассимиляция пришлыми европеоидными племенами автохтонного населения степной зоны, характеризовавшегося чертами протоморфности, которая была еще достаточно заметна у некоторых групп этой эпохи, в частности у носителей кротовской и окуневской культур.

О начале качественного изменения отношений между центрально-азиатскими группами и европеоидным населением степной зоны Сибири свидетельствует выраженный “восточный” сдвиг группы из Аржана-2. Подобный сдвиг для более раннего времени прослежен лишь у отдельных индивидуумов, а значит, миграционный процесс тогда еще не был массовым – речь могла идти об инфильтрации небольших монголоидных групп, которые полностью ассимилировались европеоидными популяциями. Уникальность краниоскопической характеристики серии из Аржана-2 показатель того, что коренного перелома в динамике взаимодействия древнеевропеоидных и монголоидных популяций в скифский период все же не произошло. Процесс массовой миграции монголоидных групп центрально-азиатского происхождения пришелся уже на последующий, гуннский, период.

В лесостепной зоне Западной Сибири в это время преобладало другое направление межпопуляционных связей. Здесь происходила ассимиляция численно преобладавшими европеоидными популяциями местного таежного населения, в краниоскопической характеристике которого прослеживаются черты сходства с современными угорскими и самодийскими группами.

Список литературы

- Багашев А.Н.** Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.
- Воевода М.И., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф., Ромашенко А.Г.** Палеогенетические исследования носителей культуры раннего железного века Горного Алтая (плоскогорье Укок) // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / Ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 121–147.
- Громов А.В.** Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура, искусство, антропология. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1997. – С. 294–300.
- Громов А.В., Моисеев В.Г.** Краниоскопия населения Западной и Южной Сибири: География и хронология // Расы и народы. – М.: Наука, 2004. – Т. 30. – С. 216–248.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с.

Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.

Козинцев А.Г. Кеты, уральцы, “американоиды”: Интеграция краниологических данных // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана / Ред. А.Г. Козинцев. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004. – С. 172–185.

Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г. Новые данные о сибирских “американоидах” // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3(15). – С. 149–154.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 241 с.

Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири / Ред. В.И. Матющенко. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – С. 77–89.

Могильников В.А. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финно-угроведение. – 1994. – № 1. – С. 61–68.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. – СПб.: Наука, 1999. – 133 с.

Моисеев В.Г. Опыт интеграции четырех систем антропологических признаков (краниометрии, краниоскопии, одонтологии и дерматоглифики) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез: К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана / Ред. А.Г. Козинцев. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004. – С. 186–200.

Моисеев В.Г. Этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / Ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 148–181.

Молодин В.И. Этногенез, этническая история и исторические судьбы носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Население горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / Ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 148–181.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / Ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 63–120.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 118–122.

Kozintsev A.G. Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. – 1992. – Vol. 43, N 3. – P. 213–244.

Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G. Collateral Relatives of American Indians Among the Bronze Age Populations of Siberia? // American J. of Physical Anthropology. – 1999. – Vol. 108. – P. 193–204.

Материал поступил в редколлегию 12.07.05 г.

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

РАИСА ПАВЛОВНА МИТУСОВА: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последние годы открываются неизвестные страницы жизни и творчества репрессированных этнографов и антропологов. К их числу относится Раиса Павловна Митусова [Китова, 1993, с. 70; 1999, с. 16–22; Карапетова, 1999, с. 229–231]. Она являлась одним из первых российских исследователей народов Тобольского Севера. До недавнего времени о личности и судьбе Митусовой было известно немного. Материалы, обнаруженные авторами в государственных архивах Архангельской (ГААО), Кемеровской (ГАКО), Свердловской (ГАСО), Томской (ГАТО), Новосибирской (ГАНО) областей, Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб.), отделе рукописей Государственного Русского музея (ОР ГРМ), архиве Российского этнографического музея (РЭМ) и архиве Научно-исследовательского центра (НИЦ) Санкт-Петербургского отделения общества “Мемориал”, позволили прояснить многие моменты биографии Р.П. Митусовой.

Раиса Павловна Кутепова, в замужестве Митусова, родилась 22 марта (9 марта по старому стилю) 1894 г. в г. Холмогоры Архангельской губ. в семье коллежского асессора Павла Александровича Кутепова. Сын священника, Павел Александрович в 1880 г. окончил Лисинское лесное училище и многие годы работал лесничим и землеустроителем сначала в Новгородской, а затем в Архангельской губерниях. В 1897 г. П.А. Кутепов участвовал в переписи населения, за что был отмечен правительственной наградой – бронзовой медалью. В 1903 г. он завершил свою служебную карьеру, уйдя в отставку с должности штатного контролера Архангельского окружного акцизного управления. Мать Раисы Павловны – новгородская дворянка Ольга Андреевна Тимофеева. В браке с П.А. Кутеповым она родила двоих дочерей – Раису и Александру. Семья Кутеповых была большой и дружной: Павел Александрович усыновил троих детей

Р.П. Митусова. 1929 г.
(Фототека РЭМ,
колл. № ИМ6-205).

Ольги Андреевны от первого брака с Константином Матвеевичем Тимофеевым – сыновей Александра, Бориса и Сергея – и дал им свою фамилию (ГААО. Ф. 51. Оп. 3. Т. 2. Д. 421. Л. 11–12об.). В 1899 г. Ольга Андреевна умерла. В это время старший приемный сын П.А. Кутепова – Александр, впоследствии прославленный генерал и один из руководителей Добровольческой белой армии, – окончил в Петербурге юнкерское училище. Младшие дети, в т.ч. Раиса, продолжили обучение в Архангельской гимназии. В 1911 г., по окончании шести классов Архангельской Марининской женской гимназии, Раиса Кутепова поступила в Осташковскую женскую гимназию. Здесь она закончила

седьмой и дополнительный восьмой классы с углубленным изучением русского языка и литературы и получила звание “домашняя учительница” (ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 226. Л. 28). После смерти отца, последовавшей в 1912 г., и окончания гимназии в июне 1913 г. Раиса Павловна переехала в Петербург и стала слушательницей Высших женских Бестужевских курсов (ОР ГРМ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 305. Л. 3–22; ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1465. Л. 33). Она была зачислена на физико-математический факультет по специальности “биология”. Учебу на Бестужевских курсах Раиса Павловна совмещала с работой в географическом кружке, являясь его председателем. По окончании обучения в 1918 г. она поступила на службу в Русское географическое общество. Здесь под руководством известного археолога и антрополога проф. Ф.К. Волкова Раиса Павловна занималась обработкой данных этнографических анкет, полученных в 1912–1915 гг. экспедициями, которые были организованы Комиссией по составлению этнографических карт России. Анкеты содержали подробную информацию о жилище, одежде и занятиях русского населения. По-видимому, работа с этими материалами во многом определила профессиональные интересы Раисы Павловны.

В 1918 г. Р.П. Кутепова выходит замуж за Степана Степановича Митусова. Вместе с мужем она покидает Петроград и уезжает в Архангельск, где в это время сосредотачиваются силы белого офицерства. С.С. Митусов, как офицер, принимает участие в военных действиях на Северном фронте в составе белогвардейских частей армии Е.К. Миллера. Вскоре С.С. Митусов, по-видимому, был убит; как отмечала Раиса Павловна в автобиографии, после 11 месяцев замужества она овдовела (ОР ГРМ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 305. Л. 3). О двух последующих годах жизни Митусовой известно только то, что с 1919 по 1920 г. она работала машинисткой и счетоводом на фабрике “Канаг” в Архангельске (Там же). Только в 1921 г. Р.П. Митусова решилась вернуться в Петроград. Здесь она поступила на геологическое (с “уклоном в антропологию”) отделение физико-математического факультета Петроградского университета. Одновременно Митусова работала в Российской академии истории материальной культуры. В университете ее преподавателем антропологии, сравнительной этнографии и этнографии Сибири был С.И. Руденко, а руководителем практических работ – С.А. Теплоухов (ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 226. Л. 41). Их пути пересекались неоднократно. С С.И. Руденко, ярким талантливым ученым, Митусова была знакома еще по совместной работе в Русском географическом обществе. Летом 1921 г. по приглашению С.И. Руденко она участвовала в антропологических и этнографических исследованиях на Южном Урале. В то время Сергей Иванович готовил к публикации монографию “Башкиры” и ему требовались некоторые уточнения и помощь в работе (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 89. Л. 71–72). Позже Митусова работала вместе с С.А. Теплоуховым в этнографическом отделе Русского музея, возглавляемом С.И. Руденко.

В 1922 г. Раиса Павловна в качестве “научного сотрудника по антропометрии” участвовала в Верхневолжской экспедиции Академии наук, руководимой Д.А. Золотарёвым. Она изучала карел и русских (пушкарей) в Весьегонском уезде Тверской губ. [Золотарёв, 1924, с. 14, 18]. Одаренный этнограф и антрополог Д.А. Золотарёв внес огромный вклад в исследование русского и финноязычного населения Северо-Западной и Центральной России. Он положил начало планомерному и систематическому изучению этих регионов. Участники экспедиций, длившихся по три-четыре месяца, собирали этнографические сведения, а также проводили антропометрические измерения, изучали фольклор и диалектные особенности языка русских и карел. В те годы школу золотарёвских экспедиций прошли многие исследователи, ставшие позже известными, среди них: М.И. Артамонов, М.П. Грязнов, Н.П. Гринкова, Н.Ф. Прыткова, Н.И. Гаген-Торн и др. Работа с

Ф.К. Волковым, Д.А. Золотарёвым и С.И. Руденко во многом помогла Р.П. Митусовой сформироваться как этнографу.

Две последующие экспедиции (1923, 1924–1925 гг.) в малоисследованные районы Западной Сибири Раиса Павловна проводила уже самостоятельно по поручению этнографического отдела Русского музея, Российской Академии истории материальной культуры, Комитета по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) и Уральской областной плановой комиссии (Уралплан).

В 20-е гг. XX в. – период, предшествовавший социальным преобразованиям на Севере, – началось планомерное и комплексное исследование культуры северных народов, их традиционной системы расселения и землепользования, состояния промыслов. Этими вопросами занимался КИПС, созданный при Академии наук, и Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК СССР (Комитет Севера). Для всестороннего изучения культуры северных народов привлекались в первую очередь этнографы. Одним из таких специалистов была Р.П. Митусова. Она стала первым этнографом, исследовавшим обширный регион от низовьев Надыма до верховьев Тромагана, Агана и Пура, где тесно соприкасались культуры трех народов – хантов, селькупов, лесных и тундровых ненцев.

Изыскания на Севере были сопряжены со многими трудностями. Экспедиции Р.П. Митусовой проходили в тяжелейших условиях на территории, слабо изученной географически, среди населения, о котором мало, что было известно. Объектом ее первой экспедиции были аганские ханты. В письме к заведующему этнографическим отделом Русского музея Б. Крыжановскому Раиса Павловна сообщала: “Остяки реки Аган являются до сих пор мало изученными: из русских Аган посетил в 1900 г. Дунин-Горкавич, проехавший зимним путем для географического исследования края, да в работе Сирелиуса есть ссылки на остяков с р. Агана. Мало тронутый русской культурой быт аганских остяков вызывает большой интерес...”. По данным Р.П. Митусовой, в то время насчитывалось 230 аганских хантов. “...Эти остяки, зверолово-оленоводы по преимуществу, отчасти оленеводы... оленеводство развито у верхних остяков, нижеаганские содержат 2–10 оленей для передвижения, – отмечала исследовательница. – Жилища крайне разнообразны: от бревенчатого сруба до землянки и чума”. Официально аганские ханты считались крещеными, однако все они придерживались традиционных верований. “Шаманство развито, почти в каждом юрте имеется свой шаман. Любопытен медвежий праздник, на котором мне пришлось присутствовать лишь одну ночь и записать только 21 сцену” (Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–2).

В 1924–1925 гг. Раиса Павловна продолжила работу на Тобольском Севере, где провела 11 месяцев. Маршрут экспедиции складывался следующим образом. Из Сургута, куда Митусова прибыла 15 августа 1924 г., она отправилась к хантам на р. Аган, где в общей сложности находилась до конца сентября, выезжая только на несколько дней к варьёганским лесным ненцам. В октябре она была уже у лесных ненцев на р. Каван-яун и оттуда через месяц отправилась на р. Пур, где кочевала с лесными ненцами до середины января. Далее ее маршрут пролегал на р. Таз к селькупам. В первых числах февраля Раиса Павловна прибывает на зимовку в пос. Хальмерседе, а затем через населенные пункты Нори и Хэ следует в г. Обдорск (ныне г. Салехард). Из Обдорска через Берёзово, Тобольск и Самарово она возвращается в Сургут [Из жизни Общества..., 1925, с. 35]. Таким образом, часть времени Р.П. Митусова посвятила изучению аганских хантов, тазовских селькупов и тундровых ненцев, живших в районе Тазовской губы, но основной этап экспедиции был связан с исследованием культуры лесных ненцев, населявших верхние притоки Агана и бассейн Пура.

На Агане, Пуре и их притоках исследовательницей были зафиксированы 693 чел., проживавших в 97 чумах, в т.ч. 380 детей до 15-летнего возраста (ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 183. Л. 30). Лесные ненцы до начала XX в. оставались практически вне поля зрения ученых. Они в полной мере сохраняли свою этническую специфику, поскольку районы их расселения были труднодоступны, с низкой плотностью населения. Р.П. Митусова писала: “Даже прежние русские торговцы почти не посещали этот край. По р. Тром-Юган русские торговцы в летнее время доезжали (очень редко) лишь до первых юрт, предпочитая торговать с остяками и самоедами зимой в Сургутскую ярмарку. Лишь зимняя дорога от озера Пякот-то через юрты Ермаковы на р. Тром-Юган оживляется проезжающими русскими торговцами из Тазовской Губы в Сургут” [1927, с. 66]. Практически всю свою тяжелейшую экспедицию Р.П. Митусова, кочуя из чума в чум, провела одна. Иногда, если ночь заставляла в пути, ей приходилось ночевать прямо в снегу. “Постелили мой брезент на снег, положили на него оленьи шубы. Я улеглась прямо в одежде, меня сверху закрыли шубами, собранными мною для музея, а затем... засыпали снегом. Попросила только не закрывать голову... как-то неприятно думать, что будешь совсем зарыта” [1929, № 15, с. 8]. В то время среди лесных ненцев и аганских хантов почти не было людей, владевших русским языком, а многие вообще впервые видели русских. Раиса Павловна самостоятельно выучила ненецкий и хантыйский языки и могла изъясняться на них. Ей приходилось не только заниматься исследованиями,

но и оказывать первую медицинскую помощь. Будучи человеком тактичным, интеллигентным и неприхотливым в быту, Митусова пользовалась уважением и доверием у местного населения. Однако ей довелось пережить не одну неприятную минуту. Раиса Павловна описывала, как на Варьёгане во время шаманского камлания, “схватив бубен и вскидывая его кверху, шаман начал плясать передо мной, прыгая и кланяясь. ...С нервно подергивающимся лицом, с перекошенным ртом... мокрый и трясущийся Паята был страшен. ...Вот прополз по моей постели, вокруг меня, обхватил мою голову, приложился к ней ухом и тяжело с хрипом дышит. Я замерла, не шевелюсь” [Там же, № 11, с. 11–12]. Однако все закончилось благополучно для смелой исследовательницы. Как ей позже передали, шаман узнал от духов, что она “большой лекарь”, “большой начальник” и “злой дух (черт) ее боится”.

В ходе экспедиций Р.П. Митусовой был собран обширный этнографический материал по культуре аганских хантов, лесных ненцев и тазовских селькупов, проведены антропометрические измерения хантов и лесных ненцев. Всего было обследовано 512 чел. [Митусова, 1926, с. 80].

В 1925 г. Раиса Павловна была принята в штат этнографического отдела Русского музея помощником хранителя. Ее работа получила высокую оценку у коллег. В документах совета этнографического отдела имеется запись: “Заслушано сообщение о возвращении Р.П. Митусовой из длительного и трудного путешествия в Западную Сибирь для этнологических работ среди аганских остяков и самоедов. В этом путешествии, продолжавшемся свыше 9 месяцев, Р.П. Митусовой, несмотря на исключительно трудные условия... удалось собрать весьма богатый и ценный материал и значительно дополнить собрание этнографического отдела” (Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. С. 10).

Тщательность, с которой Р.П. Митусова изучала культуру этих народов, нашла отражение в собранных ею материалах. Коллекции, привезенные в этнографический отдел Русского музея, насчитывают свыше 700 ед. хранения. Небольшая часть материалов была оставлена исследовательницей в Тобольском, Екатеринбургском и Тюменском краеведческих музеях, где они находятся и сегодня [Карапетова, 1987, с. 30–34; 1999, с. 229–231; Томилов, 2000, с. 131]. Коллекции, хранящиеся в Российском этнографическом музее*, хорошо аннотированы, содержат сведения по терминологии, о способе бытования вещей. Значительную

* В 1934 г. этнографический отдел, существовавший в составе Русского музея, был преобразован в самостоятельное учреждение – Государственный музей этнографии (с 1994 г. – Российский этнографический музей).

часть собранных Митусовой материалов составляют орудия охоты, дающие представление и об объектах охоты, и о методах добычи зверя. Довольно полно отражена утварь. В коллекции, относящейся к лесным ненцам, имеются в основном изделия из меха и дерева. Большим многообразием отличается хантыйское собрание. Оно включает деревянную посуду, разнообразную по форме и назначению утварь из бересты, пихтового луба и расщепленного кедрового корня. Заслуживает внимания коллекция хантыйской и ненецкой мужской, женской и детской одежды. Уникальная часть собрания – комплекс предметов, использовавшихся на медвежьем празднике у аганских хантов: берестяная маска, бирка для подсчета песен на медвежьем празднике, на гранях которой ставились зарубки по числу исполненных в честь медведя песен, а также сделанные из теста изображения оленей – их ставили перед медведем на празднике. Коллекция включает предметы культа, приобретенные у лесных ненцев и хантов. У лесных ненцев Р.П. Митусовой удалось собрать коллекцию игрушек и головоломок – пий копсу (букв. деревянная загадка), – над которыми любили поразмыслить не только маленькие дети, но и подростки. Среди селькупских материалов, насчитывающих ок. 30 предметов, особый интерес вызывают мужские сумочки для хранения спичек, декорированные вышивкой, которая выполнена подшейным волосом оленя, а также женские игольницы, украшенные бисером, и мужская меховая одежда.

В ходе экспедиций 1923, 1924–1925 гг. Р.П. Митусовой был сделан 31 снимок [Митусова, 1926, с. 80]. Однако эти фотографии не были зарегистрированы и долгое время считались утраченными. Часть их была обнаружена одним из авторов статьи в архиве отдела Сибири, описана и сдана в фототеку РЭМ. Несмотря на плохое качество, фотографии представляют значительный научный интерес. На них запечатлены жертвоприношение оленей, священная нарта, жилища хантов и ненцев и сами местные жители (Фототека РЭМ, кол. № 10475–10477).

Будучи штатным сотрудником музея, Р.П. Митусова по приглашению Комитета Севера в 1926 г. направляется в совершенно не изученный специалистами Надымский р-н (реки Тромаган и Надым) “для этнографических и антропологических исследований края и выяснения его колонизационных возможностей” [Митусова, 1927, с. 66]. В состав экспедиции, кроме Раисы Павловны, входили топограф А.А. Нагель, прикомандированный для маршрутной съемки, и ветеринарный врач М.И. Березин, который должен был заниматься изучением оленеводства. За три летних месяца экспедиции удалось пройти на облаках (лодки-долбленки) и пешком от низовьев Тромагана через его приток Нятлонга ягун и притоки Надыма к низовьям Надыма.

В декабре 1926 г. Уральским областным комитетом Севера и Уральским статистическим управлением Р.П. Митусовой было предложено участвовать во Всероссийской переписи населения. В письме к руководству Русского музея говорилось: “Р.П. Митусова направляется в наиболее далекий и наименее известный в отношении нац. состава участок переписи Тобольского Севера (имеется в виду Тазовский участок. – **И.К., Л.К.**). Ближайшие районы к этому участку т. Митусова уже посетила за последние 3 года и пользуется там полным доверием туземцев... вероятно, лучшего работника в этот район, где в первый раз проводится культурная работа... Уралстатуправлению сейчас не найти” (Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140. Л. 10). Однако, когда Раиса Павловна прибыла на место, ей был предложен маршрут, в значительной степени повторявший путь ее последней экспедиции. Она должна была проехать от устья Надыма к его верховьям до оз. Нум-то, где в то время проживали преимущественно лесные ненцы, и встретиться с переписным отрядом Н.А. Котовшиковой, работавшим на р. Полуй [Хомич, 2002, с. 129–130]. Встреча эта не состоялась. Митусова из-за болезни не смогла выехать в тундру, и ее работа по переписи проходила главным образом в низовьях Надыма, в окрестностях поселков Нори и Хэ (ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 18. С. 5).

В 1928 г. Р.П. Митусова отправилась на Западный Тянь-Шань, в Киргизскую АССР, в экспедицию, организованную АН СССР. Это была ее последняя этнографическая поездка.

В 1928–1929 гг. Раиса Павловна занималась регистрацией привезенных коллекций, вела занятия на этнографическом отделении Воскресного рабочего университета, организованного при Русском музее, часто читала лекции. В 1930 г. по приглашению “Союзкино” Р.П. Митусова в качестве автора и консультанта принимала участие в создании научного фильма “Остяки реки Аган”.

К сожалению, Раиса Павловна не успела обработать собранный ею обширный фактический материал. Все оборвалось внезапно. В декабре 1930 г. Раису Павловну Митусову арестовали. На ее судьбу трагически повлияло родство с генералом А.П. Кутеповым и, видимо, знакомство с С.И. Руденко, который был арестован 5 августа 1930 г. Известный ученый проходил по делу т.н. контрреволюционной монархической организации академиков С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и др. “Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России” [Тишкин, Шмидт, 2004, с. 22]. Имя Раисы Павловны упоминается в протоколах допросов С.И. Руденко: “Моими ближайшими сотрудниками в Русском музее являются... Митусова Раиса Павловна, жена погибшего б.б. (бывшего белого. – **И.К., Л.К.**) офицера армии

Миллера, сестра ген. Кутепова...” [Жизненный путь..., 2004, прил., с. 130].

По сфабрикованному делу Р.П. Митусову обвинили в связях с членами контрреволюционной кадетско-монархической организации, через которую она якобы получала сведения о своем брате А.П. Кутепове и “вместе с другими обвиняемыми группировала вокруг себя антисоветский элемент” (Архивная справка Управления ФСК РФ от 22 апреля 1994 г. – Архив НИЦ СПб. “Мемориал”). А.П. Кутепов, являвшийся одним из организаторов и первым председателем антисоветского “Русского Общевоинского союза”, 26 января 1930 г. в Париже был похищен сотрудниками ОГПУ и умер в трюме корабля, который должен был доставить его в Новороссийск. Два брата Раисы Павловны (Сергей, окончивший экономический факультет Петербургского университета, и Борис, принявший священство) также пострадали “за фамилию” [Телетова, 1998, с. 129; Кирова, 2003, с. 68–71].

25 апреля 1931 г. постановлением выездной сессии коллегии ОГПУ Раиса Павловна была приговорена к ссылке в Западно-Сибирский край сроком на три года. В мае 1931 г. ее направили на поселение в Томскую обл. После отбывания срока ссылки Митусова в 1935 г. переехала в г. Кемерово. Город она выбрала, видимо, не случайно – здесь в это время проживал с семьей ее брат Сергей Павлович Кутепов. В Кемерово он приехал в 1928 г. после окончания срока ссылки в Нарымском крае и работал бухгалтером в аптеке.

25 июля 1935 г. Раиса Павловна была назначена директором Кемеровского краеведческого музея. Впервые музей возглавлял профессионал такого высокого уровня.

1930-е гг. – сложный период в истории музейного дела. Музеи перепрофилировались, экспозиции унифицировались, старое направление работы было признано слишком академичным, “кунсткамерным”, не отвечающим задачам нового времени. В этой связи Западно-Сибирское бюро краеведения настоятельно рекомендовало молодому Кемеровскому краеведческому музею изменить свой профиль на политехнический (ГАКО. Ф. Р-1088, Оп. 1. Д. 5. Л. 27). 28 января 1935 г. последовало соответствующее постановление музейного отдела Наркомата просвещения, согласно которому до 15 августа 1935 г. необходимо было провести реконструкцию музея, оформить новый отдел социалистического строительства и изъять все вещи, не представляющие музейной ценности (ГАНУ. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1465. Л. 14). Перед Р.П. Митусовой стояли сложные задачи: предстояло срочно провести инвентаризацию музейных экспонатов (пожар 1929 г. в музее уничтожил большую часть документации), разработать новый план экспозиции, пополнить фонды недостающими экспонатами и самое главное – со-

здать эту экспозицию. Р.П. Митусова вела всю научно-исследовательскую работу в музее, т.к. его штат состоял из директора, сотрудника и уборщицы. Всего за три месяца ей вместе с сотрудником С.Ф. Ивановым удалось подготовить новую экспозицию по социалистическому строительству и провести инвентаризацию экспонатов (ГАКО. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–58).

В начале 1936 г. Р.П. Митусова занималась описанием коллекций, привлекая для этого специалистов в области химии и геологии, посещала новосибирские архивы и библиотеки для сбора материалов по истории Верхнетомского острога и по революционному прошлому Кузбасса. Она активно привлекала к работе школьников, создала клуб друзей музея. В 1935–1936 гг. Раисой Павловной были организованы геологические походы школьников для пополнения коллекций музея. Одновременно дети собирали гербарии для создания профилей флоры края. Во время похода были сделаны копии петроглифов у д. Писанной. Летом 1936 г. по рекомендации краевого отдела народного образования Р.П. Митусова организовала и возглавила краеведческий поход по местам боев в 1918 г. красноармейского отряда под руководством Петра Сухова. Ею была подготовлена выставка материалов, собранных в ходе краеведческого похода им. X съезда комсомола (Там же. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 5; ГАНУ. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1465). Активные антрополого-этнографические исследования Митусовой петроградско-ленинградского периода жизни сменились организацией краеведческих походов.

Деятельность Раисы Павловны во многом носила просветительский характер. Митусова проводила экскурсии, организовывала краеведческие походы, создала кружок юных географов. В 1935 г. городской отдел народного образования назначил ее руководителем секции учителей-географов. Руководство секцией превратилось в преподавательскую работу: Раиса Павловна читала лекции по географии, геологии, ботанике. Р.П. Митусова занималась пополнением библиотеки музея, обращалась в Русский музей с просьбой помочь литературой. В начале 1936 г. сотрудники Русского музея выслали необходимые книги и журналы.

Чиновники на всех уровнях следили за благонадежностью граждан, особенно это касалось руководящих работников любых рангов. В июне 1936 г. политпрос краевого отдела народного образования уведомил Р.П. Митусову о том, что в связи с пересмотром состава директоров музеев ей необходимо представить документы (ГАКО. Ф. Р-1088. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–16). 25 декабря 1936 г. президиум Кемеровского городского Совета оценил деятельность городского музея как слабую ввиду “фактического

отсутствия историко-революционного отдела” и отсутствия иллюстраций “по технологии и производственным процессам хозяйственных организаций”. Р.П. Митусова была освобождена от обязанностей директора и переведена в научные сотрудники музея. В отчете за IV квартал 1936 г. она писала: “Вполне поддерживаю постановление горсовета, так как во главе музея должен стоять партийный работник, и пока остаюсь научным работником музея” (цит. по: [Выдрина, 1999, с. 62–63]).

26 марта 1937 г. Сергей Павлович Кутепов и 4 июня 1937 г. Раиса Павловна Митусова были арестованы. Они проходили по одному и тому же делу, сфабрикованному органами НКВД. С.П. Кутепова обвинили в создании на территории СССР по прямому заданию его родного брата – генерала А.П. Кутепова контрреволюционной организации “Русский Общевоинский союз” (РОВС). Р.П. Митусову “изобличили” в активном членстве в РОВС. Сергею Павловичу и Раисе Павловне инкриминировалось проведение шпионско-диверсионной и террористической деятельности, подготовка контрреволюционных, повстанческих кадров для вооруженной борьбы с советской властью и восстановления капиталистического строя в СССР (Архив УФСБ КО. Д. 124. Л. 193). В мае 1937 г. С.П. Кутепов был переведен из Кемеровского городского отдела НКВД в распоряжение следователей Новосибирского областного управления НКВД. Сергей Павлович не признал ни одного из предъявленных ему обвинений и покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна здания УНКВД. 2 октября 1939 г. уголовное дело в отношении его было прекращено со странной формулировкой: Кутепов органами следствия “не установлен” (цит. по: [Исмагилов, 2003, с. 253]). Р.П. Митусова обвинялась по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР и содержалась под стражей при доме предварительного заключения УНКВД по Западно-Сибирскому краю (Архив УФСБ КО. Д. 124. Л. 6). Затем ее перевели в Новосибирск. 7 декабря 1937 г. “тройкой” НКВД Новосибирской обл. Раиса Павловна Митусова была приговорена по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 9 декабря 1937 г. в Новосибирске. Р.П. Митусова реабилитирована 12 марта 1957 г. “за отсутствием состава преступления” (Архив НИЦ СПб. “Мемориал”).

Так трагически закончилась жизнь талантливого исследователя, незаурядной и мужественной женщины Раисы Павловны Митусовой. Ей не удалось до конца реализовать себя. Пропали все ценнейшие дневниковые записи исследовательницы, но сохранились собранные ею уникальные коллекции, ее статьи и память о ней. В 1981 г. одному из авторов этой статьи в ходе экспедиции у пуровских лесных

ненцев удалось встретить стариков, которые помнили Р.П. Митусову; они рассказали, что в ее честь несколько девочек было названо именем Раиса.

Опубликованные статьи Р.П. Митусовой

Материалы по бюджетам крестьянских самодийских и остяцких хозяйств // Статистика Урала. – Сер. 5. – 1925. – Т. 1. – С. 104–137, 170–171.

Аганские остяки (антрополого-статистический очерк) // Урал. – 1926. – Вып. 8. – С. 1–5.

Медвежий праздник у аганских остяков Сургутского р. Тобольского округа // Тобольский край. – 1926. – № 1. – С. 11–14.

Поездка на Обско-Тазовский водораздел // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. – Л.: Гос. Русский музей, 1926. – С. 79–81.

На далеком Севере (Экспедиция в Надымский край и на р. Том-юган.) // Урал. краеведение. – 1927. – Вып. 1. – С. 66–69.

К антропологии лесных самоедов // Тр. Третьего Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов. – Л., 1928. – С. 340–341.

Год среди лесного народа // Вокруг света. – 1929. – № 9. – С. 6–9; № 11. – С. 10–13; № 12. – С. 14–17; № 14. – С. 13–15; № 15. – С. 6–8.

Список литературы

Выдрина О.В. К истории создания Кемеровского областного краеведческого музея // Новосиб. архив. вестн. – 1999. – № 2. – С. 58–63.

Золотарёв Д.А. Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях. Предварительный отчет о работе 1922 г. // Изв. Рос. Академии истории материальной культуры. – 1924. – Т. 3. – С. 1–32.

Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 148 с.

Из жизни Общества изучения Тобольского края при музее Тоб. Севера. Возвращение этнографа Р.П. Митусовой с Тоб. Севера // Наш край. – 1925. – № 4 (8). – С. 35–36.

Исмагилов А.Н. Кузбасская страница истории дела “РОВС” // История Белой Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 252–253.

Карапетова И.А. Коллекции по лесным ненцам в собрании Государственного музея этнографии народов СССР // Проблемы этнографического музееведения. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. – С. 30–34.

Карапетова И.А. Коллекция Р.П. Митусовой по аганским хантам в собрании РЭМ // Обские угры: Материалы II Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск, 1999. – С. 229–231.

Карапетова И.А. Р.П. Митусова – исследователь культуры народов Западной Сибири // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии. –

Ханты-Мансийск: Гос. унитарное издат. предприятие “Полиграфист”, 2003. – С. 74–80.

Китова Л.Ю. Из истории развития краеведения в Сибири в 1920–1930 годы // Современные проблемы исторического краеведения. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – С. 68–70.

Китова Л.Ю. Из истории создания Кемеровского краеведческого музея (1920–1930-е гг.) // Разыскания: Историко-краеведческий альманах. – Кемерово: Никалс, 1999. – № 5. – С. 11–22.

Китова Л.Ю. Неизвестные страницы биографии Р.П. Митусовой и ее семьи // III Балибаловские чтения: Материалы науч. практич. конф., посвящ. 85-летию г. Кемерово. – Кемерово, 2003. – С. 68–71.

Митусова Р.П. Поездка на Обско-Тазовский водораздел // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. – Л.: Гос. Русский музей, 1926. – С. 79–81.

Митусова Р.П. На далеком Севере // Урал. краеведение. – Свердловск: Урал. обл. бюро краеведения, 1927. – Вып. 1. – С. 66–69.

Митусова Р.П. Год среди лесного народа // Вокруг света. – 1929. – № 9. – С. 6–9; № 11. – С. 10–13; № 12. – С. 14–17; № 14. – С. 13–15; № 15. – С. 6–8.

Телетова Н.К. “Дело лицестов” 1925 г. // Звезда. – 1998. – № 6. – С. 115–131.

Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Годы репрессий в жизни С.И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 22–29.

Томилов Н.А. Тюменский областной краеведческий музей и его этнографические работы // Этногр. обозрение. – 2000. – № 1. – С. 129–139.

Хомич Л.В. Н.А. Котовщикова – исследователь культуры и быта ненцев // Этническое единство и специфика культур: Материалы первых Санкт-Петербург. этногр. чтений. – СПб., 2002. – С. 127–131.

И.А. Карапетова¹, Л.Ю. Китова²

¹Российский этнографический музей
ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, 191011, Россия

E-mail: ethnomus@sopos.spb.ru

²Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия

E-mail: archaeology@kemsu.ru

АО – Археологические открытия

БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода

ВНИГРИ – Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт

ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт

ГИН – Геологический институт РАН

ЗИН – Зоологический институт РАН

ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН

ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН

ИИФФ – Институт истории, филологии и философии СО РАН

ИПОС – Институт проблем освоения Севера СО РАН

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАЭ РАН – Музей археологии и этнографии РАН

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НИЦ ОИГТМ СО РАН – Научно-издательский центр Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН

ОИГТМ – Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии СО РАН

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СНИИГГиМС – Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР

Хак НИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории